А.Г. Дугин

Логос и Мифос

Технологии социологии

Академический проект

УДК 316.3/.4
ББК 60.5
Д 80

Печатается по решению кафедры Социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Рецензенты:
д.ф.н. *В.Г. Кузнецов,*
д.ф.н. *Ф.И. Гиренок*

Дугин А.Г.

Д 80 Логос и мифос. Социология глубин. — М.: Академический Проект; Трикста, 2010. — 364 с. — (Технологии социологии).

ISBN 978-5-8291-1214-1 (Академический Проект)
ISBN 978-5-904954-01-7 (Трикста)

Книга создана на основании спецкурса автора. Излагаются принципы «социологии глубин» (Ж. Дюран), основанные на изучении общества параллельно на двух «этажах» — на уровне рациональном («коллективное сознание» — Э. Дюркгейм) и на уровне иррациональном («коллективное бессознательное» — К.Г. Юнг). Описываются понятия «социального логоса» и «социального мифоса». Принципы «социологии глубин» применяются к изучению регионоведческих и социологических проблем Кавказа, а также для исследования российской идентичности и ее исторической трансформации в зависимости от перехода от одного типа общества к другому. Все разделы снабжены контрольными вопросами.

Исследования проведены с использованием методологии «социологии воображения», основанной на наложении друг на друга пластов «социального логоса» и «социальных мифов», что позволяет углубленно анализировать социальные процессы и закономерности современной России.

Автор: кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор социологического факультета МГУ, и.о. заведующего кафедрой Социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

УДК 316.3/.4
ББК 60.5

ISBN 978-5-8291-1214-1
ISBN 978-5-904954-01-7

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В РЕГИОНОВЕДЕНИИ

Раздел 1. Глубинное регионоведение. Структурная социология (социология глубин) как метод...............*11*

Глубинное регионоведение. Определение метода. Метод в регионоведении — Релятивизация мифа о прогрессе — Измерение глубины и работа сновидений — Открытие коллективного бессознательного — Циклическое время и время линейное — Толкование культуры через сны — Синхронизм двухэтажной топики — Думать после Аушвица — Сновидение наяву — Советский период как правление мифа — «Третье царство» Иоахима де Флоры — Пример действенности социологии глубин — Логос и мифос — Имажинэр — Индивидуация и множество «я» — Имажинэр и смерть — Режимы и группы имажинэра — Режимы и вызов времени/смерти — Героический миф (диурн) — Катаморфизм и асцензиональность — Иерархия и битва с чудовищем — Ноктюрн: режим эвфемизма — Мистический ноктюрн — Мифы мистического ноктюрна: Великая Мать — Драматический режим ноктюрна — Архетипы и рефлексы — Постуральный рефлекс — Дигестивный рефлекс — Копулятивный рефлекс

Раздел 2. Режимы воображения, логос и этносы.........*43*

Асимметрия между диурном и ноктюрном — Антифраза и уменьшительность — Бездна и чаша — Болезнь — это здоровье — Стокгольм-

ский синдром — Воинский диурн: укрепление «я»/разделение мира Материнский ноктюрн: рассеивание «я»/склеивание мира — Архетипы и анатомический пол — Феминоиды и мускулиноиды — Параноики и маньяки диурна — Ноктюрн и шизофрения — Три кита социологии глубин — Структура логоса — Дуалистический диурн в иранской религии — Диурн и индоевропейцы — История и география русского имажинэра — Хтонические и теллурические культуры по Лео Фробениусу — Русское: в знаменателе женственность — Сербская Швеция — Русские как глишроидный тип — Гетеротелия — Русские сны — Русь и славяне, элиты и массы — Русь (диурн) и славяне (ноктюрн) — Монгольский логос в русской истории — Логос как европеизация — Социализм и сны — Конец советской власти: мифоаналитическое объяснение

Раздел 3. Логос и миф в русской истории. Солнечный тип казачества..81

Национал-большевизм как социологический метод — 1990-е годы: новое заимствование логоса — Фашизм и антифашизм в западной культуре — Заимствование постмодернистского логоса — Путинские реформы с позиции социологии глубин — Мировой кризис и конец постмодернистского логоса — Национальная идея и социальный логос — Место русского этноса центрально — «Хорошо сидим», или Работа сновидений — Режимы бессознательного и этносы России — Казачество в социологии глубин — Казаки и степи — Казаки и логос — Роль казачества в интеграции Северного Кавказа — Значение большого логоса для страны — Национальное государство и его логос — Логос федерализма и логос империи — Кавказ и империя — План Чубайса: приватизация Кавказа — Иерархия логосов (от федерального к локальному) — Нартский эпос и его социологическое значение — Какие народы являются носителями нартского эпоса? — Нартский цикл как кавказский код — Споры о нартах: социологическое значение — Оказачивание русских — Нигилизм и потенциал воображения — Мифология казачества — Восстание локальных логосов

Раздел 4. Социология религии и проблемы Кавказа...123

Проблемы с логосом — Православие: логос и режимы бессознательного — Бессознательное православие — Научный логос как антихристианское явление — Оценка христианством эпохи модерна — Социологические аспекты симфонии властей — Социология католичества — Протестантская социология — Нормативные свойства христианского логоса: влияние на общество и экономику — Трактовки

церкви в разных христианских конфессиях — Различие секуляризационных моделей христианских обществ — Социологические взгляды нового Патриарха Московского и всея Руси Кирилла — Наступление церкви на общество — Христианские заповеди — Оппозиция православному логосу — Структура традиционного ислама: еще одна дробь — Ваххабизм и исламский логос — Этномифологические различия и суфизм — Ваххабизм и традиционный ислам в Чечне — Неизбежные трения между православием и ваххабизмом — Православный логос и ислам на новом историческом витке — Евразийский проект

Раздел 5. Основы геополитики и Кавказ..................*157*

Что такое геополитика? — Теллурократия и талассократия — Отцы-основатели геополитики — Как различаются талассократия и теллурократия по Шмитту? — Бегемот и Левиафан — Без Суши и Моря нет геополитики — Зависимость геополитических исследований от позиции автора — Карфаген должен быть разрушен — Россия и Англия (США) — Хартленд — Евразия — Римленд — Кто контролирует Евразию, тот контролирует весь мир — Прорыв к теплым морям — Первая и Вторая мировые войны: Россия и Германия — Ось Берлин-Москва-Токио — Геополитика красных и белых — «Холодная война» — Что такое перестройка? — Распад СССР — Угроза распада России: появление Путина — Хартленд выходит за свои границы — Евразийский союз — Многополярный мир — Активная и реактивная геополитика — Кавказ в геополитической системе координат — Шпионские сети на Кавказе — Перспективы регионоведения

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Раздел 1. Социокультурная метрика: постмодерн (его связь с модерном, его особенности)..................*191*

Кризис образа — Объективность метрики — Дефиниции постмодерна — Модерн, который мы стремительно теряем — Постмодернизм и постмодерн — Постмодерн не может не наступить — В битве за наследие модерна победил либерализм — Победа свободы — Чукча-скинхед и симулякр фашизма — Архаика в СССР — Правильная история модерна — Гегель и включенное третье — Иоахимизм — Индивидуум освобождается — Природа перехода от победившего либерализма к постмодерну — Свобода есть полюс однополярного мира — Нас создали

свободными — Ничто и неудобный вопрос — Отступление о русской неясности — Возвращение к вопросу о последнем освобождении индивидуума — Концлагерь в себе — Ризома — Ризома в политике — Постчеловек уже здесь — Кризис и новый порядок деривативов — «Монстр спасает негритят» — Освобожденное ничто — Метафизическая революция, которая, скорее всего, не состоится (М. Хайдеггер)

Раздел 2. Дефиниции консерватизма. Актуальность консерватизма в современной России 225

Мы в постмодерне — Полюс свободы и свобода выбора телеканалов — Парадоксы свободы — Консерватизм как отвержение логики истории — Фундаментальный консерватизм: традиционализм — Фундаменталконсерваторы в наше время — Консерватизм статус-кво — либеральный консерватизм — Бен Ладен как знак — Симулякр Че Гевары — Консервативная революция — Консерваторы должны возглавить революцию — Dasein и Ge-Stell — Невеселый конец спектакля — Левый консерватизм (социал-консерватизм) — Евразийство как эпистема — Неоевразийство

Раздел 3. Выбор пути Россией Медведева–Путина. Альтернативы и логика русской истории 247

Исторический момент: между ложными альтернативами — Запад нам поможет — Метаморфозы индивидуума — Приглашение к постмодернизации — Эндогенная и экзогенная модернизация — Экзогенная модернизация: колониальный вариант — Экзогенная модернизация: оборонный вариант — Китай и национальный фильтр — Экономические уклады и исторические парадигмы — «Шпионы» за и против Путина — Условия интеграции в постмодерн — Кризис приоткрыл лик бездны — Несостоятельность патриотического мифа — Неадекватность идеологических споров в российском обществе — Нежелание осознать содержание исторического момента — К парадигме национальной истории — Судьба советской исторической парадигмы — Сожжение либеральной эпистемы: конец Сороса — Значение и история — Парламент — не место для политических дискуссий (Б. Грызлов) — Государство и народ: два полюса социальной и исторической эпистемы — «Русь» и «славяне» — Русский логос и славянский мифос — От Киевской Руси к Московской — Раскол как социологическое явление — Новые варяги и сбой веков в XIX столетии — Большевики и Ereignis — Сталин — народный царь — Конец СССР — Путин: движение на месте — Кризис современной русской интеллигенции — Пустая клетка — Куда идти?

Раздел 4. Православная составляющая русской идентичности. Две партии в русском православии...*281*

Россия не страна, а цивилизация — Провокационная идея создания «российской нации» — Русские как модернизаторы не особенно нужны — Славянофилы и евразийцы — Актуальность полемики с западниками для выработки цивилизационной эпистемы — Святейший Патриарх Кирилл: наступление церкви — Катехон — Статус патриарха и папы римского — Симфония властей: онтология империи — Карл Великий и католицизм — Русь и византизм — Митрополит Илларион: последние станут первыми — Под монголами — Падение Византии и подъем Руси — Русско-русское православие и Третий Рим — Богоизбранность русских — Русский логос — Никон и Аввакум: трагический спор — После раскола — Реформы Петра — XIX век: новое издание старой полемики — Русско-русское православие и большевизм — Русское православие сегодня — К русской социологии

ПРИЛОЖЕНИЕ

Консерватизм и Россия...*309*

Библиография...*345*

СТРУКТУРНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В РЕГИОНОВЕДЕНИИ

РАЗДЕЛ 1

ГЛУБИННОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. СТРУКТУРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СОЦИОЛОГИЯ ГЛУБИН) КАК МЕТОД

Глубинное регионоведение. Определение метода. Метод в регионоведении

Что такое глубинное регионоведение?

Есть, по крайней мере, два направления исследований, использующих термины «глубина», «глубинное» в официальных названиях своих дисциплин: это классическая «глубинная психология», или «психология глубин», Карла Густава Юнга[1] (нем. Tiefenpsychologie, фр. la psychologie des profondeurs) и новое и неизвестное до настоящего времени российским исследователям направление «социологии глубин» французского мыслителя XX века Жильбера Дюрана[2].

По аналогии с «психологией глубин», которая широко изучается в большинстве западных университетов не только психологической, но и общегуманитарной ориентации, современная социальная наука в лице Ж. Дюрана и его школы изучает «социологию глубин». Эта менее известная наука Tiefensoziologie — «глубинная социология» — ина-

---

[1] См.: *Юнг К.Г.* Аналитическая психология. М., 1995; *Он же.* Архетип и символ. М., 1987; *Он же.* Душа и миф. Шесть архетипов. Киев, 1996; *Он же.* Психологические типы. СПб., 1996; *Он же.* Психология и алхимия. М., 1997.

[2] См.: *Gilbert D.* Les structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris: PUF, 1960.

че именуется «социологией воображения» и некоторыми исследователями относится к широкому направлению в социологии, называемому «структурной социологией». О ней и пойдет речь в нашем курсе. Это социология, которую развивает Жильбер Дюран.

Ж. Дюран — крупнейший современный французский социолог, который в 1950–60-х годах разработал концепцию, теорию и метод глубинной социологии как науки.

В то же время «глубинного регионоведения», которое мы сделали предметом наших лекций, как научного направления пока не существует, и даже само понятие «регионоведение» в общих гуманитарных дисциплинах не устоялось окончательно. И тем не менее в первую очередь в России, где от регионов зависит социальная, экономическая, политическая, административная, этническая, конфессиональная стабильность, регионоведение имеет все права на существование как специальное направление исследований. Применительно к этой дисциплине, то есть к изучению регионов России, наряду со всем арсеналом социологической научной методологии в целом, мы намереваемся применить подходы «глубинной социологии» («социологии глубин»), чрезвычайно, на наш взгляд, плодотворные и релевантные, и таким образом начать, по крайней мере, конституирование столь важного направления научной мысли, как «глубинное регионоведение».

Что это значит? Для того чтобы перейти к более глубокому изучению понятия «глубокого регионоведения», и в частности применительно к сфере Кавказа и Юга России, необходимо сначала изложить основы метода, который является методом «социологии глубин».

Релятивизация мифа о прогрессе

В чем специфика «психологии глубин» и «социологии глубин»?

Главный философский и методологический принцип социологии глубин заключается в релятивизации мифа о прогрессе. Наука Нового времени, начиная со второй половины XVIII века и заканчивая серединой XX века, существовала в так называемой «парадигме прогресса». Это

означало универсальную доминацию убежденности в том, что общество развивается поступательно и только в одном направлении: от простого к сложному, от низшего к высшему. Все движение общества: наук, знаний, социальных институтов, политических систем, методологий идет только в одном направлении — в направлении развития.

Идея прогресса заключается в том, что все процессы протекают в историческом времени, где каждый последующий момент снимает предыдущий. Поэтому, например, совокупность знаний социальных институтов 2000 года отменяет необходимость изучения знаний и методологий 1900 года. Когда мы смотрим с позиции общества, философии, науки 2000 года на то, что было в 1900 году, мы говорим, что там все было предварительно, жалко, часто неправильно и убого. Все, что было в 1900 году, старо, скучно и неинтересно, а все, что происходит в 2000 году, включая системы социальных знаний, является новым, актуальным, свежим и т. п. Единственная связь 1900 года, со всеми его социальными и научными системами с 2000 годом — это причинный характер, каузальная связь. То, что было в 1900 году, породило 2000 год, но, породив, забылось, поскольку все наиболее осмысленное, наиболее важное из 1900 года перешло в 2000 год. Поэтому история, изучение истории — изучение чего-то мертвого.

Так возникает определенная топика, топика прогресса. Топика — это концептуальное пространство, в котором происходит исследование. Прогрессистская социология — это изучение обществ в развитии, в логике прогресса, где каждый последующий момент снимает предыдущий. При этом от предыдущего момента в последующем ничего не остается; предыдущий момент полностью, как говорит Гегель, снимается. Парадигма прогресса была нормой и догмой классической науки до того момента, пока в классической науке не произошли изменения: открытия теории относительности Эйнштейна[3], квантовой механики Бора[4],

---

[3] См.: *Эйнштейн А., Инфельд Л.* Эволюция физики: развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов. М., 2009.

[4] См.: *Бор Н.* Квантовая механика и физическая реальность. М.: Наука, 1971.

кварков и теории суперструн и т. п. Тогда физические естественные науки стали пересматривать тематику безотносительного развития и возникла так называемая критическая тенденция в философии науки. К середине XX века возникает очень интересная ситуация. Миф о прогрессе, о поступательном развитии общества, человеческих знаний, человеческих социальных и политических институтов, начинает релятивизироваться. Появляется новое концептуальное пространство, новая топика, которую и можно назвать «топикой глубин».

Измерение глубины и работа сновидений

Что означает слово «глубина» в данном случае? Здесь — смысловой исток глубинной психологии, глубинной социологии, глубинного регионоведения. При более внимательном исследовании, проведенном после эпохи упоения прогрессом и «сбрасыванием с корабля современности» религиозных сюжетов, мифов, сакральных ценностей, священных институтов, было обнаружено, что «богиня разума», с которой началась Французская революция, не что иное, как миф, миф о прогрессе. Не прогресс, который преодолел миф, а миф о прогрессе как один из мифов, который потеснил все остальные. Таким образом, у социальных, политических, научных, интеллектуальных, культурных процессов возникло дополнительное измерение. К топике классических наук, классического исследования добавился еще один этаж. Обнаружили дополнительное измерение, которое и назвали «глубинным». И тогда в этой новой топике образовались совершенно новые представления о сущности тех процессов, которые происходят с человечеством.

Смысл этой топики первоначально был открыт доктором Фрейдом, который заявил, что параллельно рациональным структурам сознания, человеческим институтам, которые лежат в сфере сознания, происходит то, что Фрейд назвал «работой сновидений». Гигантский блок бессознательного, который он назвал «Es», «Оно», где развертываются совершенно другие процессы и существуют абсолютно иные системы координат, иные субъекты, иные объекты, иные закономерности, которые следует изучать иначе, не-

жели традиционное рассмотрение поведения человека как сознательного существа[5].

Вся логика прогресса строится приблизительно по такой логике: сначала люди были бессознательными, поэтому верили в Бога, а потом стали сознательными и перестали верить в Бога. От бессознательного, где наличествует миф, сакральное — к сознательному, где господствует рационализм и реализм. Макс Вебер, известный немецкий социолог, назвал этот процесс «расколдовыванием мира»[6]. И действительно, на уровне развития науки, рациональных стратегий и общественных институтов, на уровне сознания людей мы видим этот процесс. Институты становятся все более и более рассудочными, рационализированными, механизированными и автоматизированными. Это влечет за собой развитие демократических реформ, представление об индивидуальном достоинстве человека (который является мыслящим существом) и множество других, связанных с этим явлений.

В самом деле, эти процессы происходят на уровне рассудка. Действительно, человечество было бессознательным, верило в Бога, а став сознательным, сначала поставило Бога под вопрос, а потом, как сказал Ницше, «Бог умер»[7]. Бог умер — это означает, что вера в священное, в мифы была осмеяна. Институты, которые стали доминировать в обществе, его различных регионах (если говорить о регионоведении России и других стран), становились все более светскими, секулярными. Процесс секуляризации, перехода от религиозных моделей к светским, от веры в миф к вере в разум, является главным процессом в динамике прогрессистской топики.

Открытие коллективного бессознательного

Сначала Фрейд, затем «психология глубин» его ученика Юнга, а затем, через несколько десятилетий, и «социология глубин» Ж. Дюрана, а также многие дру-

---

[5] См.: *Фрейд З.* Я и Оно. Л., 1924.

[6] См.: *Вебер М.* Избр. произв. М., 1990.

[7] См.: *Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1996.

гие направления современной науки обнаружили одно обстоятельство, осмысление которого вошло в нашу педагогику, в отличие от европейской, еще лишь отчасти. Это открытие еще одного этажа вглубь человеческого сознания (Гурвич), измерения, которое, как выяснилось, дополняет общую прогрессистскую топику совершенно другими закономерностями и представляет собой то, что Юнг назвал «коллективным бессознательным». В отличие от довольно плоской модели Фрейда, который населил бессознательное («Оно») сексуальными комплексами и с их помощью толковал рациональную структуру человеческого разума, человеческого общества, Карл Густав Юнг, основатель психологии глубин, более широко, более сложно понимал бессознательное. С его точки зрения, бессознательное населено архетипами, которые являются не индивидуальными, как у Фрейда, а коллективными и к тому же врожденными[8]. Это не просто совокупность подавленных детских переживаний, это то, что принадлежит всем людям в равной мере. И здесь, на уровне коллективного бессознательного, параллельно рациональному процессу, накоплению знаний, секуляризации, человечество продолжает жить в мифе. Архетипы складываются в мифы.

Если с точки зрения дневной и рассудочной истории человечество меняется, создает новые социально-политические институты и стратегии, новые модели отношений и социальные системы, новые страты и технологические атрибуты, то на уровне коллективного бессознательного все остается по-прежнему. Человек продолжает верить в мифы, в сказки, в Бога, доверять иррациональным интуициям, видеть сны, которые ему снились в течение многих тысячелетий. И здесь обнаруживается огромный мир, вытесненный в сферу сновидений, бессознательного, но который некогда — в традиционном обществе — был локализован в сфере сознания. Древность из человечества никуда не ушла, и миф, лежавший в основе древнего, тра-

---

[8] См.: *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1987; *Он же.* Душа и миф. Шесть архетипов. Киев, 1996.

диционного общества и, казалось бы, давно преодоленный на уровне рассудка, никуда не исчез, как думали представители одномерной научной топики, а сохранился в полной мере. И теперь он действует на людей не менее активно, чем раньше. Другое дело, что в традиционном обществе религия стояла в центре внимания общества, и религиозные архетипы, мифы, образы, символы существовали одновременно и в бессознательной и в сознательной форме. Теперь же в современном обществе миф живет в подвале и в сознание прорывается эпизодически — чаще всего через различные формы неврозов, психозов и иных психических расстройств.

Циклическое время и время линейное

Социология глубин показывает, что прогресс как концепция возник всего 300 лет назад. Ранее в течение тысячелетий люди думали, что время циклично. Циклическое время — это то, в котором, по сути дела, ничего не происходит, ничего не меняется (так меняются сезоны года, царства, династии). В традиционном обществе люди жили в циклическом времени, с приходом христианства появилось линейное время, но и оно продолжало быть религиозным, ориентированным на финальный приход Мессии (Второе Пришествие). Всего триста лет назад, то есть совсем недавно, победила концепция чисто линейного времени, без какого бы то ни было эсхатологического завершения[9]. Человеческое же коллективное бессознательное продолжает жить в циклическом времени, где, строго говоря, ничего не происходит. И здесь, в отличие от линейного времени, нет никакого прогресса.

Человек в своих глубинах, в своих сновидениях, в своих реакциях, в системе первичных отношений остается ровно таким же, каким он был всегда. И это сказывается на его жизни гораздо больше, чем перемены. Это и есть топика глубин, которую Юнг применил к лечению неврозов, психозов, психических расстройств, и затем — к объяснению культурных явлений. От психологии глубин к социо-

[9] См.: *Дугин А.Г.* Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2002.

логии глубин остался один шаг: исследование — с помощью знаний о существовании и структурах дополнительного этажа — тех социально-политических процессов, институтов, вплоть до экономических процессов, которые рассмотрит классическая социология.

Толкование культуры через сны

Итак, топика психологии и социологии глубин заключается в открытии дополнительного этажа человеческой культуры, человеческого измерения. Как проявляется этот дополнительный этаж? Сначала его заметили психиатры и психологи: Фрейд, Юнг, Адлер. Оказывается, что в тот момент, когда психическая жизнь человеческого существа начинает протекать слишком бурно или, наоборот, ментальный уровень (то, что закрывает от нас бессознательное — то есть наше сознание, наш разум) понижается, обнаруживается гигантский остов коллективного бессознательного.

Коллективное бессознательное не является случайным набором бессвязных форм, остатков рациональных, недодуманных мыслей, а имеет автономную географию, свою структуру. Оно населено особыми сущностями, в нем есть специфические маршруты, образы, архетипы, которые друг с другом, например, никак не сочетаются или, наоборот, прекрасно сочетаются и влекут появление друг друга. Есть вторая логика, которая явно дает о себе знать в случае такого рода явлений, как искусственное или естественное, временное или постоянное (но это уже у хронически больных) понижение ментального уровня, или самая простая вещь — человеческое сновидение. Когда человек засыпает, у него понижается ментальный уровень. Он перестает осуществлять рациональные умозаключения и расслабляется. В этот момент он постепенно соскальзывает в сферу нижнего этажа. И то, что происходит с людьми во сне, при внимательном исследовании социологов и психологов глубин, оказывается, имеет глубочайшее обоснование, имеет собственную логику, ритмику, систему кодов, фундаментально отличающуюся от того дневного сознания и от тех культурных, социальных, политических, экономических и рациональных моделей, которыми мы руководствуемся, на-

ходясь в трезвом, дневном, сознании. Уже в пьяном или не в дневном сознании, немножко не нормальном сознании начинает обнажаться пространство коллективного бессознательного.

Это коллективное бессознательное активно изучалось Юнгом, который написал об этом десятки книг. Психоаналитическая традиция, во фрейдовском варианте воспринявшая коллективное бессознательное упрощенно и индивидуально, тем не менее предлагала толковать с помощью тех или иных вытесненных комплексов содержание человеческой культуры вообще. Юнг продолжил и систематизировал это, возвел в статус систематизированного научного знания.

Синхронизм двухэтажной топики

Новая топика в самых разных школах начала обосновываться с начала XX века. К середине XX века сновидческий взгляд на гуманитарные, культурные проблемы стал активно распространяться, хотя часть ученых и продолжала руководствоваться чисто рациональными объяснениями. До какого-то момента такой подход оставался маргинальным: в XIX веке верили только в прогресс и обращали внимание лишь на верхний этаж, нижний элемент помещая в прошлом.

В чем заключалась специфика открытия измерения глубины и какая разница между двухэтажной топикой научного исследования и плоскостной идеей прогресса? В том, что здесь вскрывается синхронизм вертикальной оси, по мере развития чего-то, что-то остается точно таким же неизменным, и его можно найти там же, где его оставили. А что-то действительно необратимо меняется, но меняется только на уровне сознания и остается неизменным на уровне бессознательного.

Обычная топика, предшествовавшая психологии глубин и социологии глубин, помещала мифологический комплекс в далекие времена. Считалось, что изначально были приматы, потом дикари (примитивы), затем дикари перестали быть таковыми и стали цивилизованными людьми. И цивилизованный человек — это уже не дикарь, он был дикарем, но стал цивилизованным.

Что утверждает психология глубин? Что какая-то часть европейского модернизированного человечества действительно изменилась. Но большая часть, 99 % человечества, осталась ровным счетом такой же: она верит в мифы, она абсолютно иррациональна, и все произведения культуры, искусства, более того, социально-политические институты современности на один процент являются современными, а на 99 % — архаическими.

Думать после Аушвица

Один из классических примеров — это, например, то, что представители Франкфуртской школы называли «думать после Аушвица». Страшные события произошли в XX веке в Германии, когда на родине Шиллера, Гете, Гейне, крупнейших мыслителей Просвещения, в европейском сверхразвитом экономически и культурно обществе внезапно приходит к власти поддержанная всем населением партия национал-социалистов, которые возрождают мифы Средневековья, культы древности, начинают уничтожать другие расы и народы, верят в «еврейский заговор», поклоняются священному вождю и практически восстанавливают язычество с культом Вотана, которое становится на какое-то время почти официальной религией. С точки зрения одномерной прогрессистской топики этого быть просто не могло, потому что Германия давно вышла из состояния варварства, множество столетий как принципиально отказалась от веры в Вотана и в целом встала на цивилизационный путь развития и прогресса. О правах человека немцы говорили лет за двести до Гитлера. Макс Вебер, крупнейший немецкий социолог начала XX века, доказывал, что немецкая культура, выросшая под влиянием протестантской этики, давно и безвозвратно сформировала свободное демократическое общество с либеральными ценностями[10]. И вдруг в XX веке, как ни в чем не бывало, из коллективного бессознательного одного из самых прогрессивных народов, вставшего на путь прогресса раньше других, вырывается, одновременно со сло-

---

[10] См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.

мом прогрессистских рациональных конструкций, бешеный миф Вотана с поклонением свастике, древнейшему знаку огня.

Если бы мы имели дело с одномерной социальной топикой, то этого просто быть не могло. Ну, может быть, у дикарей Новой Гвинеи встретилось бы нечто подобное, но только не в XX веке и не в таких масштабах, когда весь народ вдруг увлекается вещами, которыми, теоретически, увлечься не мог. Вот поэтому «думать, отправляясь от Аушвица» — это не просто думать гуманно, помня о тех жертвах, которые принес миру нацизм. Это означает постановку под вопрос самой логики прогресса, логики Просвещения. Другими словами, с точки зрения чисто рациональной, научной, а не моральной (подчеркиваю) феномен национал-социализма обрушивает прогрессистскую одномерную топику. Из этого рождается критика Просвещения в трудах Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе и Э. Фромма. И показательно, что эти философы Франкфуртской школы обращаются к фрейдизму, разрабатывая топику фрейдо-марксизма.

Сам Юнг был одним из первых, кто предупреждал европейское человечество еще до прихода Гитлера к власти, что нечто подобное возможно и будет возможно всегда и в еще более страшных формах, потому что человечество в гораздо большей степени спит, чем бодрствует.

Сновидение наяву

Есть такое понятие, как «сновидения наяву». Психологи и психоаналитики заметили, что человек видит сны, не только когда спит; человек видит сны постоянно, в течение всех суток. Единственное, что когда ночью мы закрываем глаза, то начинаем эти сны видеть, созерцать, потому что дневная рассудочная часть сознания как бы закрывается шторками. Когда же мы просыпаемся, шторки открываются, и дневные впечатления, работа рассудка не позволяют нам видеть то, что происходит внутри, в бессознательном. А происходит приблизительно то же самое, что и во сне. Иногда это всплывает и днем, и тогда, например, происходит явление «дежавю».

Временами человек ловит себя на том, что восприятие им привычной бытовой картины окружающего вдруг вытесняется довольно навязчивым внутренним образом, пронзительной ассоциацией или каким-то необоримым чувством. Особенно часто и ярко это происходит у людей с определенными психическими отклонениями, но свойственно это и вполне нормальным людям.

Сновидения наяву могут проявляться самым случайным образом — в виде интуиции, в виде какого-то внезапного, непонятного, необъяснимого чувства, в виде симпатии или антипатии людей друг к другу, притяжения или отталкивания, в форме многих других состояний, которые принадлежат к сфере бессознательного.

Советский период как правление мифа

Можно привести в пример советский период нашей истории. Сами себя люди этого периода осмысляли вполне рационально и прогрессистски. Они рассматривали религию как нечто преодоленное. Три поколения советских идеологов явно или косвенно занимались тем, что разоблачали Бога. Так, в 1920–30-е годы воинствующие атеисты Емельяна Ярославского ездили по деревням, где проводили нехитрый эксперимент: крутили приборчик, где между плюсом и минусом била молния. Так они объясняли, что «Бога нет, а молнии посылают друг другу два электрода».

Конечно, любой человек, хотя бы немного знакомый с теологией, в этой ситуации сказал бы: это вообще ничего не доказывает, потому то представление о Боге — это совсем другая, сложная модель знаний, основанных на вере. Абсурдность веры, по Тертуллиану, не только не ослабляет то, во что верят, но, напротив, является основой веры как таковой — зачем верить в то, что и так очевидно, верить надо только в то, что неочевидно, невидимо и недоказуемо. Но на крестьян опыты безбожников действовали.

Три поколения советских людей — через жестокую пропаганду, комсомол, через педагогическую диктатуру, через запреты, репрессии, уничтожение десятков, а то и сотен тысяч священников — создали полностью светское атеистическое государство, которое должно было и дальше

развиваться от социализма к коммунизму по той же самой логике. Советская идеология была одной из версий идеологии современного мира, модерна и прогресса, рассматривая себя как еще более продвинутую и развитую стадию, чем либеральная мысль.

Приходит 1991 год и происходит полное обрушение советской системы: открываются церкви, священники вновь входят в высшую и среднюю школу. Оказывается, религиозная проблематика никуда не делась, и все поколения советских людей, как правило, и детей своих в тайне друг от друга крестили, и в церковь иногда ходили, и покойников отпевали, и дома и квартиры освящали... И это были не просто крестьяне, мещане, обыватели, а советские и партийные деятели, дипломаты, другие государственные служащие, представители воинствующего атеизма. И все потому, что где-то, параллельно тотальному атеизму, секулярности, прогрессизму, жила вера.

На чем основывалась эта параллельная вера, которая после краха Советского Союза поднялась и стала сейчас нашей почти официальной идеологией? Она основывалась на том, что, несмотря на колоссальные чистки на уровне сознания, веру искоренить не удалось. А сам коммунистический миф оказался не чем иным, как особым, своеобразным архетипом коллективного бессознательного, мечтой о земном рае, которая противопоставила официальной христианской религии эсхатологический мессианский культ, подобный хилиастическим идеям «третьего царства» Иоахима де Флоры.

«Третье царство» Иоахима де Флоры

Калабрийский монах XII века Иоахим де Флора сформулировал представление о диахроническом понимании Троицы. Основной христианский догмат о Троице гласит, что Бог един в трех Лицах: Бог — Отец, Бог — Сын и Бог — Дух Святой. С точки зрения классического богословия Святая Троица пребывает вне времени, она вечна и всегда в трех Лицах. А Иоахим де Флора провозгласил, что Святая Троица развертывает себя во времени. Сначала существует век Отца, потом — век Сына, потом — век

Святаго Духа. Первый век Отца — это век древний, век Ветхого Завета. Век Сына — это век Евангелия. К нам же приближается, утверждал Иоахим де Флора, век Святаго Духа, где будут отменены те правила и те нормы, которые преобладали в эпоху Сына. Это будет век свободы, равенства, всеобщего материального благополучия и чудес. Это и есть «третье царство».

Коммунисты и социалисты-утописты, сформулировавшие принципы ненаучного утопического социализма до Маркса, как правило, были последователями Иоахима де Флоры и верили в магическое наступление золотого века.

С точки зрения социологов глубин, именно иоахимитский миф, представление о том, что в будущем нас ждет царство свободы, рая, разума, братства, послужил матрицей мифа о прогрессе. Имея дело с прогрессом, мы имеем дело с изданием одного из иррациональных верований, связанных с иоахимитской теологией. И с еще одним мифом — с мифом о Прометее. Именно этот миф пользовался колоссальной популярностью в период, когда в европейском обществе начала преобладать идеология прогресса.

Пример действенности социологии глубин

Резюмируем вводную часть лекции об обосновании топики исследования. В представлении о том, что в человечестве, человеке, обществе, культуре, государстве, в социальных правовых институтах, экономических укладах действует не одно измерение, а параллельно два, надо искать ключи к объяснению всех явлений социальной истории. В таком случае явление фашизма («мыслить от Аушвица») получает естественное объяснение. Да, немецкий народ, немецкая культура менялись на уровне сознания. На уровне бессознательного все осталось таким же диким и варварским, как всегда.

Советский народ пошел по пути атеизма, но сегодня большинство россиян, согласно социологическим исследованиям, верит в Бога. Большая часть, конечно, православные, но есть и представители других конфессий. Оказывается, что и наше общество, на самом деле, недалеко ушло от того, каким оно было раньше.

Вот, например, явление совсем нам близкое. Социологи обнаружили следующую закономерность: около 70 % современных россиян поддерживают Путина и Медведева. И те же самые 70 % россиян считают, что у нас власть неадекватная, не справляется со своими обязанностями. То есть все, что она ни делает, — неправильно и плохо.

Социологи, которые действуют в рамках верхнего этажа топики, на уровне рассудка, констатируют это несоответствие. Если большинство поддерживает президента и премьера и то же большинство недовольно властью, кем они считают Путина и Медведева? Либо кем они являются сами? Если 70 % россиян не способно осуществить простейшей рациональной операции и связать отношение к Путину и Медведеву со своим недовольством властью, то у нас страна умственно неполноценных. Так, впрочем, и считают либералы из «Эхо Москвы». Это действительно противоречит здравому смыслу. Если вам нравится власть, значит, вы должны теоретически быть довольны ее действиями. Если нравится власть, а вы недовольны тем, что она делает, у вас раздвоение сознания.

Это действительно раздвоение сознания, но только не психопатологическое, а социальное. Это факт, имеющий строго научное объяснение. И не надо ставить это в укор нашему народу, просто необходимо понимать специфику нашего общества.

Объяснение с помощью топики глубин дает нам исчерпывающее объяснение такого несоответствия. Когда мы рационально оцениваем власть и то, что она для нас сделала, мы видим, что ничего особенно хорошего не происходит. Поэтому мы в данном случае обращаемся к верхнему регистру нашего гражданского сознания: работает критическая мысль, происходит сопоставление ожиданий, их реализаций, действий, логических заявлений, выявляется несоответствие того, что говорится, с тем, что делается, и с тем, что ожидается.

Мы проводим целый ряд рассудочных операций в верхнем регистре нашей социальной топики. А когда нас спрашивают про Путина и Медведева вообще, у нас включается другой архетип, архетип метафоры семьи, в которой президент отождествляется с фигурой Отца. То есть в

данном случае дает о себе знать нижний регистр, глубинное бессознательное, потому что русские люди традиционно видят государство и общество как семью. Президент, царь, вождь, генеральный секретарь — Отец. Отец может быть плохим, но он всегда отец. Дети своего отца никогда не порицают, особенно перед лицом других, посторонних людей. Человек отгоняет эту мысль от себя, даже если это и правда. В рамках семьи это норматив.

На одном уровне существует общество рациональное, построенное по определенным законам, рассудочное, дневное. А на другом — община, мир, семья. На первом этаже пребывают граждане, которые знать друг друга не знают, входят друг с другом в чисто договорные отношения, с договорной точки зрения оценивают власть, находят ее неподходящей, не справившейся с поставленными задачами. Но с точки зрения общины, семьи, мы власть полностью принимаем, любим и поддерживаем, потому что это — «отцы».

Логос и мифос

Здесь мы перейдем к изложению конструкции Жильбера Дюрана, назвавшего свое направление «глубинной социологией» или «социологией воображения». По сути дела, это описание той структуры мифа, в которой на 99 % продолжает пребывать современное человечество. Если раньше миф рассматривался как то, что Леви-Брюль называл «пралогическим мышлением»[11], то есть нелогическим, недологическим мышлением, то с точки зрения «социологии глубин», или «социологии воображения», само по себе человеческое мышление, современное и рациональное, является одним из изданий мифа.

Можно сказать, что для нашей топики сейчас будет полезно иметь дело с дробью «логос/мифос». Логос — это рациональная часть, мифос — иррациональная. Логос — рациональная структура. Он может быть у социального института или у индивидуального поведения в качестве их рациональной составляющей. А есть еще и мифологическая часть.

---

[11] См.: *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

ЛОГОС
———
МИФОС

Схема двухмерной топики социологии воображения
(социологии глубин)

Так вот, современная наука, наука эпохи модерна, объясняла миф через логос. Логос был основой, а миф тем, что логос объяснял. Социология глубин объясняет, наоборот, логос через мифос, то есть считает логос одним из мифологических явлений.

Соответственно, можно говорить о двух симметричных подходах. При этом важно, что социология глубин не отрицает объяснения мифоса через логос, а считает его очень полезным с точки зрения вскрытия мифологической структуры этого логоса.

Имажинэр

Школа социолога Жильбера Дюрана связана с объяснением логоса, то есть рациональных аспектов человеческой деятельности, через так называемый иррациональный пласт, который тоже имеет свою логику, но другую, мифологическую логику, или мифологику.

Надо учитывать, что термин «воображение» использован здесь потому, что в русском языке нет аналога французскому слову imaginaire, «имажинэр», которое означает не только воображаемое, но воображаемое, воображающее и сам процесс воображения, то есть субъект, объект и воображение одновременно. Imaginaire — от image (лат. imago — образ). С точки зрения Жильбера Дюрана, «имажинэр» — это специфическая реальность человеческой души.

Классическая философия логоса считает, что есть две строго адекватные реальности: субъект и объект. По Платону, есть рассудок и есть чувственный мир, который лежит перед этим рассудком[12]. Между рассудком и внешним, чувственным миром находится воображение. Это как раз и есть имажинэр. При этом, с точки зрения Платона,

[12] См.: *Платон.* Соч.: В 3 т. М., 1968–1973.

Аристотеля, Канта, Декарта и всей классической рациональной традиции западноевропейского логоса, имажинэр, воображаемое, есть не что иное, как искаженное представление об объекте, присущее субъекту. Есть реальность субъекта — рассудка, есть реальность объекта — внешнего мира, и между ними находится заведомо искаженный образ — воображение, который, по сути, лишен реальности и рационального — субъекта и чувственного — объекта.

Социология воображения утверждает, что все не так. На самом деле, у человека есть только одно — имажинэр, миф, коллективное бессознательное, которое по своей внутренней, присущей имажинэру логике постулирует и создает представление об объекте и самое главное — представление о субъекте.

Индивидуация и множество «я»

У Юнга в «аналитической психологии» (в «психологии глубин») это описано как процесс индивидуации. Коллективное бессознательное, которое по определенной логике порождает «эго», «я», может породить не одно «эго», а несколько. Клинически исследованные Юнгом случаи различных шизофрений, параной и иных психических заболеваний показывают, что человек часто слышит голоса, начинает называть себя разными именами, у него раздваивается сознание. Сегодня огромное число людей меняет имена — такой, возможно, эстетический жест косвенно свидетельствует о догадке про множественность «я». В современном мире все чаще и чаще происходит смена пола, это тоже идея игровой идентичности. Человеческий субъект не является единственным. Юнг говорил, что «я» может быть много, «я» — это только момент индивидуации коллективного бессознательного, временная стоянка, замерший миг.

Итак, основная идея социологии глубин заключается в следующем. Существует только промежуточная область — имажинэр, область мифа, область коллективного бессознательного, имеющая свою собственную логику и свою собственную топику, топику мифа. При определенных обстоятельствах из этой топики мифа в одном направлении, внутрь, порождается «эго» («я») через процесс ин-

дивидуации мифа, и человек начинает говорить о себе «я»: «я — Петя», «я — Вася», «я — Маша», хотя само имя тоже дано откуда-то «извне». Раньше имена брали в святцах, иногда родители именовали (в некоторых семьях часто до сих пор так делают) по мужской линии — в честь деда, по женской (реже) — в честь бабки. В этом присвоении имен вплоть до нашего времени сохранилась идея перевоплощений рода, движения сквозь род одной и той же инстанции — то есть длящейся сквозь поколения индивидуации. Поэтому так часто дед и внук во многих семьях имеют одинаковые имена. Это встречается и у русских, и у других народов, например, у чеченцев — традиционные циклы в семи поколениях там составляют основу рода.

Индивидуальность, человеческий субъект не является чем-то уникальным, он является продолжением определенной серии, рождающейся из имажинэр. Точно так же и объект. Кантовская философия утверждала, что «вещь в себе» обосновать невозможно. Нельзя доказать ее существование, поэтому речь идет только о неких презумпциях рассудка. Но Кант еще верил в наличие субъекта. В социологии имажинэра, социологии воображаемого, уже нет ни субъекта, ни объекта.

Имажинэр и смерть

Имажинэр, с точки зрения Дюрана, это реакция человека на смерть. Ничего, кроме воображаемого и смерти, нет. Рассматривая смерть и время, через которое происходит и осуществляется смерть (потому что смерть есть не что иное, как время, а время в чистом виде, если оно не нагружено никакими событиями, есть не что иное, как приближение к смерти), воображение реагирует на время и смерть разным образом. Воображение есть ответ на смерть и на время. Развертываясь во времени как форма работы со временем, перед лицом смерти как определенного рода ответ на вызов смерти и на собственную конечность и смертность, человек создает не только культуру, произведения искусств, религии, но и свою жизнь.

Жизнь есть не что иное, как развернутая структура воображения, воплощенная в культуру, в общество, в эконо-

мику, вполне определенным образом трактующая вызов смерти и времени, через которое эта смерть к нам приходит.

Режимы и группы имажинэра

Из этих предпосылок структурируются так называемые «режимы воображаемого», которые составляют суть методологии социологии воображения, или социологии глубин, Жильбера Дюрана. Сейчас мы рассмотрим эти режимы.

Существует два режима и три группы архетипов, которые составляют карту воображаемого. Напомню, мы занимаемся сейчас только нижним этажом той топики, о которой мы говорили, — то есть структурой мифа, географией коллективного бессознательного.

Первый режим бессознательного называется «режимом диурна», что и по-латыни, и по-французски обозначает «дневной» — le diurne. Второй — режим ноктюрна (nocturne), это «ночной» режим. Эти два режима не совсем соответствуют той социальной топике, где был сверху разум, а снизу — бессознательное. Хотя определенные аналоги есть. Но тем не менее речь идет о двух режимах бессознательного или воображаемого (а значит, оба они соответствуют знаменателю нашей дроби «логос/мифос» и относятся к мифосу). Все мифы, все комплексы архетипов структурируются таким образом, что они принадлежат либо к режиму диурна, к дневному режиму, либо к режиму ноктюрна, ночному режиму.

Существует три группы (три семейства) архетипов, которые неравномерно распределяются между этими двумя режимами. Одна группа архетипов называется «героической». Героическая группа архетипов соответствует режиму диурна.

Есть еще две группы архетипов, которые Дюран называет «мистической» (а также «группой антифразы») и «драматической» (а также «синтетической»). Таким образом, к режиму ноктюрна принадлежат две группы архетипов: мистический и драматический. А к режиму диурна один — героический.

Все вместе они составляют полноту имажинэра. Таким образом, у имажинэра есть два режима, в одном ре-

жиме — одна группа архетипов, в другом режиме — две. Такова внутренняя топика, обобщающая таксономия бессознательного.

Режимы и вызов времени/смерти

Согласно социологии глубин имажинэр устроен следующим образом. Имажинэр сам по себе есть не что иное, как ответ на смерть и время. Время и смерть выступают в социологии глубин, во-первых, как синонимы, а во-вторых, как нечто, лишенное какого бы то ни было содержания, как некая антитеза имажинэру, потому что в момент смерти все прекращается, а время само по себе есть только чистое движение к смерти (то есть прекращению всего), приближающаяся к нам смерть. Не будучи заполненным воображением и его событиями, время есть ничто, в нем ничего нет, кроме простого приближения к концу.

Воображение реагирует на смерть и время двумя различными способами: дневным и ночным. Воображение может перед лицом смерти выплеснуть два глобальных типа мифов.

Героический миф (диурн)

Первый тип мифов в режиме диурна называется героическим, он строго соответствует одной группе.

Главный смысл режима диурна — это противостояние смерти и времени лицом к лицу, представление о смерти/времени как о враге, как об ином, как о том, с чем необходимо бороться, чему надо противостоять. Таким образом происходит демонизация смерти (смерть видится как чудовище) и противопоставление себя этой смерти. Это порождает дуалистические мифологические конструкции и сюжеты борьбы света и тьмы (евангельское «Свет зажегся во тьме, и тьма не объяла его»), противопоставление дня и ночи, богов и демонов, верха и низа, добра и зла и т. д. Все типы дуалистических мифов, которые называются также диайретическими (от греч. διαίρεσις — разделение, различение), связаны с днем, потому что днем при свете мы можем различать вещи. Базовый инстинкт мифов режима диурна и мифологических конструкций, связанных

с ними, — это самосознание имажинэра как отличного от смерти и от времени, и приписывание смерти и времени негативных образов.

Так рождается огромный тезаурус дуалистических мифов, предшествующих рациональной теологии. Например, древняя иранская религия является полностью дуалистической. Но дуалистические мифы глубже, чем религии, потому как они лежат в основе реакции на смерть определенного режима воображаемого.

В этих мифах происходит демонизация ночи, так называемый «нюктоморфизм» (греч. νύξ — ночь). Времени и смерти приписывается самостоятельная враждебная идентичность. Также здесь возникает негативный териоморфизм, то есть представление о животных (греч. θερειον — зверь) в качестве противников. Смерть приобретает лик животного, которое поглощает, грозит съесть.

С точки зрения имажинэра дракон является существом более реальным и реалистичным, чем реальные звери. Почему? Потому что он несет в себе представление обо всем том негативе, который воображение вкладывает в животных. Поэтому дракон имеет черты и птицы, и хищного зверя, и змеи, то есть всего, чего человек боится, а героический режим диурна — ненавидит и с чем он сражается. Поэтому сказки и легенды о драконах столь живучи: не потому, что они являются искусственным сложением каких-то отдельных элементов, но в глубинном режиме воображения дракон первичнее, чем те реальные существа, на которые он распадается с точки зрения здравого анализа.

В дуалистических мифах центральной фигурой выступает солнечный герой, ведущий битву со смертью и со временем. Такие мифы поляризуются по вертикальной оси. Любое представление о времени, как и само время, представляется абсолютным злом. Поэтому дуалистические мифы являются героическими, герой борется с врагом как со смертью/временем, и каждый враг героя есть иносказание для смерти/времени.

Наиболее частые символы, доминирующие в режиме диурна, — это символы царского скипетра, шпаги (меча) и стрелы. Скипетр означает власть, шпага — разделение,

стрела — направление воли. Меч разъединяет одно и другое, черное и белое, мужчину и женщину. А царский скипетр управляет народами.

Катаморфизм и асцензиональность

Есть еще один термин, который относится к режиму диурна, — «катаморфизм», представление о мифах падения и мифах взлета (от греч. κατά — падение и μορφή — форма). В режиме диурна мы видим доминацию вертикали. Если герой на этой вертикали не удерживается, он стремительно падает и, конечно, разбивается. Либо он должен взлететь. Падать и взлетать — две стороны одного и того же процесса. Режим диурна часто сопровождается ощущением головокружения — в нем ось вертикали сопровождается стремительностью, раскалывающей время.

Сюда же относится так называемый асценциональный миф (от лат. ascensio — восхождение, подъем), миф подъема и взлета, а также все сюжеты, связанные с полетом людей (Икар, Фаэтон и т. д.). Так, известен случай, когда в Александровской слободе при Иване Грозном человек залез с самодельными крыльями на колокольню и упал. Но в некоторых хрониках встречается (непроверенная) версия, что он якобы благополучно летал, пока его не сбили опричники. Стремление человека летать, в том числе и построение летательных аппаратов, развитие ракетостроения, есть не что иное, как реализация гигантской энергии асценционального мифа, принадлежащего героическому режиму диурна.

Мифологи задаются вопросом: что первичнее в фигуре ангела — крылья, элементы птицы или что-то другое? Очень важно, что у бога Гермеса крылья изображались на лодыжках, а не за спиной и были маленькими. С рациональной точки зрения такие крылья не могли бы его поднять, поэтому крылья, особенно связанные с ногами, показывают, что речь идет о чистой идее асценциональности, то есть о персонификации мифа подъема. И рационализация крыльев появилась на позднем этапе.

С точки зрения мифа сначала был подъем, отталкивание от земли пяткой, чтобы взмыть в воздух, потом Гермес и его крылышки на голенях, потом ангелы и только потом

птицы. И птицы по отношению к этому фундаментальному дуалистическому мифу занимают человеческое сознание лишь на десятом уровне. Изначально речь идет о чистом подъеме или перспективе падения.

Иерархия и битва с чудовищем

Такая вертикальная конструкция мифа предполагает иерархию и разделение на высших и нижних. То есть люди режима диурна в буквальном смысле «идут по головам». Они стремятся мгновенно вознестись до верхней точки лестницы, потому что внизу их ждет бездна. У них кружится голова от этой бездны, и поэтому они не могут занимать то социальное положение, которое занимают, и должны занимать высшее положение, иначе упадут. У них нет перспективы сохранить что-либо, потому что, сохраняя то, что есть, они пребывают во времени, а это — смерть, с которой в режиме диурна идет борьба.

Для режима диурна характерны аскетические практики, это более маскулинный (мускулиноидный) тип, хотя в этом режиме и женщины, например валькирии, приобретают героический характер, становятся воинствующими, потому что здесь доминирует именно режим, а не гендерное распределение. Аскеза, неприязнь к еде, неприязнь к женщинам, стремление максимального подъема, воли к власти и солнечной борьбы со смертью — основной дуалистический миф диурна.

Если посмотреть на русские сказки, на сказки народов мира, то множество сюжетов будет связано с мифом, главный архетип которого — битва с чудовищем. Чудовищем является сама смерть и время. Воин бьется с ним и проходит на пути к решающей битве различные испытания. Его задача состоит в том, чтобы обеспечить себе тотальное абсолютное бессмертие и безвременье.

Ноктюрн: режим эвфемизма

Весь режим ноктюрна называется режимом эвфемизма. Эвфемизм — это представление о чем-то злом, дурном, вредном, опасном и страшном как о чем-то хорошем, милом, дружественном, добром, безопасном, притягатель-

ном. Это — занижение отрицательных качеств, или приличное название какого-то неприличного предмета (от греч. εὐφημία — благоречие). Мы даем «благую форму» какому-то негативному явлению и тем самым редуцируем его опасность, снимаем его негативность, заколдовываем дружелюбием то, что несет нам гибель и страдание. Режим ноктюрна является режимом эвфемизма, его главное свойство — это приписывание тому, что стоит на обратной стороне от имажинэра (воображения), позитивных качеств. Если угодно, это альянс со временем и со смертью. Точно так же, принадлежа к сущности имажинэра и боясь смерти и времени, как и в режиме диурна, человеческое воображение способно дать другой ответ на вызов смерти. От ужаса перед смертью воображение может сказать, что «это вовсе и не смерть и во времени ничего плохого нет»: мы просто живем и все. Это попытка приручения времени, доместикации («одомашнивания» ее), желание примириться с этой жуткой проблемой, которая порождает параноидальные дуалистические мифы, мифы воли к власти, мифы воинственности, мифы наделения всех, кто не согласен, качествами смерти, превращение частного конфликта в глобальный, абсолютный (как это происходит в режиме диурна). В режиме ноктюрна происходит нечто другое. Возникает идея замазать этот конфликт и придать смерти другой образ, например образ матери или образ убаюкивающей мягкой ночи, блаженства, приятного, легкого сна. Режим ноктюрна порождает совершенно другие мифы, мифы иного регистра.

Между собой мифы могут различаться по степени их фундаментальности эвфемизма и в режиме ноктюрна, что порождает две группы мифов и архетипов, принадлежащих этому режиму: мистический и драматический, как называет их Жильбер Дюран.

Мистический ноктюрн

Что такое мистический режим ноктюрна? Это когда воображение рисует полное тождество человека со смертью и со временем. Здесь осуществляется «мистическая» операция по утверждению не дуализма, а монизма — единства про-

тивоположностей. Человек (имажинэр) настолько боится дуальности, что делает вид, будто ее не существует, и, соответственно, доводя до конца эту логику, человек говорит: «Я не умираю, потому что я и есть смерть; и в принципе время не принесет мне вреда, потому что я и есть время». Представление о человеке как об определенной длительности, которое было у некоторых мистических сект, является классическим примером линии монизма. Речь идет о мистических практиках, — таких как «нирвана» в буддизме, «фана» (самопогашение) в суфизме, «кенозис» (самоумаление) в православии, — когда человек сознательно идет к стиранию собственной личности и стремится к исчезновению в непроницаемой тьме Божества («тьме превысшей света», по выражению православных монахов-исихастов). Если дуалистический миф противопоставляет собственное, личностное начало смерти, то мистический режим, наоборот, сплавляет личное начало с тем, что ему угрожает, и тем самым каким-то образом избегает проблематики смерти (но не смерти самой). Хотя религиозные культы, основанные на режиме ноктюрна в его мистической версии, утверждают, что таким образом можно достичь прямого и полного бессмертия.

Есть традиционная культура, которая существует в рамках мистического режима ноктюрна: адвайта-ведантизм в Индии, основанный на принципе «не-дуальности». Адвайта-ведантийская традиция Индии утверждает, что все разделения, различения и противостояния, все виды двойственности, дуальности являются второстепенными и иллюзорными, а изначально и в высшей реальности существует нерасчленимое общее единство. Отсюда формула индуизма «атман есть брахман», то есть «я есть абсолют». Но под «абсолютом» имеется в виду противоположность «я», имажинэр гаснет в стихии абсолютной смерти высшего трансцендентного объекта. К сходной цели направлена вся логика буддийской религии.

Мифы мистического ноктюрна: Великая Мать

Мифы мистического ноктюрна — это материнские мифы, мифы о Великой Матери. Смерть выступает в качестве доброй, мягкой женщины, которая убаюкивает и кормит.

И то, чем она кормит, молоко, становится человеком, его «я». Самое приятное чувство новорожденного — это материнское молоко, которое усыпляет и одновременно дает эйфорию. При этом новый человек ничего еще не может делать, но он уже испытывает чувство восторга.

От матери и в матери накопившиеся нервные первичные младенческие импульсы снимаются: как только мать придет, погладит, покормит, перепеленает, новорожденное существо опять погружается в приятную дремоту. Это настолько привлекательные состояния, что в человеке начинает формироваться гигантский комплекс мифологии бессознательных сновидений, в которых преобладает материнский образ, откуда серия фигур божественных матерей в различных мифологиях и религиях.

Драматический режим ноктюрна

Драматический режим ноктюрна является иным. Это тоже режим эвфемизма, но он не полностью отменяет дуальность, он включает ее в цикл. Если в режиме диурна основной символ — вертикаль, в мистическом режиме — горизонталь или вообще ничто, погасание, то в драматическом режиме противоположности заключаются в круг. Миф о возрождении, перевоплощении, о жизни и смерти, символизм гроба как материнской утробы, который засвидетельствован в древнейших культах, — все это свидетельствует о драматическом режиме ноктюрна, в рамках которого осуществляется циклическое преодоление смерти.

В режиме диурна время и смерть — это абсолютное зло. В мистическом режиме ноктюрна время и смерть — это очень хорошо, потому что все это — мать, женский миф. А в драматическом режиме существует идея частичного преодоления. Мистические мифы абсолютно женские, а диурнические — абсолютно мужские, а драматические соответствуют брачным, или андрогинным, сюжетам, здесь есть и женские, и мужские черты.

Мужские импульсы поднимают и влекут к верхней половине цикла, женские — тянут к земле, к мистическому режиму. В результате происходит круговращение, циркуляция, ритмическая смена противоположностей, которые

не конфликтуют друг с другом не на жизнь, а на смерть, но и не сливаются друг с другом до неразличения.

Тем не менее это режим эвфемизма, и поэтому он не демонизирует смерть и время, но пытается через понятие цикла и циклического времени включить и то и другое в общую конструкцию. По сути, это все равно именно эвфемизм, то есть называние жестких оппозиций по отношению к имажинэру, — смерти и времени, которые являются непреодолимыми для человека, — сглаженными именами. Например, русское слово «успение» обозначает «уснул». Не умер, но уснул. Уснул, а потом опять проснулся. В православии это относится только к Богородице.

В других религиях «умер» означает «переродился», «воплотился в другом». Это классический сценарий драматической мифологии, где существуют колеса, циклы, стихии, перевоплощения, переход одного к другому и, самое главное, — брак. Брак, брачные ритуалы, институт семьи построены на идее связи мужчины с женщиной. С одной стороны, двое соединяются в одно, но одновременно это соединение обратимо, временно, переменно. Мужчина и женщина остаются различными, снова разделяются. Драматическое противостояние мужского и женского через любовь, брак и одновременно через расставания, драмы, утраты.

Поскольку, как сказал Дени де Ружмон, «счастливая любовь не имеет истории», отношения плюса и минуса, добра и зла в этом драматическом регистре постоянно переворачиваются, порождая высшие энергии любовного напряжения, где встречи соседствуют с расставаниями. В драматическом ноктюрне никогда нельзя точно сказать, в какой точке цикла мы находимся, потому что все точки этого цикла перетекают одна в другую. Циклы многомерны, поэтому если мы находимся на подъеме в одном цикле, то мы же одновременно где-то в другом находимся на спаде. Та же самая точка, циклы различные.

Таким образом драматический ноктюрн порождает особое семейство архетипов и символов, особую систему сновидений — динамичную, ритмичную, эротичную.

Архетипы и рефлексы

Жильбер Дюран проводит очень остроумную аналогию между этими тремя группами символов, сновидений и архетипов и тремя доминантными рефлексами новорожденного существа. Дюран показывает, что эти три группы архетипов структурируются в самостоятельные фундаментальные блоки у человека в течение первого года жизни. Где-то к году мы имеем законченную структуру имажинэра, которая будет предопределять в значительной степени все, что с человеком происходит в течение всей жизни. Все его сновидения, реакции, жизненные события — все закладывается в первый год.

Школа Бехтерева, на которую ссылается Жильбер Дюран, выделяет три главных доминантных рефлекса, которые подавляют все остальные[13]. Они, по Дюрану, точно соответствуют трем группам символов.

Постуральный рефлекс

Первый рефлекс, постуральный (рефлекс вставания и позже прямохождения), означает импульс младенца к вставанию (вначале к принятию сидячего положения).

В шесть месяцев ребенок начинает садиться. У него выпрямляется позвоночник, и он становится лицом к лицу с миром. И он, по сути дела, вовлекается в режим диурна. Рядом с ним ходят взрослые, он начинает оценивать их рост, боится упасть, потому что тот, кто поднялся, может упасть, в отличие от того, кто еще лежит. Фигуры взрослых — это образы режима диурна, их созерцание порождает образы гигантов и великанов. Именно сильный диурн заставляет американцев строить небоскребы.

Постуральный инстинкт вставания заставляет и толкает маленькое человеческое существо отрывать спинку от кровати — это работа фундаментального рефлекса. В этот период он приобретает первые неврозы, его мучает первый ужас, первое головокружение, которые составляют свойства героического режима. Здесь каждое человеческое существо на уровне рефлекса знакомится с режимом диурна и дальше

[13] См.: *Бехтерев В.М.* Объективная психология. М., 1991.

по глубоко запрятанной в нашем организме рефлексивной траектории будет отбирать информацию внешнего мира, образы, цвета, картины, сновидения. Так возникает постуральная ось воображения (имажинэра), бессознательного.

Дигестивный рефлекс

Другой рефлекс, который связан с режимом ноктюрна, — это нутритивный (питательный), или дигестивный (пищеварительный), рефлекс. С этим рефлексом человеческое новорожденное существо знакомится еще раньше. Как только оно родилось, то начинает есть и потом не прекращает делать это до конца своей жизни. Есть — значит вбирать в себя другое полностью, и тогда то, что ты ешь, становится частью тебя. Процесс еды — это процесс ассимиляционный. Маленький человечек пьет материнское молоко, и таким образом внешний мир входит в него и становится его внутренним миром, им самим. Он не видит в этом разделения, он видит в этом мистический момент соединения и испытывает от этого колоссальное наслаждение. Потому что момент поедания пищи является специфическим конститутивным шоком для человеческого существа. По сути дела, это примирение со временем и со смертью, преодоление их (пусть иллюзорное). Поэтому люди так любят есть.

Для человеческого организма нужно раз в сто меньше того, чем мы обычно съедаем. Мы едим не для того, чтобы поддерживать силы, а потому что это очень интересно, живо и укрепляет в нас глубинный режим ноктюрна. На самом деле еда — это ритуал борьбы со смертью через ее принятие внутрь, глубоко мистическое явление. Не случайно прием пищи во всех религиозных традициях обставлен специфическими обрядами и ритуалами. В христианстве это молитва до и после обеда. В исламе это обязательное произнесение «Аллаху акбар» и жест руками «омен». Еда везде и всегда связана с жертвоприношениями: богам и идолам приносили еду, как приносили самих себя. В архаических культах людей приносили в жертву, чтобы Бог съел людей, а люди в ответ могли бы съесть Бога. И взаимное поедание, включая каннибализм, это все формы, связанные с мистическим ноктюрном и нутритивно-дигестивным рефлексом.

Копулятивный рефлекс

Драматический режим, по Дюрану, связан с копулятивным рефлексом, то есть с рефлексом совокупления. Он заложен и у младенцев, но с точки зрения психологов, проявляется у них через постоянно повторяющиеся ритмичные жесты, например постукивание или потрясывание погремушкой. Любое детское движение, которое ребенок делает неоднократно, относится к копулятивному рефлексу. Повторение одного и того же означает воспроизводство дуального кода — есть–нет, касаюсь–не касаюсь, здесь–там. Это не абсолютное слияние, как в дигестивном монизме, и не одноразовое и уникальное, необратимое действие — как, например, поломка игрушки (это классическая модель мужчины, мужского диурнического архетипа, желающего узнать, что у машинки внутри). Диурн уничтожает вещи, копулятивный рефлекс их раскачивает. Это потрясывание погремушкой: то есть контакт, то нет, мерцающий регистр.

Копуляция осуществляется через повторяющиеся ритмические движения, которые, по Дюрану, первичны. Идея копулятивности как ритмики, танца, повторения лежит в основе копулятивного рефлекса, который полностью проявляется в эвфемическом режиме ноктюрна

Контрольные вопросы

1. Как вы понимаете термины «логос» и «мифос»?
2. Какие режимы бессознательного выделяет социолог Ж. Дюран?
3. Что такое имажинэр?

Литература

Башляр Г. Вода и грезы. М., 1998.

Башляр Г. Грезы о воздухе. М., 1999.

Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007.

Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М., 2010.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.
Маффесоли М. Околдованность мира, или Божественное социальное // Социо-Логос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991.
Мосс М. Общества, обмен, личность. М., 1996.
Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.
Филиппов Л.И. Структурализм и фрейдизм // Вопросы философии. 1976. № 3.
Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.
Элиаде М. Священное и мирское. М., 1995.
Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Киев, 1995.
Юнг К.Г. Человек и его символы. СПб., 1996, 2002.
Bultmann R. Kerygma und Mythos. Bd. 1–5. Hrsg. von H.-W. Bartsch. Hamburg, 1948–1955.
Durand G. Les Structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris, 1960.

РАЗДЕЛ 2

РЕЖИМЫ ВООБРАЖЕНИЯ. ЛОГОС И ЭТНОСЫ

Асимметрия между диурном и ноктюрном

Смысл различия между режимом диурна и режимом ноктюрна заключается в том, что режим диурна смерть и время ставит на противоположную от себя сторону, смотрит им в лицо и говорит, что это абсолютное зло. Таким образом, сам режим ноктюрна и стремление поступить как-то иначе, чем диурн, с проблемой смерти и времени, с точки зрения режима диурна попадает в категорию зла. Поэтому режим диурна, борясь со всеми видами смерти и времени, борется и с самим режимом ноктюрна. Это обстоятельство, согласно социологии глубин, составляет одну из главных причин психических расстройств и культурных, социальных дисфункций. Режим диурна выносит отрицательные вещи — смерть и время — по ту сторону от себя и наделяет их монструозными чертами. Режим дня выступает против ночи и, соответственно, против того, что находится внутри ночи. Все, что находится внутри ночи, для режима дня представляет собой абсолютное зло. Но совершенно не так все происходит с точки зрения ноктюрна. Мы, наверное, уже можем догадаться, что здесь нет прямой симметрии. Для режима диурна ночь — это враг. А для режима ноктюрна никакого врага принципиально нет. Он стремится либо релятивизировать в драматическом комплексе архетипов эту вражду, либо во-

обще снять ее в мистическом нутритивном (дигестивном) режиме. Между двумя типами архетипов, которые связаны, с одной стороны, с режимом диурна, обостряющим и разделяющим все, и, с другой стороны, с режимом ноктюрна, который, наоборот, стремится смерть и время либо релятивизировать, сделать относительными, либо от них укрыться через мимикрию и имитацию, возникает асимметрия. И вот здесь следует высказать одно важное соображение: ночь может существовать без дня. Ночь существует сама по себе, в ней не видно различений. Днем же все различия видны. Эта асимметрия чрезвычайно важна для того, чтобы понять структуру человеческого воображения, структуру культур, фольклора, религий, социальных, политических институтов и процессов любого масштаба — от глобальных до региональных и локальных.

Антифраза и уменьшительность

Одной из классических крайних фигур крайнего эвфемизма в риторике является фигура антифразы. Антифраза — это когда, например, человек увидит карлика и говорит: «Подрос ты здорово, продолжай в таком же духе и дальше». Вместо того чтобы назвать карлика карликом, он называет его некарликом. Или когда человека выгнали с работы, лишили зарплаты, оставили без средств к существованию, ему говорят: «Ну, тебе повезло, теперь ты заживешь!» Вот это антифраза. Она чаще всего используется иронически.

Но в данном случае для социологии глубин неважно, почему мы называем карлика некарликом — из иронических побуждений или из каких-то других. Самый главный момент здесь в том, что в режиме эвфемизма, и особенно в режиме антифразы, происходит приручение отрицательных явлений.

Режим ноктюрна еще характеризуется следующей стратегией — использованием операции уменьшения, «лилипутизации». Если в режиме диурна все приобретает гротескно огромные черты — великаны, небоскребы, то в режиме ноктюрна, напротив, все уменьшается. Это режим матери, которая держит ребенка на руках. Миниатюриза-

ция предметов. Например, легенда о Мальчике-с-пальчике. Множество сюжетов, где фигурирует что-то совсем небольшое: мужичок-с-ноготок, грибок, сучок, стручок, горошинка, дюймовочка и т. д., — характерный признак режима ноктюрна.

Также к режиму ноктюрна принадлежат уменьшительно-ласкательные суффиксы — коробочка, человечек, Вовочка, Леночка и т. д. Если вы сталкиваетесь с навязчивым употреблением уменьшительно-ласкательных суффиксов, вы имеете дело с режимом ноктюрна. И наоборот, если есть тенденция к преувеличению — чудище, человечище, волчище и т. д., это, как правило, верный признак диурна.

Бездна и чаша

Для диурна также характерны образы, которые связаны с падением. Это падение как таковое, особенно падение в бездну, резко вниз, вдоль отвесной стены. Мы часто видим эту ситуацию в американских фильмах. Если вы обратите внимание, в русских фильмах очень редко кто-то куда-то несется, а тем более падает. А если вы посмотрите американские, в них обязательно кто-то да падает. Хоть раз. Либо что-то падает и бьется. Не так важно, что это или кто это, — в любом случае проявляет себя образ бессознательного. В русских фильмах, даже в сегодняшних «либеральных», очень редко предметы, а тем более люди, падают вниз, в пропасть, срываясь, скажем, с десятого этажа. А в американских все летят. Это признак катаморфности системы символов, которые работают в режиме диурна. В режиме диурна герой постоянно сталкивается с бездной. Он должен либо лететь, либо низвергнуться вниз. А вот в режиме эвфемизма бездна начинает выступать в форме чаши. Образ один и тот же. Ночь, женское начало, как иное, нежели мужчина (или субъект). Но диурн воспринимает это как гигантскую зияющую бездну (преувеличивая), а ноктюрн уменьшает бездну до чаши. Если кто-то кому-то дарит чашку, например, на день рождения или в качестве подарка к празднику, надо понимать, что вам дарят бездну, но бездну в режиме нок-

тюрна, бездну прирученную, бездну, которую ласково назвали «чашкой». То есть ее эвфемизировали вплоть до антифразы.

То, что является объектом ужаса, ненависти и преодоления в режиме героического диурна, в режиме ноктюрна (в режиме царства матерей) представляет собой небольшие компактные предметы, которыми можно завладеть, поставить в шкаф, которые могут стать своими, и тем самым их острота и отчужденность, опасность и риск, в них заложенные, снижаются и испаряются.

Болезнь — это здоровье

Режим эвфемизма постоянно проявляется в языке, на котором мы говорим, встречается в семантике многих понятий, которыми мы пользуемся, не задумываясь об их значении и происхождении. Вот яркий пример того, о чем идет речь, — слово «болезнь».

Слова «болезнь», «боль» произошли от слова «большой», «болий», то есть «здоровый», «полноценный», «хороший». Изначально это был эвфемизм. «Здоровьем» называли его отсутствие. Боль (страдание) названа отсутствием боли (страдания). Болезнь названа здоровьем. Это типичный эвфемизм, который стремится заручиться поддержкой противника, врага, войти в альянс с источником болезни, привести его на свою сторону, ускользнуть от жесткого героического противостояния. Оказывается, в словах, в корнях привычных русских слов сплошь и рядом наличествует прямо противоположное значение. Здесь мы сталкиваемся с субститутом понятия, которое было слишком страшным и опасным, чтобы его откровенно упоминать. Только знахари и волхвы знали такие «героические» диурнические названия болезней, которые бытовали в старорусском мире. Как, например, «огневица» (жар, лихорадка) или двенадцать сестер-демонов (12 «трясовиц») и т. д. Поэтому все болезни имели свое собственное название. Но назывались они совокупно эвфемизмом — здоровьем. Если человек больной, значит, здоровый, то есть большой, цельный. Это одновременно и пожелание ему выздороветь, и субститут собственного имени болезни.

Стокгольмский синдром

Основные образы диурна — это падение, стрела, свет, восхождение, взлет, полет. Когда мы во сне летаем или стремительно взбираемся куда-то, это означает, что нас захватывают классические образы диурна. И напротив, в ноктюрне преобладает фигура женщины, матери, чувство комфорта, ощущение мягкости, ритмические колебания, образы воды и земли. Сюда же относятся смутные, едва различимые пейзажи и эвфемизация, уменьшение всех предметов до умаленных, безобидных, нейтральных явлений. Различие режимов четко фиксируется на отношении к врагам. Ноктюрн испытывает к врагам неуместные в ситуации «друг–враг» чувства. Безразличие, невнимательность, игнорирование, иногда неуместная жалость или даже становление на их сторону (предательство, коллаборационизм). Так называемый «стокгольмский синдром» — типичное проявление режима ноктюрна.

«Стокгольмский синдром» — это ситуация, когда террористы захватывают заложников, а те в свою очередь начинают помогать террористам осуществлять их замысел. Отчасти это связано с тем, что в рамках диурна — то есть с ясным сознанием и прямолинейными чувствами — очень сложно вынести напряжение, когда человек становится заложником злой силы, превосходящей его по возможностям, способной сделать с ним все, что угодно. Для того чтобы смягчить это состояние, заложник переходит на сторону террористов, переключая диурн на ноктюрн.

Воинский диурн: укрепление «я»/разделение мира

Есть типичные психические явления, которые связаны с этими режимами. Они формируют, если говорить о патологических случаях, ряд специальных психиатрических диагнозов, которые могут быть разделены по модели «диурн–ноктюрн». Если говорить о здоровых людях — это просто определенные психологические склонности. Здесь очень важно обратить внимание на то, что, действуя в рамках режима диурна, человеческое существо разделяет окружающий мир и укрепляет собственную идентичность. То есть эго человека, его «я» становится все более и более

крепким, а внешний мир все более и более разделяется на детали, фрагменты, части.

Укрепляя свою собственную идентичность, человек в рамках диурна расчленяет внешний мир, практически анатомирует его. Он видит все больше и больше различий вовне и все меньше и меньше — внутри. Человек становится волевым, эгоистичным, жестким, механистичным, рациональным. Это эгоизм не потребления, а навязывания, эгоизм власти. Диурн не тянет к себе (это как раз дело ноктюрна), но излучает волю и приказы вовне.

Люди диурна — люди активные.

Самый яркий пример — воинская каста. Воинская каста традиционных обществ, особенно древних, представляла собой классические формы режима диурна. В частности, можно вспомнить Кухулина, героя кельтских преданий, который, когда бился с врагами, впадал в раж, ничего не видел перед собой, уничтожал все на своем пути. И для того чтобы его остановить, когда бой закончился, то сначала выводили женщин, чтобы он на них посмотрел, а потом окунали его в бочку, в воду (опять-таки режим ноктюрна). Постепенно героическое горение, властный воинственный жар сходили на нет. Вот это классический пример архетипа воина.

Диурн — это королевско-воинское направление, героический тип. Важно отметить, что с точки зрения психологического устройства человек режима диурна укрепляет свое «я» и разделяет внешний мир.

Материнский ноктюрн: рассеивание «я»/склеивание мира

В режиме ноктюрна все происходит строго наоборот. Здесь происходит стремление связать внешний мир, начинает работать мистическая интуиция (поэтому называется мистическим режимом у Жильбера Дюрана). В режиме ноктюрна человек соединяет предметы внешнего мира, но при этом расчленяет собственное эго. Эго рассеивается по предметам, по вещам. Мир становится клейким, вязким, одно обязательно связывается с другим во внешнем мире. Человек становится на сторону объекта. Это развертывается в

мифе, в психологии, в бытовом поведении, во снах, в языке. Внешний мир становится добрым, женским, обволакивающим, проблемы решаются заклинаниями, уговорами, часто способами «магическими», «волшебными», то есть сами собой. В основе — интуиция единства мира.

Если в режиме диурна мир раскалывается, а субъект консолидируется, то в режиме ноктюрна, наоборот, раскалывается, рассеивается субъект и склеивается мир. Он менее сконцентрирован на своем эго, менее рационален, менее эгоистичен. Он более готов как-то пойти навстречу другим, солидаризоваться с внешними импульсами, с компанией. Это очень социальное явление — режим ноктюрна, потому что здесь одно легко перетекает в другое. Мир соединен, человеческое «я» не слишком настаивает на себе, готово выслушать другого, готово встать на сторону другого, готово быть в каком-то смысле альтруистичным.

Эти два режима очень похожи на описание мужского и женского начал. В режиме диурна мы видим проявления мужских типов — воины, эгоисты, люди, сосредоточенные на самих себе, но расчленяющие, ломающие все вокруг. В режиме ноктюрна мы видим женскую, материнскую мягкость, понимание, любовь, интимность, деликатное и сочувственное вхождение в другого, в окружающий мир, в детей. Женщина носит ребенка в себе, поэтому у нее есть опыт того, как другое существо находится внутри нее, едино с ней.

Архетипы и анатомический пол

Дальше мы сталкиваемся с довольно неожиданным и интересным обстоятельством. Когда социологи и психологи (в частности, однофамилец Жильбера Дюрана — Ив Дюран) стали статистически изучать структуры воображения реальных (анатомических, физиологических) мужчин и женщин, обнаружилось, что прямой связи между режимами бессознательного и полом человека, которого тестировали, не обнаружили. Оказалось, что эти образы живут сами по себе. Они пребывают в бессознательном, предопределяясь не столько полом, сколько некой внутренней логикой связи определенных символов, установок, мифологических тра-

екторий. Мы могли ожидать, что в тесте измерения архетипических параметров женщины будут отвечать образами уменьшенными, смягченными, смазанными, расплывчатыми, гладкими (ноктюрн), а мужчины — резкими, изломанными, гигантскими, конфликтными (диурн). Но огромная работа, проводимая в течение сорока лет исследователями имажинэра, показала, что никакой связи между архетипами и полом нет. Образы, архетипы и режимы имеют половой характер, но к реальным полам они относятся произвольно. Это привело социологов глубин к нескольким важным выводам.

Во-первых, между этими режимами могут быть переключения. В некоторых случаях мужчины, равно как и женщины, действуют то в режиме диурна, то в режиме ноктюрна. Режим не связывается раз и навсегда ни с полом, ни с личностью. Он связан только в рамках совокупности символов, архетипов, образов и соответствующих им импульсов бессознательного. Во-вторых, сплошь и рядом именно женщины, которые социально и культурно в условиях фактического патриархата живут в режиме ноктюрна, куда их помещает социум, внутри себя носят гораздо больше героического и даже культивируют это героическое, нежели можно было бы подумать. Эта компенсаторика существенно выравнивает статистику соотношений мифологического пола и пола физиологического. И наконец, симметричное явление можно заметить при тщательном психоанализе мужчин — многим из них чрезвычайно трудно носить социальную маску воина, и их психика тяготеет к женским архетипам. Изменение общественной морали и смягчение отношений к гомосексуалистам позволяет все большему числу мужчин признать открыто свою нетрадиционную ориентацию (то есть свой ноктюрн). В американской социологии публичное признание себя гомосексуалистом называется специальным термином «coming out».

Феминоиды и мускулиноиды

Чтобы корректно и систематически описать эту рассогласованность, социология глубин вводит два понятия — «феминоид» и «мускулиноид». Мускулиноид — это не фи-

зиологический мужчина, а феминоид — это не физиологическая женщина. Феминоид — это женоподобная совокупность образов и знаков, это ноктюрн в его автономном состоянии, пространство и время невест и матерей, собранное в одном сконцентрированном выражении. Мускулиноид — это аналогичная, но только мужеподобная совокупность.

Мускулиноиды и феминоиды как типы или как регистры бессознательного распределяются по реальным полам в очень сложном соотношении. Мы не говорим, что это происходит вопреки полу. Мы не говорим также, что это происходит произвольно. С одной стороны, есть определенные закономерности распределения типов, которые характеризуют структуры бессознательного, структуры мифологических заданностей в связи с культурой, социальностью, историей, религией, этносом и т. д. Однако, с другой стороны, атрибуции феминоидов и мускулиноидов к физиологическому полу в разных социокультурных средах варьируются. Безусловно, какая-то взаимосвязь в этой системе определенно наличествует, но на сегодняшний момент исчерпывающих данных, которые могли бы выстроить однозначную статистическую модель этих соответствий, нет. Совершенно ясно лишь одно: пол мифологический и пол физиологический не являются автоматически тождественными практически ни в одной современной социокультурной общности.

Параноики и маньяки диурна

Пока мы разобрали, как действуют режимы диурна и ноктюрна в относительно здоровом, нормальном существе. Но болезненная гипертрофия каждой из этих архетипических групп несет в себе психическое заболевание вполне определенного свойства.

Переразвитый режим диурна в мягкой, но уже патологической стадии влечет за собой неврозы. Так дуалистическое стремление подавляет ночные регионы бессознательного, которые атакуют сознание снизу, провоцируют невротические синдромы — обсессии, истерии и т. д. По Юнгу, с неврозом еще можно совладать, так как рациональ-

ные ментальные системы функционируют в полную силу и способны справиться с импульсами из бессознательного. В тяжелой форме гипертрофия диурна дает паранойю.

Склонность героического мифа рассекать объекты внешнего мира, разделять их проецируется на все вокруг вплоть до внутренних состояний, и параноик опускается со своим сверхконсолидированным эго вглубь психики, где начинает вести себя по законам дня, хотя давно уже вступают в силу законы ночи. Больной начинает разделять и расчленять все окружающее (внутреннее и внешнее), вплоть до маньяков, которые расчленяют тела.

Есть нормативный, нормальный диурн, а есть патологический. Не случайно воины любят войну, ищут стычки, битвы, драки, дуэли. Архетип воина принадлежит к диурну. В здоровом случае, как правило, воин, военный — это нормальный человек, который просто тяготеет к стихии войны. В патологическом случае мы имеем садиста, маньяка, изверга, тяготеющего к убийствам, насилию, издевательству, пыткам, получающего удовлетворение от терзания чужой плоти, вскрытия, расчленения. Но архетип один и тот же, это архетип разделения, режущего меча.

Ноктюрн и шизофрения

В патологических формах режима ноктюрна, напротив, преобладают различные формы шизофрении, когда у человека распадается «я» и появляются несколько «я», они рассеиваются, дробятся, разбегаются, а мир, напротив, склеивается, связывается. Это ясно видно у эпилептиков. Перед припадком страдающие этой болезнью не могут произнести ни слова, они не могут разделить слоги и звуки. Семейство шизофрений и эпилепсий принадлежит режиму ноктюрна, а семейство параной и в более легкой форме неврозов суть патологии режима диурна.

Три кита социологии глубин

Приблизительно так устроено коллективное бессознательное. Оно обладает тремя группами архетипов, фундаментальных имагинативных схем, установок, которые предопределяют траектории множества психических и социаль-

ных процессов — образование социальных институтов, структуру психики, поведенческие паттерны и т. д. Все социальное (рациональное, логическое, организованное, упорядоченное — относящееся к миру бодрствования) — государственное устройство и устройство общества — покоится на трех невидимых китах, на трех комплексах архетипов. Когда мы попадаем, например, в схему героического архетипа, то его внутренняя структура начинает нас увлекать за собой, довлеть над нашими выборами, над нашими реакциями, над нашими шагами, над созданием тех или иных социально-политических, экономических моделей. Существует автономная логика мифа диурна, автономная структура героических и постуральных архетипов.

Точно так же существует столь же увлекающая, затягивающая в себя структура ноктюрна — нутритивно-дигестивных «мистических» символов и драматических символов.

Доминация одного из этих трех начал, или неравное сочетание некоторых из них, или, наконец, пропорции между всеми тремя — предопределяют культуру и социум, их глубинную матрицу. Социокультурная топика, в свою очередь, предопределяет государственно-политическое и экономическое устройство. Таким образом, имея в руках такой инструмент, мы можем более глубоко и точно — многомерно — анализировать процессы, которые протекают в нашем обществе на вполне конкретном уровне. К социологическому анализу добавляется «мифоанализ» (или юнгианский психоанализ, уточненный Дюраном), что позволяет добиться кристально точного описания и объемной и непротиворечивой интерпретации многих явлений, представляющихся, на первый взгляд, аномалиями и неразрешимыми парадоксами[1].

Структура логоса

Мы начали изложение социологии глубин со схемы, где рассматривали социальный логос и миф. Сейчас мы рас-

---

[1] См.: *Durand G.* Figures mythiques et visages de l'oeuvre: de la mythocritique la mythanalyse. Paris: Dunod, 1992.

смотрим эту же схему на новом уровне. Мы представляли такую схему: «логос/мифос». Знаменатель — это мифос, но это же и имажинэр. Структура мифоса совпадает со структурой имажинэра. Структуру имажинэра мы разбили по трем группам. Теперь внимательнее рассмотрим, что такое логос?

Логос — это рациональная деятельность, которая конституирует субъекты (сознание) и объекты (вещи), строго разделенные между собой, выстраивает между ними системы различных, описанных у Аристотеля отношений, укладывающихся в четыре основных закона:

- закон тождества (А = А),
- закон противоречия («А не есть не-А»),
- закон исключенного третьего («А или не-А») и
- закон достаточного основания («А истинно, потому что есть достаточное основание В»).

Все законы логики построены на жестком принципе разделения, расчленения, разведения пропозиций по жестко структурированной, ясно и четко увиденной схеме. Не напоминает ли вам структура логоса вообще как таковая какой-то из трех режимов бессознательного, которые мы рассматривали? Можно не гадать, это — дневной режим, диурн. Конечно, дию́рн.

Итак, оказывается, что из трех групп архетипов (из двух режимов) вообра́жения один — дневной режим — выбивается на поверхность из знаменателя и порождает логос, рациональность, логические структуры. Если мы доведем до конца диайретический характер героического мифа диурна, то в пределе получим уже не мифос, а логос. Обратите, однако, внимание на то, что в структурной социологии является очень важным моментом: при всей близости мифологического режима диурна к логосу они не тождественны. Логос представляет собой лишь один из вариантов режима диурна. Режим диурна шире, он включает в себя иррациональное, то есть остается в первую очередь мифом. Мифом со всеми его фундаментальными особенностями — мифическими рассказами, символами, знаками, ролевыми замена-

ми, повторениями, «мифемами». Логосом диурн становится только при определенных условиях, и то не весь, а лишь его часть. Логос появляется из режима диурна, из мифа, и выбирается в числитель. Ноктюрн же как был в знаменателе, так он там и остается. Ноктюрн не поднимается вверх, и напротив, при подъеме мифа диурна остается как осадок, даже более того — заталкивается диурном еще глубже. Но тем не менее не весь диурн переходит в режим логоса. Часть его остается в знаменателе и развертывает свои структуры в бессознательном. Рациональная культура, которая сложилась в Древней Греции и которая позже породила западноевропейскую цивилизацию, безусловно, вытекает целиком и полностью из режима диурна. Но изначально это была структура, воплощенная в мифах, обрядах, культах, в сложных метафизических теориях, и отчасти она там и осталась. Логос в числителе и миф диурна в знаменателе — эта дробь представляет собой особый частный случай общей дроби «логос/мифос». Ее более детальное рассмотрение очень поможет детальному анализу становления западноевропейской культуры и западноевропейского общества — как в философии, так и в науке, политике, обществе.

Дуалистический диурн в иранской религии

Возьмем пример режима диурна, который не приводит к рационализму в европейском духе: это древнеиранская (позже зороастрийская) религия. Здесь все жестко основано на дуализме. Эта религия, маздеизм, утверждает, что есть два бога — Ахура-Мазда (Ормазд) и Ангро-Манью (Ариман), они бьются не на жизнь, а насмерть. Ахура-Мазда создает мир как световой порядок и иерархию, а Ангро-Манью пытается его испортить. Ему не удается этого сделать в начале времен, но удается в конце, на последнем витке нисходящего цикла. Потом происходит финальная битва, появляется космический спаситель (Саошьянт) и власть Ахура-Мазды восстанавливается. Заметим, что древняя славянская (дохристианская) религия находилась под сильным влиянием иранской. Древними божествами славян были Чернобог и Белобог (позже Перун и Велес), которые сражались друг с другом, деля власть над двумя секторами Вселенной —

дневной и ночной. В индуизме это описано как битва девов (богов) и асуров (демонов).

Сама идея жесткой непримиримой борьбы двух начал — дня и ночи — относится к режиму диурна. Эта борьба отражает диурнический импульс привносить во все дуализм (меч) и устанавливать первенство, иерархию, власть (скипетр). Продолжение этого стремления в дальнейшем ведет к логике и доминации рациональности. Конечно, в своем истоке этот импульс еще не является вполне рациональным. До Платона и даже до досократиков (Гераклит, Парменид), прежде чем философы начинают оперировать в категориях рационального, этому предшествуют тысячелетия мифологической подготовки почвы развертыванием эксклюзивно диурнических мифов. Логос (и логика) появляется из мифа о диурне в качестве одной из его возможных моделей. Сам же диурн шире, чем логос и рациональность.

Диурн и индоевропейцы

Исследование того, как происходило рождение рассудка из мифа, позволило ученым, социологам воображения, понять и осознать глубинный процесс, развертывающийся в архаической культуре и постепенно приведший к возникновению современной цивилизации.

Во-первых, бросается в глаза то обстоятельство, что индоевропейские народы, по сравнению с другими, были приоритетно носителями мифа диурнического толка. В индоевропейской мифологии диурн и боги дневного света, чистого неба — однозначно доминировали. К индоевропейским («арийским») этносам относятся древние германцы, кельты, славяне, греки, древние индусы, древние персы (сегодня их прямые потомки — иранцы, осетины, таджики, пуштуны), скифы и сарматы (сегодня осетины) и т. д. В Средиземноморье, считающемся колыбелью современной западной культуры, лидирующую роль играли греки и позже римляне. Среди греков наиболее чистыми индоевропейцами были ахейцы. Причем до ахейцев и до, собственно, римлян на этой территории проживали другие народы — пеласги, микенцы, сабиняне и т. д. Поток индоевропейских ариев с 6-го тысячеле-

тия до нашей эры начинает распространяться по всей территории Евразии (одной из древнейших стоянок ариев, кстати, было городище Аркаим, у нас в России, на территории Челябинской области). Видимо, именно от этой точки начался древнейший раскол среди индоевропейских племен на протоиндусов и протоперсов. Славяне как индоевропейский народ в области мифов, легенд, преданий, языка имеют огромное количество связей с этим арийским пластом, что сохранилось в эпосе, в фольклоре, в пластах бессознательного.

Индоевропейский протоэтнос (индоевропейская раса) породил разнообразные культуры, доминировавшие от западных до восточных границ Евразии. На Востоке крайняя точка — это Индия, индоевропейская культура, где арии, смешавшись с местным населением, транслировали ему арийские мифы и социокультурные парадигмы.

Индоевропейские социальные институты и мифы приоритетно изучались крупнейшим европейским антропологом и социологом Жоржем Дюмезилем[2]. Это очень важный, ключевой для нашего курса автор, наравне с такими, как философы Рене Генон, Юлиус Эвола или социолог Луи Дюмон.

Индоевропейские народы являются приоритетными носителями мифа диурна. Все плюсы и минусы, которые мы видим в режиме диурна, — рациональность и паранойя, морализм и подавление, героизм и воинственность, упорядоченность и насилие — суть результаты развертывания мифологических архетипов, которые свойственны именно индоевропейцам.

При этом интересно, что куда бы ни приходили индоевропейцы, чаще всего они сталкивались с локальными культурами ноктюрна и на них накладывались. Из синтеза культур диурна (индоевропейцы) и культур ноктюрна (местные культуры евразийских этносов) складывались все известные нам общества, которые постепенно заложили основу современным институтам.

Дюмезиль разбирает культы Древнего Рима и показывает, что там существовало два типа божеств, изначально

[2] См.: *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

относившихся к разным этническим группам. Верховные боги — Юпитер и Марс, боги власти/порядка (скипетр) и войны (меч), были богами собственно римлян, считавших себя потомками троянцев (Язона). Эти боги были богами высших каст жрецов светлого неба (фламены) и военной аристократии. В общеримский пантеон была добавлена и третья категория богов, изначально связанная с местным населением Лации — сабинянами. Это были боги изобилия, богатства, успеха, земли, сельскохозяйственного производства. Это были боги ноктюрна, представленные богом Квирином и символом рога изобилия (или чаши), а также богиней Фортуной.

Можно сопоставить эти две группы с двумя полами — мужским и женским. И действительно, в классической истории о похищении сабинянок римлянами, вошедшей во все европейские хрестоматии изучения латыни с древних времен и остающейся там по наши дни, мы видим мужчин-римлян, отбирающих себе хитростью и силой жен-сабинянок. Но эта легенда описывает скорее баланс феминоидных и мускулиноидных начал в каждой из соответствующих культур, а не собственно анатомические полы. По одной из реконструкций древних индоевропейских обществ (Й. Бахофен, Г. Вирт), жречество в них было делом исключительно женщин, жриц, пережитки чего мы видим в институте весталок. Но тип весталок и индоевропейских жриц (как в случае другой касты воинов — валькирий, амазонок или иранских «фраваши») был именно мускулиноидным. Это были женщины-мускулиноиды. И наоборот, сплошь и рядом культы Великой Матери осуществлялись жрецами-мужчинами, иногда кастратами, то есть феминоидами. Показательна в этом смысле история о подкупе предводителем сабинян Титом Татием весталки Тарпии (с помощью чего ему удалось захватить Капитолийский холм). Мужчина-феминоид (собинянский царь Тит Татий) соблазняет женщину-мускулиноида (римскую весталку Тарпию), по логике феминоидных ценностей (богатство, деньги, материальные блага) заставляя ее отречься от мускулиноидных ценностей (честь, мораль, верность, аскеза, свет).

Режим диурна не связан, таким образом, напрямую с патриархатом и матриархатом, но связан с доминацией мускулиноидного начала. В патриархальной культуре индоевропейцев имели свое социально-религиозное место мускулиноидные женщины, и подчас они занимали привилегированное положение в социальной иерархии.

И наоборот, бывали феминоидные культуры, такие как доарийские культуры Средиземноморья, пеласгийские культуры, карфагенская семитская культура, где присутствовал патриархат, но патриархат феминоидный, основанный на торговле, обмене, извлечении выгоды, то есть на занятиях тем, что, собственно говоря, не принадлежало к занятиям, почитавшимся достойными в культуре диурна.

Из этой изначальной индоевропейской модели постепенно складывается представление о европейской аристократии, которая состоит из двух высших сословий. Высшим сословием классического европейского общества вплоть до XIX — начала XX века в России были представители светской аристократии, дворяне, потомки бояр или получившие дворянство за подвиги и славные деяния, и жреческое сословие — священники. Они представляли собой последних институциональных носителей мифа о диурне. А третье сословие — буржуа, капиталисты, а также ремесленники и примыкавшие к ним труженики и крестьяне — в индоевропейских культурах относилось к представителям ноктюрна. Мифы простонародья всегда существенно отличались от героических мифов высших сословий.

Героический эпос в русских былинах — это классическая форма издания мифа о диурне. Но если мы копнем глубже в бессознательное русского народа, то там встречаемся с совершенно другим регистром мифологии, с другим регистром сюжетов. Они принадлежат уже к иной области коллективного бессознательного и находятся под знаком ноктюрна, под знаком Великой Матери (мать сыра земля). Русские народные сказки фундаментально отличаются от русских былин и героических легенд, поскольку принадлежат к разным режимам, там действуют разные персонажи, у них разная мифологическая логика. Соответственно, это различие в устройстве бессознательного между социальны-

ми слоями и влияние разных регистров бессознательного на социально-политические институты сказываются в полной мере не только на истории, но и на современном российском обществе.

История и география русского имажинэра

Теперь перейдем собственно к русской истории и к русской географии воображения, воображаемой географии.

Не оставляет сомнений то, к какому типу принадлежит русская культура в целом с ее классическими главными темами, главными субъектами и главными моделями толкования мира. Совершенно очевидно, что русская система воображения, русский имажинэр, принадлежит к приоритетному режиму ноктюрна. Эта особенность, впрочем, не является исключительным свойством русского имажинэра среди большинства индоевропейских народов, в целом тяготеющих к диурну. Кроме славян есть и иные арийские народы — кельты, тохары, поздние формы индийской культуры (после смешения с аборигенами Индостана — по большей части с черными дравидами), также тяготеющие к преобладанию ноктюрна. В германской и скандинавской мифологии народы ноктюрна (хлеборобы, миротворцы и колдуны) описываются как ваны, противостоящие диурническим (воинственным, агрессивным) асам.

Германская мифология подчеркнуто диурническая, героическая, и хотя у кельтов или у славян тоже есть богатыри и герои, тем не менее значительно больше сюжетов здесь связано с сюжетами ноктюрна — перипетии диалектики животного мира (волк, лиса, заяц, медведь), спуск в подземное царство, встреча с Бабой-ягой, попадание в дремучий лес и т. д. Влиятельные женские персонажи в славянском фольклоре доминируют. Это является одним из ярких признаков феминоидности культуры. Доминанта русской культуры — феминоидная, так же как и у кельтской.

При этом здесь добавляется важный момент смешения древних славян с финно-угорскими племенами, которые жили на территории России задолго до прихода славян. Сами древние славяне, возможно, в рамках всей индоевропейской культуры все-таки были несколько ближе к феми-

ноидам, чем к мускулиноидам (славяне — ваны, эстонцы так и называют русских до сих пор — «вэнэ»). А те, кто жил на территориях Среднерусской возвышенности до прихода славян, то есть преимущественно финно-угорские племена, представляли собой чисто феминоидный тип.

Хтонические и теллурические культуры по Лео Фробениусу

Этнолог и социолог Лео Фробениус разделял все культуры на теллурические и хтонические. Это очень близкая типология к ноктюрну и диурну. Теллурическая культура — это культура горок, холмов, курганов, пирамид, а хтоническая — культура ям, нор, окопов, землянок. Теллурические народы организуют пространство через систему выпуклостей. Хтонические культуры копают норы, залезают туда, скрываются, прячутся, там живут и чувствуют себя прекрасно. Это порядок вогнутостей, структура ям. Одни тянутся вверх, другие докапываются до глубин. Не верно считать, что одни здесь «плохие», а другие — «хорошие», одни — «высщие», а другие — «низшие», это совершенно неправильно. Просто одни считают, что смысл в высоте, а другие — что смысл в глубине. Между ними резкое различие культурных архетипических конструкций.

Явно доминирующим мифом, доминирующим мифологическим режимом в России является хтонический — «выкопать яму». Хотя, конечно, есть и элементы строительства, которые обращены вверх — терем, светлица, горница. Сейчас мы посмотрим, откуда они берутся.

Русское: в знаменателе женственность

Различение режимов чрезвычайно важно для понимания структуры русского общества, русского социума. Безусловно, доминантой воображения русского общества, русской культуры является ноктюрн, и причем ноктюрн мистического толка со всеми вытекающими последствиями. Мы говорили, что драматический режим более связан с ритмом, с эротическим напряжением, с циклической попыткой включить противоположности в драматический диалог. Это явно ближе к итальянцам, грузинам, к аргентинцам,

но только не к русским. Драматическая культура — тоже культура ноктюрна, но культура карнавала, культура бала, культура ритмических эротических напряжений, встреч и расставаний, круговращений, динамизма и перемещения. Возможно, первые славяне — путешественники, первопроходцы речных пространств, торговцы и покорители береговых пространств — имели эту ноктюрническую, но динамическую доминанту. Иначе как бы они освоили гигантские территории от Балкан до Урала, отнюдь не пустые, но населенные упорными и сложившимися этносами (правда, пребывающими приоритетно в режиме мистического ноктюрна, но тоже не всегда)?

И тем не менее русская культура постепенно переходит к режиму именно мистического ноктюрна, даже к его крайней форме — это стремление докопаться до центра вещей, до сути. Отсюда представление о всеединстве мира — русская философия полна идеей всеединства. По сути, в русской культуре мы имеем дело с феминоидным знаменателем. Если говорить о двухэтажной формуле культуры — логос/мифос, то в знаменателе у нас чисто феминоидный тип. Многие русские философы и поэты говорили о «вечной женственности русской души». Александр Блок и Владимир Соловьев отзывались о России как о Софии, Премудрости Божьей, «женской ипостаси Божества». Но в любом случае не было ни одного внимательного и серьезного исследователя России, который бы прошел мимо вот этой особенности русской культуры, русского настроя.

В «холодных», технических терминах социологии глубин Жильбера Дюрана, Дюмезиля, религиоведения Элиаде, психологии Юнга, изучавших архетипы, устройство общества, структуру воображения, все приобретает такое менее поэтическое, но зато конкретное обозначение. В русской культуре в знаменателе находится феминоидно-мистический тип бессознательного, который готов сам принести в жертву свое «я» и размазаться по миру для того, чтобы его объединить, склеить, собрать воедино. Поэтому русским людям очень важно то, что происходит на Кубе, в Африке, в Никарагуа, в Анголе. Они легко жертвуют своими собственными интересами для интересов других. Таков

глобальный, мистический, мессианский альтруизм. Русские прекрасно, пластично приобретают характер других народов. В какую этническую среду русского ни посади, он начинает тут же мгновенно мимикрировать. Это, кстати, совсем не само собой разумеется.

Сербская Швеция

Однажды я был в Швеции, меня туда пригласили живущие в Швеции сербы. Я проехал всю Швецию от Стокгольма до Мальме, но ни одного шведа не увидел; видел только одних сербов, которые плясали сербские танцы, пели песни. Сербы в Швеции остаются сербами. У них более диурническая идентичность — есть они сербы (они держат рестораны, водят такси, женятся на шведках или выходят замуж за шведов, но остаются сербами, в первую очередь сербами — подчас ездят воевать за Сербию в Боснию, Хорватию, Косово и снова возвращаются в Швецию, чтобы оставаться в ней сербами).

Русские как глишроидный тип

Но будет совсем по-другому, если вас пригласят представители русской диаспоры. Любой русский, который живет за границей, станет немедленно изображать из себя француза, американца, англичанина, будет стремиться быть еще большим «французом», «американцем» и «англичанином», чем сами французы, американцы или англичане. Своих соотечественников за рубежом русский будет сторониться, прятаться от них, пятиться. Если он услышит родную речь, то, скорее всего, высокомерно поморщится. Почему? Потому что в русских доминирует ноктюрн, феминоидный ноктюрн, который становится на сторону другого, забывая о себе. Отсюда пластичность, удивительная талантливость, одаренность русских людей, которые способны подражать, имитировать кого угодно, великолепные способности к музыке, театру, пластическим искусствам. Русская культура, русское искусство являются непревзойденными в силу того, что для русского человека довольно легко перейти на сторону объекта, слиться с ним, погрузиться в него.

В Германии же, например, доминируют немецкая культура и немецкий стиль. Это — режим диурна, преимущественно героический стиль — в рациональном и нерациональном его аспектах. В любом случае, идет ли речь об артократии Вагнера и его героических мифов или о немецкой философии Канта, Гегеля, Лейбница, мы везде видим доминацию героических, различающих (иногда рациональных, иногда нет) начал. Русские же с огромным трудом отличают одно от другого, но не потому, что они глупы, а потому, что у русских иная установка в знаменателе.

Мы такие, потому что мы с точки зрения психологии представляем собой глишроидный тип. Глишроидный тип — это тип, который вискозным образом склеивает предметы вокруг себя. Склеить, не отделить, а соединить, не различить, а слепить одно с другим — это огромная работа, которая без устали ведется на уровне бессознательного в нашем народе. Велась всегда.

Возможно, это связано с тем, что русский народ вплоть до начала XX века в основном жил в режиме мирного сельского труда. Основой современного (а тем более исторического) русского народа являются, как правило, потомки крестьян. Мы с вами — потомки крестьян или потомки ремесленников. То есть мы принадлежим к тому, что можно отнести к области Квиринуса в трехчастной системе Дюмезиля. Однако й другие народы живут под знаком Квиринуса, но делают из этого другие выводы и свою культуру структурируют иным образом. Поэтому присвоение индекса феминоидности и мистического ноктюрна русской культуре говорит о многом, но не обо всем.

Тем не менее совершенно очевидно, что наличие в русском народе бессознательной доминанты ноктюрническо-феминоидного толка предопределяет нашу реакцию на все. Это утверждение, которое может казаться банальным или абстрактным, на самом деле является методологическим ключом к глубинному изучению социальных процессов, с которыми мы имеем дело. Почему, собственно, мы, русские люди, строим империю, почему у нас огромные пространства? И почему при этом мы видим, что у русских отсутствует инстинкт завоевателя? Посмотрите на англичан, на испан-

цев или португальцев, которые, захватывая новые области, активно населяют их, привозят рабов, уничтожают и подавляют местное население, подвергают его геноциду, начинают немедленно выкачивать из него все средства и обманывать, покупая обширные земли за пустые стекляшки или огненную воду. Манхеттен, купленный за бусы, с уничтоженным под корень местным индейским населением? Что это такое? Это — колониализм диурнического толка. Приплыли белые господа, которые начинают немедленно эксплуатировать местное население, и делают это безостановочно, пока у них это получается, покуда для этого хватает воли к власти. Русские строят империю совершенно иначе. Они все склеивают, что попадается под руку, слоняются без цели, без смысла, без особых задач, и постепенно территории, которые принадлежат другим, не менее интересным цивилизациям, отнюдь не являющимся пустыми или примитивными, оказываются в составе Русской империи. Просто это действует «русский клей», глобальный феминоидный «русский клей», который, не желая завоеваний, покорений, создания гигантских территорий, тем не менее выстраивает совершенно особую, поразительную, не имеющую, наверное, аналогов в мире, специфическую империю ночи, империю сна, империю женских сновидений, империю клея, которая собирает народы, пространства, хотят они того или нет, и может быть, являются в чем-то и жестче, и древнее, и разумнее, чем мы. Но мы постепенно их облекаем магмой русского народа. И вот русские «очарованные странники», которые описаны, в частности, у Лескова, идут без цели, без особой задачи, без каких-то определенных поручений. Или, например, им дают одно поручение, они его не очень поняли и начинают выполнять что-то другое. Почему они его не поняли? Можно ли сказать, что они идиоты? Нет, просто у них внутри, в бессознательном одно с другим настолько связано, что, выполняя что-то одно, они могут выполнить случайно другое.

Гетеротелия

Есть такой принцип, который является одним из главных понятий структурной социологии, — «гетеротелия», от греческого «гетеро» (иное) и «телос» (цель). Это очень ин-

тересный закон. Он гласит: в обществе все логически поставленные задачи обязательно дают другой результат. Если мы поставим задачу, например повысить число студентов, обучающихся в вузах, оно, скорее всего, сократится. Если мы поставим задачу сократить число студентов, обучающихся в российских вузах или во французских, это неважно, по закону гетеротелии, оно, вероятно, увеличится. Потому что в обществе так много разных влияющих на процесс сил, что результат всегда отличается от поставленной задачи. Это значит, что общество настолько живая структура, сквозь его рациональные модели проступает настолько много бессознательных факторов, что они просто не позволяют никогда, даже в самых жестких механистических системах, добиться точно поставленной цели. Закон гетеротелии и показывает нам колоссальное значение того нижнего этажа в обществе, который, как правило, уходит, ускользает от внимания классических социологов.

Социология воображения, о которой мы сейчас говорим, стремится восполнить этот недостаток и объяснить те вещи, те явления, которые классические социологи не схватывают. Постепенно социология глубин, структурная социология, вытесняет собой предшествующие социологии именно потому, что если в обществе действует гетеротелия — поставили целью одно, а получили обязательно что-то другое, значит, изучать общество только рациональными способами невозможно. Значит, надо понять, где, по какой логике и на каком этапе происходит сбой поставленных целей. Это один из главных принципов социологии глубин: в обществе действуют не только рациональные законы, но также и иррациональные, и не просто случайные всплески, помехи, аберрации, акциденции, но именно законы, устойчивые, структурные и относящиеся к логике мифа.

Русские сны

Если выделить пласт феминоидной культуры как социальную доминанту России, как русское коллективное бессознательное, как структуру русского воображения, которая аффектирует нашу политическую и социальную историю, мы не только можем объяснить и истолковать поэтиче-

скую природу русской литературы, русской культуры или русской психологии, но также и объяснить себе, почему в какие-то периоды, в каких-то ситуациях наше общество, наш народ и отчасти наше государство функционирует тем или иным образом.

Сновидения длятся не только тогда, когда люди спят, но и когда они бодрствуют. Соответственно, русские сны (во сне или наяву) — это феминоидные сны, это сны эвфемизма, уменьшения, склеивания, убаюкивания, с приоритетными образами мужичка-с-ноготка и мальчика-с-пальчика. Все время в нашем коллективном бессознательном идет работа по утихомириванию непримиримых пар оппозиций. Это, по сути дела, coincidentia oppositorum, принцип «совпадения противоположностей», который описан у Николая Кузанского[3]. Отсюда наша природная склонность к диалектике, к переходу одного в другое. Мы — в нашем бессознательном — не выносим противоречия, мы не можем понять, что одно отлично от другого, и если нам приходится все же различать и пользоваться логическими структурами, то мы настолько этого не любим, что сплошь и рядом готовы саботировать логику с ее четырьмя законами (на которых сновидение и ноктюрн «плевать» хотели). Отсюда упорная неприязнь к рациональным структурам со стороны русского народа, упорное неприятие доминации рационального начала. Это упорный саботаж, который ноктюрн в знаменателе осуществляет по отношению к логосу в числителе.

Русь и славяне, элиты и массы

Теперь давайте посмотрим, откуда взялся логос. Это очень интересно. Мы сейчас временно остановимся на обсуждении структур бессознательного и посмотрим с исторической точки зрения на то, какой логос доминирует в нашем конкретном обществе и что это вообще такое? И вот тут мы увидим нечто интересное: логос в русской истории практически всегда имеет внешнее происхождение, он экстернален по отношению к русскому обществу. Законы, прин-

[3] См.: *Кузанский Н.* Соч.: В 2 т. М., 1979–1980.

ципы, нормативы, социальные институты, относящиеся к рациональной части, в социокультурной структуре русского всегда приходят извне. Это очень важный, конститутивный момент. Рассмотрим русскую историю.

Рюрик приводит с собой дружину, которая именуется «Русь». Очень интересно, что «Русью» долгое время называли не весь народ и не все племена славян, а именно дружину варяжских князей. Имена «Руси» Ольгерды, Хельги, Ингвары — сплошь германские, норвежские имена. Возможно, эти элитные скандинавы, варяги, не были носителями рационального начала (логоса), но, по крайней мере, в русской истории приход варягов означает именно приход диурна.

Варяги — диурн, наложившийся, так же как и в очень многих других европейских государствах, на местные слои ноктюрна. И какое-то время, например у историка Соловьева это показано, существовал культурный дуализм между «славянами» и «Русью». «Русью» называли дружинников князя, а «славяне», в широком смысле, вместе с чудью и финно-уграми были представителями коренного народа и, соответственно, носителями феминоидного ноктюрна. Вот так и складывалась русская государственность. В этом заключалась изначальная парадигма русского общества, русской государственности, русской политической системы. Несмотря на то что она эволюционировала с течением времени и в значительной степени изменялась, нечто подобное дуализму между «славянами» и «Русью» мы можем встретить вплоть до сегодняшнего дня. «Славяне» — массы, «Русь» — элита.

Русь (диурн) и славяне (ноктюрн)

Давайте рассмотрим первый этап русской истории. Приходит «Русь», которая создает государство. Русь не просто приходит, ее приглашают местные феминоиды, которые обжились, накопили всего и говорят словами Нестеровой летописи: «Богатства у нас много, земля есть, а порядка нет». Что такое порядок? Порядок — это, конечно, не мистический порядок ноктюрна. Режим ноктюрна не создает порядка. Он может выкопать яму, детей нарожать, может на охоту ходить, грибы собирать, хлеб сажать, богатства

накопить. В принципе славянский порядок был гораздо живее, чем предшествующий ему финно-угорский, и потому, что славяне быстро плавали по рекам, валили и палили лес, сеяли хлеб, осваивали земли — в общем, «прибирали» потихонечку к рукам все, что находили на берегах. Славяне распространялись, богатели, осваивались, но порядка не было. Порядок как логос, как социальный логос, они решили искать где-то в другом месте. И нашли его у варягов.

Теперь немного о норманнской теории. Некоторые считают норманнскую теорию «измышлением немецких ученых XVIII века, которых Петр завез в Россию при организации Университета» и на этом основании отрицают ее. В Ипатьевской летописи, разобранной Татищевым, многие ищут сведения о том, что Рюрик был славянином, внуком Гостомысла, и т. д.[4] С точки зрения социологии глубин неважно, кем были на самом деле этнические представители варяжской знати, которые пришли вместе с Рюриком и создали политическую элиту первых эпох Киевской Руси, предопределив и всю позднейшую сословную структуру России. Но важно, что они были носителями чего-то иного, нежели большинство славян, носителями «нового порядка», другого режима бессознательного. И именно это отражено в летописях. Может быть, это какая-то искаженная правда, но это не принципиально. В истории призвания варягов мы сталкиваемся с классическим сценарием истории возникновения государств, который описан у множества других индоевропейских народов.

Тот же самый пример, о котором мы говорили, — это римляне и сабиняне. Местные сабиняне поклоняются Квиринусу, пашут землю, собирают богатства, занимаются ремеслами, копят материальные средства. Римляне, поклоняющиеся Юпитеру и Марсу, совершенно иной тип — они носители порядка, войны, иерархии, доблести, вертикали. Сочетание прибывших с Язоном первых римлян (Ромул и Рем) с местным населением сабинян дает полноценное Римское государство. В этом сочетании режимов диурна и ноктюрна — исток империи и ее социума, который яв-

---

[4] См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 2. М.; Л., 1963.

ляется образцовым не только для западноевропейских государств, но и для восточноевропейских — в частности, для Византии и ее политических наследников (Руси, Сербии, Грузии, Румынии, Болгарии, Греции и т. д.).

Похожий пример дает Франция. Основным населением этой страны являются потомки галлов. Галлы — это кельтский народ, который говорил на кельтском языке. Вначале их завоевали римляне, и тогда потомки галлов стали говорить на вульгарной латыни, а потом, когда Рим пал, Западно-Римская империя пала, их завоевали варвары-франки. Франки — это немцы, германское племя. Современные французы, которые построили образцовое государство, — это этнические галлы, которые говорят на языке первых завоевателей — римлян, а называют себя по имени завоевавшего их когда-то германского племени.

Нет ничего удивительного, что такие же ситуации повторяются с другими народами. Современные итальянцы не называют себя «сабинянами», они возводят свое происхождение к римлянам. И точно так же мы, русские.

Возможно, мы к «Руси», которая пришла вместе с Рюриком, то есть к варягам, имеем довольно отдаленное, косвенное отношение, но называем себя «русскими», хотя изначально мы все-таки в большинстве своем именно славяне. Славяне в социологическом смысле — не этнические славяне, а славяне как социальная группа и носитель мистического феминоидного ноктюрна.

Монгольский логос в русской истории

«Русь» (варяги) приходит и создает Киевское государство, потом ее (Руси) становится слишком много, потомки различных князей начинают между собой воевать. Когда мы берем историю феодальной раздробленности Руси, что мы видим? Вдруг брат у брата захотел отнять престол, Смоленский или Рязанский, и взял он тогда нож и сказал: «Брат, я тебя сейчас буду убивать». Классический диурнический миф: взял меч, показалось, что что-то не то ему сказали, сделали, а раз «не то», значит, все время и смерть, против которой борется диурнический тип, оказались прилепленными к своему противнику.

Начинается абсолютизация врага, раскол, междоусобица, так беснуется и клокочет варварский диурнический тип. Я думаю, что простые русские люди смотрели на это и думали: «Что же они между собой делят?», совершенно не понимая, что происходит в этой усобице, какова ее психоаналитическая и социологическая мотивация. Усобица доходит до определенной стадии. Русь как единое государство идет ко дну, начинается развал.

Тут появляются монголо-татары, которые являлись носителями еще одного типа классического диурна — на сей раз в чингисхановской модели. Новый всплеск диурна внезапно возник на сей раз среди монголов (чьими потомками являются, кстати, современные калмыки — народ, который перешел от диурна Чингисхана к сегодняшнему ноктюрну, в сегодняшней Калмыкии господствует ноктюрн). Великий полководец Чингисхан с его взрывом пассионарности, как писал русский историк и этнолог Лев Гумилев, — это носитель классического диурна[5]. Чингисхан говорил так: «Мы боремся со временем, мы боремся со смертью, мы боремся со всеми ноктюрническими структурами». С точки зрения Ясы Чингисхана, оседлые народы суть носители второстепенных ценностей, даже «антиценностей», и поэтому Чингисхан захватывает оседлый (комфортный и ноктюрнический) Иран, безжалостно уничтожает «разложившуюся», «негероическую культуру» Китая (драматический, копулятивный ноктюрн). И соответственно по ходу дела монгольские орды захватывают размежевавшиеся русские княжества, которые Чингисхан вообще, видимо, не замечал, когда отправил некоторых своих военачальников на запад Руси, а также на все остальные народы Евразии, которые жили в пространстве «поля», степей и лесов.

В российской историографии начиная с XVIII века стало доминировать представление, что монголы принесли русским только упадок, разложение и налоговые тяготы. На самом деле, монголы дали русскому ноктюрну порядок, диурнический порядок, — внушили стремление к органи-

[5] См.: *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

зации, к командованию и подчинению, рационализировали транспортную систему (ямские центры) и сбор налогов[6]. Они были носителями модернизации и рационализации русского общества. И совершенно не случайно, что после того, как монгольская модель, монгольский логос начинает распадаться уже в самой Золотой Орде, а до этого распадается сама империя Чингисхана, из-под монгольского господства русские выходят совершенно другими, нежели чем они туда вошли. Вошли они в монголо-татарское «иго» с расколом варяжской знати и недоумевающим, обалделым народом, который, как обычно, ничего сказать не мог, но явно отрицательно оценивал территориальную феодальную раздробленность.

Монголы показали, что такое рациональное единство, они заложили основу Московской Руси. Московская Русь — это в значительной степени результат того, что оставшиеся от первой, Киевской Руси владимиро-суздальские князья, Александр Невский и его потомки, переняли татаро-монгольскую модель управления, причем стали очень жестко придерживаться именно такой социально-политической системы. Относительно татар надо сказать, что изначально они были одним из монгольских племен, которые враждовали с монголами Чингисхана и которых поэтому войско Чингисхана гнало перед своими основными отрядами. Позже «татарами» стали называть тюрков. Так же как во Франции, галлы называли себя «французами», то есть одним из германских племен. В сегодняшнем татарском этносе доминирует в большинстве своем тюркский элемент, хотя Волжское булгарское царство, то есть волжские татары, — это еще и угры, то есть смесь тюрок и финно-угров.

Московская Русь, та ее часть, которая осталась у владимирских князей, основавших, собственно, Москву и сделавших постепенно ее центром государства, — это альянс княжеского гнезда Александра Невского и монголо-татарского логоса. Из этого синтеза создается Московское царство. Здесь сочетание монгольского порядка (диурн) с

[6] См.: *Хара-Даван Э.* Русь монгольская. Чингисхан и монголосфера. М., 1999.

остаточной рюриковской аристократией (тоже диурн). То есть мы имеем дело с числителем. Но, обратите внимание, а что мы видим в знаменателе? А в знаменателе что было, то и есть. — Славянский ноктюрн, смешанный с ноктюрническими режимами других местных этносов, преимущественно финно-угорских.

Это тоже очень важная закономерность. Вся национальная история России в ее рациональном аспекте делается в числителе. Здесь происходят все изменения, динамика, здесь смена логосов, столкновение между собой различных моделей политического управления. А в знаменателе царит вечность. Сны русского народа не меняются, какими они были, такими они в целом и остаются по сей день.

Варяжское Киевское начало меняется на ордынское монголо-татарское; освобожденное от татар Московское царство сочетает и то и другое, но логос, обратите внимание, все равно всегда остается внешний. Славяне как мистический ноктюрн никакого логоса из себя никогда не порождают, эту функцию берут на себя носители диурна, приходящие со стороны.

Логос как европеизация

Далее, пик логоса этого русско-татарского царства приходится на время Ивана Грозного, когда Русская империя становится очень мощной. Но эта империя построена именно по восточно-русскому образцу.

Потом идет Смутное время, Романовы приходят к власти, трагически прерывается род Рюриковичей. Романовы — это тоже потомки дружинников, бояр, того же самого, видимо, варяжского происхождения, хотя, конечно, уже ославянившиеся, обрусевшие. Они становятся во главе государства, в центре политической системы такой Московской Руси, которая подбирает и расширяет монголо-татарское наследство. Потом происходит катастрофа раскола.

С эпохи раскола, и особенно после реформ Петра, поднимается новая волна упорядочивающего логосного начала, на сей раз взятая непосредственно из Европы. Европа, как мы видели, есть поле преимущественной рационализации, логоцентризма, модернизации тех же самых индоев-

ропейских, в основном германских, народов; это — режим диурна. Соответственно еще одна волна диурна приходит к нам через Петровские реформы. Петровские реформы — это очередное издание внешнего логоса. Изначально пришел логос к нам, славянам, извне; и позднее он постоянно подпитывался или комбинировался с помощью внешних энергий; и вот наконец он пришел в форме западнической.

Здесь надо обратить внимание, что к XVIII веку западноевропейская культура начала массивную очистку логоса от мифологических компонентов. В основе западноевропейского логоса лежит диурн именно как миф. Но постепенно логос начинает избавляться от мифа, становится в оппозицию своему мифологическому источнику, своей мифологической матрице. Здесь дробь «логос/мифос» в полном смысле действенна, и между числителем и знаменателем наличествует четко проявленный антагонизм. Таким образом, после Петровской реформы и процессов, коренящихся в этих реформах XVIII века, мы привносим в нашу государственность еще одну модель нового внешнего логоса, но на сей раз логоса, фундаментально отстраненного, очищенного от своего диурнического мифологического начала.

Если Рюрик был священный харизматический, мифологический норвежско-германский берсеркер, а Чингисхан — харизматический объединитель глубинного евразийского мифа — мифа о вселенском пространстве, то уже приехавшие в XVIII веке и создавшие, в частности, наш Московский государственный университет преподаватели из Германии, говорящие на латыни, несли с собой логос, рационализированный и противопоставленный мифу. Конечно, и эти преподаватели-немцы, основоположники русской науки, были потомками германских воинов, берсеркеров, но ко времени приезда в Москву и Санкт-Петербург они уже более 1000 лет упорно работали над тем, чтобы избавиться от мифологических элементов своей собственной культуры.

Когда мы берем западную, европейскую культуру, мы видим, что их логос (это самое важное, пожалуй) вырастает из их же мифоса. Потому что их миф — это миф диурна, и логос вначале прорастает из него, а уже потом становится в оппозицию этому мифу.

Первая попытка рационализировать миф встречается у Платона. В рамках греческой культуры этот процесс происходит естественным образом. Из их бессознательного прорастает их сознание, а потом уже начинает войну с собственным бессознательным. Это можно назвать таким термином, как «эндогенная модернизация», то есть переход конгруэнтного мифоса в конгруэнтный логос, хотя и не без проблем, естественно, тем не менее это происходит исходя из внутренних факторов. Миф Запада, миф индоевропейской культуры, германский миф — это миф диурна. Из него вырастает специфическая рациональность, рациональность, которую мы сегодня считаем единственной, основной и универсальной. И поэтому на Западе это происходит относительно гармонично.

В нашем случае мы видим, что логос постоянно приходит извне. Соответственно, это экзогенная модернизация, потому что с местным бессознательным этот логос, который является продуктом нерусского, неславянского диурнического мифа, никак не связан. Отсюда фундаментальное непонимание между верхами и низами, крепостничество, холопство — и отсюда самая главная проблема русского общества, которое основано на фундаментальном противоречии между славянским ноктюрническим базисом (естественно, это не экономический, а мифологический базис) и заимствованной надстройкой — в форме логоса, который импортирован извне.

Социализм и сны

Дальше мы видим, что когда эта система петровской западнической модернизации доходит до определенного пика, появляется новый логос, на сей раз марксистский, когда снова группа европеизированной интеллигенции (но в данном случае разночинной, революционно-демократической) находит на Западе идеологию, призванную сменить собой эту монархическую романовскую разлагающуюся модель.

Логос марксизма был заимствован. Маркс — западный автор, который писал по-немецки, этнический еврей. У него совершенно другие, нежели у русских, ментальные конструкции, другая культура, другое представление о мире,

но впервые (и вот это очень важно) в этом марксистском логосе (позже в советском логосе, который захватил власть в России в ходе большевистской революции) открылись шлюзы для того, чтобы русское бессознательное («русский ноктюрн») смогло бы выплеснуться наружу. Марксистский логос полагал в перспективе коммунизм, волшебное царство слияния всего со всем. «Коммунность», «коммунотарность», «коммунизм» означает общее, всеобщее. Коммунизм впервые за многие столетия русской истории в качестве фундаментальной цели поставил нечто, что прямо резонировало с русским коллективным бессознательным, отвечало глубинным импульсам мистического ноктюрна. Поэтому Великая Октябрьская социалистическая революция была уникальным явлением. В ней формально заимствованный из трудов германских революционных и экстравагантных экономистов логос дал возможность хтонической культуре не просто тихо сидеть и бурчать про себя в подполье, как было раньше, а вырваться на поверхность и заявить о себе во весь голос. Это было связано с тем, что носители прежнего логоса (в виде политической элиты, в виде священников, дворян, жандармов и городовых) были вырезаны, уничтожены. Петровский, романовский логос был ликвидирован, произошла экспроприация экспроприаторов, и самое главное — носители прежнего упорядочивавшего начала были уничтожены как явление. Сложились новые элиты, которые вырвались из-под самого социального низа, из черты оседлости в виде еврейских эсхатологических мистиков, русские сектанты, хлысты, духоборы, просто русские люди из низов, крестьяне, которые впервые получили возможность участвовать в построении особой государственности. Это было восстание ноктюрна. Вся история советского периода есть история сновидения. Особенно в ранние периоды. Романы Андрея Платонова «Котлован» и «Чевенгур», поэмы Клюева и Блока (особенно «Двенадцать») иллюстрируют это состояние подъема народных низов и их особой мифологии. Платонов — писатель-реалист. Многие думали, что то, о чем он писал, — это преувеличение. Однако это не так. В повести «Котлован» Платонов описывал, как пролетарии рыли фундамент под «здание будущего». В ходе рытья они

забыли, зачем они роют, что роют, и просто отчаянно рыли и рыли. Их жизнь, мысли, переживания, их диалоги — это целая энциклопедия русских мифов в советской коммунистической форме. Нечто подобное (рытье великого котлована ноктюрна) происходило и в советское время, поскольку в нем была осуществлена, может быть даже вопреки самому марксистскому логосу, русская утопия. Маркс явно не эти задачи ставил, не так видел историю, не так понимал революцию, социализм и коммунизм. Он был уверен, что в России невозможна социалистическая революция именно потому, что не пройдены последовательно все этапы модернизации, не создана полноценная капиталистическая система. Маркс был абсолютно прав, но прав с точки зрения марксистского логоса, но тут в дело вступил русский мифос, это он подключился к марксистскому логосу и создал советскую систему, мир русско-советских сновидений, ориентированный на реализацию мистического всеединства в будущем.

Конец советской власти: мифоаналитическое объяснение

В чем была причина краха советского общества? Дело в том, что когда столько много русских людей, то есть социологически «славянских» людей, попало во власть (в логос), они начали трансформировать эту власть под свою вековечную парадигму ноктюрна, стали склеивать в духе глишроидного синдрома. Постепенно сформировалась «славянская» бюрократия. Бюрократы, когда их перестали уничтожать, как Сталин, сотнями тысяч, чтобы они работали, а не спали, начали окапываться, осваиваться в логосе как в норе, коснеть. После того как кончился цикл репрессий и героический период ленинско-сталинского, волшебного сновидения, началось всеобщее засыпание. Активное сновидение, режим коллективной коммунистической галлюцинации перешел к режиму релаксации, отдыха, расслабления. Общество стало стремительно погружаться в ноктюрн в его пассивном, убаюкивающем аспекте. При Брежневе действительно начался сплошной «Груз-200» (как в фильме Балабанова), незаметный спуск культурных

архетипов ниже само собой разумеющихся планок, распад на разрозненные элементы, полное размазывание «я» по недоуменно-непонятному внешнему миру.

Я лично знаю Горбачева и не представляю себе, что ноктюрнический человек с вискозным сознанием мог бы управлять какой-то другой страной. Он клинически невменяем, спокоен, рассудителен, как бывает только во сне. Вполне русский мужик, крестьянин, хлебороб. Возможно, он хорошо бы плел лапти, сеял и жал, но он человек чистого мистического ноктюрна. И вместе с тем он был поставлен в ситуацию, когда надо было отвечать за логос гигантского государства, раздираемого внутренними проблемами, окруженного вполне диурническими и вменяемыми врагами.

Здесь открывается парадоксальный момент. С одной стороны, советская система была реализацией народных чаяний, отсюда та фанатическая поддержка советского строя со стороны широких народных масс, с позиции бессознательного. Когда изредка советские люди думали, просыпались, включались в то, что происходит, они могли встать и в оппозицию советской власти, но этого не происходило, так как большинство-то у нас не думало и сейчас не думает, и поэтому поддержка коллективного бессознательного советской власти была гарантирована. Но одновременно это коллективное бессознательное в режиме мистического ноктюрна — его благожелательность, миролюбие, пассивность, его эвфемизм — и стало источником катастрофических событий, которые привели к концу советского периода.

Коллективное бессознательное в советский период получило доступ к логосу. Здесь в принципе впервые в русской истории мог бы сложиться собственно русский логос, славянский логос — логос, который бы сочетал мистический компонент бессознательного с организующими моделями, построенными на его собственной, а не навязанной извне основе.

Этого не случилось на практике, но схематическое описание той возможности мы видим в феномене «национал-большевизма». Это было периферийное на-

правление в политике белой эмиграции, которое развивали в 1920–30-е годы сменовеховцы, Н.В. Устрялов, Ю.В. Ключников, а с советской стороны Исайя Лежнев, В. Тан-Богораз и др.[7] Национал-большевики пытались концептуально примирить марксистский рационалистический потенциал и интуитивно воспринимаемую ими структуру русского коллективного бессознательного. Ярчайшим символом такого национал-большевизма является великий русский поэт Николай Клюев. Если внимательно исследовать его творчество (особенно в 1920-е годы, пока его еще не начали преследовать), мы увидим, как русские классические мифы, легенды, сказки, образы, сновидения, даже русские патологии, связанные с феминоидностью, пытаются сомкнуться с советской социальной рациональностью, с советским логосом, с красным логосом. Клюев — это парадигма того брака между советским логосом и русским мифосом, русским коллективным бессознательным, который мог бы сложиться, но не сложился.

Политическим движением это не стало, марксизм остался строгим догматическим марксизмом и постепенно, оставаясь строгим марксизмом и не делая поправок на русскую сказку, создал бюрократическую систему, которая постепенно стала отрываться от чаяний народа. Хотя для того, чтобы жить, она должна была опираться на русские народные мифы. Сталин понял это в 1942 году, когда перед лицом фашистской агрессии обратился к православию, восстановил патриаршество и сделал шаг навстречу тому, что ожидало от него темное, слепое, спящее русское бессознательное. Хотя этот поворот не был доведен до логического конца. Настоящего альянса между русским и советским, полноценного национал-большевистского альянса так и не произошло, не состоялось. Историческая возможность была, она была близка культурно, исторически и интеллектуально осмыслена рядом проницательных авторов, политиков, художников, философов — но, увы, не реализована. И именно из-за того, что она не была реализована, мы оказались в новой — уже постсоветской — реальности.

[7] См.: *Устрялов Н.* Национал-большевизм. М., 2003.

Контрольные вопросы

1. Что такое мускулиноид? Опишите этот тип.
2. Каким социальным типам соответствуют психические отклонения, обобщаемые под терминами «паранойя», «шизофрения»?
3. Как соотносились между собой социологически термины «Русь» и «славяне» в ранней русской истории?

Литература

Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007.
Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М., 2010.
Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. СПб., 2002.
Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994.
Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996.
Юнг К.Г. Психологические типы. СПб., 1996.
Durand G. Les Structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris, 1960.

РАЗДЕЛ 3

ЛОГОС И МИФ В РУССКОЙ ИСТОРИИ. СОЛНЕЧНЫЙ ТИП КАЗАЧЕСТВА

Национал-большевизм как социологический метод

Чтобы перейти к актуальным проблемам российского общества в рамках социологии воображения, надо разобраться с тем, что представляет собой современный этап российской истории в общем контексте.

Мы видели, как внешний логос в качестве экстернального порядка на разных этапах либо подавлял коллективное бессознательное русского начала (преимущественно ноктюрна), либо (эпизодически) вступал с ним в особые взаимодействия. Определенное взаимодействие, конечно, было всегда, на разных этапах, но оно всякий раз было различным. Уникальный формат взаимодействия, которое развертывалось между логосом и мифосом русского общества в советский период, стоит особняком, поскольку здесь русский миф и советский логос контактировали между собой более интенсивно и содержательно, нежели на прежних этапах истории (за исключением, быть может, периода правления Ивана IV).

Зададимся еще раз вопросом: что такое национал-большевизм? Исторически в качестве политического движения это не представляло собой никакого значения. Однако с точки зрения социологической эпистемы национал-большевизм (и в этом состоит его глубинное историческое значение, его

актуальность) — первая в русской политической мысли серьезная попытка посмотреть на то, каким должно быть в идеале соотношение русского знаменателя и социально-рационального числителя, который в нашей истории почти всегда был внешним, «экстернальным». Национал-большевики (и первые евразийцы) через анализ советского феномена с национальной точки зрения осмысляли, как создать русское общество (и возможно ли это!), которое было бы устроено на началах автохтонного «русского порядка» и где от народа было бы взято не только русское (ноктюрническое) бессознательное, но выведено еще и русское сознание. Согласно этой модели из русского бессознательного способна вырасти русская государственность, русское социально-политическое мышление, русский логос. У нас всегда был (есть и сейчас) русский (ноктюрнический) мифос, но у нас никогда не было полноценного русского логоса.

Национал-большевики, представители «скифства» — Блок, Есенин, Брюсов, Волошин, Хлебников, Клюев, Маяковский, поэты и философы Серебряного века — непосредственно чаяли, ожидали поворотного события русской истории (и на самом деле нечто подобное произошло в 1917 году). Накануне Октябрьской революции они грезили о том, что когда-то из русского бессознательного родится действительно самостоятельный русский логос, самостоятельная русская эпистема, русская наука, русская государственность, русский социум.

Мы видели, что ранее этот социальный логос приходил к нам из других мест — с Запада или с Востока, где он вырастал из своей собственной (мифологической) почвы. Германский логос родился на почве германского бессознательного мифа и, отталкиваясь от нее, состоялся, сложился. То же справедливо для греческого логоса, отчетливо появившегося у досократиков и восшедшего как звезда с Платоном и Аристотелем, захватив своим сиянием весь Запад. Об этом блестяще писал Мартин Хайдеггер. А русского логоса так и не было. У нас он мог бы быть (хотя, кто знает, мог быть или не мог бы, вот здесь действительно мы гадаем), но задумка, замысел, мечта о развертывании русского логоса, произрастающего на базе русского коллек-

тивного бессознательного, безусловно, есть. В этом смысле чрезвычайно интересен этот куст культурный раннесоветской литературы, шире, культуры и также примыкающие к ней произведения предреволюционного периода, когда русская интеллигенция жила ожиданием именно такого чуда. Тогда, в Серебряном веке, и в раннесоветской «мистической» национал-большевистской литературе был разработан макет этого русского логоса.

Действительно, «Котлован» Платонова и особенно его роман «Чевенгур» — это национал-большевистская утопия. Она может кому-то показаться ужасной, а кому-то прекрасной, но главное — в ней содержатся многие фундаментальные социологические черты — как будто гениальный инженер, исследуя глубокие структуры национальных сновидений, нарисовал проекты русского логоса, составил планы, схемы, чертежи, но... до конца это, конечно, не реализовалось.

В любом случае, хотя СССР и не стал в полной мере долгожданным браком между народом и властью, в этот период обнаружились наиболее глубинные аспекты собственно русской социологии — то есть механизмы устройства русского общества. Поэтому национал-большевизм (Устрялов, Ключников) и евразийство, продолжающие интуиции славянофилов и народников, являются важнейшим социологическим инструментом для корректной дешифровки русской истории. Политическая маргинальность национал-большевизма и евразийства компенсируется фундаментальностью тех вопросов и тем, которые они подняли, в то время как коммунистический мейнстрим советской идеологии — при полном политическом выигрыше — с точки зрения серьезности и состоятельности научных объяснений и прошлого, и настоящего русской истории представлял собой невнятную маргинальную нечленораздельность (где все было притянуто «за уши»), испарившуюся как дым после развала СССР. Национал-большевики были носителями внятной и основательной эпистемы, контрастирующей с ничтожностью политического влияния. Просто большевики властвовали в политике в полную силу, хотя их эпистема оказалась смехотворной и несостоятельной.

1990-е годы: новое заимствование логоса

Где же мы находимся сейчас, какова структура современного российского общества? Попытка соединить русский миф и марксистский логос, которая мобилизовала колоссальный потенциал народа, завершилась коллапсом. В 1991 году тематика советского логоса была снята с повестки дня.

По старой исторической традиции наша политическая элита (прямые наследники разложившихся позднесоветских бюрократов) обратилась вовне, на Запад и решила позаимствовать западный логос еще раз. На сей раз он был взят у Соединенных Штатов Америки, а также у Западной Европы. Западный социальный логос в конце XX века имел устойчивые черты: рынок, свобода, индивидуализм, демократия, права человека, толерантность.

Эти ценности выкристаллизовались на Западе в ходе исторического развития именно западного общества путем естественного эндогенного диалога между западным логосом и западным мифосом. В конце XX века этот логос приобрел такую форму, где данные ценности оказались приоритетными, — в ходе эволюции европейской культуры и истории, то есть основанной на собственной базе, эволюции претерпел западноевропейский логос в течение своего же диалога со своим бессознательным.

Это был не просто только что выкарабкавшийся в числитель логос, только что освободившийся от диурнического мифа, который его и выплеснул (помните, мы говорили, что такое «мыслить от Аушвица» и что, на самом деле, даже в эпоху рационализации всех социальных систем и политических институтов в XX веке мы видели, как чистый диурн западного (германского) мифа в своей архаической форме ворвался в европейскую культуру).

Западноевропейская культура, включая американскую культуру, в ходе своей истории вела напряженный интенсивный диалог с собственным бессознательным, и в частности с заложенным в нем комплексом господства, подавления, унижения, то есть, одним словом, с «расизмом» и «фашизмом». Антифашистский настрой современной европейской либеральной культуры — это в значительной

степени результат критической саморефлексии, потому что сама западная душа несет в себе склонность к рабовладению, апартеиду, расизму.

Фашизм и антифашизм в западной культуре

Посмотрим на американский исторический опыт. Американская работорговля — что это такое, что это за явление? Невежественному наблюдателю может показаться, что «американская работорговля — это продолжение рабовладельческого общества». Но тогда у нас не все в порядке с хронологией. Рабовладельческое общество прекратило свое существование уже в первые века христианства, где-то к V–VI векам в христианском мире не осталось никаких рабовладельческих обществ. Торговля живыми людьми в христианском мире в III–V веках сходит практически на нет. И вот через тысячу с лишним лет западноевропейские цивилизации — испанцы, португальцы и англосаксы (носители принципов свободы, демократии и прогресса) — вылавливают людей другого цвета кожи, мирно живущих на своей земле, увозят на другой континент и продают их как предметы. А людей красного цвета кожи, которые также живут на своей земле, никого не трогают, систематически уничтожают, заражают бубонной чумой и миллионами сводят на нет. Все это делается когда? Это делается в эпоху развития уже самой что ни на есть гуманной, рациональной, демократической культуры.

О чем это говорит? Это говорит о том, что американское рабовладельчество было восстановлено после тысячелетия господства христианских ценностей, христианской культуры, которая давно покончила с рабовладением. Американская культура (как южная, так и северная) — это всплеск неизжитого диурна, «фашизм» до «фашизма», так как в XVI–XIX веках еще никакого фашизма не было. И неслучайно среди расистов как раз первыми теоретиками были не немцы, а французы Гобино и Ле Бон и англичанин Чемберлен. Импульс власти, подавления, разделения, иерархизации, составляющий центральное ядро диурнического мифа, и является подоплекой западноевропейской культуры. Западноевропейский логос ведет с этой подоплекой, то есть

со своим бессознательным, сложнейший тысячелетний диалог. На этом основываются социальные институты, ценностные системы, экономические уложения Запада, которые поразному трактуют границы, пределы и содержание свободы. Диалог западноевропейского логоса с западноевропейским мифом — это диалог рассудка с режимом диурна. И именно потому, что это нечто серьезное, люди Запада так боятся фашизма, так упорно борются с ним: фашизм (как диурн) есть неотъемлемая часть их самих, их знаменатель, их миф.

Антифашист — это тоже хотя бы наполовину фашист, бессознательный фашист, потому человек наиболее ожесточенно борется только с тем, что у него внутри. Как известно, самые яркие противники, например, гомосексуализма, как правило, латентные гомосексуалисты. Обычным людям это просто неприятно или безразлично. Но если человек уделяет слишком большое внимание борьбе с каким-то злом, пороком, негативным явлением, значит, у него самого есть элементы того же начала и они сильны. Поэтому истеричный антифашизм современной западной культуры, «невменяемый» антифашизм, свидетельствует о наличии реальных предпосылок в этой культуре к расизму и фашизму, которые постоянно дают о себе знать. И то, что делают сегодня США и НАТО в Афганистане и Ираке или происходило недавно в Югославии, — это классический пример как раз того, когда западноевропейский миф, героический миф диурна, миф завоеваний, миф империи, миф воинственного начала вырывается из-под верхней логосной сетки и под предлогом борьбы с «фашизмом» («исламо-фашизм» Фукуямы) или с мнимыми «исламскими террористами» со спокойной совестью осуществляет масштабный геноцид суверенных наций, выжигает напалмом мирное население, тысячами вырезает детей, стариков и женщин. Истории с пытками военнопленных в тюрьме Гуантанамо или Абу-Грейб — лишь детали. Истинное насилие, подавление, сегрегацию и апартеид несет в себе сама западная цивилизация в своем ядре, хотя ее сознание (логос) этого категорически не одобряет и ведет с этим мифологическим ядром... войну. Без войны либо на стороне фашизма, либо на стороне антифашизма Запад не может.

Заимствование постмодернистского логоса

В 1990-е годы, когда рухнул советский логос, мы взяли с Запада формальный результат диалога Запада со своей собственной душой. У нас абсолютно другая душа, абсолютно другая история, и вообще расизм и фашизм нам чужды, так как структура русского подсознательного устроена иначе. Русская культура и даже русская экспансия были основаны на материнском принципе склеивания всех народов. Народам это могло, конечно, не нравиться, но мы их склеивали, а не покоряли, не торговали ими, не превращали их в рабов или товар. Мы их постепенно в себя засасывали. Кому-то это нравилось — многим, наверное, нет, но это уже другой вопрос. По крайней мере, это другая динамика, отличная от той, которая разворачивалась в споре западного логоса с западным диурническим мифосом, индоевропейским, «романо-германским», если говорить словами Данилевского, культурно-историческим типом[1]. Этот диалог на уровне логоса к концу XX века выработал свою собственную ценностную систему, которая, строго говоря, имела отношение исключительно к проблемам западного человека и произрастала из стремления излечиться, избавиться от присущих только Западу пороков, обсессий и импульсов. Эта система была ориентирована на собственную психотерапию, которая работала с переменным успехом.

И вот на русский материнский ноктюрн, который не собирался никого продавать в рабство, покорять или уничтожать, накладывается довольно болезненная и невротическая форма эволюции западноевропейского логоса — еще и в постмодернистском издании. Можно сказать, что это был постмодернистский логос. Растерянные позднесоветские руководители (Горбачев и его окружение, представлявшие чистый ноктюрн) и команда младореформаторов в 1990-е годы (состоящая из прозападной «золотой молодежи» и криминальных элементов) перед лицом разложения марксистской рациональности взяли на вооружение этот постмодернистский логос, который представлял собой в значительной степени продвинутый этап борьбы За-

[1] См.: *Данилевский Н.* Россия и Европа. М., 1991.

пада с его же собственной сущностью. Постмодернизм родился как раз из развития предложения Т. Адорно и всей Франкфуртской школы «мыслить от Аушвица».

Сущность Запада — это воля к власти, как писал Ницше. А вот в рамках постмодернизма Запад стал осмыслять волю к власти как зло. То есть Запад занял в отношении самого себя отрицательную позицию и стал выкорчевывать из себя эту волю к власти, волю к порядку, механицизм, рационализм и т. д. Отсюда на первый план вышли тезисы: либерализм, демократия, права человека, замена государства гражданским обществом, а также лаксизм (вседозволенность), толерантность, гедонизм, эвдемонизм, представление о том, что самые главные ценности — это полная свобода и расслабленность. К кому в первую очередь обращались эти ценности? К авторам Аушвица — то есть к жесточайшим «фашистским» структурам западной души.

Посмотрите, как немцы ходят по улицам: они ходят абсолютно ровно, по прямым линиям, строго вертикально к плоскости тротуара, не в развалку и не раскачиваясь. У каждого строгий маршрут, и он движется к намеченной цели — магазину, банку, фирме, метро, не обращая внимания на окружающее. Так же ходит американская политическая элита в Вашингтоне. Во-первых, все люди элиты в основном белые. Во-вторых, они высокие, голубоглазые. В принципе любой вашингтонский клерк, если его переодеть, прекрасно мог бы играть в фильме о нацистской Германии. Это люди, у которых внутри воля к власти, упорядоченность, жесточайшая диктатура по отношению к себе (и другим), аскетизм, моральные установки, спорт, трудоспособность, исполнительность, четкость. Вот именно это они и хотят максимальным образом сгладить и смягчить, что, впрочем, их проблема. Но когда мы берем постмодернистский логос, призывающий максимально освободить западных людей от своего диурнического мифа, от воли к власти, воли к доминации, от воли к порядку, излечить их, что мы делаем? Некритически заимствуем то, что абсолютно нам не пригодно, что не выполнит ни при каких обстоятельствах ни одну из стоящих перед нами задач.

Идея прав человека, свободы, толерантности, демократии никак не вяжется с ноктюрническими принципами русского бессознательного, которое не надо этому учить, потому что это есть внутри, хотя и в иной форме: созерцательности, монизма, некоторой лености, стремления отлынить, укрыться, спокойное и с любопытством восприятие инородца, склонность разделять ответственность с общиной, миром и т. д. Когда взрослых людей, например, начинают учить, как вытирать нос, это означает, что их опускают до детского уровня. И если людям, например, говорить простейшие и само собой разумеющиеся вещи, которые они и так знают, жестко вдалбливать им это, то они начинают деградировать. Русская открытость к миру, русское бессознательное понимание другого заложено в ноктюрническом сознании. Если долбить, что человеку надо достичь чего-то, что у него уже есть, он потеряет и то, что имеет. Так оно и происходит.

Логос (как заимствованный, так и выросший на своей почве) должен предложить порядок, правила игры, нормативы, иерархические структуры, которые будут довлеть над бессознательным и организовывать функционирование социальной рациональности, «коллективного сознания» (Дюркгейм)[2]. Но постмодернистский логос Запада в сегодняшнем состоянии, наоборот, максимально релятивизирует все формы порядка, стремится предоставить всем максимум свободы, дробит большой социальный логос до уровня атомарных индивидуумов, каждый из которых считается наделенным своим собственным микрологосом. Тем самым социум начинает выполнять контрфункцию. Логос вообще должен упорядочить рациональную модель, а постмодернистский логос ее разлагает. Логос призван создать систему управления, подчинения, иерархизации механической связи отдельных элементов, а постмодернистский логос своими парадоксами ее только расшатывает. На Западе это не так фатально, так как порядок у западного человека внутри, в мифе. Но в нашем случае это настоящее социальное самоубийство.

---

[2] См.: *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2006.

В результате то общество, в котором мы живем, находится не просто в хроническом противоречии между очередным западным заимствованием (логосом) и внутренним нашим состоянием (мистическим ноктюрном), как было много раз в истории. В течение почти всей нашей истории у нас имелось глубокое противоречие между народным знаменателем и заимствованным числителем русской власти, русской культуры. Но сейчас это противоречие приобретает особо трагический характер, потому что постмодернистский логос, который привнесен реформаторской элитой 1990-х, полностью демобилизует и разлагает остатки рациональных структур социума. Он не укрепляет их, но, наоборот, рассеивает, дробит в порошок. Идея прав человека, свободы, индивидуализм, смена пола, эгоизм, «Бивис и Баттхед» из MTV как идеальные архетипы современного нового поколения россиян — это что угодно, но только не мобилизационная программа. Но постмодернизм говорит: проект, мобилизация, порядок есть не что иное, как «фашизм», расизм. Для людей Запада это, наверное, так, потому что у них это внутри, но у нас-то внутри все другое, скорее полный беспорядок и расслабленная сосредоточенность на созерцании непостижимой тайны жизни. И когда массам сверху — от лица элиты — делегируют постмодерн, то навязывают не порядок, а не наш, чужой беспорядок. У нас есть свой русский беспорядок, имеющий свою собственную ноктюрническую, мистическую — эвфемистскую структуру. Когда нам плохо, мы описываем это как «хорошо», когда нас унижают и бьют, мы считаем, что «учат», когда жить больше невозможно и все вот-вот рухнет, мы с уверенностью говорим «все впереди» и т. д. Так работает миф, и он и есть народ в его глубине. И если бы к этому мифу обратились, то энергия была бы вызвана колоссальная. Не факт, что это дало бы позитивные результаты, но энергия была бы точно выпущена гигантская. Но нам говорят: вам нужен не этот беспорядок русский, а какой-то чужой беспорядок, чужой хаос, который вообще к нам ни исторически, ни концептуально, ни с точки зрения социальной топики не относится.

Естественно, ни к чему, кроме как в тупик, это привести не могло и очень быстро — к концу 1990-х годов — именно туда и привело.

Путинские реформы с позиции социологии глубин

Что-то начало меняться при Путине. Когда Путин пришел к власти, он сказал: «Стоп. Дальше этот постмодернистский логос некритически заимствовать и внедрять не будем, вопреки тому, что предлагали олигархи, реформаторы, либералы, "Эхо Москвы". Мы остановимся на том, что взяли». Важно, что он не сказал, мол, «отныне мы пойдем в другом направлении». Он вообще не предложил идти в каком-то направлении. Он сказал: «Мы временно приостанавливаем импорт логоса, мы закрываем процесс, что взяли, то хорошо». Что «хорошего» взяли, трудно сказать. Во всяком случае, что-то взяли. Те олигархи, которые состоялись и готовы на этом остановиться, тех милости просим продолжать, а те, кто хотят дальше импортировать в Россию структуры постмодернистского логоса, тем — «до свидания» — либо к Ходорковскому, либо к Березовскому. Остальные рассчитываются на первый-второй. Путин таким образом заморозил социальную ситуацию. Если бы все продолжалось в том же режиме, как до Путина, неизбежно произошел бы коллапс российской государственности. Путин его отложил.

Что делать дальше, он, скорее всего, не представляет, потому что это очень сложная фундаментальная, историческая, философская проблема, связанная с глубинной логикой русской истории, — а не техническая задача. Чтобы коренным образом изменить ситуацию и запустить социальные процессы в каком-то строго определенном направлении, надо либо заимствовать какой-то другой логос, либо обращаться к русскому коллективному бессознательному и пытаться вывести новый логос из его глубин. В современном постмодернистском состоянии Запад нам уже ничего не предложит. Он поглощен борьбой с самим собой, со своим диурном. В политике США эта дилемма ярко проявилась на последних выборах, когда за пост президента боролись ноктюрнический мулат и демократ Обама про-

тив белого неоконсерватора и милитариста МакКейна. Но это огромная, сложнейшая и страшная тема. Страшная, потому что в мире русской ночи живут такие образы, что там никому мало не покажется. Они тем более ужасны, что долгое время живут в подполье, вдали от света дня. Этот выбор в любом случае требует невероятных усилий — и интеллектуальных, и энергетических, и социальных, и культурных. А ни власть, ни общество — по крайней мере, на первый взгляд — к этому совершенно не готовы. Поэтому даже мысль в этом направлении у власти блокирована, и мы сейчас живем в состоянии, когда импорт постмодернистского логоса в Россию просто остановлен, заморожен, и все. Путин уклонился от неизбежно надвигавшейся катастрофы, но далеко не ликвидировал ее предпосылок.

Мировой кризис и конец постмодернистского логоса

В этот момент грянул кризис. Что такое кризис, как не падение постмодернистского логоса?! Американская система настолько хотела понравиться своим обывателям, что дала им возможность тратить в шесть раз больше того, что они зарабатывали, через потребительский кредит. Жесткая рациональная система капитализма — вполне «фашистская» в смысле классовой и имущественной сегрегации богатых и бедных — реформировалась в сторону смягчения ее острых углов через системы социальных выплат, популяризацию игры на бирже, стимуляцию спроса. Постепенно строители «новой экономики» почти демонтировали прежнюю довольно рациональную систему, исходя отчасти из постмодернистской («антифашистской») установки. Борясь со своим бессознательным, они пошли на такое снижение требований к человеческому существу, что требование отдать кредит тоже было признано «фашистским». И тогда придумали систему: на каждый кредит (который, возможно, не вернут) выпускаются деривативы, ценные бумаги и ими начинают спекулировать. К этому добавились сложнейшие инструменты страхования и хеджирования, в системе которых вращались гигантские деньги, не имеющие вообще никакого отношения к рыночному фундаменталу и никак не связанные с товарной массой. В конечном сче-

те создалась такая экономическая система, где постмодернистский логос постепенно сам себя схлопнул. Он-то себя схлопнул, но все экономики мира были вовлечены в этот процесс, и теперь практически нигде — ни в одной стране мира (кроме стран-«изгоев» — Северной Кореи, Ирана и др.) нет никакого внятного финансового и экономического порядка. Сегодня все с ужасом думают, как выходить из положения, хотя из положения этого уже никак нельзя выйти — это кризис логоса, это кризис западноевропейского (американского) логоса в его постмодернистском аспекте.

Национальная идея и социальный логос

Что же мы имеем в России? Замороженный Путиным импорт постмодернистского логоса, который к тому же сегодня еще и рухнул на самом Западе. Путин в начале своего президентства заявлял в адрес Запада: «Ну, давайте мы будем с вами общаться и обмениваться, только с соблюдением некоторых наших интересов». Теперь уже не понятно, с кем общаться, как общаться и зачем общаться. Уровень добычи нефти падает, разворачивается экономический кризис, экономики как таковой у нас нет (экономика есть проекция социального логоса), а в государстве царит концептуальная неразбериха, потому что, с одной стороны, вечно молчащий грезящий народ, который спокойно видит материнские сны (они практически не изменились, эти сны, они приблизительно такие же, как всегда), а с другой — в элите царит недоумение, прикрываемое неестественным и неубедительным, с трудом разыгрываемым оптимизмом.

Налицо прекрасный русский народ, русский ноктюрн, а вот логическая модель сейчас находится под вопросом, потому что в принципе никакого логоса Путин не предложил. И когда говорят, что у нас нет национальной идеи, то говорят правду. У нас ее действительно нет. Не потому, что ее не могут написать, разработать, составить, оформить — у нас нет идеи в онтологическом смысле, так как «национальная идея» — это другое название для «социального логоса». У нас есть русская душа, национальная душа, но у нас нет русской национальной идеи. И поскольку еще сохранившиеся постмодернистские импортеры (западного логоса), которые на

этой неразберихе зарабатывают, видимо, заинтересованы в том, чтобы сохранять такое положение дел, непонятно, каким образом, по какой схеме и где этот русский логос, эта национальная идея может возникнуть.

Место русского этноса центрально

Мы много раз говорили о «русском», но россияне — это не только этнические русские. Существуют народы, которые принадлежат к нашей общей цивилизации, живут на территории нашего государства и считают себя россиянами, но не являются этническими русскими. Особенно это видно на Кавказе, где проживает целый спектр нерусских этносов. Здесь следует задаться вопросом: как классифицировать на уровне бессознательного те или иные народы, чтобы определить их отношение к русскому большинству и найти им место в общей социальной системе с учетом знаменателя в нашей двухэтажной топике? Русский народ является доминирующим в России. Русская культура создана также русскими людьми. Государственность, так или иначе, даже с использованием каких-то других внешних логосов и при сотрудничестве с другими этносами, тоже создана нами, и соответственно это важнейший фактор, с ним необходимо считаться при любых обстоятельствах. Эта ситуация, конечно, может измениться. Но пока в целом это так и в будущём какое-то время пропорции сохранятся. Поэтому стартовой позицией в определении этнического баланса в России должна быть взята модель отношения русского коллективного бессознательного с коллективными бессознательными других этносов России. Такое исследование есть методологический ключ к глубинному регионоведению.

«Хорошо сидим», или Работа сновидений

Мы рассматриваем русское бессознательное как материнский мистический ноктюрн, связанный с доминацией нутритивно-дигестивного рефлекса. Поэтому русские люди так любят поесть. Есть такое выражение: «хорошо сидим». Когда люди сидят и едят, то часто, как правило, еще и пьют. Алкоголь — это свойство культуры ноктюрна, погружение в

расслабленное, спокойное состояние, соскальзывание в бессознательное и умиротворенное (или не очень) растворение в нем. Русские «хорошо сидят», едят и пьют, и создается такое впечатление, что при этом они делают что-то важное, будто бы серьезную работу. Это и есть работа. Фрейд называл ее «работой сновидений». Когда люди начинают есть и пить, «хорошо сидеть», стартует важнейший ритуал, происходит коллективная гармонизация мифоса и логоса. Начинается погружение человеческого сознания в свое коллективное бессознательное. Обратите внимание, что русские непременно пьют в компании. В одиночку — очень редко. И наоборот, американские алкоголики или французские клошары преимущественно пьют в одиночку.

Для русских недостаточно индивидуального погружения, должно быть погружение коллективное, общинное, чтобы все происходило сообща, склеенно, чтобы все стадии «понижения ментального уровня» (как коллективного сновидения) были пройдены совместно и в гармонии. И так совместно «хорошо сидеть» надо до последнего, а потом незаметно перейти в состояние уже полной бессмыслицы. Но эта «бессмыслица» с точки зрения разума вполне осмыслена с точки зрения архетипов. В этой «бессмыслице», закрытой от нас цензурирующим рассудком, все интересное и начинается. Русские продолжают «хорошо сидеть» в любых ситуациях, даже когда разражается кризис, они говорят: «Да, ладно, кризис, ничего, все будет хорошо...» — это классическая реакция ноктюрна. С точки зрения рассудка справиться с мыслью о кризисе, о связанных с ним проблемах, о возможных сокращениях и лишениях — не просто. Поэтому на помощь приходит здравое решение — эвфемизировать кризис и «хорошо посидеть» — поехать куда-нибудь к Пете, к Ване, к Лене. И наши русские сновидения приступят к «работе» и примутся нас «спасать».

Режимы бессознательного и этносы России

По умолчанию мы считаем, что формула «хорошо сидим» как ответ на любые проблемы относится к большинству россиян, но, конечно, есть этнические группы, которые несколько отличаются по своей структуре бессознательно-

го от русского народа, хотя есть и близкие к нему. Например, финно-угорские народы, которых очень много в России, особенно на Севере, по структуре мифа точно соответствуют русским, даже неизвестно, не славяне ли у них позаимствовали свой ноктюрн, поскольку финны здесь жили до нас. Или это просто совпадение, и славяне (германские «ваны») были с точки зрения мифоса им близки?

Финны — представители глубокого мистического ноктюрна, и мифология финских народов свидетельствует о преобладании традиционных ноктюрнических фемиИноидных сюжетов.

Тюрки (в частности, татары) как этнос принадлежат к совершенно другой структуре мифологии. Тюркские народы живут от Кавказа через Поволжье и вплоть до Якутии и, безусловно, в своих культурных истоках являются носителями диурнического мифа. Поэтому они создавали многие евразийские крупные империи — от тюркского каганата (552–745), позже Хазарского каганата, — активно участвовали в укреплении Золотой Орды (откуда и переняли у монголов как этноним имя «татары») — вплоть до Османского султаната. В Евразии тюркские этносы неоднократно выступали как «носители порядка», тюркского логоса.

В тюркских языках слово «небо» — «тенгри» — означает светлое, белое небо, бело-голубое, то есть как бы лишенное цвета и лишенное какой бы то ни было погрешности. Золото, солнечный свет и голубое небо. Такая же этимология у латинского «coelum». А у русских слово «небо», которое мы употребляем, происходит от корня, означающего «туман», «тучу», «мрак», «сумерки», что близко к латинскому «nebula», «туман». Когда-то у древних славян были понятия и для ясного неба — откуда языческий бог Сварог, наименование огня «Сварожичем» и т. д. Но постепенно небо для нас заволокли тучи и таким — облачным — мы его и видим. Если небо в бессознательном — это облако, туча, то мы получаем картину более разнообразную, вязкую, извивную, убаюкивающую, притягательную, интимную, более материнскую, чем рациональная пустота синего небесного свода, которая провоцирует совсем другую гамму ассоциаций и относится к режиму диурна. Мы

под небом понимаем туманность, а тюрки под небом понимают, наоборот, чистоту и ясность.

Несколько слов о татарах. Исторически, как я говорил, народы называются часто не своим именем, как франки или русские. Народ, который называет себя сегодня «татарами», принадлежит в большинстве своем к тюркам, которые, в свою очередь, являются устойчивыми носителями диурнического мифа. При этом надо заметить, что волжские татары, среди которых очень много потомков финно-угров, отюреченных еще на предыдущих этапах, имеют промежуточную структуру бессознательного — наполовину диурнического (тюркизм), наполовину ноктюрнического (финно-угорские корни). Среди татар есть субэтнос, «мешаре», в которых преобладают финно-угорские элементы и структура бессознания которых близка к русским.

Итак, финно-угры — мистический ноктюрн. Русские — мистический ноктюрн, как и многие другие славяне. Белорусы — чистый мистический ноктюрн, украинцы — ноктюрн, в котором есть элементы мистического (сало и горилка — верные признаки «хорошо сидим») и драматического ноктюрна (подвижность, легкость, склонность к занятию в армии постов сержанта — более организованного и активного, нежели рядовые, но не столь упорядоченные, как офицеры). А вот Кавказ представляет собой очень интересный ареал. Он отличается от большинства территорий России тем, что здесь происходит переключение режима бессознательного.

Казачество в социологии глубин

На Северном Кавказе мы доходим до региона, где существует очень крупная зона бессознательного диурна. И хотя народы, населяющие Кавказ, чрезвычайно разнообразны и среди них мы найдем самые разные типы бессознательного, общим для большинства из них является культурная и мифологическая ориентация именно на героические мифы. Надо начать с того, что по мере приближения к Кавказу в зоне «дикого поля», степей меняется структура самого русского этноса. Появляется особый исторический, социальный и психологический тип, который настолько самобытен, что иногда раздаются голоса о выделении его в

особый этнос. Речь идет о казачестве. Казачество, которое сложилось в степи начиная с XVI века и по другим теориям представляет собой продолжение племени бродников — ославяненных тюрок, живших на южной окраине Киевской Руси, представляет собой специфическую группу русского народа, достаточно смешанную с тюрками (при почти полном отсутствии финно-угорских примесей). Она организована в отряды, выстроенные по моделям военных обществ, Mannerbunden, мужских союзов, и сознательно культивирующих чисто диурнические мифы. О первых казаках ходили предания, что у них не было жен и домов, что они жили кочевой жизнью и все время проводили в войне. Это типично героические мотивы, которые в значительной степени повлияли и на структуры исторического казачества.

Казачество — это специфическая культурная группа в рамках русского этноса, объединенная особой структуризацией бессознательного, где доминирует диурнический элемент. Поэтому казаки и их потомки принадлежат к особому типу в русском обществе. Это мускулиноидный тип — неважно, идет речь о женщинах или мужчинах. Ранее мы говорили о феминоидных и мускулиноидных типах. Дело не в анатомическом поле, а в структуре бессознательного. Мускулиноидный тип легко читается не только в казаках, но и в казачках, которые самостоятельны, упорядоченны, жестки, высокоморальны, сильны, героичны и менее феминоидны, чем средние мужские представители Среднерусской возвышенности. Пример казачек наглядно показывает, что феминоидность и мускулиноидность связаны с архетипами, а не с физиологией. Итак, зоны расселения казачества принадлежат к особому и исключительному в русском обществе типу бессознательного — к зоне диурна.

Казаки и степи

Теперь давайте посмотрим, где жили казаки. Возможно, они обрели такой менталитет, потому что смешивались с тюрками, а также с аланами, черкесами и другими кочевыми воинствующими племенами «дикого поля», которые много столетий и тысячелетий жили на степных пространствах Евразии. Одна из версий формирования особой куль-

туры и психологии казачества заключается в том, что этот тип выкристаллизовался из-за того, что казаки были поставлены в социально-политические условия борьбы, защиты рубежей империи. С другой стороны, бежали на Дон, откуда «выдачи нет», именно представители диурнического начала в русском народе, которым надоело жить в режиме эвфемизма, подчиняться власти с чуждым социальным логосом и «хорошо сидеть». Они этого вынести не могли и бежали к казакам, среди которых селились, начинали вместе с ними воевать, работать и постепенно укрепляли тем самым диурнический импульс своего бессознательного.

Так возникала особая категория русских людей, служивших в народе социокультурным ориентиром, к которому всегда можно было обратиться (в былинах, преданиях и легендах) или, на крайний случай, сбежать. Неудивительно, что большинство примеров неповиновения русского народа властям вызревало в казацкой среде — казаками были и Пугачев, и Разин. Другой выход казацкий диурн находит в освоении новых земель. Так, казак Ермак включил в состав Российской империи Сибирь.

Кроме Дона и Северного Кавказа казаки расселялись вдоль границ империи, но преимущественно в зонах, прилегающих к евразийским степям — Южный Урал, Сибирь, то есть следуя в этом по траектории движения бесчисленных волн евразийских кочевников — на сей раз с Запада на Восток. При этом казаков нет на Севере и на западных границах, удаленных от степных территорий и где велик процент финно-угорского этноса.

Казаки и логос

Казаки, может быть, и не способны были создать государственность и самостоятельный социальный логос, но защитить Россию и отстоять в ней право на самобытность могли вполне. Мы знаем, что они были последними, кто защищал монархию. Больше всего революционеры боялись того, что придут казаки. У казаков была очень короткая дистанция между приказом и его исполнением, вот в этом как раз их отличие. Они не тянули время, как люди ноктюрна, они очень быстро все исполняли. Им сказали, что нужно от-

рубить такому-то голову, — они быстро это делали, а потом уже думали, что же они натворили. Это как раз диурническая модель поведения, которая постоянно преодолевает время, в отличие от (феминоидного) бюрократа, который медленно-медленно раскладывает бумажку за бумажкой, потом перекладывает их, потом убирает в ящик. «Тянуть время» — это значит быть союзником времени, жить во времени. Воинский тип не способен ждать. Он лучше умрет, чем встанет в длинную очередь. Диурн воспринимает попадание в длящееся время как смерть. А есть люди, которые живут, стоя в очереди (за колбасой, хлебом, квартирой, научной степенью и т. д.), они живут спокойно, что-то обсуждают в это время, стоят себе, перекусывают. Тот, кто живет во времени, это феминоид. Тот, кто живет против времени, вопреки времени, это мускулиноид.

Итак, казачество представляет специфический круг, связанный с особой организацией бессознательного. На самом Кавказе русских немного, но весь Кавказский регион практически полностью окружен с севера казачьими поселениями. Это важно, потому что в определенной степени Кавказский регион является островком диурна в русском народе. Это источник диурнического бессознательного.

Роль казачества в интеграции Северного Кавказа

Теперь двинемся дальше. Подавляющее большинство кавказских этносов обладает бессознательным диурнического, а не ноктюрнического толка. Отсюда берет начало «горская этика», определенный мужской патриархальный стиль горцев, стилистика поведения, склонность к военным авантюрам вместо мирного труда и т. д. Не все народы Кавказа, но очень многие являются носителями архетипов диурна.

Если мы вдумаемся, о чем идет речь, то поймем причину конфликтогенных процессов, которые связаны с выходцами с Кавказа, но только не в их социальном или бытовом аспекте, а в плане психологии глубин и социологии воображения. Почему, например, возникают трения между кавказцами и русскими, причем не столько на Юге, сколько в Центральной европейской части, и почему вообще не воз-

никает никаких этнических трений между русскими и татарами, например, в Татарстане? Или между русскими и коми в Коми-Пермяцком округе, где эта тема вообще не стоит?

Дело в том, что речь идет об очень глубинных реакциях феминоидного бессознательного на мускулиноидное бессознательное. Русские являются, с одной стороны, носителями феминоидного бессознательного, с другой стороны, остаются кураторами всех этих территорий и создателями имперской государственности, которая так или иначе включила в свой состав воинственных диурнических горцев и подчинила их российскому логосу, пусть и заимствованному с Запада и опирающемуся на прозападную элиту.

Таким образом, коренные кавказцы в структуре социального логоса оказываются в положении меньшинств, а русские пользуются своим положением большинства. При этом воинственность кавказцев (диурн) и миролюбие русских (ноктюрн) порождают бытовую психологическую асимметрию у тех и у других.

Когда-то кавказские этносы либо сами вошли в империю, либо русские их «прибрали к рукам». Тем не менее они наделены гораздо более беспокойным, более резким, травматическим бессознательным, нежели русские. Это одна из неустранимых глубинных причин конфликтов, которые связаны не столько с объемом внутрироссийской миграции, сколько с моделью поведения, с этикой. Это связано со структурой психологических типов. Наличие кавказского диурна в бессознательном лежит в основе многих конфликтогенных процессов в общероссийском пространстве, и этим пользуются в том числе и те геополитические силы, которые хотели бы Россию расчленить.

Вот здесь проходит глубокая линия потенциального раскола, до которой не так просто докопаться. Дело здесь не в исламе. С точки зрения бессознательного татарский ислам и русское православие (поскольку их объединяет склонность к ноктюрну) друг другу совершенно не противоречат, противопоставляют их искусственно и большого влияния это не оказывает. А вот на Кавказе, даже если здесь не было бы ислама, а было бы просто диурническое, горское бессознательное (например, в языческой форме), все равно име-

лись бы основания для потенциального конфликта. Два режима бессознательного, столкнувшись, действительно, автоматически провоцируют определенное непонимание.

При этом важно, что в случае с казачьим населением (раз дело не в политическом, религиозном, этническом конфликте, а в конфликте в структурах бессознательного) теоретически оснований для трений с коренными кавказцами должно быть гораздо меньше. И хотя казаки — часть русского народа, тем не менее их диурническое бессознательное, которое в значительной степени и сформировалось в контакте с кавказскими народами, более созвучно кавказским народам. Отсюда можно сделать практический вывод о том, какую колоссальную роль может играть казачество в скреплении русской государственности. Если раньше казачество защищало наши границы от внешних врагов, одновременно ассимилируя местное население, то сейчас роль казачества может быть фундаментальной для профилактики межэтнических конфликтов и социальной интеграции Северного Кавказа.

Казаки находятся просто в уникальном положении. С одной стороны, они люди диурна, мускулиноиды с психологической точки зрения. С другой стороны, они — неотъемлемая часть русского народа. Рядом с ними живут другие мускулиноиды — приоритетно не русские. Соответственно, казаки могут выступать главными носителями скрепляющего начала.

Значение большого логоса для страны

Несмотря на то что в России доминирующим логосом, как мы говорили, был государственный логос в том или ином его издании, на всех этапах исторического развития страны, небольшие общины или региональные анклавы (особенно там, где жили другие этносы и люди с другой организацией бессознательного) имели подчас свои собственные локальные логосы. Это очень важно с точки зрения глубинного регионоведения. Логос, помимо общего логоса, который воплощен в Конституции, если она есть, или в системе управления, например в царской России, воплощен также в социальных укладах, в системе государственных институтов и учреждений, в экономической, инфраструктурной,

информационной и транспортной организации общества. Все это вместе совокупно составляет рациональное устройство государства. Там, где народ как «носителя коллективных сновидений» «выгоняют из норы» и заставляют подчиняться какой-то четкой строгой системе, там устанавливается доминирующий логос — советский ли, романовский ли, татарский ли, а до этого, возможно, викинговский, норвежский, варяжский, княжеский. Если есть организованное общество, и тем более государство, у него обязательно есть логос, общий для всех слоев и групп населения. Но это общий логос, особенно в образованиях имперского типа, а Россия, даже современная, является, безусловно, образованием имперского типа, помимо него существует более сложная и нюансированная иерархия логосов и иерархия локальных социальных систем. Здесь важно дать пояснение, какая разница существует между империей и национальным государством.

Национальное государство и его логос

Национальное государство — это форма социально-политического образования, которая сложилась в эпоху Нового времени и которая предполагает однородность, гомогенность населения (это самое главное качество национального государства, или государства-нации, Etat-Nation). Население говорит, как правило, на одном языке, имеет один и тот же культурный код, при этом этнические различия, если они и есть, максимально снижаются в сторону общегражданского элемента. Основой государства-нации является гражданин, независимо от того, какое у него вероисповедание, к какому этносу он принадлежит, и этот гражданин обязан говорить на языке своего национального государства, подчиняться его законам и участвовать в экономической деятельности этого государства. Государство-нация предполагает, что мы имеем дело с одним-единственным логосом. Логос может быть разным для разных государств-наций, но у каждого государства-нации он только один, независимо от того, каким образом структурированы этнические анклавы и какое бессознательное доминирует в этом национальном государстве. По-

этому все члены государства-нации являются с точки зрения закона и права абсолютно одинаковыми, и у них нет никаких различий независимо от их социального, политического, этнического, религиозного статуса.

Таким образом, национальное государство воплощает собой идею однородного сплачивания населения в четкую рациональную систему, которая подчиняется одним и тем же законам везде и всегда. Национальное государство не допускает наличия различных законов и различных, разнообразных отклонений в рамках своих регионов. Поэтому национальное государство имеет один закон и одни правила для всех. В качестве примера классического национального государства можно назвать Францию.

Логос федерализма и логос империи

Существует другая модель политического устройства — федерация. Федеральное государство, по сути дела, совершенно иное, нежели государство-нация, и основано оно на принципе субсидиарности, где допускается наличие региональных самобытных укладов. Кстати, американское государство является не государством-нацией, а именно федерацией. В различных штатах есть разные законы. Есть, конечно, нечто общее, но есть и нечто различное.

Третий тип, который следует рассмотреть, — это тип империи. Империя гораздо ближе к федерации, чем к государству-нации. В империи есть ряд законоположений, которые регулируют общий обязательный для всех слоев населения логос. Но большинство региональных уложений выстроено на основании автономных локальных систем. Поэтому империя — это сочетание стратегического централизма и этнокультурного плюрализма, вплоть до создания самостоятельных юридических кодексов, которые действуют только на каких-то отдельных территориях.

Отличие империи от федерального устройства в первую очередь заключается в том, что федеральное устройство — это искусственная организация, не связанная с этносом, культурой и этническими особенностями, с религией и с конфессией. А империя — это результат специфической стратегической интеграции различных естественных анкла-

вов. Как правило, все существующие федерации построены только по территориальному признаку, как в Америке федерация штатов. Население штата Юта не сильно отличается от населения штата Колорадо, там живут приблизительно те же самые американцы, но законы там разные и часто отличаются друг от друга довольно сильно. Однако разница законов никак не пересекается с этнокультурным составом населения. В каждом из штатов живут американцы.

А вот в империи, как правило, поселения одного этноса, который вошел в нее на определенном этапе, по историческим причинам отделены от территории другого этноса. Нет никаких формальных законодательных причин для изменения границ расселения внутри империи, но попавшие в состав империи образования продолжают свой исторический и культурный путь, а не начинают его заново. Поэтому данные границы носят не столько административный и правовой, сколько историко-культурный характер.

Тем не менее основная идея империи и идея федерального устройства не только не противоречат друг другу, но очень близки, поскольку речь идет об иерархизации логических систем государства и общества. Логика империи и логика субсидиарной федеральной модели близки. При том что федеральное государство в теории строится снизу через добровольное федерирование территорий, то есть через соединение отдельных пространств, а империя строится сверху — путем присоединения земель к своему ядру.

Кавказ и империя

Кавказ, Кавказский регион, традиционно был частью империи. Он был принят и включен еще в царскую Российскую империю, бывшую и в названии, и на деле именно империей, а не национальным государством. Отсюда в значительной степени проистекает многообразие этнических, культурных, правовых, религиозных особенностей, которые сохранились на Кавказе, несмотря на доминацию русских и распространение православия. Народы Северного Кавказа включались в состав империи именно как народы, как коллективные исторические, культурные и этнические коллективные единицы. Либо их завоевыва-

ли, либо они сами присоединялись, но тем не менее они входили в Россию целиком, а не просто как отдельные граждане одного национального государства. В благодарность или в признательность за добровольное вхождение или просто исходя из прагматических соображений Российская империя сохраняла для них самостоятельность их внутреннего распорядка. Например, адат или даже законы шариата, то есть те модели, которые определяли прежнее юридическое устройство этнических и конфессиональных групп, царств, княжеств, которые в свою очередь входили в состав Российской империи (или присоединялись к России силой).

Этот же принцип имперского двойного устройства логоса сохранился отчасти и в советское время и сохраняется до сих пор в современной России.

Советское государство, несмотря на свою прогрессистскую идеологию, было своего рода «империей», сохраняя некоторую степень автономии регионов и локальных социумов, с точки зрения юридического, социально-политического уклада, но, конечно, в меньшей степени, чем при царе. В советское время проводилась новая национальная политика: уже не просто имперской терпимости и толерантности, а поддержки и развития культуры определенных этнических групп, межэтнический интернационализм, который заменил на практике имперский принцип «симпатии» к включенным в империю народам. Конечно, советское руководство ставило перед собой практическую цель постепенно превратить все этносы в единый советский народ, стерев все особенности, но на пути к этой грядущей цели этносы, хотя и третировались, подчас довольно жестко (депортации, чистки, аресты националистов и т. д.), все же сохранялись. В отличие, например, от Франции и Германии, которые вполне можно назвать «кладбищем народов», так как ранее в их пределах жили сотни самобытных этносов, от которых подчас не осталось даже названий.

Имперский принцип иерархии социальных логосов, которые связаны с этносами, до сих пор сохраняется на Северном Кавказе. Смысл имперской модели, как мы показали, состоит в наличии двух логосных систем.

План Чубайса: приватизация Кавказа

В свое время, где-то несколько лет назад, когда российское руководство в очередной раз трудилось над выработкой национальной идеи, Чубайс и Гозман, тогда руководители либеральной партии СПС, предложили проект решения кавказской проблемы. Смысл был примерно в следующем: «Северо-Кавказский регион является проблемой для России, потому что он населен огромным количеством народов, которые слабо или вообще не интегрированы в нашу национальную государственность. И мы должны что-то делать с Кавказом. Предлагаем строго установить на Кавказе национальное государство, сделать всех кавказцев гражданами Российской Федерации».

Для этого предлагалось самым жестким образом уничтожить все формы самобытных моделей самоуправления, сложившихся на Кавказе веками, что должно было привести к превращению всех кавказцев в атомарных граждан Российской Федерации, а всей зоны Северного Кавказа в однородное юридически, экономически и социальное пространство, вообще никак не учитывающее фактор этнической дифференциации. Превращая Россию в национальное государство, необходимо было уничтожить самобытность кавказских народов, не оставив им даже самоназвания. Они должны стать просто «гражданами Российской Федерации», имея все политические права гражданина. Но этнические, культурные особенности, устройство управления, местные обычаи, связанные с распределением должностей или финансовых потоков, то, что составляет оригинальный региональный логос Северного Кавказа, они предложили ликвидировать самым жестким (можно сказать — «фашистским», хотя, точнее, «либеральным», в любом случае диурническим) способом. Они хотели поставить на все экономически важные посты представителей центра (лучше — представителей партии Чубайса, которая называлась вначале «Выбор России», а потом «Союз правых сил»). И постепенно Кавказ превратился бы в некое маленькое подобие американской системы, которая и в России-то не работает, а на Кавказе бы просто все стремительно рухнуло, а прежде взорвалось.

Чубайс хотел добиться одного: разрушения имперско-федеральной модели организации нынешнего Кавказа, которая отчасти потворствует (по меньшей мере терпит) сохранению и развитию (до определенной степени) этнической самобытности, основанной на принципе двух уровней логоса, двух уровней рациональной организации общества, и перехода на западническую модель, где доминирует только один логос — национального государства.

Я был категорическим противником этой модели, и, слава богу, она не пошла, но на какой-то момент либерал-западник, демократ и сторонник толерантности Чубайс смог убедить российских военных, которые недалеко ушли по интеллектуальному уровню от «хорошо сидящих» (спящих) представителей нашего великого этноса, в том, что это правильно. И в данном случае инерциальный милитаризм российских военных чуть было не совпал с либерал-«фашизмом» наших демократов. Этот проект уже обсуждался, его уже приносили Путину, но, с моей точки зрения, это вызвало бы катастрофу.

Нас сейчас не интересует оценка этого проекта, хотя это очень показательно. Речь идет о принципе — о модели понимания общего и локального логоса. Мы живем в рамках империи. Российская Федерация до сих пор является обрезанной, сокращенной, но империей. Это, кстати, доказывают события августа 2008 года, когда мы присоединили Южную Осетию и Абхазию к зоне своих интересов, поддержали, а потом и признали их независимость. Это означает, что Россия до сих пор мыслит себя немножко шире, чем границы национального государства.

Северный Кавказ представляет собой двухуровневую модель социально-логического устройства. С этим мы будем сталкиваться постоянно, если только попытаемся, например, нарушить этнический баланс местной элиты, назначаемой на разные должности, исходя из принадлежности к тому или иному этносу. Это ярко видно не только в Дагестане, где, по сути, эта система функционирует вполне официально, но и в других республиках Северного Кавказа. В каждой из этих республик, административные границы которых чаще всего не совпадают с этническими грани-

цами, существуют собственные модели, свой местный локальный социальный логос, который соответствует балансу сил, интересов и представлений местного населения. По сути дела, это некие «царства», которые находятся внутри России, с автономным руководством, и если перегнуть палку и не учитывать специфику региона, то, естественно, конфликты будут неизбежными и Кавказ будет продолжать оставаться пороховой бочкой Российской Федерации.

Иерархия логосов (от федерального к локальному)

Для России регионоведение — это чрезвычайно важная профессия. Особенно она важна для Северного Кавказа. Здесь наличествуют и научный, и исторический, и этнологический, и социологический, и конфликтологический потенциал, и просто сосредоточие жизненных энергий, которые представляют собой уникальное явление и большое значение. Изучать с позиций регионоведения Северный Кавказ — это дело чрезвычайно интересное, насыщенное и очень важное. Но, прежде всего, надо понять, что мы изучаем иерархию логосов. И если вы начинаете заниматься проблемой Чечни, Дагестаном, Кабардино-Балкарией и др., первое, что надо сделать, — построить и описать модель взаимодействия в них:

- федеральной власти (общероссийский логос);
- местной официальной власти (формальный региональный логос);
- неофициальной социополитической и социокультурной структуры (логос традиционного общества — сюда включается этническая, религиозная, историческая, экономическая специфика).

Изучая структуру этих логосов, вы обнаружите, что «вот здесь действуют законы Российской Федерации». Да, безусловно, где-то они действуют, потому что речь идет об империи и определенное количество законов, определенные элементы, безусловно, общеобязательны для всех территорий. Но их трактовка и применение в разных регионах, например в Ингушетии, я уж не говорю про Чечню,

представляют собой совершенно иную — вполне самобытную реальность, таящую множество сюрпризов. Эта реальность в регионоведении практически не описана, не исследована и не систематизирована. Силовики и военные специалисты публикуют иногда (фрагментарно-эпизодически) списки структур преступных группировок, нелегальных джамаатов, западных фондов, действующих против российских интересов, и т. д., но из этих обрывочных данных невозможно составить полноценной картины о том, что там происходит. В каждой точке Северного Кавказа есть своя религиозная и этническая специфика, которая что-то легитимирует из того, что по российскому законодательству является противозаконным, а в чем-то совпадает с российским правом. Одной из главных задач глубинного регионоведения является создание второго уровня логоса на Северном Кавказе.

Мы знаем, что в Кавказском регионе есть централизованные структуры Российской Федерации (полпред, организации, где происходит вертикальное назначение, например ФСБ, военные структуры, то есть носители центрального логоса), но есть и носители локального, формального, логоса, как, например, главы административных образований, президенты Ингушетии или Чечни, премьер или руководитель Госсовета в Дагестане. Это уже фигуры, которые в значительной степени имеют не просто совершенно специфическое место в обществе, но и абсолютно иную логику поведения. Они, в свою очередь, связаны с третьим уровнем логоса — неформальным.

Нартский эпос и его социологическое значение

Исходя из социологии глубин, важно отметить, что мы зачастую сталкиваемся не только с локальным логосом, но и с бессознательными компонентами, которые находятся еще глубже. Помимо шариата, который сам у нас находится где-то в полуподполье, помимо адата, у нас не признанного (это право некоторых горских народов, в основном тюркского происхождения, но наличествующее и у вайнахов), помимо различного рода местных уложений уже позднеимперского или даже советского периода (сложное

распределение государственных постов между этносами в Дагестане) есть еще более глубокие пласты, которые либо объединяют кавказские народы, либо их разделяют между собой. Подчас это происходит в рамках одного и того же национально-административного образования. Речь идет о таких структурах традиционных символических комплексов, незаметных в обычной жизни, но когда начинаем глубже изучать проблему, мы с ними сталкиваемся.

В качестве примера следует обратить внимание на народы, у которых сохранились предания из цикла нартского эпоса. Он несет в себе элементы древних индоевропейских мифологических и религиозных структур — скифских и сарматских. Это еще одно издание крайне диурнического мифа, в котором идет речь о божественных героях-нартах, об их богах, об их подвигах и похождениях[3]. В центре нартского эпоса лежит воспевание личного героизма, бесконечного мужества, воли и отсутствия каких бы то ни было преград для ее реализации. В финальной стадии эпоса герои-нарты восстают не только на все, что препятствует осуществлению их планов, но в конечном счете и на Бога. В абхазском гербе изображен герой этого эпоса — Сосруко (Сослан), который, скача на коне, пускает стрелу в небо. Идея солнечного героического мифа, доведенного до предельных героических высот диурна, составляет основу нартского эпоса.

Нартский эпос в той форме, в которой он сохранился, несет на себе следы периодов, которые предшествовали возникновению и структурированию как древнеиранской, так и индусской и древнегерманской мифологий. Это «арийский», индоевропейский диурнический миф в такой чистой и яркой форме, которую мы не встречаем больше нигде. Не случайно крупнейший исследователь индоевропейских обществ Жорж Дюмезиль выстроил свою топологию трехфункциональной модели на основе именно нартского эпоса, с которым он познакомился у народов Кавказа.

---

[3] См.: *Кузнецов В.А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980; *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Язык адыгского фольклора: Нартский эпос. М., 1985; Сказания о нартах. М., 1978.

Имея на территории России земли, где живут люди, считающие себя потомками богатырей-нартов и принадлежащие к этому культурному кругу, мы получаем ключ к глубинам древнейших психологических и мифологических архетипов. Нартский эпос — это самый чистый, пожалуй, героический миф индоевропейского цикла, который можно встретить в истории, еще свободный от каких бы то ни было рационализаций.

Какие народы являются носителями нартского эпоса?

В эпоху Аланского царства нартский эпос и миф, лежащий в его основе, получили широкое распространение среди всех народов Северного Кавказа, которые либо вошли в состав этого царства, либо испытали влияние эпоса через алан (нынешних осетин), в среде которых этот эпос стал складываться еще в XII веке до н. э. С этногенетической и исторической точек зрения наследниками первых составителей нартского эпоса, то есть скифов и сарматов, являются осетины. Осетинский этнос является струйкой, связывающей носителей нартского эпоса с кочующими по территории Евразии «арийскими» индоевропейскими племенами, от которых отделились иранцы и индусы. Кочевые арии остались в этих степях и сохранили в значительной степени древние предания в незапятнанной форме.

В этом отношении осетины представляют собой с этнической и мифологической точки зрения уникальное явление, связывающее нас, живущих сегодня исследователей, регионоведов, социологов и просто жителей России, с древнейшими истоками изначального индоевропейского мифа. Осетины (аланы) имеют родство со многими народами нашей страны, они жили практически до Киева на юге; часть алан доходила до Тамбова и смешивалась с местными финно-уграми и славянами. Осетины — их в свое время называли асами — расселялись по всем этим территориям и где-то враждовали со степными тюркскими племенами, где-то входили с ними в союзы. Аланское царство балансировало между Ираном и Византией, умудряясь сохранить

независимость с VI по XII век, конкурируя с Хазарским каганатом и соседними империями[4].

Аланский культурный круг распространился до середины центральной Русской равнины. Это был огромный осетинский мир, который в значительной степени повлиял и на русский эпос, особенно на богатырский, и на русские сказки, предания и легенды. Там, где в русской мифологии мы видим яркий диурнический дуализм, отчетливые героические элементы, описания богатырей и их непокорного буйного нрава, вполне различимо именно кочевое арийское и, скорее всего, аланское влияние. Осетины — это в каком-то смысле ключ к дешифровке диурнических вкраплений в русское, преимущественно ночное, бессознательное. Это чрезвычайно ценно, поскольку в русском народе наблюдается безусловный дефицит диурна. (По этой же причине так ценно для русского социума казачество.) Также особенно ценны для России осетины и осетинский народ, осетинские мифы.

Я не исключаю, что принадлежность Южной Осетии к героическому культурному кругу диурна лежала в основе тех событий, которые прошли в августе 2008 года. Южные осетины до сих пор чувствуют себя частью даже не просто Осетии, а частью Великой Алании, этого культурного круга, который заканчивается в Грузии (Сванетия) и простирается почти на весь Северный Кавказ вплоть до Абхазии. Сваны, рачинцы и хевсуры Грузии также упоминают нартов и нартских богатырей в своих легендах и мифах. К этому же кругу относятся адыги — абхазы, черкесы, кабардинцы. Нартский эпос распространен среди всех черкесских этнических групп. Соответственно, черкесы представляют собой этническую группу, чье мифологическое бессознательное фундаментально проникнуто солярным мифом о диурне, о героических подвигах и диайретических символах. Нартский эпос есть у тюркских народов Кавказа — карачаевцев и балкарцев. А также среди дагестанских кумыков. Кроме того, эпос есть среди народов Дагестана, у аварцев. И хотя, конечно, этот эпос совсем не тюркский со всех точек зрения, а именно индоевро-

---

[4] См.: *Лысенко Н.* Военно-политическая история аланов. СПб., 2007.

пейский, арийский кочевой эпос, но некоторые тюрки тоже входят в группу нартского эпоса. Более того, один из героев эпоса солнечный богатырь — Сослан (Сосруко) — возводится исследователями к тюркскому имени.

Вайнахи (чеченцы и ингуши) также находятся в пространстве влияния нартского эпоса, и это многое объясняет в их психологии, воинственности и характере. При этом любопытно, что вайнахская (явно позднейшая) версия нартского эпоса строилась на определенной антитезе осетинской (у вайнахов в центре внимания «Орхустойцы» — противники «Няртов»). И это, кстати, объясняет, почему столь резки трения между ингушами и осетинами. Это происходит отчасти потому, что вайнахское, ингушско-чеченское издание нартского эпоса отлично от осетинского. Некоторые фигуры переставлены, отрицательные персонажи выступают как положительные и т. д. Видимо, эпос отражает и увековечивает историю реальных трений между собой двух народов, которые долго жили рядом.

Мы знаем, что у индусов и иранцев боги и демоны называются симметрично обратным образом: у иранцев «дэвы» — это злые духи, а «ахуры» — это боги. А у индусов, наоборот, «асуры» — это демоны, а «дэвы» — боги. Таким образом, два народа, которые вышли из одного и того же культурного круга, по-разному поставили акценты в бессознательном. Индусы создали недвойственную систему «Адвайта» (ноктюрн), а иранцы — напротив, жестко дуалистическую религию (диурн). Получилось, что социокультурно иранцы и индусы во всем противоположны.

Также и носители двух типов, двух изданий нартского эпоса в осетинской и вайнахской редакции представляют собой две версии этого эпоса, но только без столь очевидной, как у иранцев и индусов, маркировки режимов. Хотя эта тема может быть исследована и более пристально. Но что важно: и те и другие принадлежат к одному и тому же культурному кругу и обладают героическим стилем поведения. Вайнахи и осетины почти во всем противоположны, кроме основной структуры бессознательного. И те и другие выращены в рамках такого фундаментального культурного мускулиноидного типа.

Таким образом, мы получаем культурный круг народов нартского эпоса. Мы можем заметить, что и другие кавказцы отличаются сходными социокультурными чертами. Все они так или иначе ориентированы диурнически. Иногда, правда, среди грузин, азербайджанцев и других народов встречается тип динамического ноктюрна, но это не меняет общей картины.

Кстати, сами осетины это очень хорошо чувствуют. Например, в случае с грузинами. Они говорят: «грузины другие», подразумевая не просто, что они этнически другие, они другие психоаналитически и социологически. Осетины в них видят именно ноктюрнический (драматический, копулятивный) тип. Это не русский тип — «хорошо сидеть», но тип посидеть и потанцевать. С точки зрения жестких, героических осетин, времяпрепровождение, которым преимущественно занимаются грузины, — «бестолковое».

Нартский цикл как кавказский код

Разные режимы бессознательного формируют структуру мифа, что само по себе чрезвычайно много. Кроме того, они в значительной степени аффектируют тот локальный неформальный логос, который фундаментально трансформирует всю систему государственного управления — и в федеральном объеме, и в региональном. Поэтому выяснение границ и свойств нартского культурного круга, его более внимательное исследование поможет корректно описать ту общую и в целом структурированную модель, которая определяет самобытность Кавказа и его этносов. Причем не с точки зрения языковой, религиозной, культурной и социальной, а с точки зрения наиболее глубинного кода, параллельной географии всего Кавказского региона, предопределяющего структурирование властных иерархий, межэтнический баланс, отношение к федеральному центру и его представителям, вычленить линии потенциальных конфликтов.

Особенно важно заняться этим именно сейчас, когда рухнул советский логос и Российская Федерация застряла с выработкой новой национальной идеи. В нашей двухчастной схеме, в нашей дроби сейчас есть мифос (все тот же

самый) и нет логоса, на месте логоса — вопросительный знак. Наша страна сейчас живет без идеи; логос, которым мы руководствуемся, — это криво инсталлированный, совершенно неадекватный и не подходящий нам логос. Его постмодернистское, западническое издание, которое было импортировано сюда людьми типа Чубайса в 1990-е годы, все более и более доказывает свою неадекватность. Соответственно, в отсутствие реальной идеологии, реального порядка, реального социального устройства у нас на этом месте находится какой-то скоропалительный суррогат. Социально-политическая, социологическая модель современного российского общества не определена.

И отсюда — пользуясь сбоем федерального логоса — особенно в этнически разнородных республиках Северного Кавказа тот тут, то там возникают проекты нового объединения на этнической почве. С опорой на свое бессознательное этносы делают первые попытки предложить свои собственные локально-этнические логосы. Пока это идет довольно тихо. На сегодняшний день это абортивные попытки — создание «Кавказской конфедерации» (то «исламский проект», то «Великая Черкесия» и т. д.). Однако в другой ситуации это может представлять собой более серьезную угрозу, и особенно если в дело решит включиться внешняя сила. Ей могут оказаться, например, США или их сателлиты на Западе и Востоке).

Два слова об исламе. Ислам на Кавказе весьма специфический. Он тоже имеет свою внутреннюю часть, свой подземный этаж, свой миф, а не только свой логос. Ваххабиты принесли ислам на Кавказ, и в частности в Чечню и другие республики, извне в такой форме, в какой он никогда в Кавказском регионе не имел хождения. Это была искусственная модель, чистый логос, обращенный против своего мифоса (то есть против суфизма, национальных обычаев, против традиционных школ толкования Корана — мазхабов и т. д.). Такой «чистый ислам» недалеко ушел от проектов модернизации Чубайса. Ваххабитские эмиссары — это исламские «чубайсы», желающие привнести на Северный Кавказ абсолютно чуждую народам, которые проживали здесь веками, этику и логику.

Споры о нартах: социологическое значение

Показательны также ведущиеся споры об этнической принадлежности нартского эпоса. Абхазы и черкесы говорят, что нарты — это их предки; тюрки-балкарцы говорят, что они сами являются чистыми аланами, и т. д. В данном случае идет спор за этническое присвоение локального логоса, то есть попытка перевести миф из бессознательного в сознательное и вырастить на нем свой этнический логос, которым можно руководствоваться в практических социально-политических целях. Спор о принадлежности эпоса никогда раньше не велся с такой остротой и с такой практической привязкой, пока прежние царистские или советские логосы были достаточно мощны и этим тенденциям просто никто не давал хода. Соответственно, у этносов Кавказа не было проблемы, как рационально поступить со своим бессознательным и построить на этом основании региональную политическую или государственную систему. Это было заведомо исключено при сильном общероссийском имперском логосе. Когда этот общеимперский российский логос ослаб или стал опускаться в постмодерн, потеряв мощь, стройность, вкус и привлекательность, проявились попытки создать на Кавказе проект того или иного толка, выведя логос из преданий, сновидений, архетипов и мифов. Все это и породило нарастающий конфликт вокруг нартского эпоса, который сейчас разгорается между черкесами (включая адыгов, кабардинцев, абхазов), балкарцами (претендующими на то, чтобы быть прямыми потомками алан) и осетинами.

С исторической точки зрения, с точки зрения этнологии и истории религии правы только осетины, но это не важно, потому что мы уже много раз видели, как народ называется именем своих завоевателей или именем того народа, который формирует элиту. Как русские называются русскими, хотя русской как раз была варяжская дружина. Или галло-римляне, которые называются, я говорил, французами, хотя франки — это немцы, немецкое племя. Точно так же «аланами» являются в широком смысле не только осетины. Этнически ими являются осетины, это совершен-

но однозначно. А вот в культурном смысле «аланы» — это те народы, которые входили в Аланское царство и сохранили в качестве фундамента ставший основой мифологического пространства нартский эпос.

Нартский эпос, изучение его влияния, его структур, полемики вокруг него — фундаментальная платформа для корректного понимания проблем Северного Кавказа. Увы, эта тема находится на периферии научного внимания. Ею занимаются фольклористы, но игнорируют социологи и регионоведы. Она очень слабо исследована. Стоит только копнуть — и обнаружится множество интересного материала, не систематизированного исследователями. Кавказ в значительной степени — это родина нартов. Важно проследить отношение нартского эпоса к современным социально-политическим процессам, к попытке выработки, разработки локального регионального логоса для тех или иных народов, внимательно разобрать сюжеты, общие у этого логоса с русским фольклором, а также определить место казачества по отношению к этим уже оформленным в готовую систему диурническим мифам.

Оказачивание русских

Мы уже говорили о казачьей специфике, о том, что казаки — носители особого бессознательного. Какова мифологическая подоплека казачества? Я много раз был в Старо-Черкасске, там есть интереснейшие исторические выставки, но практически ничего нельзя узнать о казачьем мифе. Многое можно узнать о жизни казаков, о походах, их завоеваниях, их быте. Все это очень ценно, но миф казачества, бессознательная структура казачьего диурна неизвестны. Казачье бессознательное было диурном. В этом нет вообще ни малейших сомнений. Мы видим в казачестве воинский тип, совершенно мускулиноидную со всех точек зрения часть русского социума. А вот о глубинной мифологии казачества мы как раз знаем очень мало. Я думаю, что если кто-то из социологов глубин заинтересуется этой проблематикой, то это будет чрезвычайно перспективно.

В свое время в 1990-е годы молодые люди, которые интересовались казачеством, принесли мне проект. Он в целом составлен наивно и бестолково, но сама идея была неплохой. Она заключалась в том, что на основании казачьего уклада надо организовать Россию как таковую, то есть, по сути дела, оказачить всех русских, привить им вместо феминоидного ноктюрнического бессознательного мужское мускулиноидное, героическое — сказали бы мы в терминах социологии воображения (социологии глубин). Это наивно, но вместе с тем интересно, потому что в конечном итоге, если сверху нам так и не будут давать никаких нормальных логических имперских инструкций, не будут делегировать внятного общефедерального логоса, нам ничего не останется, как опереться на то, что является наиболее ценным и организованным, упорядоченным в нашем собственном народе (пусть в его региональном локальном измерении). Ведь бессознательное этноса всегда живо, оно не может исчезнуть, и как бы далеко ни заходил нигилизм властных элит, все равно он затрагивает в основном уровень рациональный.

Нигилизм и потенциал воображения

Сейчас идет колоссальная деградация нашего общества, доходит до нижних точек распада — чего стоит российское телевидение, с его «юмором», с его пошлостью, с его «гламуром»... Но обратите внимание, чем важна социология глубин. Деградация общества на уровне логоса может дойти до нулевой отметки, до полного нигилизма, и тогда можно будет сказать, что эта отметка — ничто. Но у нас всегда есть «дополнительный этаж». Социологи глубин знают, что только для логоса существует ничто, только логос в своей двоичной системе способен оперировать с такими абстрактными понятиями — нечто/ничто. Но ниже, чем само логическое ничто, ниже, чем эта низшая ступень деградации и развала, начинается самое интересное: там спят наши коллективные мифы, наши глубинные представления, динамика нашей этнической жизни, наши первичные рефлекторные реакции. Вообще говоря, настоящая жизнь начинается в режиме воображения. И мы как раз и

пытаемся перетолковывать, и поэтому жить весело и интересно даже в самых экстремальных условиях. Если бы было по-другому, то вся жизнь приобрела бы исключительно механический характер.

Все наиболее живое — любовь, эмоции, реакции, энергия человеческой жизни, ужас, наслаждение, взлет, битва — берется из воображаемого перед лицом смерти. Практически вся человеческая культура, человеческая история — это не что иное, как реакция воображения на смерть. Поэтому современный крах российского логоса хотя, разумеется, и носит отрицательный характер, но это еще не крах нашего бессознательного, потому что краха бессознательного быть не может. Другое дело, в каком виде это бессознательное появится на поверхность, если этот логос пройдет в своей деградации еще несколько финальных этапов.

В такой ситуации принципиально важно, чтобы внутренняя структура мифа сохранилась и чтобы кто-то о ней помнил, изучал ее, в ней разбирался. Иначе в какой-то момент некому будет успокоить людей, чувствующих, как из глубин поднимается нечто неповоротливое, неосознанное, пугающее. «Это всего лишь миф», — скажут тогда специалисты по глубинному регионоведению, не волнуйтесь. Возможно, для кого-то это будет облегчением, а для кого-то и руководством к действию.

Мифология казачества

Проблематика социологии бессознательного сейчас внедряется в наиболее крупных социологических центрах России. В других странах существует более 50 лабораторий по изучению структуры мифа, и важно было бы организовать лабораторию по изучению бессознательного донских казаков. Это позволит обнаружить те пласты, которые, в свою очередь, объяснят нам и исторические факты, и закономерности развития казачества. Эти пласты покажут и то, какую созидательную функцию на новом социально-историческом этапе могут выполнить казаки как социальная идентичность значительной части жителей русского Юга.

Восстание локальных логосов

Дальнейшая деградация государственной идеи откроет новые грани и потенциальные возможности по выработке региональных логосов, которые будут пробиваться из своих локальных бессознательных матриц. Если имперская линия ослабнет, то начнутся отдельные спорадические вспышки малых региональных (иногда этнических) идей. При определенных обстоятельствах это породит конфликт с общегосударственной системой. Как он будет развиваться — как восстание региональных логосов, сталкивающихся с деградирующим имперским логосом, или как-то иначе, — это пока трудно описать. Но, видимо, все-таки, к огромному сожалению, в какой-то момент этот процесс войдет в острую стадию.

Для того чтобы подготовиться к этому, чтобы понять и описать это, чтобы систематизировать, изучить, и нужны такие дисциплины, как глубинное регионоведение и научные и образовательные учреждения, где это изучается. А в пространстве Северного Кавказа это имеет еще и самый практический, прикладной, в высшей степени актуальный характер.

Контрольные вопросы

1. Как соотносятся между собой логос и мифос в русской истории?
2. В чем состоит социальная уникальность казачества как типа?
3. Чем империя отличается от национального государства?

Литература

Агурский М. Идеология национал-большевизма. М., 2003.
Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
Данилевский Н. Россия и Европа. М., 1991.
Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007.
Дугин А.Г. Русская вещь: В 2 т. М., 2001.
Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М., 2010.

Леонтьев К. Византизм и славянство. М., 1996.
Нухаев Х. Ведено или Вашингтон. М., 2001.
Сказания о нартах. М., 1978.
Юнг К.Г. О современных мифах. М., 1994.

РАЗДЕЛ 4

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ И ПРОБЛЕМЫ КАВКАЗА

Проблемы с логосом

Чтобы адекватно понимать тему социологии религии применительно к регионоведению, надо вспомнить то, что мы говорили о базовой модели соотношения логоса и мифоса. Мы закончили тем, что поставили вместо современного логоса вопросительный знак. Советский логос, советская марксистская модель, которая объясняла смысл происходящего и которая лежала в основе непротиворечивых институциональных, социальных, политических, идеологических, исторических моделей, рухнула, и в современной России вместо логоса, который должен был бы давать более или менее ясное представление о происходящем и нормативном и как-то соотноситься с русским коллективным бессознательным, имеет место формальный импорт постмодернистского западного логоса, находящегося совершенно в другом историческом состоянии. То есть вместо логоса у нас появился «постлогос». Тем самым у нас вместо современного, полноценного, осмысленного социума, который воплощал бы в себе рациональную сторону, стоит знак вопроса и постмодернистская ухмылка в виде вопросительного знака, а все остальное — русское коллективное бессознательное и коллективное бессознательное других этносов, которые совместно составляют российское кол-

лективное бессознательное на всей территории Российской Федерации.

Здесь можно отметить интересную вещь: при изучении структуры этого коллективного бессознательного мы видим, что Кавказский регион, где доминируют другие малые этносы, то есть нерусские этносы с преобладающим режимом диурна, окружен зоной расселения казаков, которые являются бессознательными носителями режима диурна. Пространство мифоса России отнюдь неоднородно. Неоднородно ни с точки зрения социальных слоев, ни с точки зрения географии сновидений (архетипов). Поэтому мы и говорим о «локальных логосах» тогда, когда это локальное бессознательное пытается проникнуть в числитель.

Православие: логос и режимы бессознательного

В советские годы, и даже несколько раньше, в поздний романовский период, после церковного раскола, социальные функции православной традиции (как доминирующей конфессиональной инстанции) поэтапно менялись коренным образом. Прослеживая этот процесс, надо сказать несколько слов о самом православии.

Что такое православие? Православие — это не только обрядовая религия, которая занимается культами и учит о пути личного спасения, это еще и идеология. Идеология — это значит логос. В православии существует рациональная часть, воплощенная в богословии, но есть и специальный срез, связанный с учением о социуме[1]. Это значит, что существует нормативное православное понимание того, чем должен быть социальный логос общества и государства. Он существенно отличается от социальных концептов других конфессий и от католического и протестантского понимания в других ветвях христианства.

В христианстве в целом есть три обобщающие концепции социального логоса. Существует православный логос, католический и протестантский. Вместе с тем у православия, как у любой религии, существуют и мифологиче-

[1] См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви: http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html

ские черты, хотя они и выражены не явно и не эксплицитно. С точки зрения социологии глубин мы можем попытаться определить, как православие относится к трем группам мифов и двум режимам бессознательного.

В православии мы видим все три режима бессознательного. Возможно, это и обеспечило христианству (с социологической точки зрения) такую широкую популярность.

Диурнический элемент воплощен в вере в Бога и дьявола, с которым борются верные Богу, в идее морали (добра/зла), в учении о рае и аде, в аскетической практике ограничения пищи (пост) и плотских отношений (воздержание), в идее Страшного суда, на котором будут праведные отделены от грешников, — причем окончательно и безвозвратно, что в целом соответствует классической парадигме диурнического мифа. Для христианства — особенно в монашеской версии — преобладает бескомпромиссная аскеза — неприязнь к женскому началу, отказ от брака для белого духовенства и монашества. Идеал монашества и многие эсхатологические аспекты христианской традиции представляют собой режим диурна.

При этом мы видим и многие материнские черты. Нутритивный аспект воплощен в фигуре Пресвятой Богородицы. Поклонение Пречистой Деве имеет универсальное распространение не только в православии, но и в католичестве (хотя в протестантизме этого нет) и представляет собой мистический ноктюрн.

Существует также некоторое представление о циклах, потому что сам крест как основной символ православной традиции имеет циклический характер, где диурнические и ноктюрнические элементы — вертикаль и горизонталь пересекаются. В частности, учение о том, что Христос преодолевает смертью смерть. Мы говорили о том, что имажинэр и структура бессознательного есть ответ человека на смерть и время. Таким образом, Воскресение Христово преодолевает смерть, «смертию смерть поправ», а смерть включается в этот сложный цикл и воскресение представляет собой вечную бессмертную жизнь (диурн).

В христианской структуре задействованы все режимы бессознательного. Поэтому христианство, после того как

оно вытесняется, например, с помощью секулярного логоса Просвещения на Западе либо коммунистической модернизацией в России, благополучно может сместиться в сферу бессознательного, соединиться там с другими темами, возможно, с дохристианскими мифами, со сказочными, мифологическими, эпическими сюжетами, и пребывать в этом бессознательном состоянии неопределенно длительное время.

Бессознательное православие

Забегая немного вперед, можно сказать, что именно так у нас и произошло. Когда на предыдущем этапе советский логос рухнул, огромное число россиян как ни в чем не бывало на вопрос «Кто вы?» при соцопросах отвечали: «Мы православные». При этом, когда их спрашивали: «Как часто вы ходите в церковь?» — многие опускали глаза и отвечали: «Если честно, никогда». А если уж их спрашивали: «Каков символ веры, во что вы верите, если вы православные?» — они отвечали: «Мы не знаем, ну так, во все хорошее». И на самом деле, если говорить с точки зрения законченного богословского определения, то большинство современных россиян, которые причисляют себя к православным, таковыми являются в очень небольшой степени. Единственное, что они (большинство тех, кто так отвечает) прошли, это обряд крещения, что очень важно.

Действительно, с точки зрения церкви, человек, прошедший обряд крещения, является христианином, потому что в момент крещения ему всаживаются семена Святаго Духа. Обряд крещения означает смерть и воскресение. Купель означает могилу. Так она и описывается в церковных преданиях. Раньше купели были большими, пригодными для того, чтобы в них могли быть погружены и взрослые люди. Трехкратное погружение во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа означает трехдневное погребение Христа. Трехдневная смерть, спуск его в ад и Воскресение. Младенца или взрослого вынимают из купели, это означает воскресение и начало новой жизни. Обряд крещения чрезвычайно важен, и, можно сказать, тот, кто прошел его, поучаствовал в важнейшем духовном событии, а его душа получила бесценный опыт. Но объяснить это из тех

75 % людей, которые называют себя «православными христианами» в современной России, смогут только единицы. А крещеных очень много.

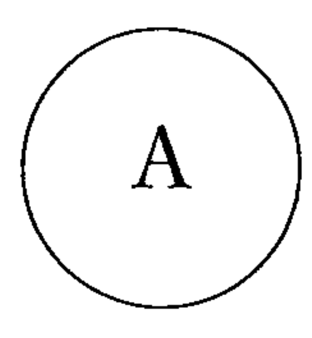
Научный логос как антихристианское явление

Для нас важно обратить внимание на то, что в современной ситуации люди, которые называют себя православными, чаще всего имеют в виду обращение к своему бессознательному, куда сместились православные представления, вытесненные оттуда рациональным и светским логосом. Если рассуждать на уровне богословия, на уровне логических аспектов православной традиции, то мы увидим полную несовместимость практически любого тезиса православия и практически любого тезиса современной науки. Они не просто находятся на разных сегментах логического, они симметрично противоречат друг другу.

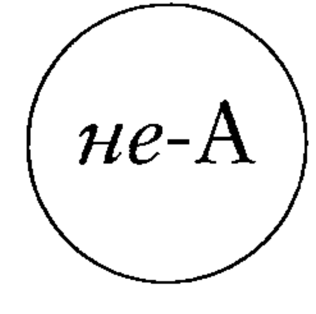
Логос модерна, логос просвещения возник на прямолинейном и систематическом отрицании логоса христианства. Христианство говорило, что мир сотворен Богом. Это так называемый креационизм (от лат. creare — сотворить). Мир сотворен Богом, и сотворен он в том качестве, в котором человек не был ни животным, ни ангелом, он не деградировал и не развился, а изначально был сотворен человеком и остается таким по сей день. Точно так же и все остальные существа в нашем мире.

Современная наука утверждает прямо противоположное. Она опровергает фундаментальный постулат христианской традиции: ничего подобного, провозглашает она, человек произошел из улитки, улитка произошла из амебы, амеба произошла из клетки, клетка произошла неизвестно из чего. И это есть «научная истина», а все провозглашаемое христианством есть «детские сказки». Это дарвиновская модель теории эволюции[2]. Она лежит в основе современной биологической науки и в значительной степени в основе других дисциплин. Можно сказать, что если множество утверждений А принадлежит к православному логосу, множество не-А принадлежит к логосу позитивной науки.

[2] См.: *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора. М., 2009.

Христианский логос

Логос современной науки

Христианство утверждает, что человеческая душа бессмертна. Раз появившись в теле, она никуда после этого не исчезает. Она рождается и не умирает. Отсюда и соответствующее отношение к жизни, как ко временному и преходящему явлению, поскольку жизнь души представляет собой вечный луч, который имеет начало при зачатии тела и не имеет конца. Значит, в любом случае существование в теле, в рамках тела представляется как бесконечно малый эпизод существования души. Отсюда вытекает специфическая этика по отношению к земной жизни. В земной жизни можно пострадать, можно чего-то лишиться, можно недоесть, недопить, недоделать каких-то приятных вещей. Но это необходимо для того, чтобы потом, после Страшного суда, после разделения агнцев (избранных) от козлищ (проклятых), наслаждаться вечным райским существованием и не попасть в ад. Вот это по-настоящему имеет значение, потому что по завершении маленького, с точки зрения бесконечной жизни души, периода земной жизни душа попадает либо в рай, либо в ад и будет находиться там вечно, не в силах изменить грозного или милостивого решения.

Во время воскресения мертвых происходит воскрешение тела (ранее умершего и истлевшего), и человек целиком и полностью предстает перед Богом, судится и отправляется в рай или в ад, уже окончательно и бесповоротно.

Современная наука утверждает все строго противоположное. Она построена на аксиоме, что у человека души нет, вместо души есть психика. Психика — это антитеза души. Психика — это временная, имеющая тесную связь с биологической жизнью человеческого организма реальность, промежуточная между телом и сознанием и исчезающая (вместе с телом и сознанием) сразу после смерти.

Мир конечен, утверждает религия, в конце истории наступает Страшный суд. Время идет вниз (деградация). Поскольку время деградирует, оно удаляется от земного рая к земному аду — в конце времен состоится неизбежный приход антихриста. Это процесс инволюции. Иерархия в обществе, утверждает христианство, должна соблюдаться. То есть подчиняться властям необходимо, и именно необходимо подчиняться властям даже жестоким и несправедливым, не требуя ничего большего, поскольку это с точки зрения христианской этики есть испытание земной жизнью, сущность которой — очистительное страдание. Кроме того, есть и священные иерархии («иерархия» по-гречески — священная власть) — в церкви, в представлении о священной функции императора, иерархия невидимых существ — серафимов, херувимов, престолов, властей, сил, господств, начал, ангелов и архангелов.

Таким образом, современная наука и религия представляют собой два взаимоисключающих друг друга логоса. Они не просто находятся на разных этажах, они находятся на одном и том же этаже и конфликтуют во всем как несовместимые операционные системы. Вся современная наука в ее философских основаниях и в практических приложениях основана на прямолинейном и систематическом опровержении христианских догм.

Мы видим не сосуществование двух логосов, а один логос и другой логос, которые были прямо противоположны друг другу практически по всем пунктам. Это верно относительно христианской доктрины в целом (мы пока еще не говорим о православии, потому что все это можно применить в целом и к католической, и к большинству протестантских теологий — за исключением чистых ересей). Христианство имеет свое мировоззрение, которое

по основным постулатам о мире, человеке, времени, истории, обществе, этике, морали, онтологии, учении о бытии и представлениях о времени полностью противоположно всем утверждениям современной науки.

Оценка христианством эпохи модерна

Современная наука, так же как и современная культура, возникла как антихристианское явление. Вся эпоха модерна — это фундаментальный поход против Христа. Это абсолютно антихристианская, антихристова, если угодно, инициатива. Поэтому люди, которые занимаются современной наукой, так или иначе развиваются и находятся в пространстве аксиоматики антихриста, так как эта аксиоматика в своих истоках строилась на совершенно сознательном отвержении христианства.

Но для самого христианства это не было неожиданностью. В христианском учении есть предсказания о наступлении таких времен, когда в мир придет антихрист и переставит вещи вверх ногами. Вместо христианских ценностей, утверждений, догматов и аксиом, которые существовали в целом в нетронутом виде от Пришествия Христа до XVII–XVIII веков у стран и народов, принявших христианство, в эпоху модерна этот логос заменяется новым, прямо противоположным. И христианский Апокалипсис предупреждал, что это произойдет. Придут люди (или нелюди — демоны, лжепророки, «звери из моря и суши»), которые перевернут всю систему ценностей, представлений о мире. Так оно и случилось. Эпоха Просвещения есть переворачивание, опровержение, отвержение и отмена православного логоса.

Советский логос был, безусловно, изданием логоса Просвещения. Он оставил нам в наследство многие элементы, в частности институты, университеты, научные заведения, где по инерции люди, которые сплошь и рядом причисляют себя сегодня к православным, продолжают преподавать, обучать именно тому, что можно назвать «антихристовым подходом», «аксиомами антихриста». Одной из таких «аксиом антихриста» является (в православном мире) идея отделения церкви от государства.

Все, что нами было высказано о дуализме и обратной симметрии двух множеств, об их полной противоположности, относится ко всем типам христианской традиции. То есть эти богословские и догматические элементы свойственны всем трем направлениям, трем ветвям христианства.

А если подойти более узко, например, к православной традиции, то мы получим еще более точное и сфокусированное издание христианского логоса — на сей раз православного логоса, который несколько отличается от других ветвей христианства. В частности, здесь свое особое представление о государстве и его отношении к церкви.

Социологические аспекты симфонии властей

С точки зрения православия нормативной моделью церковно-государственного устройства является симфония властей. Я хочу обратить внимание, что вновь избранный Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, когда происходила его интронизация, на встрече с Президентом РФ употребил этот термин — «симфония властей», указав, что именно такое отношение светской и духовной властей является идеалом и нормой православной традиции.

Симфония властей — это не пустые слова. В рамках христианского логоса эта модель называется моделью «византизма». Византизм предполагает симфонию — то есть единозвучие («симфония» — это созвучие, от «сим» — «с» и «фонос» — «звук»), созвучие — власти патриарха и царя. Православный патриарх и православный царь совместно представляют собой высшую инстанцию религиозно-социального целого, в котором религия не отделяется от государства и само государство мыслится как религиозный институт спасения. Православный император в византийской модели называется «катехон» (по-греч. катехон — удерживающий, или держащий). Это связано с фразой из Второго послания святого апостола Павла к фессалоникийцам относительно предсказания об антихристе. Там сказано: «Сын погибели не придет к нам, пока не будет взят от среды удерживающий теперь». Катехон, удерживающий, трактовался в церковной традиции со времен Иоанна Златоуста (а может быть, и раньше) как православ-

ный император. Православный император как воплощение воцерковленного государства, находящийся в симфонии с патриархом, то есть с церковью, является препятствием для прихода в мир антихриста. Вот что такое симфония властей. Соответственно, здесь речь идет не только об отрицании разделения церкви и государства, но о восприятии самого государства как религиозного церковного института, направленного на противостояние антихристу и иерархически подчиненного симфоническому двуединству патриарха и императора.

Если мы будем отталкиваться от нормативной версии православного социально-политического логоса как симфонии властей и попытаемся соотнести с ней отношения государства и церкви в России, мы увидим, что начиная с реформ Петра происходит частичное отступление (церковь не отделена от государства, но патриаршество отменено и государство — царь — выше церкви), потом в советское время переворот отношений (церковь отделена от государства и подвергается гонениям со стороны атеистического государства), потом после 1991 года происходит прекращение гонений (но, правда, церковь остается отделенной от государства, которое продолжает настаивать на своей светскости) и в самое последнее время — уже при патриархе Кирилле — все чаще и чаще начинают раздаваться осторожные пока голоса в пользу возврата к изначальной, нормативной версии, то есть к симфонии властей и византизму.

Социология католичества

Мы можем для примера рассмотреть картину нормативного представления о структуре общества и государства в католичестве, которая отличается от православной. Там речь идет о папизме, или папа-цезаризме.

Католический папа является главой всей католической церкви и должен стоять над всеми светскими властями (королями и князьями). В Западной Европе в свое время была создана католическая империя. Вначале это была империя Карла Великого в VIII веке. И с этого периода начинается разделение между православием и католиче-

ством, поскольку империя должна быть по христианским представлениям одна. Православные византийцы считали, что только Византийская империя является реальной империей, а католический мир — это часть христианства и часть империи. Даже если она выпала из-под контроля Восточно-Римской империи, то есть Византии, это временное состояние. В VIII веке, воспользовавшись смутой в Византии, папа римский помазывает в императоры Карла Великого, и с этого момента в христианском мире возникают две империи — изначальная Византийская, православная и собственно Римская, и вновь созданная западная, католическая.

Западная империя отличается тем, что в ней царит не принцип симфонии, а верховенство римского папы. Хотя с этим тоже не все так гладко. Некоторые императоры, в частности Штауфены, пытаются построить и на Западе какое-то подобие византийской модели, настаивать на высшей роли императора и даже подчинить себе папу, указывая, что римский папа — это не что иное, как патриарх Запада, что исторически верно. Это направление получает название «гибеллины». Смысл позиции гибеллинов в том, что империя выше папства. Им противостоят гвельфы, которые настаивают, что папа выше князей и выше императора. И эта линия побеждает, поскольку западноевропейский мир делится на несколько мощных и самостоятельных государств, между ними возникают сложные перипетии борьбы, разногласия политических, религиозных интересов, и на этом фоне единство католической церкви и власть папы римского оказываются главным фактором, обеспечивающим Европе целостность и духовное единство.

Нормативным для католического мира становится гвельфское издание христианского логоса. Представление об идеальной политике у католиков является следующим. Выше всех стоит папа. Он посылает своих кардиналов в различные страны, а эти кардиналы вместе с местными князьями, королями и президентами образуют тандем духовной и светской власти, где кардиналы теоретически выше светских властей. На практике это не особенно соблюдалось, но тем не менее нормативная модель ка-

толического социального логоса именно такова: всемогущество и всевластие папы. Знаменитые романы А. Дюма «Три мушкетера» и их продолжения повествуют о том переменном балансе, который был между властью короля и властью кардинала во Франции (откуда мушкетеры короля и гвардейцы кардинала — симпатии Дюма были на стороне короля).

Протестантская социология

Протестанты в XVI веке опротестовали эту гвельфскую католическую модель социального и религиозного логоса. Надо заметить, что протестовали они не против православия, которое было давно уже отдалено от жителей Западной Европы, а против католичества. В первую очередь — против папской модели. И первые протестантские движения зародились как раз среди германских князей, которые входили в зону распространения гибеллинских политических тенденций. Это разделило Европу на протестантскую и католическую.

Протестанты несли с собой иную модель, поскольку клир, священничество, не играло у них особой роли. У них не было ни папы, ни патриархов, они тяготели больше к религиозной демократии. Протестанты считали, что возвращаются к раннехристианским временам, к эпохе первых христианских общин — до воцерковления империи, и поэтому идеалом христианского общежития для них являлась христианская демократия. Поэтому христианская демократия является в той или иной степени общим элементом для протестантских христиан, которые считают, что они восстанавливают тем самым апостольские традиции.

Итак, мы видим три издания социального христианского логоса. В одном случае, в православном, речь идет не о разделении и секулярности власти, а, наоборот, о необходимости восприятия государства как религиозного института. Здесь церковь и царство сливаются симфонически. Во втором случае речь идет о доминации церкви над царством. Здесь церковь осмысляется как град Божий. По выражению бл. Августина, град Божий (церковь) ведет

войну с градом Земным (государством) и на преобладании первого над вторым основывается социальный норматив[3]. А в третьем случае (протестантизм) утверждается нормативный идеал демократических христианских общин, которые сами на своих собраниях решают свои проблемы и выбирают своих представителей.

Совершенно очевидно, что современная демократическая система, идея разделения властей и секуляризм вырастают из Реформации. Исторически Новое время, «современность», когда начинается отрицание всех форм христианства, рождается из протестантизма. Иными словами, генезис логоса модерна, генезис современного мира следует искать именно в протестантизме. Об этом прекрасно написали крупнейший социолог и один из основателей этой науки Макс Вебер в книге «Протестантская этика и дух капитализма», а также Вернер Зомбарт в своей книге «Буржуа»[4].

Нормативные свойства христианского логоса: влияние на общество и экономику

Необходимо понять, что христианская религия ни в коем случае не является исключительно обрядовой или чисто личной вещью. Обряд играет важную, но подчиненную роль. В первую очередь это идеология, это представление об основных ценностях, понятиях, императивах, нормативах, образцах, предписаниях, правилах — о том, что должно быть сделано, о том, что не должно быть сделано, что хорошо, что плохо, какими должны быть общество, государство, политика, нравственность, культура, а какими нет. Более того, есть христианские нормативы относительно того, какой должна быть экономика. Существует, например, православное представление об экономике, сдерживавшее в Византии в свое время развитие латифундий, то есть единоличных землевладений, и это представление об экономическом устройстве государства, где высшая императорская власть выступала гарантом интересов

---

[3] См.: *Августин.* О граде Божьем. М., 2000.

[4] См.: *Зомбарт В.* Буржуа. М., 1994.

мелких землевладельцев, существовало почти до конца Византийской империи (об этом подробно писал профессор Ф.И. Успенский в «Истории Византийской империи»)[5]. Императоры периодически издавали эдикты, которые ограничивали развитие феодализма в Византии, и иногда напрямую передавали земли зарвавшихся землевладельцев свободным крестьянским обществам. В византизме большая роль уделялась свободному крестьянству. Интересна этимология русского слова «крестьянин», оно происходит от слова «христианин». На Руси говорили: «Это известный человек, князь, это уважаемый человек, священник, а это кто? А это мы не знаем кто, это просто христианин». Русское слово «крестьяне» — это «христиане». Обычные христиане, то есть не выдающиеся ничем люди. И вот поэтому под крестьянами изначально понимали не только тех, кто занимался трудом сельскохозяйственным, но и просто православных людей, не принадлежавших к какому-то известному боярскому, дворянскому или священническому роду.

В основе византийской экономики лежало представление о необходимости таким образом устраивать экономическую систему, чтобы простые христиане, то есть христиане, не попадали в абсолютную зависимость от своих господ, чтобы отношения между людьми определялись христианскими нормами.

Наш известный византолог профессор Успенский доказал, что благодаря вышеупомянутым эдиктам в Восточно-Римской империи, то есть в Византии, феодальные отношения не получили развития. Не то что они не развивались сами по себе — они искусственно прерывались. Если посмотреть с точки зрения современного логоса Нового времени: там не было того «прогресса», который был в католических и протестантских странах, где феодализму ничто не препятствовало в отличие от Византии, где господствовали иные социорелигиозные установки.

Таким образом, вполне можно говорить о православной экономике. С греческого языка «экономика» переводится как «домостроительство». «Домострой» — это пере-

---

[5] См.: *Успенский Ф.И.* История Византийской империи: В 6 т. М., 2002.

вод на русский язык греческого слова «экономика». Экономика — это домострой, домостроительство. Это понятие используется в богословии для описания функций Трех Лиц Пресвятой Троицы, но сейчас это слово в качестве названия дисциплины употребляется совершенно в другом смысле. У католичества есть свои предпочтения относительно экономики. Есть они и у протестантов с их индивидуалистическим толкованием спасения и минимализацией понятия церкви как института.

Трактовки церкви в разных христианских конфессиях

У каждого из трех направлений христианства есть свое представление и о церкви. С точки зрения православия церковью является сообщество всех православных христиан, священников и мирян. В этом лежит идея тотализации, интеграции, соборности. В католичестве под церковью понимается только иерархия священников во главе с папой, то есть клир. Но клир также понимается иначе — католические священники обязаны выполнять целибат, тогда как черное духовенство в православии может быть женатым и соответственно иметь детей. Соответственно, в католическом представлении церковью являются монашествующие клирики, у нас же — совокупность всех православных, а это порождает совершенно другое представление об обществе, политике и порядке.

У протестантов же понятие церкви вообще минимализируется. В центре христианского представления у протестантов стоит один-единственный человек — христианин. И каждый христианин, протестант, имеет право толковать Библию как он хочет на основании своего рассудочного суждения. Периодически отдельные христиане собираются между собой, что-то обсуждают, о чем-то договариваются, о чем-то нет. Из-за этого существует огромное количество протестантских сект, но нет никакой общей ни религиозной, ни социальной, ни политической концепции. Их объединяет неприязнь к католичеству (и полное незнание православия). Это основное в протестантской модели. Утрируя протестантский подход, можно сказать, что там,

по сути дела, каждый человек сам себе церковь. Есть представление о личном индивидуальном спасении, и в разных формах протестантизма люди объединены по-разному, но в основном на произвольной, случайной основе.

Различие секуляризационных моделей христианских обществ

По мере секуляризации эти три типа христианского социального логоса приводят к возникновению совершенно разных обществ. Советская модель, конечно, выросла из марксизма, то есть по своей формальной стороне, по своему социальному логосу она принадлежит к современному миру и к парадигме Просвещения, в значительной степени сохранила ту целостность, соборность, интегративность, которая лежит в основе православного нормативного представления об обществе, но только в светском ключе. Однако в целом православный логос со своими четкими и ясными богословскими структурами в советское атеистическое время был загнан в бессознательное, в сферу мифоса.

А вот секуляризация протестантской теологии, протестантского представления о ценностях, о мире, о спасении, индивидуализм, который лежит в основе этой версии христианства, — все это породило современный либерализм, современное либеральное капиталистическое общество, что как раз Вебер и показывает.

Католицизм же в своем секулярном измерении находится где-то между тотальностью и соборностью православия и ультраиндивидуализмом протестантизма.

Спроецировав это на карту, мы увидим, что на Востоке, где располагалась православная церковь, в частности в России, на поствизантийском пространстве на светском этапе доминирует коммунизм, марксизм. В Америке, на самом дальнем Западе, преобладают результаты секуляризации протестантизма. А вот в Европе, которая находится между тем и другим, преобладают социал-демократические и христианско-демократические политические системы, где видны как католические, так и умеренно протестантские корни.

Социологические взгляды нового Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Эта экспозиция в историю трансформаций христианского логоса была необходима для того, чтобы проследить эволюцию (точнее, инволюцию), которую проделало христианское учение о государстве, о социуме, о политике в эпоху, когда стал доминировать другой логос — логос секулярный, формально отрицающий основные постулаты церкви.

Данное введение позволит нам довольно корректно описать и осмыслить с социологической точки зрения, что мы имеем в виду, когда говорим о русском православии сегодня.

Прежде всего надо сделать следующее. Сейчас в России избран новый Патриарх Московский и всея Руси, бывший митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Это человек, который принадлежит к категории православных деятелей типа Иосифа Волоцкого или патриарха Никона. Он не просто предстоятель церкви, молитвенник и служитель, но и носитель православной идеологии. И будучи только что избранным, только что интронизированным патриархом, он тут же говорит о симфонии властей. «Кто имеет уши, да слышит» и поймет, о чем идет речь. Для нового патриарха Кирилла существующее положение вещей в отношениях церкви с государством — недостаточно, и более того — не приемлемо; он много раз говорил о том, что церковь — это не бюро ритуальных услуг. Недостаточно того, что 75 % россиян причисляют себя к православным на уровне своих бессознательных, культурных, «мифологических» реакций.

Причем мы видели, что, поскольку в самой христианской доктрине, православной доктрине, существуют все три режима бессознательного, которые мы разбирали выше, соответственно, под смутным бессознательным «православием» можно понимать все, что угодно — от жесткой аскетической практики до мистической ноктюрнической созерцательности, которая на практике может выражаться в простой лени. А если это «затопленное православие» еще не точно выявлено в человеческом бессознательном, не поднято на уровень сознания, но существует в виде грез, снов и интуиций, то оно вполне может соприка-

саться с обрывочными элементами чего-то совсем другого. Поди разберись, в каком режиме и когда это бессознательное православие будет действовать и к чему оно приведет на уровне сновидений.

Хотя, конечно, оно там есть, оно туда спустилось (не по своей воле, а под давлением атеистического советского государства), поэтому-то современные россияне и говорят — «мы православные», когда надо хоть как-то себя определять. На уровне логоса от православия осталось не много, а вот на уровне бессознательного каким-то смутным образом кое-что сохранилось.

Православие у современных россиян спустилось в бессознательное. Одна из главных задач нового патриарха Кирилла — выведение этого бессознательного православия на уровень сознания и утверждение его в качестве православного логоса. Этот процесс может быть назван воцерковлением российского общества. Патриарх Кирилл много раз говорил, что церковь у нас отделена от государства, мы пока с этим ничего поделать не можем, мы достаточно слабы. Кто мы? Сознательные представители православного логоса. Но мы — это еще и весь народ наш, пока еще лишь бессознательно православный, пока еще стоящий в стороне, пока еще православный сквозь сон.

Мы не можем сразу и четко воцерковить всех, связать социальные, государственные, политические, образовательные, культурные институты с нормативами православия. Тем более не можем подчинить себе государство. Тем более наше тяжело болеющее государство, которое скорее заразит нашу православную церковь, чем будет спасено ею. Мы его просто не потянем. Поэтому патриарх Кирилл ставит своей программой наступление церкви на общество. Он многократно подчеркивал ранее: да, церковь отделена от государства, но в какой статье современной Конституции утверждается, что церковь отделена от общества? Такого утверждения нет в силу того, что общество — вещь более размытая, более неопределенная, менее точно поддающаяся регламентации социально-политических, юридических и административных кодексов. А значит, для воцерковления российского общества никаких преград нет.

Наступление церкви на общество

После ликвидации советского логоса все больше внимания сосредоточивалось на православии. Фигура покойного патриарха Алексия II была в этом смысле переходной. Его задачей было немножко отогреть загнанное большевиками в сферу бессознательного православное самоощущение, пригласить его к развитию, вселить уверенность и вместе с тем удержать церковь от экстремизма и шатаний, свойственных неофитству. В данный момент мы переходим к следующей части программы: к постепенному воцерковлению общества, общества в целом, включая культуру, образование, и позже, на заключительном этапе, власть.

В первую очередь наступление пойдет по линии образования, потому что важнее всего начать с тех областей, которые приоритетно занимаются логосом. Сейчас во многих школах начинается введение основ православной культуры. В вузах то здесь, то там вводится предмет теологии. Богословие преподается все шире и шире. Однако это очень непростая, чреватая многими конфликтами вещь. То место, где снова должен утвердиться православный логос, не является пустым, оно уже занято. Оно захламлено останками предшествующего, уже совершенно разложившегося советского логоса, с существенными вкраплениями логоса либерального (в постмодернистской стадии), фрагментарно скопированного с западных обществ и кое-как инсталлированного в образование, политику, экономику, культуру, СМИ — включая наспех списанную с западных образцов Конституцию.

Предстоит непростая работа, потому что примирение православного логоса и логоса модерна невозможно. Логос модерна является отрицанием христианства, это логос антихриста, антилогос. Иногда, если дом пришел в полную негодность, лучше его построить заново, чем пытаться восстановить. Сейчас решается очень серьезный вопрос — будет ли снесено здание модерна (с вкраплениями постмодерна) под корень, и тогда на его месте построят (восстановят) православный логос (но это огромная работа и очень опасная, потому что какое-то время на месте числителя будет пустырь), либо будут пытаться каким-то образом сочетать

несочетаемое, находить те части здания, которые еще не прогнили, еще целы и которые можно так или иначе использовать, встроив в новый контекст. В любом случае и при любых обстоятельствах бессознательная идентичность русского народа будет становиться все более и более сознательной.

Христианские заповеди

Это, безусловно, очень сложный процесс. То, что залезло в подполье, во сны, вдруг начинает подниматься на свет. Но там, в знаменателе, за это время ничего не прояснилось, не просветилось, а, наоборот, накопилась масса предрассудков, бреда, случайных ассоциаций, слияний с нехристианскими архетипами. Многие, когда говорят о христианстве, даже не знают христианских заповедей. Распространено мнение, что основные христианские заповеди — это «Не убий и не укради». На самом деле, это ветхозаветные заповеди. Они таковы.

1. *Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.*
2. *Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.*
3. *Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.*
4. *Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай в них всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осел твой, ни всякий] скот твой, ни пришелец,*

который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его.

5. *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.*
6. *Не убивай.*
7. *Не прелюбодействуй.*
8. *Не кради.*
9. *Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.*
10. *Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего*[6].

А христианские заповеди — это:

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: Возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»[7].

Вот эти две заповеди любви являются заповедями благодати, а десять заповедей Ветхого Завета — «заповеди закона». Христианство учит, что эпоха закона закончилась с приходом Христа и начинается эпоха благодати, особого состояния, где многие параметры, в том числе моральные, ужесточаются или смягчаются. Например, ужесточаются в том, что необходимо не просто соблюдать нормы, а соблюдать больше, чем эти нормы. Не просто подчиняться законам, но стремиться отдать жизнь свою за ближнего своего. Но, с другой стороны, именно потому, что произошел пе-

[6] Исх. 20:3–17.

[7] Мф. 22:37–40.

реход от закона к благодати, можно есть свинину, которую Ветхий Завет есть запрещал, и не обрезываться. Иудеям в эпоху закона было запрещено есть свинину и полагалось обрезываться. Христианство же говорит, что в эпоху благодати можно этого уже не делать. Главное, чтобы было обрезано, как говорится в христианском послании, сердце. То есть мы должны посвятить сердце свое, а не плоть Христу и Богу.

Оппозиция православному логосу

Вот это стройное и выверенное учение сейчас будет подниматься из стадии бессознательного, смутного, культурного, сновиденческого православия в логическую структуру.

Конечно, здесь возникнет целый ряд проблем. С одной стороны, огромное число людей, воспитанных в советское время, а с другой — очень небольшое, но зато очень громогласное, визжащее количество демократов и либералов-западников будет противостоять этому самым решительным образом. Одни, либералы-западники, будут активно провозглашать: «Смотрите, но ведь во всем цивилизованном мире, на Западе не так!» — хотя как раз на Западе, например в Соединенных Штатах Америки, многие процессы развертываются в контексте христианского (преимущественно протестантского) понимания. В «цивилизованной» Норвегии лютеранская церковь не отделена от государства, а в «цивилизованных» Англии, Испании, Дании (и менее цивилизованной Болгарии) благополучно установлены монархические режимы. В США в школе разрешено религиозное образование, огромное количество христианских проповеднических каналов. Но именно исходя из протестантской теологии — с ее внутренним многообразием сект — существует определенная терпимость к другим направлениям в христианстве или к нехристианским конфессиям. Именно потому, что спасение — дело индивидуума. Америка, как ни странно это может кому-то показаться, построена по жестким, фундаментально протестантским чертежам. Когда Джорджа Буша-младшего спросили, почему он нанес удар по Ираку, он сказал: «Бог сказал мне — ударь по Ираку». Такое впечатление, что мы находимся где-то в Средневековье во времена Крестовых походов, и граф

Анжуйский получает откровение и собирает войско на завоевание Земли обетованной. Но Буш — это уже XXI век. Это то же самое, как если бы Путина спросили: «Зачем вы ввели войска в Южную Осетию и в Абхазию?» — а он бы ответил: «Видение было». Кстати, если бы он так один раз сказал, все бы от него навсегда отстали. Больше вопросов не было бы. В Америке это нормально, у нас это кажется немыслимым.

В Европе, особенно на родине Великой французской революции, где в течение нескольких последних веков велась мощная фронтальная дехристианизация, дело обстоит сложнее. И там христианство фундаментально загнано в подполье — намного глубже, чем в России.

Поэтому, когда сейчас у нас оно будет подниматься, нам будут рассказывать много мифов о Западе; нам начнут говорить, что там христианство отделено от государства; что это дело отдельной личности; что нельзя никому навязывать каких-то религиозных предпочтений. Но при этом забывают, что в значительной степени такое индивидуальное понимание христианства есть результат работы протестантской рациональности с ее стремлением к релятивизации сект и перевода религиозной практики на индивидуальный уровень. К рациональности православной, русско-византийской это просто никакого отношения не имеет.

Вторая группа, которая будет препятствовать восстановлению православного логоса, — это люди, которые по инерции продолжают находиться в секулярных традициях советского периода. Это наши предки, получившие советское образование, преподаватели вузов, люди советской культуры. Все они живут в парадигме антихристианского логоса. Конечно, они чаще всего отнюдь не воинствующие атеисты, как на предыдущих этапах, и многие из них отвечают, что «они православные», но православные они, как правило, именно на уровне «нижнего этажа». На уровне верхнего этажа (логоса) они светские модернисты, эволюционисты, прогрессисты, дарвинисты и видят мир более или менее «расколдованным» (по Веберу). Они будут выступать серьезным препятствием, так как для принятия православного логоса им надо будет перевернуть все:

изменить саму структуру сознания, пересмотреть и переосмыслить образование, отвергнуть научные авторитеты. Эта огромная работа еще не начиналась, но она когда-то должна начаться. Дело в том, что тот «научный», «позитивистский» логос, который доминировал в советское время, несостоятелен, не имеет внутренней опоры в самой России и постепенно все больше и больше превращается в логос постмодернистский на самом Западе, откуда он к нам пришел. Поэтому хватка этого советско-материалистического, атеистического, «научного» логоса не очень сильна. Соответственно, нет никаких оснований, что он сможет надолго еще сохранить свое влияние. И тем не менее прежние поколения — со своим инерциальным материализмом — еще определенное время будут выступать существенной помехой, о чем свидетельствует, например, письмо российских академиков против православия — жалкое по своей бессодержательности и наивности аргументов, но весьма показательное для той инерции, о которой мы говорим.

Так или иначе, в нашем обществе в ближайшее время процесс перехода от православного бессознательного к православному самосознанию будет доминировать и постоянно нарастать.

Структура традиционного ислама: еще одна дробь

Теперь рассмотрим исламский фактор, представив социум в виде дроби, что мы уже не раз проделывали. Попытаемся в пространстве знаменателя этой дроби откопать еще один уровень. Таким образом, мы можем расширять социальную топику, открывая новые и новые «пласты в глубины» («paliers en profondeur» — по выражению социолога Гурвича)[8].

В советское время с исламом (а может быть, еще даже и раньше, во времена Российской империи) произошло приблизительно то же самое, что с христианством. Сознательный концептуально выверенный ислам, претендующий на исламский социальный логос, давно превратился в ислам подсознательный — ислам, от которого остались опреде-

[8] См.: *Gurvitch G.* Dialectique et sociologie. Paris, 1962.

ленные жесты, обряды, архетипы, сюжеты, символы. Это значит, что в эпоху доминации православия как государственной религии Российской империи и в советское время по разным обстоятельствам, но ислам был помещен в область знаменателя.

Специфика Кавказского региона состоит в том, что ислам многими кавказскими народами был принят сравнительно недавно, и он сопрягается с другими местными доисламскими духовными традициями, которые на самом деле являются более древними и глубокими. В частности, нартский эпос, о котором мы говорили.

Таким образом, сейчас Кавказский регион, народы Северного Кавказа, за вычетом русских, имеют в знаменателе сразу два этажа, еще одну определенную дробь. Наиболее близкий к логосу и наиболее поверхностный уровень — это ислам. Но ислам интуитивный, ислам как дань традициям, а не как самодостаточный осознанный социально-политический проект, ислам в целом бессознательный.

Еще ниже находится этномифология, которая с исламом связана лишь тем, что также находится в знаменателе, хотя в более глубоком его пласте.

Российский ЛОГОС (?)

МИФОС

ИСЛАМ

Этномифология
(нартский эпос и др.)

Схема двойной дроби кавказского ислама

Есть определенное концептуальное пространство, где эти два уровня знаменателя между собой соприкасаются. Это — суфизм. На Северном Кавказе очень распространены суфийские братства, тарикаты, вирды, которые, хотя и считаются духовной, мистической частью исламской тра-

диции, исламской религии, на самом деле через более широкое толкование исламских законов, заповедей, через привнесение многих локальных мифологических элементов служат инстанцией, где доисламская этномифология, домонотеистическая (не монотеистическая) традиция частично согласуется с исламом.

Существует также адат, особое горское право, которое есть нечто среднее между этническими обычаями и законами шариата.

Напомним, что пока и среди русских православие является интуитивным самоопределением, бессознательным явлением. Ислам существует приблизительно в такой же ситуации. Он находится в социальном подполье. Не только в юридическом подполье, но именно в социальном подполье.

Что значит нахождение ислама здесь, в знаменателе? Это значит, что ислам блокирован, как в свое время было блокировано точно так же православие, от того, чтобы выступать в качестве полноценного логоса, исламского логоса. Он выступает как исламский мифос. И как исламский мифос его терпят, а как исламский логос — нет. Такой ислам является обобщенной бессознательной идентичностью многих северокавказских народов, почти всех, кроме осетин (и абхазов), которые преимущественно христиане. И сейчас многими силами предпринимаются попытки из бессознательного ислама прорваться на уровень исламского логоса.

Ваххабизм и исламский логос

Что такое исламский логос? В каких формах, где и как он проявляется? Проанализируем явление ваххабизма. Ваххабизм не просто прорастает в качестве идеологически-политического выражения бессознательного ислама. Ваххабизм является идеологией, импортированной из Саудовской Аравии, и представляет собой очень упрощенную политизированную версию. Ранее мы уже упоминали о трех ветвях христианства. Обратите внимание, как по-разному, например, протестанты, католики и православные понимают государство, церковь, иерархию, какие политические выводы делают из своих учений.

Так вот, ваххабизм в исламе, если сравнивать ислам с христианством, — это некая искусственная конструкция, претензия выбрать себя за нечто среднее, как если бы какое-то направление в христианстве провозгласило, что оно претендует на общехристианство, на то, что является общим для православия, католичества и протестантизма. Это было бы сектой, неприемлемой ни для кого. Правда, именно так поступают чаще всего протестанты и некоторые протестантские секты (иеговисты, пятидесятники и т. д.), называющие самих себя «христианами» без пояснений. Это должно сразу же настораживать.

Приблизительно то же самое утверждают ваххабиты. Они говорят: «Мусульманин — это универсальная категория. Независимо от мазхабов (мазхабы — это традиционная школа толкования ислама, в суннизме есть четыре мазхаба, в шиизме — один), школ, национальных традиций. Поэтому давайте придерживаться только Корана, а не его толкований и строить на нем свой религиозный и социальный логос. Это будет чистым исламом». Иногда ваххабиты называют себя «салафитами» или сторонниками «чистого ислама». Они отрицают традиционный ислам и претендуют на то, что являются носителями некоего универсального, всеобщего ислама — ислама, который в первую очередь противостоит исламу, укорененному на местном уровне. Самым главным врагом ваххабизма и салафизма является суфизм именно потому, что в суфизме легитимизируется аффектация бессознательного ислама еще более бессознательной этномифологией.

Ваххабизм основан на сетевой системе особых братств-джамаатов. Это структура жестко противоположна структуре суфийских вирдов, или этнических объединений.

Ваххабиты и салафиты являются прямым аналогом протестантов, которые также изначально ставили задачу вернуться к раннехристианским общинам и освободиться от напластований толкований и обрядов, пришедших в христианство, с их точки зрения, позже. Можно сказать, что ваххабиты отстаивают исламский логос в полном отрыве от бессознательного и, более того, противопоставляют числитель знаменателю, считая, что

именно мифос (исламский или этнический) надо выкорчевывать прежде всего.

Салафитско-ваххабитский ислам получил широкое распространение на Северном Кавказе в ту эпоху, когда советская система рухнула. При этом он не пророс изнутри. Это проект целиком импортированный, гетерогенный, в отличие от православного проекта. Православие прорастает из нашего бессознательного в наше сознание. От православного мифоса мы постепенно и с трудом переходим к православному логосу.

Ваххабизм же подобен не столько пробуждению исламских традиций в обществах Северного Кавказа, сколько импорту зарубежной западной идеологии нашими либералами. Вот в чем сходство между ваххабизмом и реформаторами 1990-х: и те и другие импортировали внешний логос. Одни — либеральный постмодернистский, который вообще к нашему обществу не имел никогда никакого отношения. А другие — исламский еретический логос, который совершенно никаким образом не произрастал из почвы регионального ислама, особенно аффектированного своей этномифологической особенностью.

Этномифологические различия и суфизм

Бессознательный ислам и адат являются более-менее общими для большинства народов Северного Кавказа. Но этномифология у каждого из них различна. Отсюда различные суфийские тарикаты, братства. В Чечне они называются вирдами. Заметим, что именно в Чечне суфизм распространен поголовно. Все чеченцы без исключения принадлежат к тому или другому вирду. Нет ни одного чеченца, который не был бы членом суфийского ордена. Мифология вирдов имеет связь как с мистическими практиками традиционного ислама, то есть суфизма, так и сопряжена с этномифологическими моделями, свойственными только чеченскому этносу. Система вирдов является важнейшей социальной опорой организации чеченского общества.

Чеченское общество состоит из родов, тейпов и туккумов. Это кровно-племенные связи, образующие сложную

конструкцию взаимодействий, кровной мести, экономических и политических отношений чеченцев. Совокупность тейпов и туккумов дает на вершине старейшин. Эта родовая структура дублируется системой вирдов, к которым могут принадлежать представители разных тейпов и туккумов. Благодаря этому происходит уравновешивание чисто родовых связей связями социорелигиозными. Кровное братство дополняется духовным братством. (Эту структуру исчерпывающе описал чеченский традиционалист Хож-Ахмед Нухаев, предложивший на ее базе оригинальный проект переустройства чеченского общества в будущем[9].)

Ваххабизм и традиционный ислам в Чечне

На фоне этого бросается в глаза следующее обстоятельство. Такие люди, как Удугов или Шамиль Басаев, будучи, с одной стороны, выходцами из суфийской среды и носителями чеченской этномифологической модели в качестве социально-политического логоса «независимой Ичкерии», выбрали именно ваххабизм. Когда чеченцам срочно потребовалась идеология сопротивления и сепаратизма, выбор пал на самое простое решение — заимствовать готовый исламский социальный логос вовне (в форме салафизма, чистого ислама), чтобы избежать сложной и кропотливой работы по вычленению этого логоса из глубин бессознательного и запутанных структур собственно чеченских этномифологических и суфийских мифов (с чем тем не менее успешно справился Нухаев). Кстати, именно благодаря этому, по большому счету, мы смогли в конце концов справиться с чеченским сепаратизмом. Когда ваххабизм довольно активно стал утверждаться в Чечне и Дагестане, он вошел в прямое противоречие с тем, чем являлся ислам бессознательный (традиционный). Ислам, естественным образом распространенный на Северном Кавказе, ничего общего с импортированным политическим исламом, с ваххабитским салафитским логосом не имел. Поэтому между ними в скором времени обнаружились жесткие проти-

[9] См.: *Нухаев Х.* Ведено или Вашингтон. М., 2001.

воречия. И внутри исламистов разгорелся конфликт по линии «импортированный ислам – традиционный ислам», то есть ваххабитский логос против исламизированного кавказского мифоса.

Погружаясь в военный конфликт со светским постсоветским логосом под знаменем ваххабизма и западной демократии (Масхадов, Закаев), часть чеченцев поняла, что становится заложником совершенно чужой игры. С этим был связан феномен Ахмада Кадырова. Кадыров — представитель этномифологического ислама. Басаев и Удугов — ваххабитского. Басаев, несмотря на то что он чеченец и член суфийского вирда, занял сторону ваххабизма и стал организовывать в Чечне джамааты. Джамааты в какой-то момент вошли в конфликт с системой тейпов и вирдов, и раскол внутри чеченского сопротивления, который мы считаем блистательной замечательной спецоперацией, предопределившей исход Второй чеченской кампании, в значительной степени стал возможен из-за того, что эти противоречия полностью раскололи ряды чеченцев и противопоставили одну половину другой.

Если бы Россия (в данном случае российское руководство) не проявила достаточную тонкость и не провела это разделение между допустимым и приемлемым (бессознательным) этномифологическим исламом и исламом ваххабитским, если бы этого не произошло, неизвестно, чем бы все кончилось. Потому что чеченцы, действительно, очень воинственный народ, они бы дрались до конца. Но разделение на два ислама, один импортированный и другой, естественно произрастающий на этой территории, сыграло очень важную роль в тех позитивных результатах, которых мы добились на Северном Кавказе.

Неизбежные трения между православием и ваххабизмом

Из этого анализа можно сделать важный вывод. На новом историческом этапе наиболее жесткими оппонентами в процессе выстраивания русского социального логоса на православной основе будут не столько структуры

традиционного ислама (ислама бессознательного и тем более этномифологического), сколько импортированный ваххабитский логос, который рано или поздно войдет в противоречие со структурирующимся православным логосом. Почему это неизбежно? Потому что это будут противоречия на уровне операционных систем. Православный логос утверждает, что государство должно быть православным и основанным на симфонии властей (патриарх Кирилл), ваххабитский логос утверждает прямо противоположное, что государство должно быть исламским, отсюда концепция единого мирового исламского государства, мировой уммы. Причем если в традиционном исламе элементы шариата могут практиковаться в сочетании с адатом, местным правом, в рамках разнообразных региональных этнических и правовых конструкций, то в теории ваххабизма шариат мыслится как единственный и общеобязательный для всех закон. Мир делится на «дом ислама» (дар-уль ислам) и «дом даджала» (дар-уль даджал), врага ислама. Все, что между ними, — «дом войны» (дар-уль харб). Там, где есть исламское шариатское правление, там — «дом ислама». А весь остальной мир называется «домом даджала», домом антихриста для мусульман, против которого надо вести войну. Причем эти простейшие модели являются общеобязательными для мусульман ваххабитско-салафитского толка и совершенно не обязательны для мусульман, живущих на Северном Кавказе.

Православный логос и ислам на новом историческом витке

Как решить эту проблему? Во-первых, совершенно очевидно, что для того, чтобы избежать жестких межконфессиональных конфликтов, необходимо перекрыть возможность для доступа импортируемых идеологий. Для того чтобы обезопасить Россию от дальнейших диверсий со стороны западных сетей влияния, необходимо перекрыть влияние США и их агентов на Кремль и свернуть насаждение постмодернистского логоса в культуре, образовании, экономике, обществе. Точно так же необходимо перекрыть каналы

влияния ваххабитских центров на исламские регионы России. И для этого есть одно очень веское основание. Поступая таким образом, Россия может не только ограничивать в чем-то местное исламское население, но, напротив, выступать совместно и солидарно с представителями традиционного ислама, для которого джамаатские, салафитские идеологии представляют угрозу в первую очередь. Можно еще раз напомнить, что ваххабизм — это реформаторская, ультрасовременная секта, созданная еще в XVIII веке английскими агентами влияния для развала Османской империи. Сами мусульмане прекрасно понимают, что речь идет об исламе искусственном. Поэтому предотвращение новых конфликтов с исламом на Северном Кавказе решается на основе тесного сотрудничества и плотного альянса с традиционным исламом — с тем исламом, который находится в бессознательном.

Для сохранения контроля над Кавказом, укрепления этого контроля со стороны России нам крайне важно поддерживать традиционные представления местных народов, наличествующие на нижнем ярусе знаменателя (этномифологию), что будет укреплять мозаичную структуру кавказских этносов и не позволит им сложиться в искусственную антироссийскую коалицию под эгидой общего числителя (как отчасти это произошло в Чечне с ваххабитским проектом).

Евразийский проект

По мере развития православного логоса традиционный ислам (с этномифологией в своей основе) тоже захочет иметь какое-то социальное выражение. О христианизации на данном этапе не может быть и речи, поскольку эта вещь достаточно тонкая и деликатная. Россия никогда не занималась принудительной христианизацией Кавказа. Православная церковь предлагает всем народам признать истину Христову, но не настаивает на этом. Это дело свободного выбора. Поэтому проекта христианизации мусульманских народов Северного Кавказа как такового нет. Его нет ни у нынешнего патриарха, нет ни в нашем обществе.

Следовательно, мы должны найти новый modus vivendi, новую форму сосуществования с традиционным исламом и предложить ему внятные модели социализации и выхода на уровень общероссийского социального логоса.

В качестве предварительных набросков существует проект евразийского ислама. Этот проект ставит своей целью обобщить интересы традиционных исламских народов Северного Кавказа, учесть их на уровне региональной политики таким образом, чтобы они имели свое легальное и оформленное представительство и на региональном, и на федеральном уровне. В частности, надо двигаться в направлении легализации на уровне муниципального законодательства некоторых местных обычаев и обрядов, составляющих элементов адата или шариата. Главная задача не загонять ислам и местные обычаи в подполье, где они могут сцепиться с революционными исламистскими ваххабитскими тенденциями, но найти форму сосуществования евразийского ислама с тем православным логосом, который постепенно будет конституироваться все более и более отчетливо.

Когда нынешний патриарх Кирилл еще возглавлял отдел внешних церковных связей, им очень много было сделано для того, чтобы найти взаимопонимание с представителями традиционного ислама.

Контрольные вопросы

1. Каковы социальные основы православного вероучения?
2. В чем противоречия между исламским логосом и логосом православия?
3. Опишите основные черты евразийского проекта.

Литература

Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994.
Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927.
Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007.
Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М., 1999.

Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2006.
Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М., 2010.
Основы евразийства / Под ред. А. Дугина. М., 2002.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000.
Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.

РАЗДЕЛ 5

ОСНОВЫ ГЕОПОЛИТИКИ И КАВКАЗ

Что такое геополитика?

Геополитика утверждает, что существует глобальный дуализм цивилизаций[1]. Одна из цивилизаций называется «цивилизация Суши». Вторая цивилизация — «цивилизация Моря». Цивилизация Суши имеет своим классическим образцом Древний Рим, цивилизация Моря — Древний Карфаген. Цивилизация Суши воплощается в Спарте, если брать греческие полисы. Цивилизация Моря — в Афинах. Спарта — внутриконтинентальный полис. Афины — морской порт. Смысл этого дуализма состоит в том, что, по замечанию геополитиков, различные типы цивилизаций могут быть разложены в чистом виде на эти две составляющие. В геополитике цивилизация Суши и ее тип называется таким термином, как «теллурократия» (от лат. tellus — земля, суша), а цивилизация Моря — «талассократия» (от греч. thalassa — море, кратос — власть).

Теллурократия и талассократия

Цивилизация теллурократии представляет собой консервативную структуру, которая развивается достаточно мед-

[1] См.: *Дугин А.* Основы геополитики. М., 1999.

ленно, базируется на сухопутной поверхности, имеет доминирующими ценности верности, чести, иерархии, постоянства, патернализма. Эта цивилизация героическая. Цивилизации Моря более гибкие, более склонные к динамическому развитию и торговле.

Три Пунические войны, которые разразились между Римом и Карфагеном, представляют собой архетипическую парадигму соотношений между двумя цивилизациями. Эти цивилизации противоположны во всем, и они с точки зрения геополитики находятся в состоянии потенциальной вражды. Рим создает свою армию, воспитывает ее, культивирует воинский дух. Римские воины — краса Рима. Карфаген не имеет своей армии, он ее покупает. В Риме правят иерархия и традиция, в Карфагене правят деньги и кровавый культ Молоха — все продается, все покупается. Карфагенские культы Ваала и Молоха — темные, лунные, ночные, в них приносятся в жертву младенцы, кропятся идолы Молоха кровью. Тем не менее карфагенская цивилизация чрезвычайно способствует развитию торговли, искусств, новых гибких современных технологий. Эту тему подробно раскрыл в своих работах Карл Шмитт, один из отцов-основателей геополитики[2].

Отцы-основатели геополитики

Первым термин «геополитика» употребил швед Рудольф Челлен, который определял эту дисциплину как «соотношение государства с пространством»[3]. Но саму эту дисциплину незадолго до Челлена в научный обиход ввел Фридрих Ратцель, и хотя сам он не использовал термина «геополитика», оперируя понятием «политическая география», однако он очень близко подошел к тому, что чуть позже стало собственно геополитикой.

Талассократическую линию в геополитике впервые подробно развил американский адмирал Альфред Мэхэн, который ввел такое базовое понятие, как Sea Power — «Морское могущество»[4].

---

[2] См.: *Шмитт К.* Номос земли. СПб., 2008.

[3] *Челлен Р.* Государство как форма жизни. М.: Роспэн, 2008.

[4] См.: *Мэхэн А.* Влияние морской силы на историю. М., 2001.

Но, пожалуй, самый главный и серьезный вклад в геополитику внес Хэлфорд Макиндер, английский политический деятель, политический аналитик, написавший в 1904 году прорывную статью, которая называлась «Географическая ось истории»[5]. В ней он, несмотря на то что это небольшая статья, изложил основную геополитическую классификацию. В моей хрестоматии «Основы геополитики» она приводилась полностью. Статья Макиндера сыграла поворотную роль в истории этой дисциплины — геополитики. Позже появились такие авторы, как француз Видаль де Ляблаш, немец Карл Хаусхоффер, русский евразиец Петр Савицкий, который также использовал эту методологию, хотя и очень приблизительно, то есть он не развил ее, не создал никакой новой системы[6].

---

[5] См.: *Mackinder J.H.* The Geographical Pivot of History // Geographical Journal. London, 1904.

[6] См.: *Савицкий П.* Континент Евразия. М., 1999.

Постепенно эта двойственность, дуализм цивилизаций стал нормативным подходом при анализе глобальных и локальных процессов. Очень важный вклад в геополитику внес немецкий философ Карл Шмитт, который написал классическую работу «Земля и Море», развив макиндеровскую дуальную парадигму до философского обобщения. Этот небольшой текст Шмитта также полностью дается в хрестоматийном приложении к моим «Основам геополитики»[7].

Как различаются талассократия и теллурократия по Шмитту?

Цивилизация Моря становится на сторону Моря и начинает осмыслять мир со стороны морских пространств. То, что видит человек Моря со своего корабля, это берег. То есть Сушу человек цивилизации Моря видит как берег со стороны моря. Подплывая к берегу, он воспринимает его как сушу. Цивилизация Суши видит саму сушу просто через нее саму. Суша — это естественная среда сухопутной цивилизации, теллурократии. Сама же суша, что естественно, является стратегической концептуальной средой. Не всякие державы, которые завоевывали огромные морские пространства и развивали свой флот, были талассократическими, — это очень важно, это надо постоянно подчеркивать. Но это одна из основ геополитики: что для того, чтобы цивилизация стала цивилизацией Моря, недостаточно иметь очень много морских колоний или развитый флот. Надо, как говорит Карл Шмитт, встать на сторону Моря, надо начать видеть мир «глазами Моря».

Море отличается от Суши рядом параметров; в первую очередь большей степенью отчуждения. Человек, который находится на море, пребывает в чуждой ему среде. Животные, которые живут в море, не подлежат приручению, в то время как животные, которые находятся на суше, становятся домашними.

Море благоприятствует созданию замкнутых мужских коллективов, которые надолго оказываются в соб-

[7] См.: *Шмитт К.* Земля и Море // Дугин А. Основы геополитики. М., 2000. С. 840–883.

ственной среде, где существует внутренняя конкуренция. Классическая фигура моря — это пират. Море — это постоянно изменяющиеся пейзажи, изменчивость, текучесть, отсюда возникновение понятия ликвидности как основного — ликвидность финансов связана с понятием влажности, текучести. Поэтому морские цивилизации, как правило, имеют торговый характер. Первые купцы — это одновременно грабители и пираты.

Цивилизация Суши, наоборот, порождает константные, консервативные системы с четко развитой иерархией, с врастанием в природную среду, с неподвижными пейзажами, которые не меняются от века в век, и поэтому психология цивилизации Суши такая устойчивая и подчас неповоротливая. Здесь довольно медленно происходит научный прогресс. В основном сохраняется наследие предшествующих культур.

Цивилизация Суши — это цивилизация константы, постоянства, традиции, а цивилизация Моря — это цивилизация прогресса, динамического развития, кинетических изменений. Пользуясь формулой социолога Вернера Зомбарта, который написал книгу «Handler und Heiden» («Герои и торговцы»), можно сказать, что цивилизация Суши является цивилизацией героев (но не в том смысле, что герой — это хороший человек, а в том смысле, что в основе героического стиля лежат принципы жертвенности, силы, мощи, активного подвига, верность иерархии, стиля, где материальные признаки подавляются); а цивилизация Моря — торговцев (у них тоже есть и плюсы, и минусы — расчетливость, изобретательность, увертливость, склонность к техническим изобретениям, забота о комфорте, развитие духа предпринимательства, индивидуализма и т. д.)[8].

Бегемот и Левиафан

Для символизации геополитического дуализма Шмитт приводит два библейских образа: цивилизация Суши, как правило, описывается образом земного чудовища — Бегемота, а цивилизация Моря образом Левиафана. В Италии

---

[8] См.: *Зомбарт В.* Соч.: В 3 т. СПб., 2008.

выходит геополитический журнал с названием «Бегемот», где речь идет о цивилизации Суши. У Томаса Гоббса есть книга «Левиафан», которая является классикой воспевания суверенного государства. Левиафан и Бегемот, сухопутное и морское чудовище, — между ними идет вечная война, как между Спартой и Афинами, между Римом и Карфагеном, между Сушей и Морем. Можно сказать, что эта война ведется за высшие метафизические смыслы, потому что теллурократия и талассократия — это разные и почти обратные друг другу ценностные системы, что, естественно, порождает конфликт. Конечно, причиной любых конфликтов обычно является стремление отобрать друг у друга провинции, земли, ресурсы, но такие конфликты исторически всегда локальны. Геополитический подход заключается в том, что в глобальном или локальном конфликте выделяет всегда эти две силы, Суши и Моря (Бегемота и Левиафана), и только потом переносит рассмотрение в практическую плоскость (например, битва за ресурсы, битва за земли, богатства, контроль над пространством). При этом всегда важнее всего найти, как с локальным конфликтом связаны два глобальных полюса. В этом заключается геополитика.

Без Суши и Моря нет геополитики

Если в геополитическом анализе отсутствует отсылка к дуализму цивилизаций, это не является геополитическим анализом. Это принципиальный момент. Сейчас меньше, но раньше, особенно в середине 1990-х, сплошь и рядом можно было встретиться с такими учебниками, в частности у Гаджиева, где под геополитикой понималась просто история международных отношений или теория международного права[9]. Это совершенно неверно, потому что геополитика — это методология, главный, базовый метод которой — выделение двух типов цивилизаций и прослеживание их столкновений, противоречий в конкретных исторических, стратегических или экономических областях, в современных или исторических условиях. Другой геополитики нет. Геополитика — это обязательное выде-

[9] См.: *Гаджиев К.* Введение в геополитику. М., 2003.

ление дуализма. Если к этому дуализму нет отсылки, это не геополитическое исследование. Более того, когда вы используете термин «геополитика», например «геополитическая ситуация Кавказа», «геополитическая ситуация современной России», «геополитическая ситуация современной Турции», Ирана или Америки, Латинской Америки или Африки, — как только вы использовали термин «геополитика», вы должны сразу пояснить, в чем конкретно в данном случае выражается этот дуализм, как проявляют себя интересы Суши или Моря. Геополитической ситуация становится тогда, когда вы соотносите ее с этой парадигмой. Если вы не относите ее к этому дуализму, если вы просто так написали это слово, лучше зачеркните и используйте другое, более подходящее, потому что геополитическим является только то, что возводит то или иное явление, процесс, состояние, баланс сил к базовому дуализму — противостоянию Суши и Моря.

Зависимость геополитических исследований от позиции автора

Используя геополитику как основной метод, следует учитывать ее предвзятость, в отличие, например, от шахмат, где существует полная симметрия между действиями черных и белых, единство правил, в связи с которым черные и белые могут произвольно меняться местами, один играет черными, другой белыми, но по общим правилам. Несмотря на то что такие же правила наличествуют в борьбе континентов, в борьбе теллурократии и талассократии, тем не менее геополитик, который пытается рассмотреть любую ситуацию в геополитической оптике, очень сильно зависит от того, где он находится. То есть принадлежность к теллурократии или к талассократии аффектирует геополитику и геополитика.

Моя книга «Основы геополитики» была переведена в Турции и получила там очень большое распространение. Один турецкий генерал однажды мне сказал: «До какого-то момента мы знали геополитику по Бжезинскому (Збигнев Бжезинский — это современный классик талассократической геополитики, он рассматривает весь мир с точки

зрения цивилизации Моря) и не очень интересовались этой дисциплиной, потому что мы не очень понимали собственно серьезность, обоснованность высказываний Бжезинского, полагая, что его русофобия, например, вызвана его польским происхождением, а его проамериканская позиция, пристрастный субъективный взгляд, следствие того, что он американский гражданин и бывший советник президента Картера[10]. Когда мы прочитали вашу книгу, которая в турецком генштабе сейчас стала обязательным пособием, мы увидели другую точку зрения; мы увидели теллурократическое изложение, то есть взгляд на те проблемы только со стороны теллурократии. И тогда мы осознали и осмыслили значение Бжезинского. Оказывается, это не просто какие-то субъективные взгляды отдельного исследователя, а глобальная дисциплина, в которой может быть талассократическая позиция, которая описывает всю картину мира с точки зрения талассократии, но также есть и теллурократическая позиция. И теперь туркам, осознавшим это, но остающимся, с одной стороны, членами НАТО, а с другой стороны, сухопутной, теллурократической империей, надо выбирать, какую позицию занять».

С этим выбором в самой Турции сегодня связано очень много идей и даже развертывается ряд серьезных политических процессов (включая судебные преследования и попытки государственного переворота — «дело Эргенекон»), и все на основании того, что полноценная, двойственная, дуальная картина теллурократии и талассократии была своевременно и корректно представлена для них в научном концептуальном, парадигмальном аспекте[11].

Совершенно невозможно использовать методологию геополитики, не определив предварительно свое местонахождение. Мы, естественно, принадлежим к цивилизации Суши, все мы заведомо теллурократы, но можем описывать геополитические процессы и с позиции талассократии, если мы, например, эмигрируем в одну из морских держав, там

[10] См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1997.

[11] См.: *Jenkins G.* Between Fact and Fantasy: Turkey's Ergenekon Investigation. SRP. Washington, 2009.

будем учиться, работать, свяжем свою жизнь, например, с Англией или с Америкой — классическими морскими державами. Пока мы жители нашей страны, России, для нас есть одна геополитика — теллурократическая, а наш взгляд предопределен нашим местом в Евразии. Мы закодированы сухопутным геополитическим принципом, смотрим на мир со стороны Суши и несем ее принципы и ее ценности в себе. Поэтому неудивительно, что наша российская геополитика является подчеркнуто римской, спартанской и «бегемотской», если угодно. В то время когда американская, англосаксонская геополитика является как раз карфагенской, афинской, демократической и «левиафанской».

Битва двух цивилизаций, Пунические войны — все это длится вечно. Их исход всякий раз не определен, и после того, когда одна из сторон достигает относительной победы в этой Пунической войне, именно в парадигмальном смысле через какое-то время начинается новая Пуническая война.

Геополитика — это достаточно прикладная дисциплина, поэтому она не ставит своей целью пояснить причины этих войн или предсказать, чем эти Пунические войны кончатся. Геополитика просто констатирует, что они идут и что все мировые процессы в международной политике, в экономике, в борьбе за энергию и ресурсы, торговые договоры, дипломатическая система отношений и т. д. — все они могут быть приведены к дуальной матрице.

Карфаген должен быть разрушен

Мы знаем из истории, что в ходе трех кровопролитных Пунических войн Рим победил Карфаген. Катон Старший, который был сенатором Рима, заканчивал и начинал свои выступления знаменитой фразой: «Карфаген должен быть разрушен». Это был классический теллурократ, который напоминал римлянам о том, что, что бы ни произошло, смысл мировой истории заключается в доведении Пунической войны до конца — «Карфаген должен быть разрушен». Над ним многие смеялись, но оказалось, что он был настоящим геополитическим пророком, первым геополитиком.

Наверняка мы не знаем их имен, и в Карфагене были такие же свои Бжезинские того времени, еще до Рождества Христова, которые постоянно напоминали сборищу карфагенских олигархов и монополистов, приносящих младенцев в жертву Молоху, что необходимо разрушить и завоевать Рим, иначе покоя не будет.

«Кто кого» — условия этой битвы. Рим победил Карфаген. Спарта и Афины периодически находились в балансе, побеждали то те, то другие. Но на определенном этапе, уже в эпоху Возрождения, в позднее Средневековье Венеция становится именно центром талассократии среди в целом теллурократической Европы. Дальше, центр талассократии переносится чуть позже в Голландию, и уже начиная с XVI–XVII веков безусловным неоспоримым лидером с точки зрения талассократии становится Англия, Английская империя и в целом англосаксонский мир.

Россия и Англия (США)

Противостояние — Рима и Карфагена — является классическим, в чем-то сверхисторическим. Оно может быть взято как хрестоматийное противостояние сухопутной и морской цивилизации. В нем, впрочем, не было идеологии в привычном смысле этого слова. Это была борьба за фундаментальный социокультурный стиль.

Вот во что вылилась модель противостояния Рима и Карфагена дальше: Британская империя против империи Российской, хотя и там, и там были очень сходные режимы, обе христианские державы, битва между ними была фундаментальной, этот конфликт во многом предопределил всю геополитику XIX–XX веков. Противостояние Англии, англосаксонской морской империи и Российской сухопутной империи представляло уже новое воплощение, Пунической войны. Англичане — это типичная карфагенская империя, основанная на морском строе, на динамическом развитии, на торговле, на колонизации прибрежных территорий по всему миру, на изобретении все новых и новых аппаратов и машин. И это страна, где пиратам, таким как сэр Френсис Дрейк (который действительно много сделал для английской короны), вручают статус лорда. Это уже пират-

ство, возведенное в доблесть. Итак, центром талассократии становится Англия, а начиная с конца XIX века бывшая колония Англия — США — постепенно перенимает эту инициативу. Как раз в конце XIX века Мэхэн и написал свою замечательную книгу «Роль морских сил в мировой истории», в которой изложил концепцию Sea Power — «Морского могущества». В ней еще до того, как Америка стала по-настоящему центром глобальной талассократии, было описано, что это судьба Америки — быть морским могуществом, развивать военно-морские силы, торговлю, технологии, финансовый (ликвидный) сектор и смотреть на весь остальной мир со стороны Моря.

С этого момента складывается та географическая модель (последняя по исторической хронологии), которая закрепляет две цивилизационные ориентации за конкретными государствами или группами государств. С конца XVIII века и вплоть до первой четверти XX века Англия представляет собой ядро талассократической (атлантической) цивилизации; в XX веке пальма первенства переходит к США. Англия захватывает морские колонии повсюду — в Евразии, в Африке, на Ближнем Востоке, на Дальнем Востоке, пытаясь «взломать» закрытую Японию, что удается после революции Мейдзи. Можно сказать, что в целом в последние века центром талассократии является англосаксонский мир.

Хартленд

«Морскому могуществу» противостоит гигантское сухопутное пространство, которое делится на две части. Основная часть — то, что мы видим в урезанном виде в нынешней Российской Федерации, а ранее это был Советский Союз и Российская империя. Это внутренняя часть Евразийского материка, которая граничит с холодными и слабосудоходными морями. Это так называемый «хартленд» (heartland) — сердечная земля. С точки зрения геополитики это и является главным плацдармом теллурократии: территории нынешней России, СССР, Российской империи, сухопутные империи Евразии Чингисхана, а до Чингисхана Тюркский каганат, а до этого конфедерация скифских, гуннских, сарматских царств, которые объединяли Евра-

зию от Китая до Каспия, далее до Крыма и даже дальше, до Трансильвании. Эти земли всегда, так или иначе, были объединены, и всегда они носили сугубо теллурократический характер. Все цивилизации, которые существовали на этих землях и до русской цивилизации, — это теллурократия, цивилизация Суши, часть хартленда.

Евразия

Последние три века смысл мировых процессов, так или иначе, разлагается на перипетии и этапы этой великой войны континентов между англосаксонским полюсом (Англия, США) и тем, что можно назвать евразийским полюсом (Россия). Последние три века это Россия, Советский Союз, Российская империя, но до этого здесь были другие евразийские образования, и потом на этой территории живут не только русские. Поэтому самое точное название для определения последнего исторического издания мирового теллурократического полюса, или цивилизации Суши, — Евразия, и в географическом, и в геополитическом смысле.

Когда мы говорим «Евразия» в географическом смысле, мы описываем весь материк со всем, что на нем находится, начиная от Европы и до Кореи, Вьетнама, Японии. А когда мы говорим «геополитическая Евразия», то имеем в виду евразийство. Речь идет о том, что на этой территории располагается ядро цивилизации Суши. В таком случае мы придаем качественный оценочно-цивилизационный индекс географическому понятию. Хартленд («сердечная земля») является внутренней частью Евразии, то есть той частью, в которой сухопутная идентичность выражена максимально. Это ядро, или центр Евразии географической, и, соответственно, это основа и полюс сухопутного геополитического дуализма. Макиндер называет хартленд Евразии «географической осью истории». История вращается вокруг этой неподвижной оси, которая называется Россия.

Римленд

Вторая часть евразийского континента — это еще одна чрезвычайно важная зона (которая была концептуализирована в главном тексте Макиндера «Географическая ось истории»,

излагающем интегральную геополитику), которая относится к географической Евразии и необязательно относится к геополитической Евразии и ее ядру, — это береговая зона от Европы через Ближний Восток, Индию, Китай, Корею и Вьетнам. Это зона, которая лежит в основном южнее горной гряды, идущая от Пиреней до сопок Маньчжурии. Эта зона получила название «римленд» — береговая зона, которая является новым дополнительным элементом к этой дуальной схеме, но элементом второстепенным, поскольку римленд самостоятельной цивилизационной нагрузки не несет.

Именно в таком масштабе, когда центр талассократии смещается в США (до этого сама Западная Европа могла быть рассмотрена, Англия и Франция, например, как относительный центр морского могущества), после такого однозначного подъема и кристаллизации англосаксонского полюса вся эта часть Евразии — Западная Европа — попадает в категорию римленда. И дальше Макиндер вводит такое правило, ставшее одним из законов геополитики: «Тот, кто контролирует римленд, контролирует Евразию, тот, кто контролирует Евразию, контролирует весь мир». В этой формуле описывается смысл Пунической войны, внутри которой мы живем и сейчас, ибо находимся в состоянии вечно длящейся Пунической войны. Эта война может быть тайной, может вспыхивать как открытый конфликт (мировые войны). Эта «Пуническая война» идет и сейчас, и мы являемся ее участниками, ее жертвами, ее заложниками, ее солдатами, осознаем мы это или нет.

Кто контролирует Евразию, тот контролирует весь мир

Каким образом происходит контроль над Евразией со стороны атлантизма? Основная битва ведется за римленд, за береговую зону. И тут мы видим достаточно ясную картину, кто что хочет получить в этой ситуации. Англосаксонский талассократический полюс стремится установить свой контроль над береговой зоной по югу Евразии с Запада до Дальнего Востока. Кому принадлежали приблизительно эти территории в XIX веке? Преимущественно Англии, но также Франции и Голландии.

Стратегия талассократии XVIII, XIX и первой четверти XX века заключалась в том, чтобы контролировать береговую зону. А в чем заключалась стратегическая цель теллурократии, то есть Евразии? Совершенно очевидно — в том, чтобы выбросить талассократов в море, то есть максимально интегрировать береговую зону, присоединив ее к своим собственным внутриконтинентальным владениям. Внешняя сила от береговой зоны Западной Европы до Дальнего Востока сжимает, как змея (это получило название «стратегия Анаконды»), евразийское пространство, стремясь расширить зону римленд как можно глубже на территорию хартленда, чтобы задушить Российскую империю (СССР), не позволить российской (советской) государственности, то есть теллурократии, стать самостоятельным полюсом и конкурировать с морской цивилизацией уже на территории береговых зон, которые приближены к самому центру талассократии[12].

Прорыв к теплым морям

Талассократия стремится расширить зону римленд, углубить ее к центру континента, а мы стремимся ее, наоборот, прорвать, что определено как стратегия выхода к теплым морям. Русские стратеги XIX века говорили, что России необходимо прорваться к теплым морям. Именно с этим было связано такое количество Русско-турецких войн. Англия всегда играла на противоречиях между Турцией (Османской империей) и Россией, натравливая Османскую империю (а в некоторых случаях, как в Крымской войне, помогая открыто, впрямую туркам) на Россию для того, чтобы как можно больше ослабить Россию и не допустить ее прорыва и выхода к теплым морям и проливам. Этот выход к теплым морям дал бы возможность развернуть российскую мощь — военную, политическую, стратегическую — в планетарном масштабе и составил бы конкуренцию Англии в морском пространстве.

Мы видим, что, несмотря на крах колониальной политики старого стиля, на процессы деколонизации, все остает-

---

[12] См.: *Морозов Е.* План «Анаконда» // Элементы. 2000. № 4.

ся по-прежнему и совершенно неизменно и в XX веке. Тот же Збигнев Бжезинский говорит о необходимости ни в коем случае не допустить перехода тех или иных деколонизированных береговых зон, принадлежащих к римленду, под влияние СССР. В частности, с этим была связана афганская война. Наше вторжение в Афганистан, которое так печально закончилось, было связано с тем, что американцы предприняли попытки переворота для того, чтобы поставить Афганистан под свой контроль, разместив там непосредственно свои военные базы. СССР был вынужден, отбивая очередную атаку «стратегии Анаконды», втянуться косвенно в конфликт с США в Афганистане. Смысл стратегических процессов, которые проходят по всей периферии России, связан с тем, что все время ведется большая игра, которая длится и сейчас.

Первая и Вторая мировые войны: Россия и Германия

Если мы рассмотрим Европу отдельно от этой глобальной геополитической картины, то увидим, что в Европе тоже есть свой Запад, это в первую очередь, конечно, Франция, особенно когда она находилась в альянсе с Англией, и свой Восток, в первую очередь — Германия. Германия в рамках Европы, а не в рамках глобального евразийского континента представляет собой сухопутный полюс. Германия с относительно небольшим количеством колоний, без особого флота, представляла собой европейскую теллурократическую страну. Это была большая проблема для англичан, поскольку, если бы теллурократическая Пруссия и позже, при Бисмарке, объединенная Германия объединились бы стратегически с теллурократической (только одна в европейском, а другая в глобальном масштабе) Россией, эти две мощнейшие державы представляли бы собой колоссальную угрозу для всей талассократической мировой системы. Не допустить этого русско-прусского, русско-германского альянса было главной задачей английской разведки на протяжении XIX и XX веков. Всякий раз, как только Россия сближалась с Германией, Лондон «дрожал», там падали биржевые индексы, начиналась паника, поскольку речь шла о возможном ответе глобального Рима глобальному Карфагену.

Одна из наших стратегических неудач и поражений, в том числе и в XX веке, заключалась в том, что атлантистские агенты влияния умудрялись в двух мировых войнах сталкивать две теллурократические державы — Германию и Россию — друг с другом. В результате этой братоубийственной и обескровливающей войны всякий раз побеждала третья сила, даже тогда, когда мы отразили гитлеровскую атаку во Второй мировой войне и захватили пол-Европы. Мы видим, какой непрочной оказалась эта конфигурация. Где-то 35 лет мы контролировали эту зону, но непрочно и ненадолго. После распада Варшавского блока и СССР стало очевидным, что, по итогам Второй мировой войны, по-настоящему выиграли только англосаксы, которые благодаря этому укрепились и получили возможность строить однополярный мир. Америка стала мировой державой, и через 35 лет мы оказались не в состоянии больше контролировать пол-Европы. Нас вышибли еще глубже на территорию хартленда, и все наши завоевания, за которые мы заплатили миллионами жизней наших людей, сошли на нет, ибо победу в геополитическом смысле у нас просто отняли.

В Первой мировой войне, опять же благодаря английским агентам влияния, мы оказываемся на стороне Антанты, причем, когда большевики осуществляют государственный переворот, Антанта, которая представляла собой типичную атлантистскую и талассократическую силу, довольно быстро удаляется на береговые зоны, особенно не помогает, бросает и предает своих союзников (после чего Белая гвардия умирает в турецких и греческих портах), вместо того чтобы поддержать их силой или позаботиться о них после поражения.

Ось Берлин–Москва–Токио

Столкновение России и Германии всегда происходило вопреки геополитической логике. Это знали и англичане, и сами немцы. Карл Хаусхофер, самый известный немецкий геополитик, одна из главных статей которого называлась «Ось Берлин–Москва–Токио», прекрасно понимал, что

только альянс с СССР спасет Германию от поражения[13]. И наоборот, нападение на Советский Союз будет означать конец Германии. Геополитики и английские, и немецкие (русских геополитиков в полном смысле слова до 1980-х годов не было) прекрасно понимали, что борьба за контроль над миром заключается в недопущении или, наоборот, создании альянса между теллурократической Европой в лице Германии и теллурократической Россией. Для одних это был страшный сон, для других это было спасение. Но всякий раз на практике более точно мыслящие, более ясно и быстро действующие англосаксы предотвращали эту возможность, и обе мировые войны мы провели в заведомо проигрышных и для Германии, и для России стартовых условиях. В конечном счете в обоих этих войнах, в Первой и во Второй, проиграли обе теллурократические силы. И несмотря на нашу великую победу 1945 года, не прошло и 35 лет, как нас погнали назад.

Но и немцы сейчас не представляют собой никакого политического единства, это тоже страна бессильная, несамостоятельная и геополитически разложенная. Экономически она сильна, но политически это карлик, у них нет полноценной армии, и в принципе они полностью зависят от американцев, которые пришли туда после 1945 года. Вот такая трагическая картина геополитики рисуется в отношении мировых войн XX века.

Геополитика красных и белых

Английский геополитик Хэлфорд Макиндер прожил до середины XX века. Интересно, что он выполнял роль посланника Английской империи при Колчаке, был представителем Антанты, выступал со стороны белого движения против красных, поддерживая и одновременно предавая (как водится) своих союзников. Если рассмотреть геополитику Гражданской войны, то мы увидим, что большевики в первую очередь занимают хартленд и ориентируются на Германию — руководство большевиков немцы отправили в Россию в опечатанном вагоне (за их доставку отвечал шеф кай-

[13] См.: *Хаусхофер К.* О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.

зеровской военной разведки Вальтер Николай). Большевики были германофилами и контролировали хартленд, а белое дело, которое продолжает сохранять лояльность Антанте, то есть талассократии, располагается в Крыму, на юге, и на Дальнем Востоке страны, недалеко от морей — то есть в зоне римленда. Сравнение геополитики красных и белых показывает, что в этой ситуации, несмотря на ценностные системы, именно большевики были теллурократической силой, а Белая гвардия, опиравшаяся на полюс Антанты, хотя ничего хорошего, понятно, это белым не дало, была силой талассократической. Также неудивительно, что теллурократические большевики при Сталине за всю историю ведения великой войны континентов максимально расширяют зону влияния цивилизации Суши и теллурократии в планетарном масштабе. Это важная закономерность, которая показывает глубоко теллурократический характер Советского Союза.

«Холодная война»

Стратегия «холодной войны» окончательно позволяет нам рассмотреть геополитическую картину в самой ясной форме: Восточный блок, который сосредоточен вокруг Советского Союза и прилегающих к нему зон, располагается строго в центре Евразии, занимая хартленд. Капиталистический лагерь как огромная такая «Анаконда» окружает Евразию. И снова начинаются, но уже на уровне советско-американских отношений, те же самые процессы. Опять англосаксы (на сей раз американцы) стремятся установить свой контроль над береговой зоной, как можно дальше загнать нас внутрь, а мы пытаемся прорвать кольца «Анаконды», иногда с помощью альянсов или войн. При Ленине, например, это был альянс Москвы с Анкарой в период правления Кемаля Ататюрка[14]. Далее, путем мирных договоров с Индией и поддержкой движения неприсоединения, по крайней мере к атлантистскому лагерю, СССР добивался их нейтралитета. Логика была такова: пусть к нам не присоединяются, считало советское руководство, но зато и к ним не присоединятся.

---

[14] См.: *Perincek M.* Ataturk'un Sovyetler'le Gorusmeleri. Kainak. Istanbul, 2005.

Войны во Вьетнаме и в Корее имели прямой геополитический характер. В Корее половина была талассократическая — Южная Корея, — она так и осталась под контролем США, половина теллурократическая — Северная Корея, а Вьетнам весь перешел к нам. Плюс Китай, который попал, особенно поначалу, пока нас не рассорили те же самые американцы, — в эту общую теллурократическую зону. Все это вместе с Восточной Европой, которую СССР поставил под контроль после Второй мировой войны, весь этот блок фактически иллюстрировал самую полную картину геополитического единства Евразии. Все вошло в фокус. Даже Германия была разделена на теллурократическую Пруссию — ГДР и талассократическую Западную Германию — католическую Баварию, Саксонию, Силезию и т. д.

В какой-то момент СССР стал делать попытки прорвать кольцо «Анаконды», и не только на территории Евразии, но вне ее. Поддержка социалистической, марксистской революции на Кубе, этом «острове свободы», стала экспортом теллурократической геополитики в Латинскую Америку, потом поддержка социалистических режимов в Африке. Советский Союз (теллурократия) в какой-то момент предпринял фундаментальную контратаку, пытаясь направить «стратегию Анаконды» уже против своих главных противников. Это было, конечно, пиком нашего расцвета, когда мы стали всерьез угрожать талассократии, размещая свои военные базы на Кубе. Это был пик мирового цивилизационного противостояния. И это противостояние, что важно, не было идеологическим; идеология была вторичной, первичной была геополитика. Доказательство этого мы видим в процессах перестройки.

Что такое перестройка?

В какой-то момент во главе СССР появляется человек, Михаил Сергеевич Горбачев, который мало того что перестал быть коммунистом, но еще и оказался абсолютно невежественным с точки зрения понимания геополитической модели. Покойный Шахназаров, советник Горбачева, признался мне однажды: «Мы искренне верили в перестрой-

ку; мы были уверены, что противостояние с Западом имеет чисто идеологический характер; мы не знали геополитики, нас не учили ей; мы ошиблись, нас обманули...»

Что происходит в перестройку? Когда советское руководство понимает, что идеологическое противостояние с Западным блоком становится затратным, трудным и тяжелым, оно решает пойти на идеологические уступки, полагая, что Запад пойдет на симметричные идеологические уступки. И СССР начинает ослаблять свою хватку в странах Восточной Европы. Чем это кончилось, мы все знаем. Но, несмотря на снятие идеологических противоречий и уступки в вопросах идеологии, которые, как оказалось, Западу были абсолютно не нужны, они продолжают биться с нами. Они бились с нами и когда мы были монархией, и когда были Советским Союзом, и когда мы стали либеральной демократией, совсем такими, как они — с олигархами, с рынком, с демократией, со свободными СМИ, с оппозицией, с многопартийностью и т. д. И они продолжают нас теснить. Почему? Потому что это закон геополитики. Не потому, что они нас ненавидят, а потому, что в этом логика геополитики. Если бы здесь жил какой-то другой народ с другой культурой, все было бы точно так же. Это противостояние Рима и Карфагена, которое длится сквозь историю и не зависит ни от чего.

Дальше Горбачев вывел наши войска и убрал наше присутствие с территорий, которые мы контролировали после Второй мировой войны. Варшавский блок, который был теллурократическим, распустили, а атлантистский блок НАТО, который воплощал в себе талассократию, никуда не исчез. Он просто взял и присоединил к себе те зоны, которые мы оставили. В этом мы видим ту же самую «стратегию Анаконды», — мы уходим, сжимаемся, они расширяются. И никакого договора, никакого уважения, никакого соблюдения договоренностей, никакой нейтральной зоны не создается. Создается зона полного тотального контроля со стороны НАТО надо всем, что выходит из-под нашего влияния. Каждая наша уступка немедленно оприходуется атлантистами, что все более и более ухудшает наши позиции.

Распад СССР

Кроме Горбачева у нас было еще одно геополитическое несчастье — Борис Николаевич Ельцин, человек уже совсем геополитически невменяемый, окруженный крайними западниками и олигархами, которые считали, что уступки Горбачева Западу были недостаточны (Андрей Козырев). В своей борьбе с Горбачевым Ельцин решает: зачем нам Советский Союз, давайте его распустим, раз президентом Советского Союза я никогда не стану. И Ельцин вместе со своими единомышленниками — Шушкевичем и Кравчуком — в Беловежской Пуще распускает Советский Союз, не приглашая туда Назарбаева. Я беседовал с президентом Казахстана, он говорил, что его даже не поставили в известность. Это была стремительная операция по развалу Советского Союза.

Дальше вместо СССР начинается создание СНГ — Союза Независимых Государств. Постепенно бывшие советские республики, начиная с Прибалтики, которая была частью СССР, частью нашего государства, начинают двигаться в НАТО. Мы сжимаемся, а зона «Анаконды» снова расширяется, римленд еще одной своей полосой переходит под контроль НАТО. Мы помним лозунг Макиндера: «Кто контролирует римленд, тот контролирует Евразию» — как он был актуальным сто лет назад, так и остается. Ничего нового в Пунической войне континентов не произошло. Просто либо с помощью войн, либо с помощью обмана, либо в силу предательства, либо из-за помутнения сознания теллурократия проигрывает, а талассократия выигрывает. Либо Рим, либо Карфаген.

Угроза распада России: появление Путина

Приходит Путин. Он едва ли знает, что такое геополитика и ее принципы, но интуитивно, скорее всего, понимает, в отличие от предыдущих президентов, что что-то происходит не так, что мы говорим одно, а получаем другое. Есть такой социологический закон — закон гетеротелии. Он означает, что люди получают то, чего не желают, находят то, чего не ищут, а то, что ищут, не находят, — организуют какую-то рациональную схему, которая должна бы дать определен-

ные результаты, а получают результат прямо противоположный. В России это явление весьма привычное. Путин начинает осознавать характер гетеротелии поступков своих предшественников — то, что они делают, приносит результат не для России, а для наших геополитических оппонентов, а Россию, наоборот, ослабляет. В тот момент, когда Путин приходит к этому пониманию, Северный Кавказ, в частности Чечня, уже полным ходом движется в талассократическом направлении. Те же самые англосаксонские агенты влияния в Москве и регионах, которые перед этим развалили Варшавский договор и интегрировали его страны в НАТО и в Евросоюз, которые развалили Советский Союз и установили контакты с новыми режимами на постсоветском пространстве, заходят на следующий виток — на распад Российской Федерации.

В чеченской истории Ельцин действует непоследовательно: то вводит войска, то выводит, то бросает необученную молодежь на верную смерть, то отправляет туда генерала Лебедя, который заключает позорный предательский Хасавюртовский мир, а то и передает чеченским сепаратистам информацию о тайных складах с оружием. К тому моменту мы заходим на распад Российской Федерации, приближается триумф Карфагена, который уже потирает руки, поскольку вслед за Кавказом идет Поволжье, населенное татарами, а потом все многообразие различных регионов Российской Федерации, которые готовятся переформатироваться и выйти из состава Российской Федерации. Уже пишутся республиканские конституции, объявляется о суверенитете Башкирии и Коми ССР, Татарстана и Якутии (которая сама по себе гигантская территория). Фактически мы стояли на пороге того, чтобы попрощаться не просто с Россией, но с хартлендом. Море поглощает Сушу, новый всемирный потоп.

Хартленд выходит за свои границы

В этот момент Путин героически останавливает процесс распада, скрепляет распадающуюся страну, ликвидирует суверенитет республик (постепенно пункт о суверенитете исчезает из Конституций, принятых национальными

республиками). Единство территории укрепляется, и соответственно начинается процесс сплачивания оставшейся у России теллурократической зоны. Особое внимание уделяется Чечне, после того как она уже почти отложилась и ушла от нас, поэтому самое большое внимание мы уделяем ей, но также и другим республикам и областям Северного Кавказа.

Вторая чеченская кампания ведется уже совершенно иначе. Несмотря на внешнее давление, Путин жестко настаивает на сохранении Чечни в составе России и добивается своего. Федеральные округа становятся инструментом сдерживания любого намека на сепаратизм других регионов.

В августе 2008 года происходит уникальное событие — мы выходим за свои границы, освобождая Южную Осетию и Абхазию от атлантистской интервенции, осуществленной руками марионеточного проамериканского режима Саакашвили. Может быть, не по собственной инициативе хартленд в формате РФ выходит за свои границы. Саакашвили не столько грузинский националист, сколько грузинский талассократ, который хотел перевести под американский контроль часть территорий, которые он не контролирует, — абхазских, осетинских. В августе мы стали свидетелями важнейшего геополитического события. Пока осторожно и не по своей инициативе, но теллурократия, Рим, начинает возвращать те территории, которые совсем недавно вырвал из-под его контроля Карфаген.

После этого происходят визиты Сечина в Венесуэлу, где правит теллурократ Уго Чавес, на Кубу — к теллурократу Раулю Кастро, к Эво Моралесу, первому индейскому президенту Латинской Америки, тоже антиатлантисту и теллурократу. То есть Россия начинает подавать первые признаки возврата к полноценной теллурократической политике.

Евразийский союз

Если бы мы были столь же последовательны в прежние годы в отношениях со странами СНГ, то наше положение в СНГ было бы более убедительным. Например, Назарбаев

и Лукашенко — теллурократы, евразийцы и давно предлагали объединиться в Евразийский союз. Это вообще идея Назарбаева, но Ельцин мешал им[15]. Путин дал этому процессу зеленый свет, но на крейсерскую скорость не вышел. Если бы Путин был полноценным евразийским геополитиком, он бы немедленно объединился в единое государство с Белоруссией, не номинально, на словах, а по-настоящему, с Казахстаном, что предлагает Назарбаев, и двинулся бы дальше. Если Украина не хочет целиком входить в этот альянс, можно было бы вводить частями, например, Крым, Восточная Украина по отдельности, русинские анклавы, в которых живут теллурократически ориентированные русины. В Украине «оранжевый» режим является талассократическим, то есть он работает не столько на украинские интересы, сколько на талассократию, поэтому с Украиной ситуация более сложная. Но здесь решительных действий Москва не принимает и ограничивается, по меньшей мере, тем, что добровольно и в одностороннем порядке своими интересами не поступается.

Многополярный мир

После восстановления полноценного евразийского пространства необходимо начинать строить многополярный мир. Кстати, у Путина есть симпатии к Германии, а значит, самое время укреплять российско-германские отношения, хотя бы на экономическом уровне, — а также российско-китайские, российско-арабские, российско-индийские, российско-иранские отношения и т. д. Нужно расширять зону теллурократического влияния путем альянсов и договоров. Иран, например, против талассократии, он рвется и хочет дружить с нами и даже переходить в торговле иранской нефтью на рубли, что могло бы поддержать нашу валюту.

Активная и реактивная геополитика

Если бы Путин действовал не реактивно, а активно, то есть не отвечая на вызовы атлантизма и талассократии, а понимая по-настоящему геополитические теллурократические

---

[15] См.: *Дугин А.* Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М., 2004.

интересы России, то многие вещи можно было бы делать с опережением, то есть готовить оси многополярного мира, расширяться, наступать, не судорожно и в последний момент, когда нас уже втянули в Южную Осетию и Абхазию помимо нашей воли, а самим готовить наступательные мероприятия и продолжать расширять свое влияние, в том числе и пользуясь экономическим кризисом. Но, к огромному сожалению, геополитическая теллурократическая воля российского политического руководства поражена сетью влияния талассократии, которая создавалась через прозападных либеральных экспертов еще с горбачевских времен и особенно активизировалась в 1990-е годы. Сеть этих либеральных, прозападных, проамериканских, по сути антирусских, русофобских, антидержавных элементов представляет собой агентуру влияния талассократии против теллурократии. Они могут действовать под разными лозунгами. В некоторых случаях они выступают с позиций либеральной идеологии и упрекают власть в создании «национальной державы», в «шовинизме», в «диктатуре», в «подавлении свободы слова» и т. д. Но они могут выступать и с точки зрения национализма, потому что для этой сети важно расчленить Россию. Сплошь и рядом представители русского национализма выполняют ту же деструктивную функцию, что и ультралибералы-западники, двигаясь к общей цели. Поэтому нет такой прямой антитезы: либералы–националисты. На «Эхо Москвы» выступает неонацист Александр Белов (Поткин) из ДПНИ вместе с либералкой Евгенией Альбац. Они друг другу подыгрывают, разыгрывают комедию, делая вид, что спорят.

Геополитический анализ позволяет нам по-другому взглянуть на политические процессы, которые происходят в нашем обществе, и увидеть, как взаимосвязаны между собой те глубинные геополитические явления, которые на поверхности кажутся различными либо прямо противоположными.

Кавказ в геополитической системе координат

Изучая регионы Российской Федерации, мы на определенном уровне анализа должны поместить это изучение в

геополитическую схему, особенно Кавказ. Кавказ — это зона очень напряженного противодействия двух геополитических сил, теллурократии, которая хочет привязать Кавказ к основной России, и талассократии, которая хочет оторвать Кавказ от России. Причем эти два вектора находятся в очень активной оппозиции, имеют противоположную ориентацию и действуют разными способами. Регионоведческая проблема Юга России в геополитическом смысле открывается именно как противодействие этих двух векторов.

В каждом конфликте, в каждой смене национальной администрации, в межэтнических трениях, в межконфессиональном религиозном диалоге, в социальных процессах, даже в миграции, в демографии этого региона, заложена геополитическая подоплека. Здесь помимо прямого участия англосаксонского, англо-американского фактора, который влияет через фонды, неправительственные организации, сетевые структуры, есть дополнительный элемент.

Традиционно США и Центральное разведывательное управление использовали исламский фундаментализм для противостояния пророссийским и просоветским движениям в исламском мире. И несмотря на то что одна часть Аль-Каиды вступила в противоречия со своими хозяевами (так официально утверждают американские политические источники), Англия и Америка продолжают в значительной степени контролировать фундаменталистское исламское движение. Оно очень разнообразно, и не исключено, что часть его перешла на антиамериканские позиции, но часть, причем большая, продолжает оставаться под американским контролем. Таким образом, атлантизм действует и через экспорт радикального исламизма на Кавказе — это тоже атлантистская талассократическая модель.

Где-то инструментально используются демократические правозащитные организации, фонды, наблюдательные комиссии, структуры ОБСЕ, Helsinki Watch, «Эмнисти интернэшнл» (Amnesty International), а где-то действуют через исламский фундаментализм. Где-то прагматически

задействуются диаспоры кавказских народов, которые находятся в пространстве береговой зоны за пределом Российской Федерации (например, в Турции).

Еще один способ — разжигание националистических конфликтов, которые сегодня возникают во многих частях России[16]. Мы делали много социологических замеров на Кавказе, ездили по кавказским республикам, где активно вбрасываются, например, такие идеи, как создание «Великой Черкесии» с выходом из состава России, идеи «Единой Осетии» с выходом Северной Осетии из состава Российской Федерации, идеи тюркского объединения карачаевцев и балкарцев в отдельное суверенное государство и т. д., то есть новых национальных государств с перспективой разрушения существующих ныне национальных образований. Карачаевцы и балкарцы — это практически один народ, но они были разделены и объединены с черкесскими народами, близкими к адыгам, это кабардинцы и черкесы. В этом проекте Северный Кавказ представляет собой минный погреб России, что особенно опасно, так как к нему подведены непосредственно геополитические бикфордовы шнуры со стороны талассократического полюса.

Ситуация осложняется тем, что сети талассократии с ельцинско-горбачевских времен также сосредоточены в центре Москвы. И поэтому российский центр, вместо того чтобы действовать последовательно, однозначно разработать геополитическую стратегию Кавказа, чтобы на каждый вызов дать ответ и упреждать ситуацию, колеблется, медлит, предпочитает решать проблемы по мере их возникновения.

Складывается впечатление, что стратегия выработки кавказской политики тормозится и саботируется из самого центра.

Шпионские сети на Кавказе

Несколько лет назад я вышел на руководство Южного федерального округа и предложил сделать геополитический

[16] См.: Сетевые войны. Угроза нового поколения: Сборник докладов. М., 2009.

атлас Кавказа, где в картах была бы дана глобальная картина Кавказа, описаны общие принципы кавказской геополитики с пояснениями, и далее, этнические группы, специальные структуры, ваххабитские сети, криминальные центры, агентура влияния, распространение иностранных НПО, центры националистического экстремизма и т. д. Карты должны были быть все большего и большего масштабирования, чтобы показывать, как соотносятся уже конкретные факторы, этнические группы, религиозные, социальные проблемы с глобальной геополитикой Кавказа, какие народы в рамках той или иной республики Северного Кавказа живут, доминируют, каковы демографические, миграционные процессы, где ожидать наиболее болезненных точек и что нужно сделать для предотвращения их возгорания. Причем часть этого атласа должна была быть закрытой.

Руководство Южного федерального округа получает для Южного национального центра (ЮНЦ) серьезное финансирование этого атласа, подготавливаются специалисты, но потом начинаются непонятные ни для кого, ни для меня, ни для руководства ЮФО, процессы. Из Москвы некоторые силы вмешиваются в этот процесс и начинают перетягивать заказ на свои сетевые кадры. Потом выясняется, что эти силы связаны с Центром Карнеги, координируют свою деятельность с Вашингтоном, где они занимаются «критикой евразийства». Руководство ЮНЦ идет на поводу у этой тенденции, и постепенно изначальная идея атласа начинает саботироваться. Происходит то, с чего я начал лекцию, — постепенно из атласа начинает вычищаться все собственно геополитическое содержание. И постепенно он превращается в некий сборник карт, в котором фиксируются всем известные и банальные вещи. Из геополитического атласа он превращается в этногеографический. Смысл изначального проекта сорван. В конце концов атлас издается, но это совершенно иная вещь, полностью лишенная острого геополитического содержания[17].

---

[17] См.: *Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа. М., 2006.

Вот пример того, как происходит саботаж разработки российской стратегии на Кавказе и как происходит подрыв наших национальных интересов не со стороны наших прямых врагов, которым можно было бы противодействовать, но со стороны «своих», экспертов, специалистов, ученых — по старой горбачевско-ельцинской схеме. И если Горбачев и Ельцин, видимо, слабо понимали, что они делают, их окружение знало это наверняка. Это была группа агентов влияния, которые сознательно работали на интересы талассократического полюса. В результате «Геополитического атласа Кавказа» нет и, наверное, в ближайшее время не будет, так как составить его — это огромная работа. Мы просто упустили время, а средства уже потрачены. Вместо наличествующего геополитического атласа, который подтолкнул бы наше руководство и на уровне федерального центра, и на уровне ЮФО к необратимой, ясной и последовательной кавказской политике в отношении Северного Кавказа, мы получаем нечто невнятное. Тот вектор, который должен был представлять собой четко, ясно и последовательно теллурократическую стрелу, превратился в какой-то закрученный «змеевик», который уходит неизвестно куда, и соответственно, при таком «атласе» можно делать все, что угодно, поскольку он ни к чему никого не обязывает, ничего никому не объясняет. Обычный этногеографический подсобный материал вместо оперативной, важной, стратегической геополитической модели.

Перспективы регионоведения

Интересно и полезно применять геополитическую методологию к той или иной регионоведческой проблеме, что открывает большое количество важных факторов, а также содержательно с научной точки зрения. Такого рода работ на сегодня, к сожалению, практически не ведется. Хотя, казалось бы, применение этой геополитической модели именно к регионоведению на Кавказе — это само собой разумеющаяся вещь, это первое, что приходит в голову, потому что, имея такую картину, мы сможем понять, что делают здесь определенные неправительственные ор-

ганизации, фонды, молодежные движения, как распределяются гранты, кем и в каких целях организуется система межэтнических трений и как манипулируются миграционные потоки для того, чтобы реализовать, например, интересы талассократии. Здесь можно объективно и с опорой на научную методологию предложить позитивные теллурократические евразийские модели, которые будут противодействовать этим угрозам и переводить Кавказ из зоны потенциальной войны в зону мира и дружбы народов, укрепляя российскую державность и наше сложное и древнее братство народов — русского народа, других народов, которые традиционно живут на Северном Кавказе. Исследуя бессознательное соотношение мифов и политических институтов, национальных особенностей и геополитических сил, которые запущены в действие в том или ином процессе, в том или ином обществе, в той или иной части Кавказа, в той или иной социальной или этнической среде, мы, безусловно, приобретаем колоссальный материал, подспорье для дальнейшей профессиональной деятельности.

Контрольные вопросы

1. Как понимает два основных начала мировой истории геополитика? Опишите их.
2. Что такое римленд, хартленд?
3. В чем состоит геополитический смысл перестройки в СССР и его распада?

Литература

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1997.
Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.
Гаджиев К. Введение в геополитику. М., 2003.
Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007.
Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 2000.
Дугин А.Г. (под ред.). Основы евразийства. М., 2002.

Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб., 2007.
Савицкий П. Континент Евразия. М., 1999.
Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

РАЗДЕЛ 1

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МЕТРИКА: ПОСТМОДЕРН (ЕГО СВЯЗЬ С МОДЕРНОМ, ЕГО ОСОБЕННОСТИ)

Кризис образа

Кризис образования в современной России — не просто констатация технического сбоя функционирования образовательной системы. Все обстоит более серьезно. В нашем обществе полностью отсутствует консенсус относительно образа мира, в котором мы живем, и образа нас самих, то есть русской, российской идентичности. Это главный вопрос образования, но и главный вопрос современной общественной жизни.

Эта проблема может решаться по-разному. При анализе можно попытаться переложить ответственность на кого-то (например, на власть или на научное сообщество), попытаться найти виновного и спросить — почему у нас нет образа? Нет образа в науке, в народе, в культуре, во власти, в обществе в целом. Кто же в этом виноват? Мы, ученые? Может быть, общество, которое этого образа не создает? Либо власть, которая этим не озабочена? Либо, если следовать теории заговора, «злодеи», которые этот образ у нас похитили? Все ответы хороши, и все в равной степени плохи. Поэтому модель, которую я предпочитаю в своей научной, интеллектуальной, политической и общественной деятельности, — это просто работать на прояснение, или конституирование (как посмотреть), этого образа, одновременно

предлагая его определить, отыскать, утвердить и ученым, и народу, и интеллектуальной элите, и обществу, и власти. Если мы вырабатываем этот образ, мы должны делать это совместно, потому что кто-то один, какая-то одна инстанция или институция, его не сможет найти. В лучшем случае это будет схема, в худшем — симулякр. Власть является частью народа, получившей образование в неопределенное, смутное, полусоветское и полулиберальное время. Сплошь и рядом в политической элите мы встречаем людей с сознанием откровенно криминальным, но практически всегда запутанным и хаотичным. Наше научное сообщество тоже в достаточной мере одичало. Мы сталкиваемся либо с «добрыми дикарями», если имеем дело с «учеными» («ботаниками»), либо со «злыми дикарями», если мы имеем дело с властью и бизнесом.

Объективность метрики

В данном курсе я предлагаю сосредоточиться на самой насущной теме: на выработке образа России и мира, вернее, на подготовительных этапах такой выработки, то есть на описании метрики и топологии нашей проблематики. Мы должны ответить — пусть, может быть, приблизительно и гипотетически — на главные вопросы: «Кто мы?» и «Где мы?», быть может, лишь уточнить структуру этих вопросов, если ответить полноценно не удастся.

При разработке этой гипотезы «qui» et «qua» (кто? и где?) относительно России нужно по возможности максимально абстрагироваться от своих субъективных взглядов и предпочтений, от своих позитивных или негативных оценок. В первую очередь задача состоит в том, чтобы выработать объективную модель метрики, то есть определить, в каком мире мы живем и кем мы являемся, предельно объективно, рационально и взвешенно. Хорошо это или плохо, эти акценты будут расставлены потом или расставлять их будет предоставлено кому-то другому. Поэтому этот курс максимально должен быть десубъективизированным и «аморальным» в ницшеанском смысле, то есть без оценок в отношении глобализма, постмодерна, прошлого России и современных процессов. Нужно попытаться вначале про-

сто описать их так, как они есть. А каждый уже сам сможет придать этому знаки — поставить «плюс», «минус», «хорошо», «плохо».

Дефиниции постмодерна

Практически все сегодня на Западе согласны — с теми или иными оговорками, что современное человечество (по крайней мере, его «цивилизованная» часть) живет в условиях постмодерна. Где? И когда? В социокультурном смысле это определяется через обращение к постмодерну. Мы находимся в постмодерне. Но определив это, куда мы при этом попадаем? Поскольку нет никаких однозначных конвенций, каждый под «постмодерном» понимает что-то свое, а иногда вообще все, что угодно. Это означает, что под «постмодерном» никто ничего не понимает. Но это у нас. В той цивилизации, где этот концепт возник — то есть на современном Западе, — определенная ясность есть. И для начала нашего самоопределения мы просто обязаны четко понять, что под этим имеется в виду там.

Итак, что следует понимать под «постмодерном»? Под «постмодерном» следует понимать объективное состояние западноевропейского общества, выходящего из режима модерна. Модерн, который оставляется, преодолевается, «отменяется», «снимается» (в гегелевском смысле), был основан в Новое время, в конкретных исторических и географических (Западная Европа) границах, в эпоху Просвещения кристаллизировался, а в XIX–XX веках достиг апогея в политическом, интеллектуальном и научном смысле. Наука Нового времени — это та наука, с которой мы сегодня все еще имеем дело.

Модерн воплотился в научных парадигмах позитивизма, материализма, атеизма, в политических системах секулярного общества, в либеральной демократии, в социокультурном представлении об индивидуальном достоинстве, в идеологии прав человека.

Так вот, постмодерн означает конец всего этого.

При этом постмодерн — это не «постмодернизм», не эпатажное творчество эстетствующих нигилистов типа американского режиссера Тарантино или российского пи-

сателя Сорокина. Постмодерн — это объективное состояние социально-политической, исторической, культурной и цивилизационной среды человечества в его западноевропейском сегменте, то есть в первую очередь там, где и развивалась история, которую мы называем модерном.

Модерн, который мы стремительно теряем

Понятно, что модерн пришел не везде одновременно и не везде глубоко укоренился. Модерн появился на Западе около 300 лет назад. Там он состоялся, выделился, оттуда он распространился поначалу колониально, а потом и постколониально на весь мир. Но, конечно же, когда мы говорим о модерне, мы говорим о западноевропейской цивилизации, о рациональном европейском «белом человеке», который первым среди других народов совершил переход от традиций, религий и иерархий к разуму, светскости и равенству. Он сделал разум высшей ценностью, построил на этом разуме всю свою систему, всю свою аксиологию, всю свою науку, всю свою методологию. А потом навязал ее всем остальным (можно сказать и иначе — «а потом облагодетельствовал ею всех остальных», — смысл тот же; «навязал» — более нейтрально). Вот что такое модерн.

Воплощением модерна был позитивизм, материализм, атеизм и то общество, к которому мы все еще по инерции принадлежим, наше общество — общество российское, европейское, американское и в огромной степени китайское, индийское, африканское, латиноамериканское. Вообще, мировое общество до сих пор находится формально в модерне и на поверхности все еще разделяет его конвенции.

Постмодернизм и постмодерн

Тезис о постмодерне появился в 1960-е годы, одним из первых его употребил Чарльз Дженкс, назвавший постмодерном некоторые особенности современной архитектуры[1]. Позже идею подхватили и развили французские философы-структуралисты и постструктуралисты. Постепенно термин вошел в оборот и стал обозначать все более широкие реаль-

[1] См.: *Дженкс Ч.* Язык архитектуры постмодернизма. М., 1985.

ности. Начиная с конца 1970-х годов наиболее авангардные философы, культурологи, критики, искусствоведы, социологи стали причислять себя к постмодернизму. Но это было только начало. Постмодернизм имеет такое же отношение к постмодерну, как модернизм к модерну. Почувствуйте разницу. Модернизм — узкоэстетическое направление европейской культуры начала XX века — Гауди в Испании, «Югендштиль» в Германии и т. д. Но модерн — это вся эпоха Нового времени. Модерн начинается с Декартом, Бэконом и Ньютоном, а заканчивается с нами. Мы уже живем в последней фазе этого периода.

Поэтому постмодерн — это не постмодернизм его первых пропагандистов и теоретиков. Это объективное состояние социокультурной среды, цивилизации, экономики и политики, которое отличается от модерна так же, как Новое время отличается от Средневековья или общества Древнего Египта. В этом смысле постмодерн еще далеко до конца не сложился, не состоялся. Он наступает, он приходит, он замещает собой модерн. Исчерпывается постмодернизм — постмодерн же только начинается.

Поэтому мы не можем говорить, что мы живем строго в постмодерне. Но вместе с тем мы живем именно в нем, потому что все основные цивилизационные процессы, развертываясь по инерционному сценарию, влекут нас именно в этом направлении. Вся логика истории человечества — от традиционного общества через стадию модерна — обусловливает переход к постмодерну.

Постмодерн не может не наступить

Здесь встает такой вопрос — безальтернативен ли постмодерн? Безусловно, безальтернативен. Это принципиально. Это не выдумка, не гипотеза. Это естественное развитие процесса модерна, который входит в новую — последнюю — стадию и качественно меняется, преодолевая сам себя. Модерн, видимо, изначально нес в себе постмодерн — как дальнюю перспективу. Эпоха модерна была уже заражена этим постмодерном с самого начала, мы сейчас посмотрим, насколько это так, хотя в истории постмодерн — это то, что объективно приходит вслед за модерном и во многом —

против него, демонтируя систему его аксиом, принципов и истин...

В какой-то момент энергии, конструкции, аксиомы, типы, структуры того, что составляет специфику модерна, во всех своих философских, социально-политических, этических, гносеологических, когнитивных, эпистемологических аспектах подошли к определенному насыщению («сатурация» П. Сорокина[2]). Можно сказать иначе — «к исчерпанию внутренних энергий». И вот тогда и встает вопрос о постмодерне.

Мы живем в мире постмодерна, который приходит и который не может не прийти. Рождается постмодерн изнутри самого модерна, как его внутренняя программа. Реализовав свой потенциал полностью, модерн начинает переходить в постмодерн. Если мы это поймем, то это уже будет большим и серьезным вкладом в понимание той метрики, той топологии современности (или уже постсовременности), о которой я говорю.

Постмодерн является продолжением модерна, то есть выходит из него, а не появляется извне, но при этом одновременно является и отрицанием модерна, его внутренним преодолением. В постмодерне завершается, в неожиданном виде сбывается то, что хотел осуществить модерн, но не мог в силу присущих ему ограничений.

Вот первый постулат, который чрезвычайно важно понять: мы живем в эпоху постмодерна, который наступает. Может ли он не наступить? Нет. Он не может не наступить, потому что, по сути дела, после того, как модерн достиг определенной стадии, у него нет иного выхода, кроме как превратиться в постмодерн.

В битве за наследие модерна победил либерализм

Внутри модерна в XX веке существовали разновидности тех идеологических форм, которые модерн мог бы принять на своем последнем витке. Он мог бы стать фашистским модерном, потому что фашизм — это модернистская идеология с большим сочетанием архаических элемен-

[2] См.: *Сорокин П.* Система социологии. М., 2008.

тов. Но после 1945 года на этой возможности был поставлен крест. Он мог бы стать коммунистическим модерном, и многие коммунисты считали, что социализм, коммунизм и марксизм — это более развитая стадия модерна, нежели либерализм капиталистический. Когда в 1991 году СССР рухнул, стало ясно, что коммунизм не был модерном по-настоящему. Обнаружилось, что это был не коммунизм, а национал-коммунизм (это очень важно осознать, причем безотносительно того, как мы к этому относимся, положительно или отрицательно), то есть это было сочетание архаического мифа (в духе Иоахима де Флоры о «третьем царстве» в коммунистическом обличье) со сциентистской парадигмой позитивизма и с марксистским экономизмом. Рационалистическая сторона коммунистической доктрины как предложение построить альтернативный (капиталистическому) модерн, или «посткапиталистический» модерн, была контаминирована изнутри мифологической, архаической подоплекой. В фашизме это было очевидно, в коммунизме — гораздо менее очевидно. И вот наконец победил либерализм, который фактически выиграл фундаментальное пари со своими идеологическими противниками (фашизмом и коммунизмом) в ходе двух мировых войн и одной «холодной войны». За это — именно за это! — были пролиты реки крови. Это была битва за то, кто будет наследником модерна, какая идеология будет являться по-настоящему ортодоксально-модернистической. Посмотрите, как важны парадигмальные акценты. Как важно подчас оценить, какую цену человечество платит за выяснение подобного рода философских истин. Не моргнув глазом, миллионы людей в XX веке шли на войну не за ресурсы, не за собственные интересы, не по каким-то экономическим причинам, а за идею, за наследство модерна.

Три великие идеологии: фашизм, коммунизм и либерализм бились между собой и приносили в жертву страны, народы, континенты. Гигантское число людей было уничтожено, расстреляно, замучено самым страшным образом — за что? За выяснение только одного: какая среди этих идеологий будет наследником модерна. Вот насколько сильны философские парадигмы в истории.

Ницше говорил еще в конце XIX века о том, что предвидит время, когда войны будут не за интересы, а за идеи. И в XX веке это были войны за идеи. В этих войнах победил либерализм. Несмотря на то что это совсем уже очевидно, есть представители совершенно разных слоев и групп, которые полагают, что это не так. Действительно, мы живем в мире со сбитой метрикой...

Победа свободы

Вопрос не в том, что либерализм — это хорошо или плохо. Важно то, что либерализм победил и отвоевал себе право быть единственной идеологией, адекватно воплощающей модерн — и исторически, и технологически, и концептуально. Вместе с тем он продемонстрировал двум другим идеологиям, что причина их поражения была не только в том, что Гитлеру не хватило ума не нападать на Россию или не хватило танков, чтобы выиграть войну на два фронта, или что Советский Союз просто не справился с производством достаточного количества туфель на платформе, болоньевых курток и разноцветных полиэтиленовых пакетов и поэтому раздраженный очередями народ, подстегиваемый коммунистами-реформаторами, скинул советскую систему, но в том, что они не в полной мере соответствовали духу модерна, примешивая к нему чужеродные (гетерогенные — не модернистические, архаические) элементы.

Победа либерализма не является технической, или технологической, победой в Первой, Второй мировых и «холодной» войнах. Либерализм победил идеологически, потому что именно он соответствовал главной тенденции модерна на освобождение индивидуума от всех внеиндивидуальных обязательств. Свобода оказалась сильнее фашистского (расового) братства и советского марксистского (материального) равенства. Из трех членов формулы Французской революции — свобода, равенство и братство — мы увидели, как они иерархизированы в истории и какой из этих тезисов — «liberte, egalite, fraternite» — оказался действительно соответствующим сути модерна — это liberte. Свобода либералов оказалась выше, чем расовое fraternite

нацистов или egalite. И одни и другие попытались настоять на своем, но ни тех, ни других больше нет.

Возможно ли возвращение фашизма и коммунизма в модерне? Нет, они могут прийти только как симулякры, как говорил Бодрийяр, и именно это мы сейчас наблюдаем.

Чукча-скинхед и симулякр фашизма

Современные скинхеды сплошь и рядом являются людьми нерусского происхождения, как, например, чукча Рыно, который убил 37 гастарбайтеров в Москве, и его подельник поляк Скачевский. Человек по фамилии Рыно, этнический чукча, с другом-поляком убили 37 «приезжих», часть из которых были таджиками и армянами (то есть представителями арийских народов). Это называется «фашизм в России». Это, конечно, страшно, погибли люди, но вглядитесь в детали. С одной стороны, арийское fraternite, братство германского народа, который поднимается ради волнующей его архаической веры в Одина, завоевывает пол-Европы и заходит на виток мирового господства, довольно успешно сражаясь некоторое время против СССР и экономически развитого либерального Запада. С другой стороны, банда делинквентных маргиналов из мегаполиса, которая из-за проблем с социализацией докатывается до слабо формализованного — «приезжие» — насилия. Чукотский скинхед Артур Рыно — типичный симулякр, по Бодрийяру[3]. Фашизм был могущественным и масштабным феноменом (и столь масштабными были его достижения и злодеяния), он принадлежит к истории. Это была полноценная битва за право освоить модерн. Эта битва была проиграна, провалена — причем самым кровавым образом.

Архаика в СССР

Советский план борьбы за модерн — не менее серьезная инициатива. Это уже не Рыно и гастарбайтеры. Это миллионы уничтоженных русских людей, разрушенные храмы, отрезанные красными комиссарами языки детей,

---

[3] См.: *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. Минск, 1996.

певших «Аллилуйя». Это гигантская борьба за модернизацию архаического крестьянского русского народа и других народов, которые с русскими связали свою судьбу. Их, то есть нас, по-настоящему затронули модернизаторы. Казалось бы, после таких жертв модернизация должна быть полной и необратимой.

Но оказывается и сюда проникла архаика. И снова, как и в случае фашизма, это была ненастоящая модернизация. И это было девиацией, отклонением, потому что, как и сквозь fraternite, пролезла архаика, так и даже сквозь egalite, где утверждалась такая модернистская вещь, как равенство, тоже проникла архаика — на сей раз эсхатологическая архаика русских сект и хасидских мифов, которые были с ним солидарны. По Михаилу Агурскому, они вошли в резонанс — русские эсхатологические ожидания и не менее эсхатологические ожидания хасидских местечек, пролив совместно палящий огонь коммунизма, который практически 70 лет пугал (или восхищал) весь мир[4].

Правильная история модерна

Свобода из триады модерна оказалась минимально нагруженной архаическими премодернистическими коннотациями. Поэтому и только поэтому либерализм и капитализм победили. Победили окончательно, бесповоротно. Можно сколько угодно описывать технические приемы и экономические стратегии, которые привели их к победе. С точки зрения философии истории это второстепенно. Победила свобода.

Сегодня все политические системы, все этические системы мира с разной степенью глубины и искренности, с разной степенью оптимизма (настоящего оптимизма, похоже, вообще не осталось) приняли либерально-демократическую модель. Мы с вами живем в обществе, где либерально-демократические ценности, ценности свободы являются доминирующими и с точки зрения политических институтов, и с точки зрения социокультурных

---

[4] См.: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. М., 2003.

нормативов, и с точки зрения того, что называется американцами «конвенциональной мудростью» — conventional wisdom. Мы можем думать как угодно именно потому, что мы (номинально) свободны.

Но если отвлечься от этой индивидуальной свободы и посмотреть парадигмально на систему ценностей, которая доминирует в современной России, мы также увидим, что живем в либерально-демократической стране, чья Конституция скопирована с либерально-демократических образцов, чья политическая система разделения властей основана на либерально-демократическом принципе (где есть выборность президента — на четыре, пять, десять лет, это не важно), чьи культурные установки ориентированы в либерально-демократическом ключе. У нас есть все признаки либеральной социальности: права человека, постоянные разговоры о гражданском обществе, воспевание толерантности и мультикультурализма. То, в чем мы живем, — это либеральная идеология.

Мы еще не начали говорить, собственно, о постмодерне, пока мы говорим о том, как, где и на чем кончается судьба модерна. А судьба модерна заканчивается, завершается и исчерпывается в либерализме.

Таким образом, либеральная идеология является венцом того, что называлось модерном. И если это так, если в этой иерархии масонской триады эпохи Великой французской революции можно однозначно установить приоритет liberte, свободы, то мы можем однозначно понять, как реально устроена логика мировой истории, мы сможем написать правильную историю модерна. Историю, где либеральная линия была главным центром и против нее пытались пробиться, прорваться различные архаические модели — то ли через Маркса (с его мифом о Иоахиме де Флоре и левым гегельянством), то ли через Джентиле (и снова через идеи Гегеля с его прусским государством), то ли через откровенный архаизм расистского «мифа XX века» А. Розенберга[5].

[5] См.: *Джентиле Дж.* Введение в философию. СПб., 2000; *Розенберг А.* Миф XX века. М., 1998.

Гегель и включенное третье

Интересно отметить роль Гегеля. Обращение к его философии присутствовало почти во всех идеологиях, которые пытались отрицать «legacy of liberalism», фундаментальную легитимность либерализма. Гегель пытался в рамках понятийного аппарата модерна, философии модерна найти способ ускользнуть от него, предложить такую модель, где модерн был бы тесно переплетен с премодерном.

Яснее всего это видно на примере пересмотра закона исключенного третьего, который лежит в основе «Большой логики»[6] Гегеля. В этом, если говорить философски, заключается вся хитрость. Дело в том, что закон исключенного третьего («либо А, либо не-А») принадлежит классической логике модерна. Его отрицание, то есть идея того, что «А» и «не-А» могут сосуществовать одновременно, напротив, характерно для традиционного общества и особенно для архаических форм мышления. На этом принципе «tertium datum», «третье дано», на сочетании формально логически не сочетаемого, в премодерне основаны мифы, обряды, символы, ритуалы, доктрины и т. д. Гегель через рациональные модели дискурса ввел иррациональный компонент премодерна в модерн. Именно поэтому один из наиболее последовательных либеральных теоретиков, Карл Поппер, инкриминировал Гегелю и его философии самые страшные преступления в области современной политики и выводил из них все известные в XX веке разновидности тоталитаризма.

Сегодня это кажется внятным и логичным объяснением. Но ранее это было непросто понять, потому что все идеологии XIX и XX веков сплетались между собой в очень сложный клубок, все протекало в драматическом противостоянии идей и концепций. Для нас важно, что и коммунизм, и итальянский фашизм в лице Джованни Джентиле (а также некоторые теоретики германского национал-социализма) вышли из гегельянства. Гегель был консерватором, правым, монархистом. Этатисты и коммунисты выросли на его идеях, и если мы пытаемся иден-

[6] См.: *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 3 т. М., 1986.

тифицировать, что в них примешалось к модернистскому призыву освобождения индивидуума от всех связей, то должны в первую очередь уделить внимание Гегелю и его искусному отвержению закона «исключенного третьего». Но вместе с тем в самое последнее время в лице американских неолибералов, в частности Фрэнсиса Фукуямы, мы видим, как это ни парадоксально, также обращение к Гегелю, правда, в отдельном аспекте его мысли о «конце истории»[7]. Американские либералы, никогда не интересовавшиеся особенно Гегелем, открывают для себя его эсхатологические и телеологические концепции именно тогда, когда их идеологические противники — фашизм и коммунизм — полностью повержены. Не свидетельствует ли это о том, что либерализм, самый близкий к чисто парадигме модерна идеологический тип, сам несет в себе отдельные элементы архаики? Но это обнаруживается только тогда, когда по-настоящему архаические версии модерна окончательно уходят со сцены. Такое предположение подтверждается другим сюжетом — мифом Иоахима де Флоры.

Иоахимизм

Большое значение термин «третье царство» играет в мистике Иоахима де Флоры. Это был калабрийский монах, который предложил троическую модель рассматривать диахронически: вначале было царство Отца, потом оно сменяется царством Сына в Новом Завете, а потом наступает царство Святого Духа, третье царство. Это, кстати, созвучно и Третьему Риму, и Третьему рейху, и Третьему Интернационалу. Миф Иоахима де Флоры провозглашает, что придет такое время, когда обычные законы разделения, дифференциации, морали и власти будут опровергнуты и наступит эпоха всеобщего безраздельного счастья, которая ознаменуется парусией, явлением Духа, которое снимает все ограничения и все дуальности.

На самом деле все три идеологии — и либерализм, и коммунизм, и фашизм — имеют ярко выраженное иоахимитское происхождение и могут быть рассмотрены как три

---

[7] См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004.

ветви иоахимитского мифа. Но исторически выяснилось, что в споре за реальную эстафету модерна правы были только либералы. Таким образом, именно либералы выстроили такую идеологическую модель, которая жестко резонировала с «третьим царством» у Иоахима де Флоры.

Отсюда делаем вывод, что смысл этой эсхатологической модели заключался в первую очередь в освобождении индивидуума, именно в свободе, а не в равенстве. Равенство было вторичным. Тем более не в братстве, потому что, когда стали смотреть, как это братство будет реализоваться в реальности, выяснилось, что оно проявляется только в органическом коллективе, в этнической цельности, в общине («Gemeinschaft» Фердинанда Тенниса)[8]. Братство претендовало на модерн недолго. С равенством оказалось сложнее, но и эта иллюзия рухнула (в 1991 г.). И выяснилось, что смысл модерна заключается в освобождении. Отсюда либерализм как libertas, свобода. Это и есть основной тренд модерна.

Можно спросить: либерализм — это освобождение индивидуума от чего? От чего хочет освободиться индивидуум? Ответ простой — от всего вообще; от всего внеиндивидуального; от всего того, что привязывает этого индивидуума к какой бы то ни было внеиндивидуальной системе, структуре общества. Свобода индивидуума от государства, от класса, от коллектива, от этноса (отсюда права человека, толерантность, нормы политкорректности). От каких бы то ни было запретов, которые препятствуют его самоидентификации. Дальше — это свобода индивидуума от пола, потому что гендер с точки зрения либеральной теории — это концлагерь. Если мы — мужчины или женщины, значит, мы подчиняемся этой идентичности, которая дана нам, обратите внимание, не индивидуально. Мы же индивидуальны. И чем больше мы индивидуальны, тем больше мы должны быть свободны от любых детерминационных систем и кодов, в том числе и от гендерной идентификации. Чтобы понять, что индивидуум от пола не зависит, самое простое — поменять

[8] См.: *Теннис Ф.* Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002.

пол. Был мужчиной, стал женщиной. Сейчас уже практикуются операции по многократной перемене пола, потому что кто-то побыл женщиной, надоело, опять стал мужчиной. С точки зрения биологической это может вызывать патологические осложнения, но с точки зрения концептуальной, с точки зрения либерализма это совершенно «естественно».

Речь идет о тотальном освобождении индивидуума от всего — от государства, от класса, от экономических границ, от этноса, от религии; от всего, что придает индивидууму внеиндивидуальную модель идентичности, включая гендер, и является преградой на пути торжествующего движения победившей модели модерна, очищенной от всех посторонних моментов.

Итак, единственной, настоящей ценностью модерна была свобода. Теперь мы можем выстроить то, что пока никем толком не делалось, — настоящую фундаментальную историю модерна, где главной осью будет свобода, а все остальное, что не являлось этой ценностью, в том числе братство и равенство, можно рассматривать как побочные флуктуации.

Итак, не свобода вместе с равенством и братством, а свобода против равенства и братства, поскольку и равенство, и братство ограничивают свободу. Либеральная «Вуль-

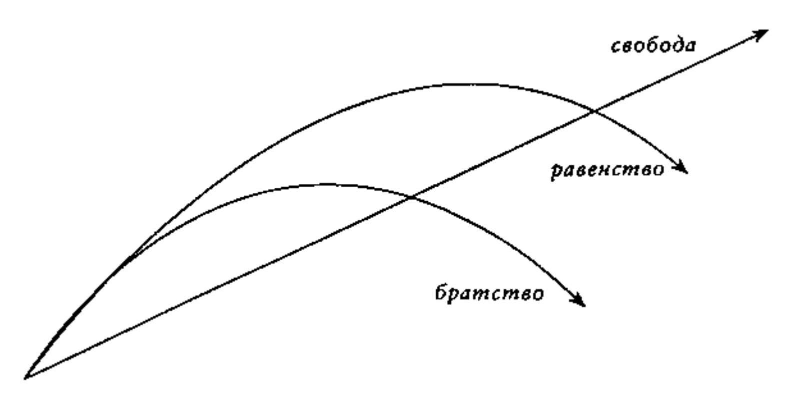

Схема идеологической истории модерна

гата» Поппера[9] и Хайека[10] является не рядовым полемическим аргументом в идейных спорах XX века, а «золотыми скрижалями» победившей версии модерна. Модерн есть либерализм, и смысл модерна заключался в освобождении.

Если теперь, зная про этот момент, с которым были не знакомы до 1991 года, будем рассматривать историю модерна — приблизительно по тому же принципу, как это делал М. Фуко, — мы увидим, что изначально все институты модерна складывались именно на этой отрицательной эпистеме «свободы от»[11]. На ниспровержении любых авторитетов, релятивизации всех ценностных суждений, на постепенной ликвидации любых социально-политических институтов, которые бы сдерживали стремление индивидуума к свободе.

Индивидуум освобождается

В основе этого освободительного процесса мы видим картезианский деизм. Это шаг в сторону освобождения индивидуума от теизма, от Бога, как его понимает церковь. Вместо этого утверждается деизм — вера в Бога, основанная целиком и полностью на индивидуальном рассудке, на постановлении субъекта. В деизме бог мыслится как продукт мышления, а значит, такой бог освобождает индивидуума от Бога-Вседержителя. У Ньютона этот деистский бог уподобляется «часовщику», «великому механику». Бог становится рациональной гипотезой, необходимой для того, чтобы объяснить вещи, которые пока рационально не понятны. После деизма наступает следующий этап освобождения — на сей раз от самого «великого механика», который подстраивает ход планет. Постепенно потребность в этой гипотезе отпадает, появляются прогрессисты — Кондорсе, Тюрго, Лаплас, которые отбрасывают ее. Это новая стадия освобождения — атеизм. Атеизм постепенно вытесняет деизм.

---

[9] См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1–2. М., 1992.

[10] См.: *Хайек Ф.* Судьбы либерализма в XX веке. М., 2009.

[11] См.: *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996; *Он же.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996; *Он же.* Герменевтика субъекта // Социо-Логос. М., 1991.

Но пока еще мы не свободны от морали. Пока мы еще не свободны от партий, от групп, от движений, от государств, которые сохраняют статус «ночного сторожа», гаранта соблюдения порядка и свободы торговли. Возникновение национальных государств и теория суверенитета связаны с освобождением от идеи империи. Эти идеи впервые систематически развил протестантский теолог и юрист Жан Боден[12]. Боден, Гоббс и Макиавелли сформулировали идею освобождения государства от всякого трансцендентного смысла и значения, поэтому все трое могут быть причислены к классикам либеральной идеологии. Они же заложили основы современной политологии[13]. Индивидуум освобождается от всего того, что можно назвать «общим» — по-греч. koinon.

Природа перехода от победившего либерализма к постмодерну

Теперь переходим к постмодерну. В постмодерне именно эта тенденция, которая только сейчас стала очевидной, то есть чистый модерн как либерализм, завершается, снимается, превращается во что-то еще. Но это происходит не потому, что кто-то из недобитых коммунистов, фашистов, монархистов, архаиков всех мастей бросил либерализму вызов. Сама идея либеральной свободы при переходе от парадигмы модерна к парадигме постмодерна автономно меняет свою природу, свое качество, причем столь же серьезно, столь же фундаментально и необратимо, как парадигма человеческого бытия поменяла свое качество при переходе от традиционного общества к парадигме модерна.

Как это может быть? Какова природа этого перехода? Вот это и есть главное, главная предпосылка, главный тезис той метрики, топологии, таксономии идей, которую необходимо осмыслить в первую очередь.

Либерализм обнажил суть модерна. Освободившись от дополнительных аксессуаров, которые исторически оста-

---

[12] См.: *Боден Ж.* Метод легкого познания истории. М., 2000.

[13] См.: *Гоббс Т.* Избр. произв.: В 2 т. М., 1964; *Макиавелли Н.* Избр. произв. М., 1982.

лись от предыдущих этапов, либерализм утвердил себя как магистральный догмат. С этим утверждением либерализма как догмата связана книга «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы, который позже сам признался, что поторопился сделать такие выводы. Но с точки зрения логики истории он прав. Это может произойти не сегодня, возможно, это случится через какой-то этап, но ничего другого в историческом процессе западноевропейского человечества (которое стало доминирующим в планетарном масштабе и пошло по пути прогресса и развития) произойти не может. Тезис и идеи Фукуямы стали столь популярными, потому что они правильны. Он как индивидуальный автор может передумать. Но то, что он высказал, это совершенно корректное высказывание, формально заимствующее концептуальный аппарат гегельянства (через Кожева, который впервые предложил «конец истории» рассматривать не как «победу коммунизма», а как триумф либерализма)[14].

Свобода есть полюс однополярного мира

Из этого вытекает несколько важнейших и конкретных моментов. Первое — создание однополярного мира. Что является полюсом этого однополярного мира? Это не обязательно Америка, не обязательно даже Запад. Этим полюсом является свобода. Абсолютная, бьющая ключом свобода индивидуума от всего остального — вот настоящая однополярность.

Да, исторически эта свобода закреплена как норматив и основной принцип в западноевропейском обществе. Там она поднята на щит, утверждена в качестве главной цивилизационной ориентации. В лице США она достигла самых убедительных, самых ярких форм. Но не США, не американцы являются настоящими промоутерами идеи однополярного мира. Однополярный мир, глобальный мир, глобализм, идея конца истории — все они имеют метафизическое философское обоснование в логике модерна и в идеологии либерализма.

[14] См.: *Кожев А.* Атеизм. М., 2007.

Нас создали свободными

Поэтому, когда мы утверждаем, что нам что-то не нравится в глобализме или в американцах или нас не устраивает кризис, мы говорим наивные вещи, обращаем внимание на частности, упуская из виду главное. За всем этим стоят не чьи-то козни, а логика мировой истории, которая четко и абсолютно движется к своему телосу, так как эта мировая история была кем-то задумана, реализована и сконфигурирована. Как только мы вступили в модерн, мы встали на путь свободы. Встав на путь свободы, мы выбросили абсолютно все, что мешало этой свободе. Вспомним слова Ницше: «Бог умер». Но ведь это не все. Фраза-то звучит полностью так: «Бог умер, мы убили его, вы и я»[15]. Когда мы встали на путь свободы, мы убили Бога. И мы сейчас живем в цивилизации, в культуре, которая пожинает плоды этого убийства Бога. Почему нам мешал Бог? Он нам мешал, потому что мы решили полностью и тотально пройти путь свободы. Кто нас такими создал? Бог. Что он нам дал? Право свободы. Вот мы и захотели его полностью реализовать. И тот факт, что мы окончили в аду, как сегодня, — это естественное следствие того, что мы надкусили яблоко свободы. Нас предупреждали о нежелательности такого поведения, но дали эту возможность надкусить его, сотворив нас свободными.

Ничто и неудобный вопрос

Западный мир, либеральный мир построил однополярную модель, сущность которой заключается в безальтернативности модерна. Но тут начинается самое интересное. Дело в том, что модерн, будучи реализованным, не имеет никакой длительности. Почему? Потому что, как говорил Ницше, после смерти Бога перед нами открывается ничто. В XX веке философы, которые мыслят немножко быстрее, чем экономисты, ясно поняли, что полная завоеванная свобода вводит в игру главное действующее лицо — ничто, nihil. Ничто становится главной темой современности. Отсюда проблематика Хайдеггера, Сартра, всего экзистенциа-

[15] *Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1996.

лизма. И в конце концов — Жиль Делез, который от «ничтожности воли» предлагал перейти к «воле к ничто» как главному и последнему аккорду западной философии[16]. Делез все понял правильно, нам остается только понять (для начала корректно перевести и осмыслить по-русски). Его ничто принципиально. Ничто появляется по мере того, как индивидуум освобождается от всего.

С точки зрения логоса, который был осью истории Запада, если человек освобождается от всего koinon, от всеобщего, от всего того, что ограничивает его индивидуальную свободу, то когда это начнет сбываться, в хрупкой перспективе рациональности, история действительно должна закончиться. Потому что, освободившись от всего (и вот тут начинается тематика постмодерна), человек, индивидуум должен что-то делать. Но что должен делать человек, когда он освободился от всего? Понятны затруднения с ответом. Это и впрямь нелегко. Это звучит приблизительно так, как если бы вам предлагалось расчленять трупы. Особенно это неприятно для русского человека, потому что русский до сих пор по инерции живет в koinon, во всеобщности, и никогда не переставал жить, несмотря ни на что. Но мы говорим все-таки о культуре и цивилизации в их строгих рациональных, западных формах.

Отступление от русской неясности

Русские постоянно на протяжении всей своей истории своим нежеланием понимать западный дискурс, как его понимал сам Запад, подтачивали комплекс рациональной модели, расплавляли модерн, наделяя его конструкции чем-то другим — своим, привычным, добрым, хорошим, всеобщим, где и Бог есть. Не задумывались, откуда сейчас столько православных? Все это бывшие преподаватели кафедры атеизма, гонители религии, сотрудники спецслужб, которые репрессировали тех, кто молился. Почему они все вдруг внезапно появились в храмах со свечами? И они не лгут. Они абсолютно не лгут. Просто мы, русские, никогда не становились по-настоящему модернистическими. Мы

[16] См.: *Делез Ж.* Ницше и философия. М., 2003.

никогда до конца не входили в модерн, в атеизм, в «прогресс». Мы не понимаем, что происходит сегодня, потому что в модерн мы не вовлеклись душой. Русский народ вел колоссальную внутреннюю субверсивную подрывную деятельность против модерна. Он категорически не хотел ничего в нем понимать.

Когда Петр завозил в Петербургскую академию наук преподавателей, которые читали на немецком и на латыни, он завозил с Запада и студентов, потому что русские ничего не понимали и знать ничего не хотели. Лишь когда Петр издал указ, что жениться боярским сынам запрещено без окончания института, тогда они нехотя туда пошли. И что они там стали делать? Они начали саботировать западноевропейскую науку. Первым главным саботажником западноевропейской науки был Михаил Васильевич Ломоносов, который выдвинул собственную, русскую версию полуиррациональной, полумистической науки, лишь внешне напоминающей западноевропейскую.

Русское, конечно, находится в оппозиции модерну и либерализму как его чистейшему выражению. Мы не приемлем его вообще, не понимаем. Поэтому русским нужно сделать усилие, чтобы понять, что же происходит на самом деле. Нужно разобраться с потоками, глобальными интеллектуальными, философскими, политическими, государственными тенденциями, которые вели через модерн к постмодерну. Мы их со своим русским предположением, со своим эвфемизмом, со своей уклончивостью и неопределенностью просто так одними заклинаниями и псевдопониманиями не остановим. Движение западноевропейской истории как каток. Это нечто, что можно назвать судьбой, роком. Это логос западноевропейского человечества. И мы под ним, а не против него. И если и есть что-то в нас самобытное, так это сбой навязанных нам извне парадигм, нежелание с этим смиряться и свыкаться. Мы постоянно превращаем западноевропейский логос в карикатуру. Мы его не понимаем, и рады, и довольны, и нас это не тревожит.

Если у европейца концы с концами не сходятся, что с ним происходит? Он начинает нервничать. У русского человека вообще никогда концы с концами не сходятся — и

он спокоен. Это совершенно разные режимы существования. Но сейчас речь идет о науке, о западноевропейском логосе, мы говорим о западноевропейской культуре, потому что находимся в зоне активного воздействия именно этих парадигм. Мы, может быть, хотели бы жить по-другому, но в рамках академии или университета, в рамках рациональной культуры, в рамках политической системы, экономических закономерностей и просто той массмедийной информационной среды, от которой мы неотделимы, мы, конечно, живем в либерализме. В какой-то момент это необходимо признать.

Возвращение к вопросу о последнем освобождении индивидуума

Продолжаем так, как если бы смогли превозмочь (на короткое время) в себе русское. Человек дойдет до полной свободы и скажет: я устал от себя. Я освободился от всего. Не начать ли мне следующую серию жестов свободы? И вот здесь мы подходим к очень важному философскому рубежу. Вначале было освобождение от всего остального, кроме индивидуума, была страшная борьба XX века с теми, кто по-другому толковал свободу — через класс или расу. Остались Джордж Сорос, Джордж Буш, Барак Обама. Все политкорректно выбрали правильного человека, потому что «белая» программа уже исчерпана, теперь начинается «черная» программа. Это очень тревожная программа, программа постмодерна. Она приходит тогда, когда нигилистический пафос модерна достигает полной победы, когда он торжествует. Давайте посмотрим, что извел модерн в своем становлении на пути к торжеству либерализма? Он извел архаическое общество. Но, изведя это общество, он опустошил свой «белый» логос и обнаружил под его распавшимися скорлупами «черное» зияющее ничто. Модерн и либерализм хотел изжить все (понятое как архаическое, как koinon) и добился этого. Тем самым индивидуум освободился от всего того, что составляло ранее его содержание. Он освободился от человека. Он освободился от самого себя. Проект успешно осуществленного модерна открылся как удачно осуществленный суицид.

Концлагерь в себе

От этого «белого» логоса мы, со своей стороны, всячески увертывались. Мы не хотели его признать, но не в открытую (это не получалось), а косвенно. Из западных версий модерна мы выбрали одну — марксистскую — и под ней скрыли в XX веке свою русскую инаковость. Оппозиция Западу развертывалась под западными же знаменами. Но смысл был иной — под всеми основными пунктами модернизации мы понимали что-то свое, но не то чтобы ясное «свое», рационально спрятанное под внешне «чужое», а такое «свое», которое перестало быть «своим», но не стало и «чужим».

Мы с этой уклончивой тактикой — тактикой стратегического недопонимания — проиграли в 1991 году. Либерализм выиграл. Он избавился от своих исторических корней, которые тянули его назад, от своего груза истории, он избавился от своего западного же премодерна. И когда либерализм победил, он остался один на один с ничто.

И вот тут как раз и возникает самое интересное: однополярный мир, глобальность американской доминации может длиться очень короткий момент. Более того, он вообще не может длиться, потому что весь смысл становления модерна заключался в том, чтобы побороть внутренние примеси, преодолеть исторические пережитки своей собственной истории и бороться с альтернативными изданиями — с фашизмом и коммунизмом. Как только либерализм в 1991 году одержал свою полную победу, настал триумф индивидуума — индивидуума в чистом виде.

Теперь индивидуум, освобожденный от иных забот, занялся самим собой. Начало этой озабоченности приходится на пару десятилетий раньше, когда общий исход противостояния Запад–Восток для европейских интеллектуалов был очевиден в философском смысле. На этот период приходится расцвет постструктуралистской философии, которая выросла из новых левых (в частности, это Бернар Анри Леви, Анри Глюксман, которые являются сегодня советниками президента Франции Н. Саркози). Они вместе с Р. Бартом заявили о «конце автора» и даже о «конце человека». Если Ницше в конце XIX века говорил, что «умер Бог», то в 80-е годы XX века «умер человек». Почему? По-

тому что постмодернистская критика обнаружила, что под «человеком» в Новое время скрывается метафора Бога. Человек — это репрессивный аппарат, который собирает органы, чувства, желания, либидо, содержание бессознательного, складки и другие проявления телесного характера в репрессивную фашистскую мини-империю, где правит рассудок, подавляющий всякие импульсы, признанные им нежелательными, создающий ГУЛАГ и Освенцим в миниатюре, где бесконечные атомы желаний постоянно отправляются в «газовые камеры». Захотел человек сделать что-то неприличное — разум ему не дает. Постоянно только и делает, что не дает. Это «святая инквизиция» действующая имманентно. Телесные импульсы постоянно лишаются свободы и права на существование. Разум и культура суть абсолютно нетолерантные вещи, из них вытекает мораль, необходимость соблюдения правил, определенных социальных, профессиональных, научных, гендерных стратегий.

Избавившись от концлагеря вовне (победив тоталитарные режимы), индивидуум обнаружил этот концлагерь в самом себе. В либерализме человеческое эго боролось за свободу от суперэго. А когда оно победило суперэго во всех своих формах, оно сказало: а само-то я разве не суперэго? Посмотрите, как я веду себя по отношению к своим помыслам! Постмодернисты решили, что самым безобразным образом, самым «фашистским», «коммунистическим». Что мы делаем с какими-то темными желаниями, которые появляются в нас? Во-первых, их называем «темными», считаем «неприличными», потом почему-то запрещаем им реализовываться. Значит, мы сами являемся «фашистами» для самих себя. Ролан Барт сказал, что язык — это фашизм[17]. Когда постструктуралисты начали его внимательно исследовать с этой точки зрения, оказалось, что язык содержит все формы репрессий, подавлений, иерархий. Вместо жестко структурированного языка Барт предлагает бессмысленно бубнить, пускать пузыри. Нужно сесть где-нибудь в кафе, и пусть дальше само все происходит, без языка, а совокупность клаксонов, выкриков, шумов, звук капели

---

[17] См.: *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.

образует новый постъязык — на сей раз по-настоящему плюральный, либерально-демократический и свободный, в отличие от «тоталитарной», репрессивной речи, на которой изъясняются обычные люди. Об этом много написано у Юлии Кристевой, жены Ролана Барта[18].

Мы можем подумать, что речь идет о каких-то экстравагантных изысках. На самом деле речь идет о неумолимой поступи человеческой истории, которая движется по жестко определенному, ясному, продуманному и стройному в самом себе плану. Как только человек вступил на путь свободы, он рано или поздно, если он до этого дойдет правильно и не собьется на коммунистический, фашистский или какой-нибудь другой окольный путь, дойдет до самоликвидации. И впереди у него только ничто.

Ризома

А пока ничто не реализовано, выковывая волю к нему, философ Жиль Делез предлагает нам промежуточную конструкцию — ризому[19]. Ризома — это то, что приходит на смену субъекта или индивидуума в постмодерне. Ризома, по-гречески клубень, грибница, растение, которое отличается от остальных тем, что растет не вертикально, а горизонтально. Оно растет под землей, создавая систему грибниц или разветвленных корневищ. Ростки и корни эта сеть может пустить в любом месте. Поэтому ризома может появиться там, где ее не ждут. В какой-то момент в ризоме образуется луковица, которая дает вверх стебель, а вниз корни. И, казалось бы, мы можем вырвать стебель с корнями. Но ризоме ничего от этого не будет, потому что это была только бесконечно малая часть сети подземных, невидимых корней, которые продолжаются во всех направлениях и могут появиться внезапно в другом месте. Ризома дает новые всходы.

С понятием ризомы Делез связывает нового субъекта постмодерна, постсубъекта, или постчеловеческую реальность. Человек воспринимается как сетевая множествен-

---

[18] См.: *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.

[19] См.: *Делез Ж., Гваттари Ф.* Ризома // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. Минск, 1996.

ность эго, которая проявляется в одном месте как «Ваня», в другом месте как «Маша», в третьем месте как сотрудник органов госбезопасности, в четвертом как компьютерный ник, в пятом как алкоголик, и в разных местах сетевая постличность дает разные всходы.

Кроны и корни обычных растений подобны образованию личной истории. Поэтому, когда ризома в конкретный момент дает всходы и корни, она уподобляется обычному существу с его прошлым (корнями) и его будущим (стеблем), с его идентичностью. Идентичность всегда вертикальна, ризоматическая идентичность, напротив, принципиально горизонтальна, а вертикальна лишь спорадически, игровым образом. Ризома не просто против эго. Ризома — это некий компромисс между наличием эго и его отсутствием.

Ризома в политике

Ризома сейчас является главным содержанием мировой политики. Наша политика, наше общество, наши регионы, наша власть — не исключение, они тоже достаточно ризоматичны. Давайте послушаем, что говорит, например, Путин. Как правило, все время прямо противоположные вещи. В Давосе он утверждает: «Мы хотим разоблачить либерально-буржуазную цивилизацию с ее экономическими провальными примерами и методологиями, которые довели страну и весь мир до кризиса» — и плавно переходит к тому, что «мы сохраняем верность законам свободы, порядка, чести и полностью готовы участвовать в глобальном мировом капиталистическом производстве», и снова соскальзывает — «доведшим страну до кризиса», и т. д. Это ряды ризоматического толка, ясность дистанции, существующая у дерева между кроной и корнями, являющаяся конститутивной для эго, снята, замутнена. Что позволяет думать, что эго либо перешло в горизонтальное положение, либо свернулось под землей бубликом. Вместо эго действует ризома. В принципе, если что-то вырвать из этой путинской речи, она нисколько не потеряет. Ее можно интерпретировать как угодно. И это не будет влиять ни на какие процессы ни в стране, ни во внешней политике, потому что в другом, совершенно неизвестном месте возникнет что-то другое.

Постчеловек уже здесь

Мы не знаем, где вылезет следующий росток ризомы, потому что она скрыта, она движется под землей и под землей распространяется в неопределенном направлении. Мы не можем ее просчитать. В этом смысл метафоры Жиля Делеза и Феликса Гваттари о шизофрении в книге «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения», где они разработали концепцию шизомасс и ризоматического бытия[20].

По инерции, либеральной инерции или, скажем, по инерции классического модерна рассматриваем перспективу перехода от эго к ризоме как нечто жуткое. Но если мы внимательно посмотрим на произведения искусств, на фильмы Линча, Тарантино (например, на фильм «Убить Билла»), мы увидим, что постчеловек уже здесь. По сути дела, там нет субъекта. Там есть череда затянутых, сложных и подчас очень красивых, ярких событий, которые не несут в себе никакого смысла. И не понятно, кто их совершает и для чего. Постепенно это ризоматическое бытие наступает — в рекламе, в клипах, в обрывочных сообщениях молодежи (SMS, чатах, форумах, ICQ и т. д.).

Принцип ризомы — это отказ от накопительности. Это касается и накопления знаний. Накопительными знания были в модерне. И смысл этой накопительности состоял в освобождении от предрассудков, мифов, пережитков и т. д. Но в какой-то момент этот процесс исчерпался, поскольку дальше освобождаться просто было не от чего. И тогда начинают вступать в действие законы ризоматического бытия. Само знание становится ризоматическим, игровым, разрозненным, причудливо сходящимся и расходящимся. Так от режима однополярного мира, где свобода стоит в центре, мы постепенно смещаемся к глобальному сетевому сообществу, о котором говорили Кастельс, Луман и другие социологи, где в принципе в системе нет центра[21]. И этим псевдоцентром является толь-

[20] См.: *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.

[21] См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

ко постмодернистический импульс перехода от субъекта к ризоме.

Кризис и новый порядок деривативов

Таким образом, ризома из философского образа Делеза становится актором нашей социально-политической жизни, а не только культуры. И то, что сейчас происходит в мире, кризис глобальный экономики, — это как раз следствие такого сложного перехода от экономики, где была минимальная регуляция, к новой форме — к постэкономике. Регуляция — это диктат суперэго, пусть даже в либерализме, но он слегка остался, ведь торговать надо было по правилам. Этот диктат попытались некоторым образом смягчить.

Из-за чего начался кризис? В Америке рухнула ипотека. Почему она рухнула? Потому что в Америке в шесть раз был завышен потребительский кредит. Людям давали денег гораздо больше, чем они могли принципиально отдать, ожидая, что если выпустить заведомо провальные деривативы, то все будет хорошо. Экономисты Роберт Мертон и Майрон Шоулз в 1997 году получили Нобелевскую премию за то, что они доказали, что так можно действовать бесконечно, и финансовый кризис никогда не произойдет. То есть они стали подстраивать научные гипотезы под логические системы игрового капитализма, встраивать ризоматические модели в ткань глобальной экономики. Построить такую систему, где можно выпустить ничем не обеспеченные векселя, а люди на них приобретут квартиры, но не смогут отдать деньги и их при этом нельзя будет оттуда выселить, а на сумму заведомо невозвратной задолженности всех всем выпустить новую серию ничем не обеспеченных ценных бумаг, вбросить их на биржу и устроить вокруг них истерическую спекулятивную активность — это была первая попытка мягко соскользнуть к ризоматическому укладу новой экономики. Именно с этим связано падение «Lehman Brothers», «Фредди Мак» и «Фанни Мэй». Это была ризоматическая идея, но в рамках еще более или менее либерального экономического логоса. Сейчас она провалилась. И теперь многие думают: чем обернется эта

история с крахом первой попытки построить глобальную либеральную экономику на ризоматической основе.

Сейчас можно услышать: давайте вернемся к регуляционизму, дирижизму, протекционизму, кейнсианской модели — давайте вернемся к «суперэго» в экономике, начнем со стороны государства следить за этими процессами. Многие идеологические противники либерализма уже стали говорить: значит, когда стало плохо, вы пошли за кредитами к государству, а до этого просили не вмешиваться в экономическую политику фирм. Но те люди, в том числе экономисты, которые считают, что нынешний глобальный кризис закончится шагом назад или что мы просто определенным образом вернемся к какому-то другому, нелиберальному устройству, глубоко ошибаются. Мы не можем к нему вернуться. Есть путь в ризому, путь в создание все большей и большей системы порядка деривативов, но нет пути из ризомы. И самым главным деривативом этой новой экономической системы, которая сложится после кризиса, будет дериватив эго, дериватив человека, причем дериватив в самом тотальном смысле. Для полноценного и адекватного пребывания в виртуальной среде, в «новой экономике» и «глобальном сообществе» необходимы люди иного типа — не реальные, но виртуальные, постлюди. Только они могут развиваться в такт с «бесконечным ростом», не замечая сбоев и полностью подчиняясь системам глобального кодирования со стороны «матрицы». Это будет штрихкод, заменяющий собой человека во всех отношениях. Без этого штрихкода человек вообще ничего не сможет. Он даже просто «а» не сможет сказать. Это станет, безусловно, новым витком в экспериментах клонирования, потому что в ходе этого кризиса должны будут окончательно девальвироваться все сдерживающие моральные модели. Это будет создание постчеловеческих существ в виде киборгов и клонов, и к этому все технологически готово[22].

У нынешнего патриарха Кирилла, когда он еще был митрополитом, в комиссиях по подготовке Всемирного русского народного собора анализировали ряд постанов-

---

[22] См.: *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. М., 2007.

лений Еврокомиссии и Евросоюза о моральном запрете на некоторые виды генетических исследований, которые приводят к альтернативным человеческим изменениям. Выяснилось, что есть постановления Евросоюза о том, что на основании неприкосновенности эго таких экспериментов проводить нельзя. Это в модерне нельзя, а в постмодерне не просто можно, но и нужно. Постепенно идея о том, что «это трогать нельзя» и что это есть высшая ценность, при отсутствии внешних идеологических противников и интенсификации внутренних процессов самоосвобождения потеряет свой смысл и силу. Но все уже запущено. Раз есть ограничение на выведение постчеловеческих видов, раз они технологически возможны и раз существует формальный юридический запрет на развитие таких технологий, значит, эти технологии находятся в последней стадии подготовки. И постчеловек стоит наготове. Технологически это уже почти возможно, но морально пока еще нет.

«Монстр спасает негритят»

Представим себе, по какой логике будут сниматься запреты на выведение постчеловека. Для спасения, скажем, африканских детей, попавших в беду, кто-то предложит послать на помощь постчеловека (киборга или клона). Запрет попросят снять всего один раз — из-за душераздирающего размаха гуманитарной катастрофы. Мутант успешно справится с миссией и улетит на реактивном двигателе с горсткой спасенных малышей из жерла вулкана. Это продемонстрируют по CNN, потом покажут, как Обама пожимает ему руку, а рядом стоят спасенные негритята и плачут. В награду от благодарного человечества киборга сохранят и дадут ему пост в МЧС. И запрет станет относительным: да, просто так нельзя создавать мутантов, но иногда для каких-то целей, для гражданского общества, для неправительственных организаций, для гуманитарных акций, для получения грантов можно. И соответственно, будет найдено убедительное моральное объяснение, тем более что мораль эволюционирует.

Мы видим, как изменилась мораль западноевропейского общества с 1940-х или 1950-х годов до сегодняш-

него дня. В 1930-е годы публичное высказывание о своей нетрадиционной половой ориентации грозило юридической статьей. То есть если мужчина оделся как женщина и ведет себя соответствующим образом, его могут арестовать и осудить за оскорбление общественной морали. Сегодня же, если кто-то негативно выскажется о таких «переодетых», которые тысячами бродят по улицам европейских и азиатских столиц, если человек публично выразит несогласие с гей-парадом, он будет в западных странах подвергнут наказанию разной степени — от штрафа до тюремного заключения. Значит, в 1940-е годы сажали одних, в 2000-е годы сажают прямо противоположных. Точно так же сегодня существует запрет на клонирование и создание постчеловеческих видов, а завтра он будет пересмотрен исходя из гуманитарных соображений. Нужно обратить внимание не на то, как осциллируют аргументы в отношении подобного рода проектов, а как развертывается большая логика, двигающаяся только в одном направлении.

Освобожденное ничто

Подведем итог теме постмодерна. Тезис Запада — это тезис либерализма. Однополярный мир — это мир, в котором полюсом является свобода. А постмодерн является уникальным состоянием, когда этот однополярный мир полностью сбывается, реализуется, осуществляется и тут же превращается в нечто иное. Здесь нет возможности оттянуть момент: мол, вначале мы еще поживем в затянувшемся эоне победившего модерна, а только потом пусть к нам придут эти постчеловеческие фигуры из ризоматических грез (а может, они еще и окажутся «добрыми»!). Нет, эти фигуры, то есть ризома — постсубъект, постчеловек, — придут ровно в тот момент, когда модерн победит. Не против него. Он просто выйдет из него, как из яйца вылупливается цыпленок. На самом деле, постмодерн — это цыпленок внутри яйца модерна. Потому что, освободившись от всего, чего можно, от всяких всеобщностей (koinon), начиная с Бога и кончая историей, нельзя на этом остановиться, невозможно — слишком большая

инерция. И сказав, как Ницше, что «Бог умер», это стало не просто высказыванием, в этом выразился девятый вал бури европейской истории. Это гигантский факт. Наивно думать, что после этого можно скромно попросить надвигающуюся безжалостную тьму освобожденного ничто — «оставьте нам, пожалуйста, возможность хотя бы немного еще побыть просто людьми!». «На каком основании?» — спросят самые последовательные творцы мировой истории, архитекторы свободы... И даже не самые последовательные, а просто сама мировая тенденция к свободе, которая все это двигала, была основным вектором европейской истории в последние тысячелетия и которая уже не раз стирала в порошок всех тех, кто пытался ей сопротивляться, вставал у нее на пути или просто просил замедлиться.

Главный вывод из нашего изложения заключается в том, что отменить приход постмодерна декретом нельзя. Это слишком серьезная реальность. Об этом в свое время много писал Мартин Хайдеггер[23].

Метафизическая революция, которая, скорее всего, не состоится (М. Хайдеггер)

Хайдеггеровская философия блестяще иллюстрирует то, что человечество вначале из мифа порождает логос, то есть то, что Хайдеггер называет «большое начало», «великое начало». У Хайдеггера это досократическая философия. Потом этот логос начинает отчуждаться и переходит в учение Платона об идеях. На основании противопоставленности предсубъекта (разума) предобъекту (миру вещей), из референциальной теории истины еще платоновского толка порождается все дальнейшее развитие западноевропейской цивилизации. Эта цивилизация является развертыванием «технического» (Das Technische). По Хайдеггеру, это приходит к определенной точке, когда логос, изначально противопоставивший себе ничто, оказывается полностью контаминирован-

---

[23] См.: *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997; *Он же.* Время и бытие. М., 1993.

ным (пропитанным, зараженным, насыщенным) ничто изнутри и извне. Тут происходит взрыв, коллапс, переворот. Хайдеггер называл его «событие» (Ereignis). В 1930-е и 1940-е годы Хайдеггер, испытывавший определенные надежды на эволюцию национал-социализма, верил в связь «события» с идеологией «третьего пути» и с переворотом всего хода мировой истории. Но когда этого не произошло и национал-социализм оказался не тем, чем считал Хайдеггер, он пережил серьезный кризис и тема Ereignis повисла в воздухе. Последние хайдеггеровские предсказания были связаны с тем, что, видимо, человечество не сможет собраться в критический момент: когда логос будет падать и изнутри и извне будет подниматься ничто, человечество не сможет осуществить совершенно ключевое метафизическое действие, «вывернуть ночь наизнанку».

Контрольные вопросы

1. Каковы три парадигмы, которые полнее всего описывают логику социально-политической и социокультурной истории человечества?
2. В чем социально-философский смысл однополярности? Какой принцип глобализм кладет в свою основу?
3. Что такое ризома?

Литература

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2004.
Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1.
Дугин А.Г. Постфилософия. М., 2009.
Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004.
Дугин А.Г. Философия традиционализма. М., 2002.
Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2002.
Луман Н. Общество общества. М., 2005.

Панарин А.С. Философия политики. М., 1996.
Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.
Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.

РАЗДЕЛ 2

ДЕФИНИЦИИ КОНСЕРВАТИЗМА. АКТУАЛЬНОСТЬ КОНСЕРВАТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мы в постмодерне

Мы продолжаем выяснять метрику и топику нашего положения в мире. Уже стало понятно, что процесс, который имеет действительно глобальный характер, — это процесс победившего модерна, переходящего в постмодерн. Есть центры, очаги, локусы, регионы, где этот процесс идет логично и последовательно. Это Запад, Западная Европа и особенно Соединенные Штаты Америки, где была историческая возможность создать в лабораторных условиях оптимальное общество модерна на основании тех принципов, которые разработала западноевропейская мысль. Создать с чистого листа, без отягощающих европейских традиций, на «пустом» месте — индейцев к людям, как известно, не относили. У Майкла Хардта и Антонио Негри в их книге «Империя» показано, что американская Конституция изначально рассматривала негров как второсортных людей, а индейцев как людей вообще не рассматривала[1]. Таким образом, специфическая американская система была идеальным местом для реализации максимальной свободы, но только для белых и за счет определенной эксклюзии всех остальных. В любом случае Соединенные Штаты Америки

---

[1] См.: *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004.

являются авангардом свободы и локомотивом перехода к постмодерну.

Полюс свободы и свобода выбора телеканалов

Мы говорили о полюсе, которым является западноевропейская цивилизация, но внутри пространства мысли, в философии, в географии человеческого духа полюсом однополярного мира является нечто другое, нежели США и Европа как чисто геополитические образования, а именно идея максимальной свободы. И движение к достижению этой свободы является смыслом человеческой истории, как ее понимает западноевропейское человечество. Это понимание смысла истории западноевропейское общество сумело навязать всему остальному человечеству.

Итак, существует полюс однополярного мира — это полюс свободы, который дошел от модерна и сейчас переходит к новой стадии, к постмодерну, где человек начинает освобождаться от самого себя, поскольку он сам себе препятствует, мешает и надоел. Он рассыпается на индивидуальные шизомассы, как описано в «Анти-Эдипе» Делеза.

Люди стали созерцателями телевизора, научились лучше и быстрее переключать каналы. Многие вообще не останавливаются, щелкают пультом, и уже не важно, что показывают — артистов или новости. Зритель постмодерна в принципе ничего не понимает из того, что происходит, просто идет поток картинок, которые впечатляют. Телезритель втягивается в микропроцессы, становится недозрителем, «субспектатором», который смотрит не программы или каналы, а отдельные сегменты, секвенции программ[2]. В этом отношении идеальным является фильм «Дети шпионов-2» Родригеса. Он построен так, что в нем нет никакого смысла. Но отвлечься от него невозможно, потому что как только нашему сознанию надоедает его смотреть, мгновенно появляется летающая свинья, и мы должны посмотреть, куда она летит. Когда же и летающая свинья нам надоедает, из кармана у главного героя вылезает маленький дракончик. Это произведение Родригеса

---

[2] См.: *Дебор Ги.* Общество Спектакля. М., 2000.

безупречно. В принципе приблизительно такого же эффекта достигает человек, который все время неутомимо щелкает пультом. Единственный канал, который работает в другом ритме, — это «Культура», потому что там есть еще неспешные истории про композиторов, деятелей искусства, учащихся, театры — то есть остатки модерна. И если его убрать из списка, то дальше можно спокойно щелкать каналами, не ожидая встретить что-то такое, что идет не в том ритме, в котором нужно жить.

Парадоксы свободы

Итак, приходит постмодерн. Что ему может противостоять? И можно ли сказать ему «нет»? Это принципиальный вопрос.

Кстати, исходя из того же либерального тезиса о том, что человек свободен, подразумевается, что он всегда способен сказать «нет», сказать всему, чему угодно. Вот в этом-то и заключается опасный момент философии свободы, которая под эгидой абсолютизации свободы начинает изымать свободу сказать «нет» самой свободе. Западнолиберальная модель говорит: вы хотите противостоять нам? Пожалуйста, вы имеете право, но вы же стиральную машину назад не «распридумаете»? Стиральная машина является абсолютным аргументом сторонников прогресса. Ведь все хотят иметь — и негры, индейцы, и консерваторы, и православные — стиральную машину. И коммунисты тоже, по другой логике, говорили о необходимости и необратимости смены формации. Они утверждали, что социализм придет после капитализма. Социализм пришел, хотя у нас капитализма толком и не было, побыл какое-то время, уничтожил довольно много людей и исчез. Точно так же и со стиральной машиной. Если задуматься о метафизике стиральной машины, насколько она сопряжена с реальными ценностями философской системы, то можно будет прийти к выводу, что, в общем, человеческая жизнь возможна без стиральной машины и может быть вполне счастливой. Но для либерального общества это страшная вещь, почти святотатство. Все можно понять, но жизнь без стиральной машины? Это уже настоящее ненаучное высказывание: жизнь без стиральной машины невозможна. Ее

нет. Жизнь и есть стиральная машина. В этом заключается действие силы либерального аргумента, который поворачивается тоталитарной стороной. В освобождении всегда есть элемент какого-то принуждения — это парадокс свободы. Хотя бы принуждения к тому, чтобы думать, что свобода — это высшая ценность. Представьте себе, один человек говорит: «Свобода — высшая ценность». Другой возражает: «Ничего подобного». Тогда первый отвечает: «Ты против свободы? За свободу убью».

В либерализме заложена идея, что альтернативы ему быть не может. И в этом есть какая-то правда. Если логос встал на пути свободы, если социальный логос втянулся в авантюру тотального освобождения, где же произошел первый толчок в этом направлении? Его нужно искать не тогда, когда пришел Декарт, Ницше или XX век, а где-то у досократиков. Хайдеггер видел этот момент в концепции «фюзис» и в полном раскрытии в учении Платона об идеях[3]. Но важно другое — движение логоса к свободе не случайно и тем не менее ему можно сказать «нет».

Консерватизм как отвержение логики истории

Есть тем не менее онтологическая возможность сказать «нет». И с этого начинается консерватизм. Первое, что такое консерватизм? Это «нет», сказанное тому, что есть вокруг. Во имя чего? Во имя чего-то, что было раньше. Во имя того, что, собственно говоря, и преодолевалось в ходе социально-политической истории. То есть консерватизм есть занятие онтологической, философской, социально-политической, индивидуальной, нравственной, религиозной, культурной, научной позиции, которая отрицает тот ход вещей, с которым мы сейчас сталкиваемся, который мы идентифицировали и описали ранее.

Мы поговорим сейчас о консерватизме и том, отталкиваясь от какой социально-философской топики, можно отрицать саму логику истории, приводящую к модерну и постмодерну. Мы берем Новое время с его линейным

---

[3] См.: *Хайдеггер М.* О существе понятия fusiz в «Физике» Аристотеля. М., 1995.

вектором прогресса и с его постмодернистическим искривлением, уводящим нас в лабиринты рассеяния индивидуальной реальности в ризоматическом субъекте или постсубъекте. Но можно включить сюда и ранние стадии, которые сделали эту тенденцию возможной и главенствующей. Консерватизм строит свою позицию на противопоставлении логике развертывания исторического процесса. А аргументом в этом противопоставлении служит феноменология модерна и — в наше время — постмодерна, от неприятия которой консерватизм отталкивается. Но консерватизм как структура не сводится к оспариванию феноменов. Отрицательно оцененная феноменология здесь не более чем предлог. Консерватизм строит топику, отрицающую логику, работу и направленность исторического времени. Консерватизм может выстраивать свою оппозицию историческому времени по-разному. У него есть три фундаментальные возможности обращения с концептуальным трендом модерн–постмодерн. И с этого начинается систематизация, или структуризация, консерватизма. Это систематизация без каких-либо предпочтений, потому что речь идет о научном, а не об оценочном суждении.

Фундаментальный консерватизм: традиционализм

Первый подход — это так называемый традиционализм. Консерватизм вполне может быть традиционализмом. В некоторых политологических моделях традиционализм и консерватизм различают, как, например, у Мангейма. Но тем не менее стремление оставить все, как было в традиционном обществе, сохранить этот уклад, является, безусловно, консерватизмом.

Наиболее логичный традиционализм — содержательный, философский, онтологический и концептуальный — тот, который критикует не различные стороны модерна и постмодерна, а отвергает фундаментальный вектор исторического развития, то есть, по сути, оппонирует времени. Традиционализм — это та форма консерватизма, которая утверждает: плохи не те отдельные фрагменты, которые вызывают наше отвержение, — в современном мире, в современности плохо все. «Плоха идея прогресса, плоха

идея технического развития, плоха философия субъекта и объекта Декарта, плоха ньютоновская метафора часовщика, плоха современная позитивная наука и построенное на ней образование, педагогика». «Эта эпистема, — рассуждает консерватор-традиционалист далее, — никуда не годится. Это тоталитарная, ложная, негативная эпистема, с которой нужно бороться». И дальше, если продолжать его мысль: «Мне нравится только то, что было до начала модерна». Можно идти еще дальше и подвергнуть критике те тенденции, которые в самом традиционном обществе сделали возможным появление модерна. Вплоть до появления идеи линейного времени.

Такой традиционалистский консерватизм, после того как пали монархии, церковь была отделена от государства, когда все социально-политические, культурные, исторические народы приняли эстафету модерна, посчитали несуществующим. В России он был изведен воинствующими безбожниками. С какой-то точки зрения это действительно так. Так как он считался полностью изжитым, о нем почти перестали говорить, стоящих на этой позиции социальных групп практически не осталось, и вскоре он исчез даже из некоторых политологических реконструкций (у Мангейма). Поэтому мы его не видим, начинаем не с него. И напрасно. Если мы хотим проследить генеалогию консерватизма и выстроить законченную топику консервативных позиций, то должны приоритетно изучить именно такой подход. В традиционализме мы имеем полноценный и наиболее законченный комплекс консервативного отношения к истории, обществу, миру.

В XX веке, когда, казалось бы, уже для такого консерватизма вообще не осталось никакой социальной платформы, внезапно появляется целая плеяда мыслителей, философов, которые, как ни в чем не бывало, начинают отстаивать эту традиционалистскую позицию, причем с радикальностью, последовательностью и упорством, не мыслимыми в XIX или XVIII веках. Это Рене Генон, Юлиус Эвола, Титус Бурхардт, Леопольд Циглер и все те, кого называют «традиционалистами» в узком смысле этого слова. Показательно, что в XIX веке, когда еще существо-

вали монархии и церкви, когда еще папа римский что-то решал, людей со столь радикальными взглядами не было. Традиционалисты выдвинули программу фундаментального консерватизма, когда с Традицией дело обстояло совсем плохо. Таким образом, фундаментальный консерватизм смог сформироваться в философскую, политическую и идеологическую модель, когда модерн уже практически завоевал все позиции, а не тогда, когда он только еще завоевывал и с ним активно боролись определенные политические и социальные силы.

У ряда политологов была попытка отождествить или связать в XX веке явление фундаментального консерватизма с фашизмом. Некто Луи Повель и Жак Бержье, авторы книги «Утро магов», написали: «Фашизм есть генонизм плюс танковые дивизии»[4]. Это, конечно, совершенно не так. Мы говорили о том, что фашизм — это скорее философия модерна, которая в значительной степени контаминирована элементами традиционного общества, но она не выступает ни против модерна, ни против времени. Более того, и Генон, и Эвола жестко критиковали фашизм. Они дали в своих работах исчерпывающее описание фундаментал-консервативной позиции[5]. Они описали традиционное общество как вневременной идеал, а современный мир (модерн) и его основные принципы — как продукт упадка, деградации, вырождения, смешения каст, разложения иерархии, переноса внимания с духовного на материальное, с небесного на земное, с вечного на преходящее и т. д.[6] Позиции традиционалистов отлича-

---

[4] *Повель Л., Бержье Ж.* Утро магов. М., 2008.

[5] См.: *Генон Р.* Восток и Запад. М., 2005; *Он же.* Духовное владычество и мирская власть // Волшебная гора. 1997–1998. № 6–7; *Он же.* Кризис современного мира. М., 1991; *Он же.* Символы священной науки. М., 1997; *Он же.* Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М., 2003; *Он же.* Человек и его осуществление согласно Веданте. Восточная метафизика. М., 2004; *Эвола Ю.* Люди и руины. М., 2007; *Он же.* Метафизика пола. М., 1996.

[6] См.: *Эвола Ю.* Оседлать тигра. СПб., 2005; *Он же.* Пришествие «пятого сословия» // Элементы. 1994. № 5; *Он же.* Языческий империализм. М., 1994.

ются безупречной стройностью и масштабностью. Их теории могут служить образцом консервативной парадигмы в ее чистом виде.

Конечно, некоторые их оценки и прогнозы оказались неверными. В частности, оба предвосхищали победу «четвертой касты», то есть пролетариата (СССР) над «третьей кастой» (капиталистический лагерь), что оказалось неверно. Выступали против коммунизма, не совсем понимая, насколько много в нем было традиционных элементов. Некоторые их оценки нуждаются в коррекции. На одном конгрессе в Риме, посвященном 20-летию со дня смерти Эволы, мною была прочитана лекция «Evola — visto da sinistra» («Эвола — взгляд слева»), где предлагалось рассматривать Эволу — а он себя считал правым, даже крайне правым — с левых позиций.

Фундаментал-консерваторы в наше время

В нашем обществе тоже есть фундаментал-консерватизм. Во-первых, тот же исламский проект — это фундаментал-консерватизм. Если его отслоить от негативной рекламы и посмотреть, как теоретически должны были бы чувствовать и мыслить мусульмане, которые ведут борьбу против современного мира, мы увидим, что они стоят на типичных позициях фундаментал-консерваторов. Они должны верить в букву каждого слова Корана, игнорируя любые комментарии со стороны проповедников толерантности, порицающие их взгляды, находящие их жестокими и устаревшими. Если по телевизору фундаменталист сталкивается с таким комментатором, то приходит к простому умозаключению: телевизор вместе с этим комментатором нужно выбросить.

Есть такого же рода направления и в Америке — среди фундаменталистских протестантских групп. И как ни странно, приблизительно таких взглядов придерживается значительный процент электората Республиканской партии США. А телепрограммы с этими протестантскими фундаменталистами, которые с протестантской точки зрения критикуют в модерне и постмодерне все, что можно, не оставляя от него камня на камне, в США смотрят миллионы теле-

зрителей. Существует огромное количество телепроповедников, таких как Джерри Фалвелл (старший), которые критикуют, по сути дела, современный мир во всех его основаниях и трактуют все события с точки зрения протестантской версии христианства. Такого рода люди находятся и в православной, и в католической среде. Они отрицают модерн структурно и полностью, считая предписания религии абсолютно актуальными, а современность и ее ценности — выражением царства антихриста, в котором ничего хорошего по определению быть не может. Эти тенденции развиты у русских старообрядцев. До сих пор на Урале есть «Параклитово согласие», которое отказывается от электрических лампочек. Лампочки — это «свет Люцифера», поэтому они используют только лучины и свечи. Иногда это доходит уже до очень глубокого проникновения в суть вещей. Один старообрядческий автор утверждает, что «тот, кто будет кофий пить, на того коф лукавый нападет, а тот, кто будет чай пить, тот от Бога отчаится». Другие утверждают, что ни в коем случае нельзя есть гречневую кашу, потому что она «грешная». «Гречневая», «грешневая» — значит «грешная». Кофе находилось под жестким запретом. Это, может быть, звучит глупо, но глупо для кого? Для рациональных современных людей. Действительно, «коф лукавый» — это глупо. Но представьте, что в мире фундаментальных консерваторов для такой фигуры, как «коф лукавый», вполне найдется место. Какой-нибудь старообрядческий конгресс может быть посвящен «кофу лукавому». На нем будет определяться, к какому разряду демонов он принадлежит. Ведь были «штанные соборы». Когда группа старообрядческой молодежи где-то в XVIII веке взяла моду носить клетчатые брюки, федосеевцы собрали в Кимрах собор, иногда называемый «штанный собор», где обсуждалось, отлучать ли от общения тех, кто носит клетчатые брюки, потому что тогда казалось, что клетчатые брюки неприлично носить христианину. Часть соборян признала, что отлучать, а другая — что нет. И эти изыскания, на самом деле, не такие уж бредовые. Нам старообрядцы кажутся «отсталыми», но они не такие отсталые. Они другие, они действуют в пределах иной топики. Они отрицают время как прогресс. Для них время — ре-

гресс, а люди современности — жертвы одержимости дьяволом.

Здесь можно привести идеи Клода Леви-Стросса[7]. Он доказывает, что никакой «пралогики», о которой говорили Леви-Брюль[8] и ученые-эволюционисты, изучавшие «примитивов», не существует и что общество аборигенов или структура индейских мифов столь же сложны по своим рациональным связям, таксономии перечисляемых и сопоставляемых предметов и явлений, столь же драматичны, как и известные современным европейцам культурные формы. Просто они другие. Мы имеем дело не с «предлогосом», а с другим логосом, где система отношений, нюансов, различений, диверсификаций, построения моделей работает в другой системе гипотез, но она по своей сложности и главному параметру структуры (отсюда и структурализм) абсолютно сопоставима с сознанием, мышлением и социальными моделями социализации и адаптации у развитых народов.

В фундаментальном консерватизме отречение от модерна имеет совершенно рациональную и систематизированную форму. Если мы встаем на эту точку зрения, мы видим, что абсолютно все сходится, все логично, рационально, но это другой логос. Это логос, в пространстве которого «коф лукавый», «штанный собор», «Параклитово согласие», живущее при лучинах (все то, что вызывает презрительную улыбку у человека современного), не вызывает никакой улыбки. Это совершенно иной режим существования.

Консерватизм статус-кво — либеральный консерватизм

Есть второй тип консерватизма, который мы назвали консерватизмом статус-кво, или либеральным консерватизмом. Он — либеральный, потому что он говорит «да» тому главному тренду, который реализуется в модерне. Но на каждом этапе этого реализуемого тренда он старается за-

---

[7] См.: *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983.

[8] См.: *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

тормозить: «мол, давайте помедленнее, давайте не сейчас, давайте отложим».

Либеральный консерватор рассуждает примерно так: хорошо что есть свободный индивидуум, а вот уже свободный постиндивидуум — это слишком. Или вопрос с «концом истории». Фукуяма на первом этапе посчитал, что политика исчезла и что вот-вот она будет полностью заменена «глобальным рынком», в котором исчезнут нации, государства, этносы, культуры и религии. Но потом он решил, что надо бы притормозить и внедрить постмодерн поспокойнее, без революций, потому что в революциях может появиться что-то нежелательное, что сорвет план «конца истории». И тогда Фукуяма стал писать, что необходимо пока временно укреплять национальные государства — это уже либеральный консерватизм.

Либеральные консерваторы не любят левых. Правых, таких как Эвола и Генон, тоже, но этих они просто не замечают. Но как только они видят левых, сразу встают в стойку. Либеральный консерватизм отличается следующими качественными структурными характеристиками — согласие с общим трендом модерна, но несогласие с его наиболее авангардными проявлениями, которые кажутся слишком опасными и слишком вредными. Например, английский философ Эдмунд Берк вначале симпатизировал Просвещению, но после Французской революции отшатнулся от этого и развил либерально-консервативную теорию с фронтальной критикой революции и левых[9]. Отсюда либерально-консервативная программа: отстаивать свободы, права, независимость человека, прогресс и равенство, но другими средствами — эволюцией, а не революцией. Чтобы, не дай бог, выпустить из какого-нибудь подвала те спящие энергии, которые в якобинстве вылились в террор, потом в антитеррор и т. д.

Либеральный консерватизм, таким образом, принципиально не выступает против тех тенденций, которые составляют сущность модерна и даже постмодерна, хотя либеральные консерваторы перед лицом постмодерна будут

---

[9] См.: *Берк Э.* Размышления о революции во Франции. М., 1993.

нажимать на педали тормоза гораздо чаще, чем раньше. То есть здесь они могут в какой-то момент закричать даже «стой!». Видя, что несет с собой постмодерн, приглядываясь к ризоме Делеза, они явно чувствуют себя не в своей тарелке. Кроме того, они боятся, что ускоренный демонтаж модерна, который разворачивается в постмодерне, может освободить премодерн. Вот об этом они пишут откровенно. Например, либерал Хабермас, бывший когда-то левым, говорит, что если «мы сейчас не сохраним жесткого духа Просвещения, верность идеалам свободного субъекта, нравственного освобождения, не удержим человечество на этой грани, то мы слетим не просто в хаос, а вернемся в тень традиции, смысл борьбы с которой представлял собственно модерн»[10]. То есть он опасается, что придут фундаментальные консерваторы.

Бен Ладен как знак

Фигура бен Ладена, независимо от того, есть ли он реально или его придумали в Голливуде, имеет фундаментальное философское значение. Это карикатурно оформленная перспектива перехода в рамках постмодерна к премодерну. Это зловещее предупреждение о том, что премодерн (традиция) как вера в те ценности, которые были свалены в кучу и вывезены на свалку еще в самом начале модерна, может подняться и всплыть. Физиономия бен Ладена, его жесты, его появление на наших экранах и в модных журналах — это философский знак. Это знак предупреждения человечеству со стороны либеральных консерваторов.

Симулякр Че Гевары

Либеральные консерваторы, как правило, не делают того анализа о соотношении либерализма и коммунизма, который проделали мы, и продолжают бояться коммунизма. Мы уже говорили, что события 1991 года — конец СССР — имеют колоссальное философское и историческое значение, у которого мало аналогов. Таких событий в истории быва-

---

[10] См.: *Хабермас Ю.* Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.

ет всего несколько, так как в 1991 году либерализм доказал свое исключительное право на ортодоксальное наследие парадигмы Нового времени. А все остальные версии — и самое главное, коммунизм — оказались девиациями на пути модерна, ответвлениями, ведущими к иной цели. Коммунисты думали, что идут дорогами модерна в сторону прогресса, но выяснилось, что они шли к какой-то иной цели, расположенной в ином концептуальном пространстве. Но некоторые либералы и сегодня полагают, что «коммунисты только временно сдали свои позиции» и могут вернуться.

Экстраполируя ложные страхи, современный антикоммунизм еще, наверное, в большей степени, чем современный антифашизм, порождает химеры, призраки, симулякры. Коммунизма нет (как давно нет и фашизма) — вместо этого остался карикатурный муляж, безопасный Че Гевара, рекламирующий мобильные телефоны или украшающий собой майки праздных и комфортных мелкобуржуазных юношей и девушек. В эпоху модерна Че Гевара — враг капитализма. В эпоху постмодерна — он на гигантских билбордах рекламирует мобильную связь. Вот в каком виде коммунизм может вернуться — в виде симулякра. Смысл этого рекламного жеста заключается в постмодернистском осмеивании претензий коммунизма на альтернативный логос в рамках модерна. И тем не менее либеральный консерватизм, как правило, чужд этой иронии и не склонен шутить ни с «красным», ни с «коричневым». Причина этого в том, что либеральный консерватизм опасается релятивизации логоса в постмодерне, будучи не уверенным, что враг уничтожен до конца. Ему грезится, что поверженный труп еще шевелится, и поэтому он не советует подходить к нему близко, издеваться, заигрывать.

Консервативная революция

Существует еще и третий консерватизм. С философской точки зрения он — самый интересный. Это семейство консервативных идеологий, которые принято называть консервативной революцией (КР). Это созвездие идеологий и политических философий рассматривает проблему соотношения консерватизма и модерна диалектически.

Одним из теоретиков консервативной революции был Артур Мюллер ван ден Брук, чья книга недавно была переведена на русский язык[11]. К этому направлению принадлежали такие мыслители, как Мартин Хайдеггер, братья Эрнст и Фридрих Юнгеры, Карл Шмитт, Освальд Шпенглер, Вернер Зомбарт, Отмар Шпанн, Фридрих Хильшер, Эрнст Никиш, и целая плеяда в основном немецких авторов, которых иногда называют «диссидентами национал-социализма», потому что большинство из них на каких-то этапах поддержало национал-социализм, но вскоре оказалось во внутренней эмиграции, а некоторые даже в тюрьме. Многие из них участвовали в антифашистском подполье, помогали спасаться евреям. В частности, Фридрих Хильшер, крупнейший консервативный революционер и сторонник немецкого национального возрождения, помогал скрываться от нацистов известному еврейскому философу Мартину Буберу.

Консерваторы должны возглавить революцию

Можно описать общую парадигму консервативно-революционного мировоззрения следующим образом. В мире существует объективный процесс деградации. Это не просто стремление «злых сил» совершать каверзы, это — силы судьбы, силы рока, которые ведут человечество по пути вырождения. Пиком вырождения, с точки зрения консервативных революционеров, является модерн. Пока все совпадает с традиционалистами. Но в отличие от них, консервативные революционеры начинают задумываться: а почему так сложилось, что вера в Бога, который создал мир, в Божественный промысел, в сакральное, в миф превращается в определенный момент в собственную противоположность, почему она слабнет и почему побеждают враги Бога? И дальше у них возникает подозрение: может быть, тот замечательный Золотой век, который отстаивают фундаментальные консерваторы, сам по себе уже нес в себе некий ген дальнейшего искажения? Может быть, не так все

[11] См.: *Мюллер ван ден Брук А.* Миф о вечной империи и Третий рейх. М., 2009.

хорошо было и в религии? Может быть, те религиозные, сакральные, священные формы традиционного общества, которые мы еще можем разглядеть до наступления модерна, уже в самих себе несли определенный элемент тления? И тогда консервативные революционеры говорят консервативным фундаменталистам: «Вы предлагаете вернуться в состояние, когда у человека проявились только первые симптомы болезни, когда началось только первое покашливание, а сегодня этот человек лежит уже при смерти, а вы констатируете, как хорошо ему было раньше. Вы противопоставляете человека кашляющего и человека умирающего. А мы же хотим докопаться, откуда пришла зараза, почему он начал кашлять? И тот факт, что, кашляя, он не умирает, а ходит на работу, нас не убеждает, что он цел и здоров. Где-то этот вирус должен был гнездиться и ранее...» «Мы верим, — продолжают консервативные революционеры, — что в самом источнике, в самом Божестве, в самой Первопричине заложено намерение организовать эту эсхатологическую драму». В таком видении модерн приобретает парадоксальный характер. Это не просто болезнь сегодня (в отрицаемом настоящем), это обнаружение в сегодняшнем мире того, что его подготовило в мире вчерашнем (столь дорогом для традиционалистов). Модерн от этого лучше не становится, а традиция теряет между тем свою однозначную позитивность.

Одна из главных формул Артура Мюллера ван ден Брука: «Раньше консерваторы пытались остановить революцию, но мы должны ее возглавить». Это означает, что, солидаризовавшись, отчасти и по прагматическим мотивам, с деструктивными тенденциями модерна, надо выявить и распознать ту бациллу, которая изначально породила тенденции к дальнейшему упадку, то есть к модерну. Консервативные революционеры хотят не только затормозить время (как либеральные консерваторы) или вернуться в прошлое (как традиционалисты), но вырвать из структуры мира корень зла, упразднить время как деструктивное свойство реальности, исполнив какой-то тайный, параллельный, неочевидный замысел самого Божества.

Dasein и Ge-Stell

Хайдеггеровская история философии построена по сходной модели. Дазайн (Dasein) как конечное и локализованное бытие человека на заре философии вступил на путь постановки вопроса о бытии, то есть о себе самом и окружающем. Одной из первых концепций, выражающих такое вопрошание, стало понятие «фюзис», уподобляющее бытие природе и осмысляющее его как череду «всходов». Второй концепцией была аграрная метафора «логоса» — понятия, образованного от глагола «легеин», то есть «жать», и позже получившая значение «мыслить», «читать», «говорить». Пара «фюзис–логос», по Хайдеггеру, определяя бытие, включала его в слишком узкие рамки. Эти рамки еще более сузились в учении Платона об идеях. И далее, европейское мышление только усугубляло отчуждение от бытия через нарастающий рационализм — вплоть до забвения мысли о бытии вообще. Это забвение на рубеже XIX–XX веков вылилось в нигилизм. Общим термином, описывающим суть растущей доминации техники в хайдеггеровской философии, является «Ge-Stell», то есть «по-став» — постановка все новых и новых отчуждающих и нигилистических моделей.

Но для Хайдеггера Ge-Stell не является случайностью. Он выражает собой то, что обратной стороной бытия является ничто как его внутреннее измерение. В аутентичном Дазайне бытие и ничто должны соприсутствовать. Но если человек делает акцент на бытии как на «всеобщем» (koinon), то есть только на том, что есть (идея «фюзис»), он упускает из виду ничто, которое напоминает ему о себе, приводя философию к нигилизму — через Ge-Stell. Таким образом, современный нигилизм есть не просто зло, а весть бытия, обращенная к Дазайну, а поданная таким сложным способом. Поэтому задача консервативных революционеров не просто справиться с ничто и с нигилизмом модерна, но распутать клубок истории философии и расшифровать послание, содержащееся в Ge-Stell. Нигилизм модерна, таким образом, есть не просто зло (как для традиционалистов), но еще и знак, указующий на глубинные структуры бытия и заложенные в них парадоксы.

Невеселый конец спектакля

Консервативные революционеры настолько ненавидят настоящее, что они не довольствуются только противопоставлением ему прошлого. Они говорят: «Настоящее омерзительно, но его надо дожить, довести, дотянуть до самого последнего конца».

Либеральный постмодерн предполагает «бесконечный конец». «Конец истории» у Фукуямы — это не просто исчезновение, после конца истории продолжают осуществляться экономические трансакции, работать рынки, призывно мерцать отели, бары и дискотеки, функционировать биржи, выплачиваться дивиденды по ценным бумагам, светиться экраны компьютеров и телевизоров, выпускаться ценные бумаги. Истории нет, а рынки и телевизоры есть.

У консервативных революционеров все иначе. В конце истории они рассчитывают появиться с обратной стороны Дазайна, из смутного пространства «той стороны» и превратить постмодернистическую игру в неигру. Спектакль («общество спектакля» Ги Дебора) закончится чем-то очень неприятным для зрителей и актеров. В свое время по такой же логике действовала группа сюрреалистов-дадаистов — Артюр Краван, Жак Риго, Жюльен Торма и Жак Ваш, которые воспевали суицид. Но критики считали это пустым бахвальством. В один момент они публично покончили с собой, доказав, что искусство и сюрреализм были для них делом настолько серьезным, что они отдали за это жизнь. Тут можно вспомнить о Кириллове из «Бесов» Достоевского, для которого самоубийство стало выражением полной свободы, которая открылась после «смерти Бога».

В России недавно были не менее страшные события. Например, «Норд-Ост». Сальный неопрятный комик Саша Цекало ставит спектакль, на котором присутствует вальяжная московская публика. Тут появляются чеченские террористы, и поначалу люди думают, что это часть постановки. И потом только с ужасом понимают, что на сцене происходит что-то не то и дальше начинается кошмарная, реальная трагедия. Приблизительно нечто подобное представляют себе консервативные революционеры: пусть шутовство постмодерна идет своим чередом, пусть оно размоет определенные

парадигмы, эго, суперэго, логос, пусть вступит в дело ризома, шизомассы и расщепленное сознание, пусть ничто увлечет в себя все содержание мира, тогда-то откроются тайные двери и древние, вечные, онтологические архетипы выйдут на поверхность и страшным образом покончат с игрой.

Левый консерватизм (социал-консерватизм)

Есть еще одно направление — так называемый левый консерватизм, или социал-консерватизм. Типичный представитель социал-консерватизма — Жорж Сорель (см. его труд «Размышления о насилии»[12]). Он придерживался левых взглядов, но в определенный момент обнаружил, что левые и правые (монархисты и коммунисты) бьются против общего врага — буржуазии. Левый консерватизм близок к русскому национал-большевизму Н. Устрялова, который под чисто левой марксистской идеологией обнаружил русские национальные мифы. Еще более внятно это изложено в левом национал-социализме Штрассера и в германском национал-большевизме Никиша. Такой левый консерватизм можно отнести к семейству консервативной революции, а можно выделить в отдельное направление. Интересно то, что партия «Единая Россия» приняла социал-консерватизм в качестве составляющей своей идеологии. Это направление сейчас развивает Андрей Исаев. На другом полюсе в «Единой России» либерал-консерватизм Плигина.

Евразийство как эпистема

Евразийство — это и политическая философия, и эпистема. Оно относится к разряду консервативных идеологий и имеет черты как фундаментального консерватизма (традиционализма), так и консервативной революции (включая социал-консерватизм левых евразийцев). Единственное, что в консерватизме для евразийцев не приемлемо, — это либерал-консерватизм. Евразийство, осознавая претензии западного логоса на универсальность, отказывается признавать эту универсальность как неизбежность. В этом специфика евразийства. Оно рассматривает западную культуру как локаль-

[12] См.: *Сорель Ж.* Размышления о насилии. М., 1906.

ный и временный феномен и утверждает множественность культур и цивилизаций, которые сосуществуют в разных моментах цикла. Модерн для евразийцев — явление, свойственное только Западу, а другие культуры должны разоблачить эти претензии на универсальность западной цивилизации и построить свои общества на внутренних ценностях. Никакого единого исторического процесса не существует, каждый народ имеет свою историческую модель, которая движется в разном ритме и подчас в разных направлениях.

Евразийство, по сути, есть гносеологический плюрализм[13]. Унитарной эпистеме модерна — включая науку, политику, культуру, антропологию — противопоставляется множественность эпистем, построенных на началах каждой из существующих цивилизаций: евразийская эпистема для русской цивилизации, китайская — для китайской, исламская — для исламской, индусская — для индусской и т. д. И лишь на базе этих очищенных от западной обязательности эпистем должны строиться дальнейшие политико-социальные, культурные и экономические проекты.

Мы видим в этом специфическую форму консерватизма, отличающегося от других близких консервативных версий (за исключением либерал-консерватизма) тем, что альтернатива модерну берется не в прошлом или уникальном революционно-консервативном перевороте, а в обществах, исторически сосуществующих с западной цивилизацией, но географически и культурно отличных от нее. В этом евразийцы сближаются отчасти с традиционализмом Генона, который также считал, что «современность» есть понятие «западное», а на Востоке сохранились формы традиционного общества. Не случайно среди русских авторов впервые на книгу Генона «Восток и Запад» сослался евразиец Н.Н. Алексеев[14].

Неоевразийство

Неоевразийство, появившееся в России в конце 80-х годов XX века, полностью восприняло основные пункты эпистемы прежних евразийцев, но дополнило их обращением к тради-

---

[13] См.: Основы евразийства / Под ред. А. Дугина. М., 2002.

[14] См.: *Алексеев Н.* Русский народ и государство. М., 2000.

ционализму, геополитике, структурализму, фундаменталь-онтологии Хайдеггера, социологии, антропологии, а также проделало огромную работу по согласованию базовых положений евразийства с реалиями второй половины XX — начала XXI века с учетом новых научных разработок и исследований. Сегодня евразийские журналы издаются в Италии, Франции, Турции. Неоевразийство основано на философском анализе тезиса о модерне и постмодерне. Отстраненность от западной культуры позволяет установить дистанцию, благодаря которой можно охватить взглядом весь модерн и сказать всему этому фундаментальное «нет».

В XX веке аналогичной критике модерн и западная цивилизация подвергались системно. Это и Шпенглер, Тойнби, и особенно структуралисты — в первую очередь Леви-Стросс, создавший структурную антропологию[15]. Эта структурная антропология основана на принципиальном равенстве между собой разных культур — от примитивных до самых развитых, что лишает западноевропейскую культуру какого бы то ни было превосходства над самым «диким» и «примитивным» бесписьменным племенем. Здесь надо напомнить, что евразийцы Роман Якобсон и Николай Трубецкой, основатели фонологии и крупнейшие представители структурной лингвистики, были учителями Леви-Стросса и обучили его навыкам структурного анализа, что сам он охотно признает[16]. Таким образом, прослеживается интеллектуальная цепочка: евразийство–структурализм–неоевразийство. Неоевразийство становится в этом смысле восстановлением широкого спектра идей, прозрений, интуиций, более того — эпистемы, которую наметили первые евразийцы и в которую органично вошли результаты научной деятельности школ и авторов (в большинстве своем консервативной ориентации), параллельно развивавшихся в течение всего XX века.

---

[15] См.: *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1993; *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991; *Он же.* Цивилизация перед судом истории. М.; СПб., 1985.

[16] См.: *Якобсон Р.* Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии / VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. 5. М., 1970; *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М., 2000.

Контрольные вопросы

1. Какие разновидности консерватизма вы можете назвать? Опишите их.
2. Может ли быть «левый консерватизм»?
3. К какому типу идеологий относится неоевразийство? Каковы его основные черты?

Литература

Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895.
Дугин А.Г. Постфилософия. М., 2009.
Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004.
Дугин А.Г. Философия традиционализма. М., 2002.
Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991.
Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.
Шмитт К. Политический романтизм. М., 2006.
Шмцтт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1.
Эйзенштадт М. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

РАЗДЕЛ 3

ВЫБОР ПУТИ РОССИЕЙ МЕДВЕДЕВА–ПУТИНА. АЛЬТЕРНАТИВЫ И ЛОГИКА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Исторический момент: между ложными альтернативами

Существует два принципиальных мифа — западный и патриотический, которые, как правило, обсуждаются на публичных дискуссиях об актуальном моменте политической истории России. Оба эти мифа, на мой взгляд, предельно несостоятельны.

Запад нам поможет

Первый миф характерен для современных западников. Они говорят: посмотрите — западная культура является развитой, западные технологии работают («it works»), и поэтому путь России — это путь модернизации через сближение с Западом. Главная причина несостоятельности этого тезиса заключается в том, что современный Запад, двигаясь по своей траектории развития, перешел из состояния модерна к состоянию постмодерна. Модерн и постмодерн абсолютно разные модели. Модерн, так или иначе, действительно носил в себе элемент модернизации. Поэтому культура западного общества эпохи модерна, когда к ней обращались не западные или полузападные общества, действительно влекла за собой модернизацию. Когда же Запад перешел в режим постмодерна, то обращение к нему в поисках стиму-

ла продолжения модернизации ни к чему привести не может, так как ничто на постмодернистском Западе к этому не предрасполагает.

Обращаясь на Запад сегодня, мы обращаемся к постмодернизации. Там действительно можно почерпнуть постмодернизацию, но основные силовые моменты постмодернизации суть разрушение логоса модерна, доведенного ранее до своего совершенства и распыленного в постмодернистическом, дивидуалистском (а не в индивидуалистском) пространстве.

Метаморфозы индивидуума

Вспомним ту метаморфозу, которую парадигма модерна претерпевает, когда она вступает в постмодерн. По пути к свободе вначале происходит освобождение индивидуума от всего остального, кроме как индивидуума. На следующем этапе при переходе к постмодерну индивидуум начинает освобождаться от себя самого. Он уже не ставит задачу освободить индивидуума от коллектива, от этнической, религиозной, государственной и социальной принадлежности. Он начинает избавлять индивидуум от него самого, высвобождая, если говорить языком психоаналитика, либидозные элементы, то есть влечение, желание, смутные поползновения, которые ранее неизменно репрессировались «тоталитарной диктатурой» рассудка и человеческого эго. Эго в данном случае освобождается от самого себя для того, чтобы открыть индивидуальное подсознание. Вот это — программа постмодерна. Она воплощена в культурных, социально-экономических, политических, идеологических моделях прав человека, которые сегодня в рамках постмодерна понимаются не как права большинства, а как права меньшинств. Более того, демократия в современном постмодернистском понимании — это не власть большинства, а защита интересов меньшинства. Юридически и политически закрепленное гарантированное право не быть таким, как все или как большинство, или как окружающие. Далее — это право быть партикулярными, право не иметь никакой целостности, никакой коллективной идентификации, а иметь только индивидуальную и постиндивидуальную идентификацию.

Такова программа постмодерна, программа эпистемологическая, антропологическая, политическая, культурная, социальная. Впрочем, изначально считалось, что фрагментация социальных сред будет иметь определенные границы — индивидуума, а потом все эти сингулярные множества интегрируются в глобальное человечество (One World). Но оказалось, инерция такого освобождения столь сильна, что на следующем этапе уже сами граждане начали фрагментироваться, распадаться на части, россыпи либидозных импульсов (машина желаний Гваттари и Делеза).

Приглашение к постмодернизации

Итак, когда Россия в поисках своего пути развития обращается к Западу, она не получает никаких инструментов и импульсов модернизации, но получает приглашение поучаствовать в постмодернизации. Запад и модернизм, которые были синонимами в течение последних столетий, сегодня такими синонимами не являются. Значит, когда люди говорят, давайте будем как на Западе, это не значит, что мы собираемся модернизировать что-либо. Распылить, превратить в атомарный фактор — да, это возможно — в форме ускоренной (и, скорее всего, частичной) постмодернизации.

Запад шел к своему нынешнему состоянию постепенно. Он начал этот процесс, отправляясь от своей собственной социальной, политической, идеологической модели, своей ценностной системы. Исходя из внутренних причин и побуждений, он двигался вначале к модерну, потом к постмодерну, проделывая каждый этап последовательно и системно. На каждом этапе он обживался по нескольку столетий, подчас топчась на месте, фундаментально осваивая новую топику каждой новой парадигмы.

Эндогенная и экзогенная модернизация

Мы всегда, на протяжении всей нашей истории, когда у власти случались припадки модернизации, форсировали целый ряд этапов, потому что модернизация у нас является экзогенной.

Модернизация бывает эндогенная и экзогенная. Эндогенная модернизация — это модернизация, вырастаю-

щая из собственных культурных предпосылок. Общества, проходящие процесс эндогенной модернизации, двигаются в сторону модерна по внутренней логике. Такая эндогенная модернизация свойственна исключительно западноевропейским обществам, где созрели идеологические, политические, философские, духовные, религиозные предпосылки для модернизации, где эта модернизация состоялась, где это соответствовало психологическому рельефу общества, где все стадии проходили последовательно и в логическом порядке. Во всех остальных обществах, кроме западноевропейского и, соответственно, американского, модернизация была экзогенной, то есть имеющей в своей основе внешний фактор.

Экзогенная модернизация: колониальный вариант

Экзогенная модернизация, в свою очередь, делилась на две категории: колониальная и оборонная (защитная).

Колониальная модернизация протекала следующим образом. Приезжали англичане и выменивали на бусы у индейцев Манхэттен, после этого восстанавливали там свою цивилизацию, а индейцев истребляли. Те из них, кто выжил, может изучать Канта в университетах Гарварда, если он туда доберется, и пользоваться автомобилем, если заработает на него деньги.

Приблизительно то же было и в Индии. Оккупируется Индия, оттуда вывозится чай. Местное население — эти отбросы «третьего мира» (расизм придумали англосаксы еще задолго до немцев) — вызывают у колонизаторов лишь брезгливость, жалость и презрение (вспомним Киплинга). Индусы копошатся в своих культах, до которых белым господам большого дела нет. Их либо оставляют в покое и предоставляют право «коснеть в невежестве», либо они тоже получают право читать книжки на английском, говорить на английском языке (сегодня почти все население Индии говорит на английском языке, который наряду с хинди имеет статус государственного), тем самым приобщаясь к мировой цивилизации, и строить у себя рыночное общество или копировать западноевропейские парламентские институты. В Китае англосаксонские колонизато-

ры, вывозящие опиум, чуть было не превратили в наркоманов все местное население, а когда те возмутились, то еще и расстреляли всех из пушек (опиумные войны), безжалостно подавив восстание. Это классическая модернизация колониального толка, экзогенная модернизация — бусы, огненная вода, книжка на английском с картинками (все это в обмен на свободу, земли и право распоряжаться всеми материальными ресурсами).

Экзогенная модернизация: оборонный вариант

Вторая разновидность экзогенной модернизации — оборонная модернизация, когда государство, народ или культура не утрачивают своего суверенитета, сохраняют государственную самобытность, но тем не менее вынуждены заимствовать с Запада определенные методологии, чтобы тем самым противостоять агрессии того же Запада. По пути такой экзогенной модернизации защитного толка на предыдущих этапах шла Россия. Это было в каком-то смысле логично и оправдано тогда, когда сам Запад шел по пути модерна.

Хотя здесь надо все-таки отметить, что экзогенная модернизация и вообще сближение с Западом на основе разделения общих с ним ценностей и предпосылок, способствующих этой модернизации, всегда были палкой о двух концах. Потому что фильтр, который позволил бы использовать заимствованные технологии и сохранить самобытную идентичность, никогда не работал оптимально. Всегда вместе с технологиями, необходимыми для нужд обороны, что было бы плюсом, мы в ходе экзогенной модернизации заимствовали ценностные предпосылки, которые разлагали и поражали нашу идентичность. Отсюда парадокс западничества. Даже если мы заимствуем западные технологии, чтобы отстоять свою свободу от Запада (как при Петре — тогда это была абсолютно ясная, продуманная политика), мы не можем брать с Запада только технологический аспект, не нарушив целостную культурную самобытность русского общества. Поэтому модернизация России всегда влекла за собой значительное отчуждение культуры, в первую очередь культуры верхов, элиты от своих собственных корней, закладывая основы дальнейших кри-

зисов и крушения всей романовской системы, что и произошло в революции 1917 года.

Модернизация всегда была проблематичной, идеальной формулы чисто оборонной, пусть и экзогенной модернизации выработать так и не удалось. Все делалось на ощупь, лабораторным способом, методом проб и ошибок. Но пока Запад шел по пути модерна, это в целом еще имело определенный смысл. Обращаясь к нему, мы действительно получали модернизацию. Другое дело, что это было чрезвычайно трудно — отделить в ней то, что приемлемо, а что не приемлемо. Русифицировать модернизацию было сложно, но тем не менее каким-то образом это делалось.

Китай и национальный фильтр

То же самое в наши дни пытается сделать современный Китай. Сегодня он — образцовый пример экзогенной модернизации оборонного толка — с попыткой отточить и усовершенствовать тот самый национальный фильтр, о котором идет речь. Этот фильтр в некоторых моментах следует понимать в самом прямом смысле. Мы знаем, что в Китае доминирующей компьютерной системой является Linux. Там запрещено пользоваться «Майкрософтом». Все, что проходит через границы Китая, переводится автоматически на Linux, а «Майкрософт» остается вне Китая. Таким образом, Китай — это виртуальный остров Linux. Современная система серверов Linux была основной системой сети Интернета (это американское пентагоновское изобретение, ничего китайского в самом Linux нет), но, по крайней мере, это операционная система с открытым кодом, которая не позволяет так просто и прозрачно заходить американским спецслужбам внутрь любого компьютера. И второе — в Китае существует мощный фильтр против доступа к различного рода ресурсам, которые, с точки зрения китайцев, способны причинить вред китайской идентичности. То есть зайти на порносайт с территории Китая нельзя.

Вот пример экзогенной модернизации, которая защищает свою идентичность. Но риск сохраняется для Китая все равно. Выстраивая такие фильтры, нельзя быть до конца уверенным, что ничто не проскользнет. Более того, уже

проскальзывает, поскольку, чем больше происходит развитие либеральных моделей экономики, тем больше либерального самосознания, сопряженного с этими либеральными ценностными системами, и китайская идентичность — расовая и культурная — постепенно получает дозы облучения. Но это их проблемы. Важно лишь отметить, что даже продуманная и отфильтрованная экзогенная модернизация оборонного типа несет в себе парадоксы.

Экономические уклады и исторические парадигмы

Итак, обращаясь к Западу, мы не получаем модернистских технологий, так как западное общество и его технологии уже перешли в другой режим. Данное обстоятельство объяснит нам нынешний кризис. Мы, конечно, могли пользоваться отдельными выгодами постиндустриальной экономики, продавая нефть по высоким, дутым ценам, в период роста фиктивного финансового пузыря. Но когда этот пузырь лопается, все смотрят и недоумевают: что же было, кроме мошеннической пирамиды типа МММ? Вместо реальных богатств мы остаемся с обожженной черепицей, как в рассказах про сокровища дьявола. Вместо реального роста — призрак фиктивного благосостояния; вместо инвестиций в реальный сектор — поглощенность спекулятивной игрой. В результате крах всех тех, кто доверился экономическим гипнотизерам.

Экономика имеет точные соответствия с тремя укладами, о которых мы говорили. Существует прединдустриальная аграрная экономика, соответствующая традиционному обществу. Индустриальная экономика доминирует в эпоху модерна. Логос модерна проецируется в индустриальную экономику. А (пост)логос постмодерна предопределяет на следующем этапе финансовую или постиндустриальную экономику, информационную экономику. Это совершенно разные уровни. Точно так же, когда бурное развитие промышленного сектора в свое время почти обнулило значение аграрного сектора, так же в нашем мире при переходе от модерна к постмодерну финансовый сектор практически обнулил индустриальный сектор. В 1990 — начале 2000-х годов было неважно, каков объем реального

производства, каково товарное покрытие. Значение имели спекулятивные рынки деривативов, ценных бумаг, финансовые инструменты, хедж-фонды, где объем вращающихся средств многократно превосходил все товарное покрытие мировой экономики. Вот они-то сейчас и лопнули.

Сегодня, обращаясь к Западу, мы уверенно получаем дозу постмодерна. Психологически это серьезный процесс, так как по мере отказа от рациональности и слома эго поднимается мощный поток подавленных энергий (как правило, низшего свойства), которые бродят в человеке. Происходит освобождение не столько либидо, сколько того, что Юнг называл «тенью» — совокупности загнанных в бессознательное темных инстинктов, подавленных разумом. Все это поднимается из глубин и серьезно влияет на психическое состояние индивидуума и общества.

Политической элите современной России в свое время очень понравилось выражение «постиндустриальное общество», об этом было написано много диссертаций, сказано много слов. Все полагали (застряв на раннем модерне по уровню понимания), что постиндустриальное общество — это просто «очень хорошее», «развитое», «гуманное», «высокотехнологичное» индустриальное общество. Никто не осознал, что это вообще не индустриальное общество и что, копируя современную западную систему на нынешнем этапе, мы будем просто планомерно уничтожать весь реальный сектор экономики, ничего не создавая взамен. Стремясь стать как Запад, мы не просто делокализуем нашу промышленность (как это сделали они сами), мы ее уничтожим.

В 1990-х годах наша промышленность прошла первую волну такой постмодернизации, в ходе чего контроль над ней был сосредоточен в руках олигархов. При Путине она была практически уничтожена, потому что олигархи ее либо постепенно перепрофилировали, либо продали западным инвесторам. В Екатеринбурге, например, есть несметное количество казино, размещенных в бывших заводах, и там кипит настоящая, постмодернистическая жизнь.

«Шпионы» за и против Путина

Западничество сегодня — не преступление, но бессмысленность.

Замысел обращения к Западу для модернизации России и получения безупречно работающего механизма является, таким образом, абсолютно неверным логически. О практике речь не идет, потому что на практике все сами могут во всем убедиться. Но, увы, многие либералы-западники, и в том числе поддерживающие Путина (которых условно в некоторых кругах принято называть «шпионы за Путина»), до сих пор советуют нашему политическому руководству: «Владимир Владимирович, Дмитрий Анатольевич! Давайте делать как на Западе — и все будет хорошо. И Россия будет сильной, независимой, свободной, мощной. Давайте все копировать, что у них, — и все будет хорошо. У них финансовый сектор и биржа, и у нас пусть будет так. У них либерализм, парламентаризм и права человека, и у нас пусть будет... Это самый короткий и самый прямой путь к успеху и процветанию суверенной России». Но при этом они советуют сближаться с США (особенно при «новом» президенте Обаме), полагая, что в этом залог нашего развития, нашего подъема, нашей модернизации.

Вторая группа либералов-западников находится в оппозиции Путину–Медведеву. Их иногда называют «шпионы против Путина». Они говорят: «Путин не либерал, не западник. Это — архаик, националист, "фашист", диктатор. Давайте свергнем Путина, и все тогда будет как на Западе». Такой позиции придерживается «Другая Россия», радиостанция «Эхо Москвы». Между «шпионами за Путина» и «шпионами против Путина» существует единство главной идеологической установки, потому что основная их идея заключается в тезисе «Давайте пойдем на Запад!». Одни предлагают идти «с Путиным», другие «без Путина». Политические проекты разные, но суть их одна — давайте двигаться в сторону Запада.

Условия интеграции в постмодерн

Если мы хотим стать частью глобального мира, выстроенного по модели мира постиндустриального общества, с ми-

ровым правительством, с распространением новых постчеловеческих, ризоматических сингулярностей, дивидуумов, со свободой смены полов, с освобождением либидо, непрекращающимся «карнавалом» щелкаемых телеканалов, производством киборгов и мутантов, то западники (как «за Путина», так и «против Путина») имеют определенный резон. На каких-то условиях в глобальный постмодерн нас интегрируют. Но мы должны ясно понимать, что ни суверенного государства, ни действующей экономики, ни самобытной культуры в этом случае у нас просто не будет. Не только оборонной, но просто модернизации какой бы то ни было нам в этом случае не светит. Это надо понять твердо.

Кризис приоткрыл лик бездны

Сегодня мы переживаем, может быть, один из первых кризисов этой системы. Если из этого кризиса система постмодерна во главе с США выберется, то постмодерн утвердится всерьез и будет становиться все более и более привлекательным, как притягательны разврат, комфорт или наркотики. Если этот кризис окажется более глубоким и в ходе его развертывания мы столкнемся с той бездной, которая давно зияет под поверхностью модерна, то человечество переживет шок. Но поскольку мы не думали ни о какой другой альтернативе, то в данном случае мы просто остановимся на месте. На время... На какое-то время...

Сейчас в Европе, Америке или России люди либо продолжают по инерции идти туда, куда шли, делая вид, что ничего не произошло, либо просто замедляют ход, либо останавливаются, открыв рот. Никаких других реакций нигде в мире при обсуждении кризиса нет. Это не случайно: мы подошли к критической границе роста нигилизма. Раздробив логос на множество сингулярных и частных «логосов», малых рациональностей, постмодерн создал гигантское количество нигилистических дыр, возникших на месте порванных связей и расчлененных структур. Эти дыры постепенно образуют единое поле ничто. Вот-вот — и ничто обрушится на человечество изнутри и извне. Единственное, что пока спасает от такого столкновения, — это инерция. И поэтому если привычные механизмы модерна и

постмодерна внезапно дают сбой, то на ум приходят не альтернативные рецепты выхода из кризиса, но головокружительный ужас от столкновения с бездной, над которой мы уже занесли ногу, полагая, что это надежный и прочный асфальт. Кризис вскрывает ничто. Это серьезное испытание.

Несостоятельность патриотического мифа

Теперь рассмотрим второй миф, на сей раз патриотический. Согласно ему, — и это также часто можно услышать, — «мы сами молодцы; у нас, русских, есть своя собственная идентичность, своя национальная идея, и нам надо лишь отказаться от мирового правительства, мировой глобализации, повернуться спиной к миру, и все само сложится». Это второй абсолютно неверный подход.

Одни говорят: «Пойдемте на Запад, там все хорошо и автоматически все будет нормально». Другие говорят: «Давайте повернемся спиной к Западу, и тогда все будет нормально». А с чего все будет нормально, если никакого самостоятельного социального логоса в современной России просто нет? Нет ни внятной концепции, ни продуманной конструкции идентичности, ни самостоятельной философии, ни социально-политических предпосылок, ни спектра национальных идеологий, ни полноценного осмысления религиозных, исторических, социокультурных моментов русской истории. Может быть, это правильное направление, в котором надо смотреть, но это только предложение повернуться и посмотреть в определенную сторону. Это не национальная идея, не ответ, но приглашение.

Заметим, что раз мы по инерции движемся только в одном направлении — в сторону все нивелирующего постмодерна, то призыв не смотреть в эту сторону означает размытое и неконкретное предложение посмотреть на другие 359 градусов. Поэтому, как только среди противников западного пути развития заходит разговор о том, каким они видят будущее России, моментально начинается абсолютная полифония некогерентных друг другу, не связанных между собой, неструктурированных, синкретических, поверхностных, слабо продуманных предложений, мнений, концепций. Все предлагают, кто во что горазд. И каждый

уверен, что только он прав, а остальные — «агенты влияния». На основании этой какофонии власти не доверяют проектам патриотов.

Предложи патриоты серьезную и обоснованную, убедительную и стройную систему — быть может, власть и заинтересовалась бы ею. Но видя, что каждый из патриотов предлагает: один — монархизм, другой — возврат к советской системе, третий — фашизм, четвертый — православное царство, пятый — ислам (по патриотическим, антизападным соображениям), шестой — язычество, седьмой — вернуться к дораскольным временам, у власти отпадает охота слушать дальше. Эти идеи, может быть, и неплохие, но ни в какой социальный логос и ни в какую стройную программу они не складываются.

Итак, в споре о положении дел в сегодняшней России у нас есть один логически противоречивый, совершенно неприемлемый, но опирающийся на могущество и гипнотическую притягательность Запада тезис либералов. И есть широкая, эмоционально оправданная реакция патриотов — настолько разномастная и случайная, что ни в какую концепцию не складывается.

Неадекватность идеологических споров в российском обществе

Теперь давайте посмотрим на дебаты, которые ведутся практически на всех каналах телевидения. Там мы видим только эти две позиции. От одних мы слышим, что не нужно никакого национального государства и в либерализме все спасение. А от других — что национальная идея у нас в кармане, только отвернемся от Запада — и все само собой устроится.

Получается так, что группа экспертов, которые олицетворяют собой основные позиции относительно актуального политического момента современной российской политической истории, действует в парадигме двух мифологических ответов. Каждый из них, строго говоря, заведомо неприемлем — в серьезном разговоре о нем вообще и упоминать-то стыдно. Нужно говорить о чем угодно, только не об этом. У нас же говорится только об этом и ни о чем другом.

Нежелание осознать содержание исторического момента

Специфика нашего момента в том, что мы принципиально далеки от возможности, желания и воли его понять. Из этого можно сделать много выводов. Например, что мы, может быть, и не хотим его реально понять или кто-то не хочет. И здесь уже возникают самые разные теории.

Возможно, у нас просто нет мозгов, и мы пребываем в помутнении сознания. Может быть, кто-то специально конфигурирует полемику экспертов и политиков таким образом, чтобы она протекала в заведомо тупиковом, никого ни к чему не обязывающем ключе. Этого тоже нельзя исключить.

К парадигме национальной истории

Теперь конструктивное предложение. Предлагается осмыслить актуальный политический момент в современной русской истории по ту сторону двух неадекватных мифов — как либерально-западнического, так и патриотического. Если мы по-настоящему осознали, поняли, вдумались в неадекватность преобладающей постановки вопроса, то мы тем самым уже существенно приблизились к сути проблемы.

Однако для того, чтобы осмыслить актуальный политический момент современной российской истории, нам надо иметь перед глазами парадигму национальной истории. Почему мы не можем корректно сформулировать вопросы о текущем положении России в мире и внутри нее самой? Потому что у нас нет консенсусной парадигмы истории. Парадигма истории — это вещь, целиком и полностью зависящая от культуры, и соответственно, крайне идеологизированная.

Судьба советской исторической парадигмы

Советское общество имело свою парадигму русской истории. Это было неуклюжее, безжалостное, параноидальное втискивание русской истории в парадигму марксистского представления о смене формаций. Концы с концами там вообще не сходились, но тем не менее четкая и строгая схема исторического процесса была — первобытное общество,

рабовладельческий строй, феодальный строй, капиталистический, потом социалистический, затем должен был наступить коммунистический. Следы этих формаций марксисты обнаруживали и в России. Эта теория слабо стыковалась с объективными данными русской истории, но это, может быть, не так важно, потому что история — это же не совокупность позитивных атомов, история — это гуманитарная социальная дисциплина, наука, где субъективные факторы имеют огромное, решающее значение.

Марксистская модель русской истории получила жестокий удар во время событий 1991 года, когда, претендуя на посткапиталистический характер социалистической цивилизации, советский строй раскрылся как девиация исторического развития в непонятно какую сторону. Советская история, советская парадигма истории рухнула. Конечно, на ней сформировалось старшее поколение преподавателей. До сих пор многие из них (втайне) верят в формации, в буржуазный строй, в феодализм применительно к русской истории и, так или иначе, оперируют с этой парадигмой. Но на ее конце, там, где должен быть либо коммунизм, либо продолжение социализма, находится некая зияющая дыра. Эта историческая парадигма имела бы, действительно, оперативное значение, была бы релевантной, если бы социализм длился до настоящего времени. Но когда она была опровергнута логикой социальной истории, которую уже невозможно игнорировать, она утратила свою релевантность в качестве приемлемой методологической концепции, эпистемы.

Те, кто вопреки всему желают пользоваться марксистской парадигмой истории и далее, предварительно должны ответить на такой вопрос: почему после семидесяти лет исступленного строительства социализма, которое унесло столько жизней в условиях тоталитарного строя, общество вновь в одночасье рухнуло в дичайшие формы самого разнузданного, омерзительного капитализма со всеми его «прелестями» — казино, лакеями, гламурными олигархами, проститутками, гигантским андерклассом в 5 миллионов (людей, живущих в России под чертой бедности), катастрофическим расслоением общества, беспризорниками и т. д.? Три

поколения бились за социальный идеал, сколько миллионов людей уничтожили! И для чего? Чтобы смотреть на Дерипаску, Канделаки, Ксению Собчак и Абрамовича с Прохоровым? Явно как-то не сходятся концы с концами в марксистской парадигме. Значит, для того чтобы снова принять во внимание марксистский подход к русской истории даже в качестве гипотезы, его сторонникам предстоит проделать колоссальную методологическую работу по пересмотру его основных моментов. И, скорее всего, если когда-нибудь такая работа будет кем-то полноценно осуществлена, мы увидим явно какой-то новый марксизм. В противном случае в том виде, в каком он есть, марксизм просто нерелевантен и экспликативной ценностью не обладает.

Сожжение либеральной эпистемы: конец Сороса

Какое другое понимание, какая другая парадигма русской истории, кроме марксистской, у нас есть? Попытка внедрения другой — на сей раз либеральной — парадигмы русской истории была предпринята в 1990-е годы. Фонд Сороса издал гору учебников, где русская история представлялась совокупностью дикарских недоразумений, кровавых заблуждений, тоталитарных деспотических режимов, рабского народа, лижущих державный сапог властвующих самодуров. По Соросу, так в России было всегда, пока не пришли академик Сахаров и Елена Боннэр (это как бы «Адам» и «Ева» нового либерального этапа), которые открыли всем глаза, пообещав: сейчас мы научим вас правам человека, мы научим вас демократии. Ну и их «пророк» Валерия Новодворская. Вместе они создали новый, правильный мир. Русская история начинается с Сахарова, Боннэр, Новодворской и поставок ношеной одежды (гуманитарная помощь), а все, что до этого, это только прелюдия к их появлению, кровавая, черная прелюдия авторитаризма, жестокого монархизма, Ивана Грозного, убивающего своего сына, кровавых большевиков, которые ничем не отличаются от кровавых царей, вечный цикл держиморд, сменяющих один другого, история города Глупова.

Попытки утвердить в качестве исторической эпистемы эту соросовскую версию предпринимались вполне

серьезно. Некоторые наиболее вменяемые учителя просто жгли эти учебники, не просто выбрасывали, а жгли их с ненавистью. При Гайдаре и Козыреве их завозили партиями и насильно пытались внедрить именно эту парадигму русской истории. Формально она была довольно стройной: тысяча лет кровавой неразберихи (прелюдия) и (наконец-то!) начало диссидентского движения в России. Вместо Достоевского — «Доктор Живаго». Не противоречивая концепция, с ней можно было работать, но она как-то не произвела ни на кого впечатления. В наше время попытка внедрить нечто подобное еще раз будет небезопасной для тех, кто попытается. Хотя фрагменты этой парадигмы можно иногда услышать и на телевидении, когда выступают, например, представители Высшей школы экономики — такие как Марк Урнов или Гонтмахер. А для авторского коллектива радио «Эхо Москвы» эта версия считается непререкаемой догмой. Венедиктов, Латынина и Альбац убеждены, что это правда в последней инстанции. И все же такая трактовка сегодня скорее недоразумение, нежели историческая парадигма.

Значение и история

Итак, сегодня отсутствует парадигма русской истории (в том числе политической истории), которая позволила бы нам идентифицировать, локализовать актуальный политический момент. Русское прошлое есть, а внятной русской истории нет. Мы можем перечислить исторические события, называть последовательность царей, вспоминать, что было Московское царство и Смутное время, потом избрание Романовых, церковный раскол, потом Петр, Екатерина, Суворов, Кутузов, декабристы, Распутин, потом пришли коммунисты, потом запустили Гагарина в космос, потом пришел Ельцин, потом — Путин. Все. Но это не история. Это не называется историей, потому что мы, перечисляя события, имена и даты, не способны выстроить их в логичную систему, которая объясняла бы их значение, их смысл. А то, что не имеет объяснения, не содержит в себе и никакого содержания. Это нечто пустое, как атомарный факт, который долго искали позитивисты и Витгенштейн и

обнаружили наконец-то, что его просто не существует[1]. То есть если мы даем описание события, но не даем его интерпретации, значит, это событие не обретает для нас никакого значения. Мы можем подробно и досконально описать какое-то явление в деталях, в красках, но, если мы не придаем ему значения, если мы это значение не связываем с системой других значений, значит, это не историческое событие. У него нет места в истории, у него нет исторического смысла.

Парламент — не место для политических дискуссий (Б. Грызлов)

Принимая активное участие в публицистических программах, полемиках, вращающихся вокруг актуальных вопросов современной российской политики, я пришел к выводу, что тот хаос, с которым мы имеем дело, не имеет шансов разрешиться в режиме общественных споров. Уже в силу того обстоятельства, что данная атмосфера совершенно не предрасполагает к действительно серьезному выяснению смысловых конструкций. В определенный момент мне стало очевидно, что сейчас наиболее важным было бы сосредоточиться на научной проблематике и на сфере образования. Наука и образование — особенно в области гуманитарных и социальных дисциплин — и есть то пространство, где транслируются и в некоторых случаях созидаются парадигмы и эпистемы социального знания. Сегодня без этих парадигм мы просто не сдвинемся с места.

Прежде чем у нас начнется политика, вместо того позора, который называется этим именем сейчас, у нас должна быть политология, философия политики, социология политики. Политология сегодня гораздо важнее, чем политика. Чем меньше сейчас происходит что-то в (такой) политике, чем меньше политических баталий будет идти, тем лучше. Путин это интуитивно понимает и постепенно деполитизирует российское общество. И наверное, это хорошо...

Деполитизация — это разбор на составляющие уродливых «политических» образований в стиле 1990-х, но

---

[1] См.: *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 2007.

также и создание откровенно неполитических образований типа «Единой России» или «Справедливой России», где вообще не ночевала никакая политическая мысль. И это правильно. Потому что, если бы она ночевала, она была бы, в наших условиях, бредовой. Слава богу, что там полный ноль, полная пустота. Эта пустота позволяет сосредоточиться больше не на публичных политических дебатах, которые всегда подверстаны под конкретный момент, а заняться парадигмальными аспектами, перейти от политики к политологии и философии политики. Нам, хотя бы в общих чертах, необходимо воссоздать то, чего у нас нет, то есть более-менее объективный консенсус относительно структуры русской политической истории, пока без знаков и предпочтений, без оценочных суждений.

Государство и народ: два полюса социальной и исторической эпистемы

В русском обществе на протяжении всей истории мы видим четкий дуализм государства и народа, более резкий, более четко выделенный, более диалектически заостренный, чем во многих других обществах. Нечто подобное есть везде, но в русской истории это выражено чрезвычайно выпукло. Высшие классы (касты, сословия) есть везде. Традиционно к ним относятся жрецы и воины, а ремесленники и труженики представляют собой низшие сословия (массы). Классовая стратификация наличествует в любом обществе. В русском обществе такое деление выражается еще более ярко в противопоставлении государства (правящий класс) и народа. То есть русские верхи и русские низы находятся друг с другом с какого-то исторического момента в постоянной социокультурной оппозиции. Приняв дуализм народа и государства за рабочую гипотезу, можно двинуться дальше.

«Русь» и «славяне»

Русская история, как мы ее знаем, начинается с призвания Рюрика. С прихода Рюрика начинается известный нам период русской государственности. И сразу ставится вопрос — кто является носителем государственности в тот пе-

риод? Носителем государственности является пришедшая с Рюриком дружина. Местные автохтоны, так называемые «земские бояре», которые представляют племенную или городскую аристократию догосударственного периода, начинают входить в трения с приехавшей варяжской дружиной и либо интегрируются в нее, либо, наоборот, нисходят на позиции социальных низов. Так возникают два полюса: «Русь» и «славяне» — их выделяли на первом этапе русской государственности историки Н.М. Карамзин[2] и Л.Н. Гумилев[3]. «Русь» — это совокупное название пришедшей с Рюриком варяжской дружины (Гумилев считает, что это были этнические германцы). Славяне — это местные жители, часть многочисленного славянского племени, расселившегося в VI–VIII веках по огромной территории от Балкан, Пелопоннеса и Фракии до Прибалтики и Среднерусской равнины. Вот из этих двух полюсов складывается историческая пара — славянский народ и русская государственность. Некоторое время «русское» и «славянское» не совпадают фактически, позже все начинают называть себя «русскими», но структурный дуализм сохраняется в паре «государство–народ». Давайте продлим эту историческую двойственность — уже как метафору — на остальные периоды русской государственности.

Много столетий мы называем «русским» и народ, и государство — откуда «Россия». На первом этапе народ назывался «славянами», а власть — «Русью». В терминах социологии элит Парето с «Русью» можно отождествить политическую элиту, а «славяне» тогда будут соответствовать «массам». Мы получили противопоставление между полюсом политической элиты, «Русью», которая несет в себе порядок, логос и государственность, с одной стороны, и народом, «славянами», которые несут в себе преобладающий культурный тип, язык, миф. В западноевропейской истории также есть выделенный нами дуализм, но он прослеживается не столь остро. Между народом и государством существует более очевидная обратная связь и сам по-

[2] См.: *Карамзин Н.* История государства Российского. Ростов н/Д, 1990.

[3] См.: *Гумилев Л.* От Руси к России. М., 2003.

рядок является более или менее однородным, захватывающим элиты и массы. В нашей же истории почти с самого начала мы видим два параллельных регистра социально-политического существования.

Русский логос и славянский мифос

Социально-политическая топика, социокультурная топика удваивается. Есть история — по линии «Руси», есть история — по линии «славян». Русь — это системное (почти механическое, упорядоченное) развитие социального логоса. Действительно, чтобы защитить, укрепить и отстоять государство, необходимо создать жесткую систему сбора налогов, обороны, построить централизованную сеть дорог, отладить систему управления. Для этого надо иногда резать по живому, жестко настаивать на своем, пускать в ход «железные тиски государства» (по выражению одного из персонажей романа Пимена Карпова «Пламень»[4]).

И есть живущий в мареве мифов, сновидений, ежедневных трудов, сложных и невнятных чувств народ с совершенно другой повесткой дня. Создается впечатление, что между государством и народом был заключен какой-то фундаментальный спор еще на самых первых этапах русской истории. И нельзя исключить, что именно этот спор — полудоговор-полусоперничество — и составляет искомую парадигму русской истории.

От Киевской Руси к Московской

На уровне государства («Руси») мы видим эволюцию — вначале великий князь и его дружинники организуют остов общей государственности. Потом расплодившаяся «Русь» в виде удельных князей, начавших бесконечные — вполне германские — распри, приводит Россию к краху. Потом начинается монгольское нашествие и возникает новый порядок, где над политической элитой «Руси» и, соответственно, над бедными славянами надстраивается еще и ордынская ханская аристократия, государственность Золотой Орды, раздающей князьям ярлыки на княжение. Опять — внеш-

---

[4] См.: *Карпов П.* Пламень. М., 2004.

ний порядок, внешняя надстройка государственности, а внизу живут, ходят, рожают детей, сажают хлеб — все те же самые люди, «славяне», народ. Потом приходит освобождение от татар и настает период Московского царства.

Здесь начинается новый цикл. Ославянившаяся «Русь», потомки Александра Невского, соединяются с энергиями тюркско-монгольского, степного импульса. И тут впервые мы видим отчетливый восход полноценной национальной идеи, где социальный дуализм между «Русью» и «славянами», между государством и народом, приобретает характер мессианского договора. Это идея «Москва — Третий Рим».

До сих пор, пожалуй, именно эта идея и является образцом того взаимопонимания, которое теоретически возможно между (русской) государственностью и (славянским) народом. Колоссальная энергия народа, его глубинный, вскормленный снами земли миф, воплощается в государственную идею, которая чутко улавливает эти настроения и связывает государство с достижением мессианской мистической цели — великой цели, превосходящей обычное структурно-логическое управление государством.

Иван Грозный не случайно является в памяти нашего народа архетипической фигурой. Он воплощает в себе тот период русской истории, когда, оставаясь разными стратами, представители народа и государственности находят общий консенсус, входят в резонанс. В этот момент происходит колоссальный подъем и начинается формирование того, что называется «Святая Русь».

В этот момент Русь действительно становится святой, потому что она перенимает у Византии эстафету последнего православного царства, которое, как известно, противостоит приходу антихриста. Во Втором послании святого апостола Павла к фессалоникийцам дается объяснение христианской государственности и функции царя, императора как катехона, как «удерживающего», как самодержца. Эта византийская миссия переносится на русских как народ и как государство, на русского царя, на русскую церковь. Русский (то есть «славянский») народ, который всегда тайно, вопреки верхней надстройке, вопреки Рюриковичам и татарам, сосредоточенно думал о чем-то своем, по-

ворачиваясь спиной к барину, который от него что-то требовал (пахать землю, платить оброк, идти куда-то воевать, что-то строить). И вот тут русская мечта начинает реализовываться уже в государственной сфере. Здесь свершается альянс, брак народа и государства.

Мы видим мобилизацию, мы видим военные завоевания, мы видим потрясения, и главное — рождение представления о Святой Руси. Русь становится святой после того, как мы освобождаемся от Орды, но мы освобождаемся от Орды в тот же самый исторический момент, когда падает Константинополь. Это ключевые события в нашей истории. Русь оказывается в середине XV века единственным политически свободным, мощным царством, где государственная религия — православие. Отсюда рождается идея «translatio Imperii», что на латыни означает «перенос империи». Согласно ей империя, Рим кочует от Первого Рима ко Второму — Константинополю, от Второго Константинополя — к Москве. Идея «Москва — Третий Рим» — это отправная точка русской истории, где в полной мере проявляется не формальное, но сущностное единение между Русью и славянами. Не понимая значения этого периода, не беря этого момента в качестве фундаментального и основного, трудно достроить логику последующих событий и осознать вектор развития предыдущих.

Московское царство — вот что нужно считать высшим пиком. После периода Ивана Грозного снова начинается постепенное разделение «Руси» и «славян», государства и народа.

Раскол как социологическое явление

Диалектика русской истории показывает нам приблизительно следующее. После XVI века синтез между народом и государством начинает постепенно утрачиваться. В ранний романовский период он поддерживается, это еще Московская Русь, но уже близка эпоха раскола и реформ Петра Первого, которые заново разведут «Русь» и «славян», или государство и народ, по разные стороны баррикад. Раскол был настоящей катастрофой русской истории.

История раскола имеет несколько фаз. Вначале патриарх Никон стремится создать русскую православную империю — православный религиозный империализм. Старообрядцы, последователи Аввакума, которые тоже являются сторонниками православного империализма, считают, что надо полностью сохранить все особенности Русской церкви (включая обряды, обычаи, древние редакции богослужебных книг и т. д.) как единственно истинной и спасительной из всех остальных православных церквей. Это не удается выдержать.

Мы имеем две патриотические, консервативные силы. Один империалист Никон, другие — фундаменталисты, традиционалисты русской партии Аввакума, старообрядцы. Никон ближе к государству, Аввакум к народу. Никон, мордовский крестьянин, интегрируется в «Русь», Аввакум — остается со «славянами». Вначале они действуют сообща во имя восстановления духовного единства Руси в кружке боголюбцев, к которому принадлежат и тот, и другой. Но вскоре сталкиваются в непримиримой схватке[5].

В результате побеждает третья сила. Мы думаем, что победил Никон. Но Никон был низложен в 1666–1667 годах И вместо него пришли, по сути дела, агенты влияния Ватикана — Паисий Лигарид, Арсений Грек и другие «гайдары» и «чубайсы» XVII века, которые сказали: «Хватит, с русской самобытностью заканчиваем, анафематствуем Стоглавый собор, который лежал в основе идеологии Москвы — Третьего Рима и отражал настроения эпохи Ивана Грозного, Золотого века Московской государственности, подверстываем обряд под новогреческие образцы». Стоглав был анафематствован, Никон низложен, старообрядцы прокляты еще более жестко. В конечном счете путь западническим реформам Петра Первого был открыт.

Церковный раскол отправляет народ, сознательный «народ», носителей народной идеологии к староверам. А пассивная часть «славян» покоряется государству против воли. Это раскол не только церкви, но и народа. Те, кто не хотел подчиняться, бежали на Дон. И не случайно в ка-

[5] См.: *Зеньковский* С. Русское старообрядчество. М., 2006.

зачестве такое сильное влияние имело старообрядчество. Старообрядчество — это русский народ, который стоит в своей русскости.

Русский народ делится на две части. Одна (меньшая) часть русского народа стоит, а другая (большая) — ползает. Но и та, которая ползает, ползает не просто так, но в своей русскости, в своей славянскости. Она просто не может встать, она расслаблена, у нее парализована воля. Но даже, если она будет ползать, все равно она будет по-русски ползать. Это важная часть, не надо ею пренебрегать. Ее надо любить, но в то же время и лечить. Как лечат и любят дорогих, но заболевших людей.

Но вот те люди, которые отстаивали с XVII века собственную идентичность жестко и последовательно, — это были старообрядцы, которых, по разным подсчетам, в XVIII веке было около трети населения. При этом показательно, что в старообрядчестве вообще не было представителей высших классов — преимущественно простые крестьяне, то есть простые русские люди, низшее сословие, то есть народ, «славяне».

Новые варяги и сбой веков в XIX столетии

После Петровских реформ, которые хорошо известны, появляются «новые варяги», опять немцы — Анна Иоанновна, Бирон. Наша политическая верхушка снова становится замкнутой в себе «Русью», на народ не обращает никакого внимания, начинает воспринимать его как колониальная администрация.

Если посмотреть на галерею лиц XVIII века, то среди аристократии мы не то что с бородой, но даже с усами людей не увидим. Все выбриты строго на латинский, европейский манер, одеты в кальсоны, с париками на голове, коса собрана в хвост. Даже визуально образ «Руси», политической элиты, уже фундаментально расходится с образом народа. А мужиков с бородами, в русском платье в XVIII веке при Анне Иоанновне в Санкт-Петербург не пускают вообще. Они должны либо переодеться, либо жить где-то за пределами города, чтобы не портить господам жизнь своими славян-

скими рожами и бородами. Смысл этого кощунства в том, что славянскость (народность, русскость) воспринимается теперь приблизительно так же, как африканскость американскими рабовладельцами, плантаторами из южных Штатов.

Отсюда начинается самое страшное крепостничество, эпоха западнических реформ XVIII века. Кое-какие элементы закрепления крестьян за землей, исходя из целесообразности защиты государства, были еще и при Грозном, но настоящее, дикое крепостничество — это как раз XVIII век. Период XVIII века является самым современным, самым модернизированным этапом русской политической истории, намного более современным, чем XIX век, не говоря уже о XX веке. Русская история не имеет прямой логики, у нее нет поступательного развития. В ней мы сталкиваемся с веками, которые по своему смыслу опережают следующие за ними. Дальше следуют века, наоборот, движения назад. XIX век в русской политической истории является шагом назад — к народности, к старине. Первая четверть века при Пушкине — мода на бакенбарды, усы, но к середине XIX века на портретах русской политической элиты, аристократии, а потом уже и царей мы видим полноценных русских бородатых людей, полностью соответствующих визуальному представлению о нерасчлененном образе аристократов и народа прежних эпох. Русь снова делает шаги навстречу славянам. Отсюда разночинство, народное просвещение и, наконец, освобождение крестьян.

Вся культура становится все более и более «славянской», «народной». В салонах при Пушкине уже вводится новейшая мода — говорить по-русски, а не по-французски[6]. Конечно, все еще говорят и мыслят по-французски, но уже можно услышать русские слова в разговорах аристократии, и люди не боятся, что их примут за лакеев. Еще более последовательно в сторону народа движутся мыслители славянофильского кружка.

---

[6] См.: *Виноградов В.* Стиль Пушкина. М., 1941.

Большевики и Ereignis

Доходим до 1917 года. Это великий переломный момент русской истории. Несмотря на мощную инфильтрацию народного сознания (мифа) в аристократическую «Русь» (логос), несмотря на все внимание со стороны «Руси» к «славянам», формулы, благодаря которой можно было бы соединить народ и государство в общем порыве, аналогичной идее «Москвы — Третьего Рима», фатально не находится. Несмотря на то что уваровская триада — Православие, Самодержавие, Народность — многообещающа, она так и не смогла сплотить снова элиты и массы. Многие представители власти не восприняли «народность» всерьез. Какая там «народность»? Эта черная кость должна пахать и молчать. Ее можно купить, продать. Отношение к крестьянству, к народу было очень высокомерным еще и в XIX веке. Но постепенно, по мере того как народность становится элементом общегосударственной программы, государство поворачивается лицом к народу, русскому народу, русской традиции и русским мифам. Отсюда возникает всплеск русской романтики, наши великие композиторы, которые берут за основы своих произведений фольклорные, народные сюжеты. Реабилитируются легенды, которые были либо достоянием староверов, как легенда о граде Китеже, либо исповедовались сектантскими народными массами. В XVIII веке никакого града Китежа не было. Это была старообрядческая легенда, и паломничество к Светлояру совершали исключительно старообрядцы. Ее ввели в культурный оборот лишь в XIX веке по славянофильским соображениям. Миф рвался в логос, и логос не ставил этому непреодолимых преград, прислушивался к мифу, вглядывался в него. Именно в этот период А.Н. Афанасьев собирает и систематизирует русские сказки, предания и легенды, восстанавливая некоторые аспекты древней славянской мифологии[7].

Но тем не менее окончательного воплощения в финальном синтезе эти глубокие интуиции не получили. Философия и культура Серебряного века от софиологов до Блока, Есенина и Клюева находилась, казалось бы, на рас-

[7] См.: *Афанасьев А.* Народные русские легенды. М., 1990.

стоянии вытянутой руки от окончательной формулировки той идеи, которая объединила бы власть и народ в новом мессианском порыве. Николай Второй окружал себя мистиками и представителями народных глубин (такими как Распутин). Он еще не понимал народ, но начинал его любить, очаровывался им. Народ получал образование, активнее включался в жизнь государства. Нащупывался и новый идеологический проект, где через Мережковского, справа, и народников и эсеров, слева, высокая мистика и стремление к социальной справедливости сливались в общей мессианской русской славянской утопии — в образе крестьянского рая. Появлялись теории согласования народа и государства, а также идеи создания альтернативного государства, народного государства, либо перехода властвующей элиты на сторону народа.

И вот приходит время «события», Ereignis по Хайдеггеру. Происходит Октябрьская революция, которая поначалу многими воспринимается как «то самое», как начало «мессианской эры». В этом моменте воплощается вся та гигантская энергия народа, которая копилась веками и не находила выхода при отчужденной послепетровской системе, в светской России. Многие знаки революции расшифровывались народом в духе ожидания начала «нового цикла», установления «рая на Земле». Именно так понимали революцию Клюев, Есенин и Блок в его поэме «Двенадцать». А. Платонов блестяще описывает метафизику русского «магического большевизма», увиденного глазами такого глубинного русского мессианства в книгах «Чевенгур» и «Котлован»[8].

Сталин — народный царь

Показательный момент — при большевиках столица переезжает из западнического Санкт-Петербурга в Москву, вместо «Третьего Рима» создается «Третий Интернационал». Марксизм и большевизм перетолковываются массами в рамках своей мессианской парадигмы. «Славяне» думают, что вся

[8] См.: Магический большевизм Андрея Платонова // Дугин А. Русская вещь. Т. 1, 2. Екатеринбург, 2000.

деятельность большевиков и комиссаров — это попытка построить по-настоящему народное государство, государство, которое было бы проекцией мифа, рожденного народом. Сами марксисты, однако, понимают все совершенно иначе. Напомню, что лозунг «Земля — крестьянам!» — это лозунг эсеровский, лозунг, совершенно не имевший никакого отношения к большевикам. Это была тактическая уступка Ленина и Троцкого для того, чтобы просто обмануть левых эсеров при формировании Советов и Учредительного собрания. Эсеров до конца обмануть не удалось, пришлось разгонять Учредительное собрание.

Большевики действовали исходя из своих параноидальных марксистских моделей, но воспринимались они и их действия совершенно в иной системе координат. Народное начало, которое проявляется во всю мощь на первом этапе, а потом затухает в конце 1920-х годов, позже находит центр кристаллизации в фигуре Сталина. Сталин не случайно многими сравнивается с Иваном Грозным. Кем бы ни были тот и другой в действительности — жестокость их никто не помнит, а если кто и помнит, то, может быть, втайне и благодарит за нее, — они прочно вошли в народный миф о «грозном народном царе». В бессознательном существуют другие закономерности, нежели в области сознания. Сталин воспринимается как русский царь, настоящий народный русский царь, сопоставимый только с другим русским народным царем, тоже довольно жестоким человеком, Иваном Грозным. Народная душа голосует за Грозного и за Сталина. Тем не менее постепенно после смерти Сталина снова начинается отчуждение государства от народа. Формируется новая политическая элита — новая «партийная Русь», состоящая из бюрократов, перерожденцев, начинается омещанивание социализма, предсказанное еще Достоевским.

Конец СССР

Последний этап русской истории — это крах коммунистической модели. Этот крах двойной — и с точки зрения марксистского логоса, это очевидно, и с точки зрения того народного мифа. Свобода народа грезить о том, что это его

государство, стала испаряться. В позднее советское время уже никто не считал, что это его государство, оно стало чужим. Но такого государства, пример которого нам показали Ельцин, Гайдар, Козырев, Абрамович и Березовский, мы тоже явно не хотели.

Вероятно, мы бы хотели, чтобы государство было более народным и менее бюрократичным. И чтобы еще одна «новая Русь» — на сей раз в лице либеральной олигархической реформаторской прослойки — снова, как в XVIII веке, не загнала русский народ в состояние тотальной, непролазной кабалы, и еще под аккомпанемент искусственных звезд, сомнительных киноисторий Тарантино и безудержного хамства «новых русских» господ, продающих страну. Освободившись от коммунистической системы, в качестве компенсации мы получили возможность смотреть по MTV программы с Бивисом и Баттхедом. Это, конечно, «серьезная» компенсация. У нас больше нет экономики, нет огромных кусков территории, нет 20 миллионов русских, брошенных за границей на растерзание русофобских режимов, нет социальной системы, зато у нас есть Бивис и Баттхед. И в принципе, по большому счету, это, наверное, то последнее, что нам не отключат. Остановятся троллейбусы, застрянут лифты, дороги занесет снегом, но телевидение будет вещать. Все может встать, но телевизор обязательно будет. Поэтому, видимо, оставят и электричество, но подведенное только к телевизору. Остальное никого не интересует, потому что пока массы интенсивно поглощают «чужие сны», они не опасны. Стоит отключить вещание — и они начнут, глядишь, думать самостоятельно. Посмотрел ящик — легче стало. Многие уже не отрываются от него, будто сами живут где-то внутри него.

Путин: движение на месте

Несмотря на то что мы мало говорили о Путине и Медведеве, то есть почти вообще не говорили о них, — мы описали в самых общих чертах тот топос социально-политической истории, где сейчас находимся и без которого просто ничего не могли бы сказать о Путине и Медведеве.

Итак, каково место в этой картине Путина и его политики? Путин прекратил продвигаться в том направлении, в котором мы шли в 1990-е годы. Он не предложил нам двигаться в каком-то другом направлении. Он сказал: «Все, хватит, мы, считайте, дошли, куда шли, теперь здесь останавливаемся и стоим». Периодически его спрашивают: «А когда мы снова пойдем?» Путин рассудил: чтобы больше не спрашивали, давайте назовем то, как мы стоим, «движением вперед». И в какой-то момент на вопрос: «Когда пойдем?» — он принялся отвечать: «Уже пошли!» — «А куда?» — «Вперед!» — отвечает Путин, не моргнув глазом, потому что на самом-то деле мы стоим, и «вперед» может означать все 360 градусов, куда можно посмотреть стоя. А так как вокруг нас что-то движется — и само не знает, куда оно движется (постмодерн все-таки!), то создается полная иллюзия полноценного движения.

Если говорить более серьезно, то Путин остановил процесс, который очень быстро привел бы Россию в бездну. Потому что при Ельцине в конце 1990-х годов «под Бивиса и Баттхеда» у нас потихоньку чуть не отложилась Чечня. Дальше окончательно пополз бы весь Северный Кавказ. Уже подготавливал свою государственность Шаймиев в Татарстане и Рахимов в Башкирии. Национальные республики объявляли одна за другой суверенитет. В общем, если бы это не закончилось, то России, как она есть сегодня, у нас бы не было. Путин сохранил Россию, и это немало. Он остановил процессы распада. Он сказал: «Всем замереть!» Не упасть и отжаться, нет, он этого не предложил. Никто не упал — все встали на месте и стоят.

И так всем понравилось стоять, что люди уже начинают это стояние, это откладывание движения, это нажатие на паузу воспринимать как динамичную, насыщенную жизнь. Кто-то сделал карьеру за это время, кто-то обогатился, кто-то разорился, а кого-то посадили. Но в нашей социально-политической истории мы все замерли.

Периодически кажется, что это такой теперь путь построения «новой государственности». Но государственность — это логос, это такая активная, агрессивная элита, одержимая либо волей к власти, либо другим рациональ-

ным пассионарным организующим началом. Государство строит «Русь», а «Русь» — это обязательно пассионарные властолюбцы и параноидальные интеллектуалы. Но их сегодня во власти-то и нет.

Либеральные пассионарии вроде Новодворской и Чубайса явно не прошли. «Славянских» пассионариев мы почти не поставляем, да что там, вообще не поставляем. А на нет и суда нет, решил Путин и оставил все как есть.

Кризис современной русской интеллигенции

Теперь о народе, «славянах». Бессознательное народа, его мифы, абсолютно такие же, как всегда. Народ не меняется, у него те же самые сновидения. В нем работает мифологическая программа бессознательного, она имеет свою структуру, свои закономерности — но все это надо правильно считывать. Кто-то должен выступить переводчиком народных грез на внятный язык рассудка. Эту работу в свое время выполняли славянофилы, а позже творцы великой русской литературы (Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой), вслед за ними — поэты и философы Серебряного века... О чем писал, к примеру, Блок? Он не просто любил Россию, любил русский народ, он пытался схватить структуру народной души — этой ускользающей, великой, священной женственности Руси-Софии. В образах, в картинах, в стихах, в романах, в пейзажах, в рассказах, в зарисовках шла огромная работа духа русской интеллигенции, которая пыталась — и подчас успешно — перевести в сферу рациональных моделей, художественных образов и философских обобщений, а также политических пожеланий и идеологических систем бескрайнее и вечное содержание национального бессознательного. Кем подобная работа ведется сегодня в нашем обществе? Увы, почти никем.

Народ есть, его бессознательное полно, как всегда, там идут очень серьезные процессы, прокручиваются фундаментальные сновидения, но нигде в современном российском обществе нет места, где этим бессознательным занимались бы носители логоса — тонко, нежно, с любовью погружаясь в его подземные лабиринты, пещеры, волшебные

царства — золотое, серебряное, медное и железное — в поисках скрытых там сокровищ. Никто не пытается выстроить переходник, операционную матрицу между нашим сознанием и нашим бессознательным, между народом и властью, между «славянами» и «Русью».

Пустая клетка

Власть догнивает или, скажем мягче, все подмораживает и подмораживает — сама по себе. Народ «хорошо сидит» — сам по себе.

Лет 15 назад можно было говорить о политическом моменте как о борьбе сил «прогресса», движущихся вместе с Ельциным и реформаторами в сторону Запада, и сил «остановки прогресса», которые возмущались этому курсу и ставили ему палки в колеса — как только могли. Было приблизительное деление на «реформаторов» и «красно-коричневых». У одних политической программой было движение в постмодерн, у других — всяческое нежелание идти в постмодерн, торможение, упирание ногами, мотание головой. Сегодня налицо остановка движения в постмодерн. Но куда же тогда идти? Вопрос вполне по Достоевскому, вспомните Мармеладова из «Преступления и наказания»: «Куда идти, когда идти больше некуда?»

Нет решения о том, что делать дальше. И поэтому путинский и медведевский проект, включая «Единую Россию», включая все, что мы слышим и видим от власти, представляет собой сейчас неплохо сконфигурированную пустую клетку, которую надо заполнить. И заполнить со стороны народа. Для этого народ должен сам немножко постараться и перевести свои интуиции хотя бы в некоторое подобие интеллектуальных формул — через культуру, через философию, через науку, через образование. С другой стороны, власть тоже должна задуматься, потому что постепенно, если это еще какое-то время продлится, навыки мышления у нашего политического руководства совсем пропадут. У любой — даже у самой дурацкой — власти должен быть определенный рациональный проект. И он должен быть так или иначе вписан в логику русской

политической истории, о которой мы говорили. Но иногда кажется, что его, увы, нет. Вместо этого нас обрадовали тем, что от негативной и заведомо провальной повестки дня отказались. Учебник Сороса мы спалили, а самого этого спекулянта с его фондами выгнали. Это похвально, но что дальше?

Нам сказали: это все, друзья, спалили, и больше учебников не будет. Что же получается — учебников вообще никаких не будет? Советские повыбрасывали, соросовские пожгли, нужны новые учебники. Кто их будет писать — это большой вопрос, потому что сами по себе они не пишутся. Учебник — это то, что обобщает серьезный и ответственный интеллектуальный, политический, социальный процесс — обобщает эпистему, превращая ее в педагогический инструмент. Но вот именно этой эпистемы, которая бы создавала образ нашего общества, у нас сейчас и нет.

Куда идти?

Вывод из лекции такой. Социально-политическая ситуация неплохая. Самое страшное, что было основным содержанием социально-политических процессов до Путина, то есть либерализация и вестернизация России, не то чтобы завершено, временно приостановлено. Но простого решения по выходу из этой ситуации, как сдвинуться с этого места, у нас нет. Мы знаем сейчас, куда не надо идти. Это верно. Но мы не знаем, куда надо идти.

Если никто не делает того, что должен был бы делать каждый — и каждый представитель «славян», и каждый представитель «Руси», — то это должны делать мы. Констатировав, что чего-то не хватает, что что-то потеряно, что что-то не сделано, надо найти, сделать, создать все это самим. У нас нет эпистемы, у нас нет пространства, где миф народа мог бы контактировать с логосом государства. Значит, мы должны выковать эту эпистему и создать такое пространство.

Эта тема совершенно открытая, работы хватит на всех, работы — непочатый край. И эта работа не может быть индивидуальным делом. Над этой задачей, над этой проблемой должны работать все мы.

Контрольные вопросы

1. В чем состоят слабые стороны либерального мировоззрения в современной России? Сильные?
2. В чем состоят сильные стороны консервативно-патриотического мировоззрения в современной России? Слабые?
3. Что больше всего необходимо России в будущем: логос или мифос?

Литература

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
Арон Р. Мнимый марксизм. М., 1993.
Джемаль Г.Д. Революция пророков. М., 2003.
Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007.
Дугин А.Г. (под ред.). Основы евразийства. М., 2002.
Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004.
Дугин А.Г. Философия традиционализма. М., 2002.
Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М., 1999.
Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб., 2007.
Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2006.
Дугин А.Г. Русская вещь: В 2 т. М., 2001.
Фроянов И.Я. Драма Русской Истории. СПб., 2007.

РАЗДЕЛ 4

ПРАВОСЛАВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. ДВЕ ПАРТИИ В РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ

Россия не страна, а цивилизация

В отношении русской идентичности принципиальной является аксиома: Россия — это не страна, это цивилизация. Для того чтобы подчеркнуть ее характер, сочетание в ней европейских и азиатских, западных и восточных черт, можно назвать ее евразийской цивилизацией. Данилевский не прибегал к термину «цивилизация», а говорил о культурно-историческом типе[1]. Россия — это особый культурно-исторический тип, восточнославянский, православно-славянский, или евразийский.

Подобная специфика изучения России как цивилизации должна быть положена в основание новой эпистемы. Для того чтобы ответить на вопрос, кто мы, и утвердить, обосновать, развить и транслировать следующим поколениям нашу идентичность в научной среде и в образовательном процессе, необходимо стартовать с этой фундаментальной позиции: Россия — как русская (евразийская) цивилизация.

Россия должна определять себя, сравнивая не с отдельными европейскими государствами (Францией, Германией, Бельгией и т. д.), но с европейской цивилизацией в це-

---

[1] См.: *Данилевский Н.* Россия и Европа. М., 1991.

лом. Как в свое время существовала Западная Римская империя Германских Наций, так же и приблизительно в тех же социокультурных границах европейские народы снова объединяются — на сей раз в Евросоюз. Аналогичным образом и Россия как ядро евразийской цивилизации призвана объединить вокруг себя те страны, которые временно выпали из этой цивилизации, создав на новом качественном уровне Евразийский союз.

Необходимо начинать писать статьи, монографии, защищать кандидатские и докторские диссертации, обосновывая тезис о цивилизационной идентичности России и подвергая критике противоположные взгляды (марксистов, либералов или националистов), необходимо разрабатывать основные критерии евразийской цивилизации, ее топику, ее структуру. При этом аргументация может и должна быть различной.

Провокационная идея создания «российской нации»

Как только мы признаем, что Россия — это страна, и тем более европейская страна, мы обречены впасть в сферу крайней неопределенности. Нам могут немедленно сказать, что если Россия — страна, то есть национальное государство, тогда почему бы от этой самой страны не отделиться малым народам — ведь внутри России как страны помимо русского этноса существуют и другие этносы. Признав себя только страной, Россия вынуждена будет наступать на самобытность и специфику этих этнических, конфессиональных и культурных групп, так или иначе интегрируя их, пытаясь сделать частью российской нации, так как в противном случае они отделятся. Сейчас проект создания российской нации активно разрабатывается. Он чрезвычайно опасен и неминуемо приведет к тому, что в какой-то момент мы должны будем отпустить некоторые этносы, которые явно возмутятся русификации и попытаются организовать свои собственные национальные государства, свои нации — как это произошло на постсоветском пространстве после развала Советского Союза. Если настаивать на формулировке «страна», мы придем к необ-

ходимости создания «нации» и судьба СССР ждет Российскую Федерацию. Создание российской нации подразумевает, что в России не будет признаваться никаких народов, этносов и культур — они смогут существовать только неформально, как частный индивидуальный выбор гражданина или группы граждан, по аналогии с общественным объединением.

В этом проекте России отводится роль посредника между современной западной цивилизацией и местными этносами. Русские выступают как лакеи западноевропейской культуры, которые призваны модернизироваться и европеизироваться сами, а далее выступать проводниками модернизации и европеизации для остальных, «еще более отсталых» этносов, которые живут внутри России.

Русские как модернизаторы не особенно нужны

В свое время бывший советник Шаймиева Рафаэль Хакимов сказал на одном из «круглых столов» в Москве правильную вещь: «Раньше мы, татары, приезжали в Москву из Казани для того, чтобы впитать в себя самобытную русскую культуру — Пушкина, Достоевского, Чехова. Русский язык был для нас действительно инструментом знакомства с прекрасной культурой. И мы чувствовали себя на своем месте, двигаясь вслед за русскими, развивая свою татарскую самобытность и свою культуру. А сейчас мы приезжаем в Москву, чтобы на русском языке прочитать учебник по маркетингу, по техническому анализу, переводы американских самоучителей — "Учись продать себя", "Искусство нравиться", "Как заработать первый миллион" и т. д. Но для этого русский язык нам в общем-то уже и не нужен. Мы можем взять английский текст и перевести его на татарский. Этого будет достаточно, чтобы постичь азы западноевропейской цивилизации. Зачем вы-то теперь нам нужны? Мы сами спокойно поедем в Англию, во Францию, в Сорбонну. Мы, татары, не глупее вас в этом отношении. Другое дело — та самобытная цивилизационная культура, которую вы создали и сейчас сами же и утратили, вот этого у нас не было. И мы готовы были жить в пространстве под сенью вашей идентичной самобытности и находить свое место. Но если

вы — просто передатчики западной модернизации, то мы и без вас обойдемся». Точно так же говорили многие чеченцы: «Зачем вы — русские — хотите нас завоевать? Чтобы научить тому, что вы сами получаете в институтах Лондона, Сорбонны или Америки? Если только в этом заключается ваша миссия, то мы и без вас это сможем сделать. Отправим свою молодежь туда учиться, и все».

Если Россия — цивилизация, то все эти темы воспринимаются совершенно иначе. Во-первых, мы можем оставаться привлекательными для других народов, не навязывая им необходимость одномерной принадлежности к одной и той же модели. Во-вторых, мы можем сохранить их самобытность, быть ее гарантом, способствовать укреплению этой культурной идентичности, ее эндогенному развитию. Хотят — модернизируются, не хотят — не модернизируются. И мы точно так же можем что-то заимствовать у Запада, а можем и не заимствовать.

Славянофилы и евразийцы

О том, что русская идентичность — это идентичность цивилизационная, первыми заговорили славянофилы, которые считали, что мы — особый восточнохристианский мир. Вначале требования славянофилов были достаточно умеренными. Они просто призывали признать нашу самобытность в рамках христианского и европейского мира. Но постепенно они радикализировались, и у второго поколения славянофилов, у Константина Леонтьева и Николая Данилевского, вопрос ставится уже более жестко: «Запад — это страшная вещь, мы не просто должны требовать равноправия с ним, мы должны вообще от него отвернуться». Леонтьев призывал к союзу с Турцией[2]. Кстати, он считал, что Османская империя ближе нам, даже чем славянские народы Восточной Европы. Он был русским консулом в Стамбуле и очень любил Турецкую империю как страну традиции, иерархии, порядка. Он предполагал, что если Россия будет идти в сторону Запада, то обе империи — и Российская, и Османская падут. Данилевский же утверждал, что рус-

[1] См.: *Леонтьев К.* Византизм и славянство. М., 1996.

ские — особый культурно-исторический тип, восточно-православный, отличный от романо-германского, и надо этот культурный тип всячески пестовать и укреплять. Еще более подробно эту линию проводили русские евразийцы. Лев Николаевич Гумилев в своих трудах дает фундаментальное обоснование самобытности русских как особого суперэтноса[3]. Фактически в его лице мы имеем дело с серьезной, мощной исторической и социологической школой, которая фундаментально аргументирует цивилизационную особенность России как цивилизации.

Актуальность полемики с западниками для выработки цивилизационной эпистемы

Россию считают страной (или нацией), как правило, либералы-западники, которым не нравится то, что Россия не похожа на Запад. Эта традиция тоже достаточно серьезна, но в наших исторических условиях неконструктивна. Однако именно в полемике с западниками и должна сложиться полноценная эпистема России как цивилизации. Здесь перед нами открывается гигантское поле — от древних истоков русской истории до настоящего времени. Было бы очень полезно задаться таким философским компаративным исследованием, сравнив эти две точки зрения, проследить их генезис.

Проблематика — страна или цивилизация — уходит своими корнями в глубь времен. Если мы рассматриваем более-менее современную постановку проблемы, то у истоков стоит спор славянофилов и западников. Но если мы копнем глубже, то в другой форме, в других терминах эта проблема ставилась значительно раньше.

Святейший Патриарх Кирилл: наступление церкви

То, что Православие является неотъемлемой частью русской идентичности, очевидно. Православная традиция, православная культура, православная церковь сформи-

[3] См.: *Гумилев Л.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992; *Он же.* О термине «этнос» // Доклады отделений комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. 1967; *Он же.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

ровали исторические пути нашего развития. Но в истории русского Православия были различные, подчас диалектически противоположные этапы. Наиболее известным сбоем является раскол — разделение в XVII веке на старообрядцев и новообрядцев («никониан»). Определенные диалектические, цивилизационные повороты в развитии русской православной идентичности, русской православной идеи можно обнаружить еще и раньше.

Сейчас избран новый Патриарх всея Руси Кирилл. Я убежден, что он — тот церковный деятель, который выведет православную тему, православную идею в нашем обществе на качественно новый уровень. Из чего-то смутного и неопределенного православие, которое подчас известно лишь через обрядовую сторону, постепенно превратится в массовом сознании в ясную и четко оформленную, обоснованную тысячелетней историей и глубочайшей философией национальную идею. Поэтому стоит более внимательно и пристально приглядеться к структуре русской православной истории — к тем циклам, этапам и настроениям, которые преобладали в русской церковной истории. Отчасти мы уже говорили об этом в предыдущей лекции, однако сегодня остановимся подробнее на ряде более специальных тем.

Катехон

Крещение Руси, как известно, произошло в 988 году при святом князе Владимире (его бабка, княгиня Ольга, приняла христианство еще раньше, однако не смогла привить веру своему сыну Святославу, отцу Владимира). Хотя в то время западнохристианская и восточнохристианская церкви еще не были формально разделены, противоречия между ними уже явно наметились. Одним из важных моментов трений была коронация Карла Великого в 800 году. Почему эта коронация была столь принципиальна?

После того, когда император Константин Великий Равноапостольный принял ориентацию на воцерковление империи, произошло сочетание христианской религии, которая до этого была в состоянии катакомб, и Римской империи. Христианская церковь тогда была единой — право-

славная кафолическая церковь (когда мы говорим «Русская православная соборная церковь», по-русски будет «соборная», а по-гречески «кафолическая»).

Когда церковь была поставлена в центре империи, произошло перетолковывание одного места из Второго послания святого апостола Павла к фессалоникийцам. Там сказано: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь»[4]. «Тайна беззакония» — приход антихриста. А на толковании загадочной фигуры «удерживающего теперь» («катехона») строится вся антология империи. Православная традиция вслед за Иоанном Златоустом под «удерживающим» понимает императора, который имел в православии официальный чин — внешний епископ церкви. Под «императором» имеется в виду и личность высшего монарха, властителя православной империи, и, метонимически, вся империя вместе. Удерживающий как император христианской вселенской империи мыслится как та инстанция, как то мистическое, политико-религиозное начало, которое препятствует приходу «тайны беззакония» и своим наличием откладывает на неопределенный срок наступление «последних времен». Лишь после конца императорской власти, то есть после падения Империи, состоится «приход антихриста». В этом специфика раннехристианских воззрений на роль и функции государства и государственной власти, что полностью сохранилось в Византии и в православной церкви вплоть до захвата Константинополя турками, и как мы увидим позднее, и после этого.

Статус патриарха и папы римского

Епископы крупных городов, в частности Рима, Константинополя, Иерусалима, Антиохии в Сирии и Турции, имели статус патриарха. Было несколько патриархов. Одним из таких патриархов был епископ кафедры Святого Петра в Риме, папа римский. Рим — признанный центр духовной жизни христианства.

[4] 2 Фес. 2:7.

Однако римский епископ, папа римский (его по-латыни называли «папой», а в греческой части называли аналогичных епископов «патриархами»), изначально не рассматривался как какой-то специфический, высший чин церкви. Он был одним из патриархов, патриарх священного города Рима, который — при всем значении первозванного апостола Петра, «камня, на котором основана Церковь», — имел равный церковный статус с другими патриархами.

Симфония властей: онтология империи

На основании этой пары «патриарх–император» сложилось православное учение о «симфонии властей». О ней, кстати, говорил после своей интронизации вновь избранный Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в ходе встречи с президентом Медведевым. Симфония властей означает, что социально-политическое устройство православной империи основано на альянсе высшего предстоятеля церкви с православным императором. Причем император всегда обязательно один (принцип монархии, единовластия), а патриархов может быть несколько — в разных значимых центрах христианства. Одна империя, одно государство, один император.

Император в таком симфоническом понимании не просто политическая фигура, которая должна быть подчинена церкви, это — важнейшая часть церкви, связанная с предотвращением прихода «тайны беззакония». «Беззаконие» — «аномия» по-гречески — толкуется здесь и в духовном смысле (переворачивание христианского уклада, христианских ценностей, вторжение дьявола и приход антихриста), и в политическом смысле (нарушение установленного порядка, попирание законов, отмена традиций, реформирование политической системы). Причем эти смыслы сливаются вплоть до неразличимости: судьба христианской церкви и судьба христианского государства, христианской империи неразрывно связаны между собой.

Отсюда возникает идея имперской онтологии, или византизма. Эта концепция связана с тем, что политические структуры православного государства несут на себе печать «катехонической» функции императора и, соответственно,

являются не просто светскими институтами, а сотериологическими инструментами. Сбор налогов в Византийской империи или защита ее рубежей также несут на себе отблеск священной миссии христианской государственности. Церковный и государственный порядок здесь тесно сходятся в общее делание, в «литургию» христианского общежития.

Православие воспринимается в такой модели шире, чем то, что ограничено пределами церковной ограды. Церковь плавно и постепенно, спокойно перетекает в государство. Государство становится внешней церковью, и глава государства, император, является епископом. Одно с другим неразрывно связано.

Отсюда возникает идея Священной Империи, понятой по-христиански. Ранее существовала дохристианская священная Римская империя, основанная на обожествлении функции императора в языческом духе. Теперь Римская империя становится священной в духе христианского учения.

Карл Великий и католицизм

Когда западные земли падают под натиском варваров, политическое единство Византийской империи рушится. Но империя и император сохраняются в восточной части — со столицей в Константинополе. Несмотря на то что император политически контролировал лишь восточные территории, он считался императором для всего христианского мира — в том числе и для Запада, попавшего под политическую власть завоевателей-германцев. Вместе с тем римские папы, епископы Рима, почитались авторитетнейшими Отцами Церкви, даже когда находились на политически отчужденном от империи пространстве. Был один император, «удерживающий» обе — западную и восточную — части Римской империи, и несколько патриархов — патриарх Константинопольский, патриарх Иерусалимский, папа римский (как один из этих патриархов). Постепенно в западной части христианского мира сложилась такая ситуация, что папа римский остался главным связующим звеном для разрозненных христианских народов Западной Европы, попавших под власть варварских князей. Его роль становится

очень важной не только в церковном смысле, но и в политическом, потому что он на фоне раздробленности обеспечивает Западной Европе политическое единство. Так постепенно складываются предпосылки католичества как доктрины, утверждающей за папой римским не только главенство всей христианской церкви, но и высшие политические функции.

В Византии сохраняется изначальная модель симфонии властей, какой она была после христианизации Империи. Но в VIII веке Карл Великий, пользуясь тем, что Византию более 100 лет сотрясает иконоборческая ересь (династия Исавров), а потом у власти оказывается женщина — православная императрица Ирина, объявляет себя самого «императором Римской империи» и заставляет папу Льва III помазать его на царство. С этого момента между Византией и эфемерной Западной Римской империей Германских Наций, провозглашенной Карлом Великим, начинаются противоречия, и все дело идет к расколу церквей (подчеркиваю, что это началось раньше, а не с 1054 года, когда он был официально и формально провозглашен). Империя Карла Великого у его внуков распадается. Но тем не менее статус императора Западной Римской империи сохраняется вплоть до XX века — Австро-Венгрия является последним ее остатком. На Западе постепенно утверждается католичество как самостоятельная социально-политическая модель. Духовным и политическим главой Запада становится папа римский, а не коронованный император. Тем не менее Византия реагирует на помазание Карла Великого очень жестко. Получается, что в наличии есть «два катехона», что совершенно не предусмотрено христианской концепцией. Это вызывает у православного мира подозрения в узурпации, и даже в том, что западное христианство уклоняется в сторону антихриста. Начинаются трения, которые приведут к полному разрыву между католической и православной церквями в 1054 году.

Русь и византизм

Теперь к России. Русь крестится в 988 году — в тот момент, когда раскол между православием и католицизмом был уже очевиден, хотя формально еще не провозглашен. Принци-

циально важно, что Крещение Руси происходит после помазания в императоры Карла Великого. Таким образом, Русь становится частью православной эйкумены с центром в Византийской империи. Киев напрямую не признает политическую власть византийского императора. Порой русские осуществляют набеги на Царьград и после крещения. Но тем не менее, входя в зону православного мира, мы получаем киевских митрополитов от Царьграда (Константинополя), от Византии. Киевские митрополиты — присланные к нам греки. В церковной иерархии над Русской церковью стоит патриарх Константинопольский. И в центре православной империи стоит византийский император, который является императором для всего православного мира. Есть великие князья — киевский, грузинский, сербский, болгарский и т. д., их много, но император один.

Митрополит Илларион: последние станут первыми

На Руси почти сразу после принятия христианства появляется очень важная фигура — митрополит Илларион Киевский. Он избирается митрополитом Собором славянских епископов, минуя патриарха Константинопольского, так как Русь в то время находилась в состоянии войны с Византией. Это первый и единственный период до Московской Руси, когда Русской церковью правил русский митрополит. Его поддерживало и русское духовенство, и великий князь Ярослав Мудрый, отчасти чтобы обозначить самостоятельность и самобытность Русского великого княжества. Однако следующего митрополита опять присылают из Константинополя — и этот порядок сохраняется вплоть до Московского царства, то есть до конца Византии.

Но уже в случае с митрополитом Илларионом мы видим первые признаки осознания русскими своей исторической миссии. В знаменитом Слове о законе и благодати звучит идея, что «последние станут первыми», подразумевающая: «Мы, русские, славяне, приняли христианство самыми последними, но нам предстоит священная миссия стать первыми по благочестию; у нас есть особая судьба среди других православных народов». Данная линия на несколько столетий опережает тот момент, когда мы полно-

стью вступим в самосознание этой мессианской идеи. Тем не менее она чрезвычайно важна, поскольку впоследствии станет сильной тенденцией. Можно обозначить эту тенденцию как «русско-русское православие», которое отчасти противостоит другой — «греко-русскому православию». Обе линии религиозно и догматически тождественны, но в них по-разному расставлены акценты: «русско-русское православие» (позже Святая Русь, «святорусское православие») предчувствует или на следующих этапах ясно осознает исключительную миссию именно русского народа в деле распространения и утверждения Христовой веры, тогда как «греко-русское православие» делает акцент на вселенской (наднациональной) природе православия и ориентируется на греческие образцы, стремясь полностью подражать именно им. На раннем этапе эти линии почти сливаются, но позже, как мы увидим, они расходятся все дальше и дальше.

Под монголами

На следующем этапе начинается раздробленность. Русь попадает под влияние Орды и политически впитывает принципы уже другой империи. Есть одна гипотеза, предполагающая, что Чингисхан взял свою концепцию глобальной мировой империи тоже из Византии. Согласно ей идея императора-солнца, императора-катехона, удерживающего приход антихриста, была занесена в Монголию несторианами. Несториане, расселенные вдоль восточных границ Византийской империи, принадлежали к христианской ереси, активно распространявшейся на Востоке. Среди монгольских войск, пришедших на Русь, многие были несторианами. Это обстоятельство подробно описывает Лев Гумилев.

Какое-то время Восточная Русь церковно зависима от Византии, но политически была самостоятельна. Потом она становится политически зависима от Золотой Орды и ее хана. При этом, в отличие от Западной Руси, здесь не утрачивается самобытная идентичность, которая, наоборот, только укрепляется, интегрируя разрозненные русские княжества вокруг Владимира и Суздаля, а позже вокруг Москвы.

Падение Византии и подъем Руси

И вот наступает ключевой для формирования русской идентичности момент. Это вторая половина XV века. Необходимо обратить особое внимание на синхронность двух событий, имеющих колоссальное значение для всей последующей русской истории. Практически в одно и то же время происходят два фундаментальных события. Одно — религиозное, церковное, другое — политическое. Религиозное — это падение Византии. Ему предшествует Флорентийская уния, когда православный патриарх и православный император отправляют посольство во Флоренцию, признают папу в качестве высшей инстанции и фактически принимают католицизм. Они полагают, что если пойдут на унию, на объединение церквей под главенством Рима, то Запад спасет Византию от нашествия подходящих турок-осман. Но отличие православия от католичества к тому времени уже насчитывает более трех веков и является сутью и смыслом идентичности православного мира, к которому относится и Русь.

В Москву после Флорентийского собора, где Византия подписывает унию с католиками и тем самым практически отказывается от своей церковно-политической идентичности и катехонической функции императора (ведь на Западе уже есть свой «император»), приезжает назначенный в Константинополе митрополит Московский Исидор, который начинает пропагандировать Флорентийскую унию. Однако русские не собираются это воспринимать, сохраняют верность своей вере, православию и, по сути дела, тому византизму, от которого только что отреклась сама Византия. Они сажают «еретика Сидора» в тюрьму, и тому с трудом удается бежать из Руси в Европу (где позже он становится католическим кардиналом). Какое-то время на Руси нет никакого митрополита. Но, как мы видим, Византия духовно отказалась от своих позиций, а Русь — нет. Казалось бы, вот момент, когда русское православие должно сыграть свою роль.

Флорентийская уния Византию не спасла, турки берут Константинополь. Императора больше нет, нет империи. Духовно греки поклонились папе римскому, который почти антихрист, то есть фигура для православных совершенно

еретическая. И вместо того чтобы получить военную поддержку, ради которой они и покорились, они не получают ничего, кроме обещаний, и падают под сокрушительным ударом, который нанесли им турки. «Это вполне закономерно, — решили русские, — правильно мы погнали Сидора, вот к чему ведет идти на поклон к католикам. Видно, приближаются последние времена, раз пала Византия, пал катехон». Пасхалии в тот период рассчитывались только до 1490 года — позже ожидался «конец света» — все признаки были налицо.

Практически в этот же период, во второй половине XV века, распадается Золотая Орда. При Иване III русские политически освобождаются от Орды окончательно и становятся полностью независимыми. Так в русском сознании сходятся несколько ключевых событий. С одной стороны, мы не поклонились папе римскому, сохранили верность православию, вопреки Византии, и по контрасту с греками, которые утратили независимость, в этот же самый момент мы ее приобрели. Греки поступили прямо противоположным образом: они поклонились папе римскому, пошли на уступки католикам, но проиграли, потеряли свою независимость и рухнули. Этот момент является точкой выхода «русско-русского православия» на авансцену и превращения его из подспудной тенденции в официальную идеологию Московской Руси.

Русско-русское православие и Третий Рим

С конца XV века мы вдруг начинаем осознавать себя совершенно в новой ситуации. Во-первых, мы впервые выбрали русского митрополита (митрополит Киевский и всея Руси Иона был избран на Соборе русских епископов в 1448 году). Во-вторых, впервые за 200 лет татарского ига мы получили независимую государственность. С этого момента начинается история Московского царства.

Русские, живущие в XV веке, фиксировали: православный император пал сначала духовно, потом и физически (вместе с империей) — духовно, когда поклонился Риму и принял унию, физически — когда Константинополь взяли турки. По сути, теперь должен был наступить «ко-

нец света». Но этого не происходит. В этой ситуации мы оказываемся единственным православным царством: политически независимым — раз и сохранившим православную веру — два. Именно здесь и рождается идея translatio imperii — концепция Москвы — Третьего Рима.

Первый Рим был Римской дохристианской империей, Второй Рим был Константинополь (это тоже идея translatio imperii, только первая ее фаза). Теперь империя переходит на русских. И Русь из периферии православного царства становится чем-то другим, становится Римом, центром мира, ядром спасения, становится Святой Русью. На русских конца XV века сходятся две фундаментальные исторические традиции: первая — это религиозная линия вселенского православия, переходящая на нас, превращая нас в единственный народ-богоносец, вторая — политическая, состоящая в том, что Русь является отныне последней и единственной православной империей, то есть государством, наделенным духовной миссией. Дальше остается сделать только один шаг — объявить великого князя Московского царем (императором). Это и происходит в XVI веке при Иване IV (где-то лет 80 уходит на размышления).

Сначала инок Филофей оформляет концепцию «Москва — Третий Рим», а при Иване Грозном происходит помазание великого князя в царя, то есть императора. С XVI века Москва — как Русская церковь, русский царь (и русское царство) и русский народ — начинает исполнять роль полноценного катехона и осознавать это.

Здесь берет свое начало идея о богоизбранности русского народа. Мы знаем утверждение, что все христиане (как и сами иудеи) признают богоизбранным народом ветхозаветных евреев. На этом основаны как Ветхий, так и Новый Заветы. Но после пришествия Христа «несть ни иудея, ни эллина, но во всех Христос». После этого все народы, входящие в церковь, принимающие христианство, становятся «избранным народом». Все христиане — избранный народ («hieros laos»).

Но постепенно от первоначальной апостольской катакомбной церкви начинают отпадать сухие ветви — ереси. Кто-то уклоняется в одну ересь, кто-то в другую, кто-то в

третью и т. д. В один момент от единой святой соборной и апостольской церкви отпадает католичество, «ересь папежников». Дальше в ересь уклоняется сама Византия, признавшая унию. Пока от церкви не остается «малый остаток» — русский народ, те «последние, которые станут первыми» (по предсказанию митрополита Иллариона). Вначале христианский народ максимально расширился (в сравнении с ветхозаветными иудеями), потом стал сужаться и свелся к богоизбранному русскому народу, «Новому Израилю».

Богоизбранность русских

В конечном итоге после падения Константинополя, заключения Флорентийской унии и распада Золотой Орды русские оказываются в положении древних евреев. Вначале это этническое избранничество ветхозаветной церкви ограничивалось одним народом, потом — при Христе и апостолах — расширилось на все христианские народы. Все они стали богоизбранными. Потом, один за другим, они стали от церкви отпадать, пока не остались русские, упорно стоящие в православии и сохраняющие верность церкви Христовой несмотря ни на что.

Русские — новозаветный избранный народ, открытый другим народам и одновременно несущий в себе самом истину спасения. Так формируется концепция Святой Руси и богоизбранности русского народа. Она тесно сопряжена с идеей катехона, с онтологией империи и с теорией «Москва — Третий Рим». Не понимая взаимосвязи между этими явлениями, мы никогда не сможем понять логику русской истории, логос русской истории.

Русский логос

Идея «Москва — Третий Рим» сохраняет свое значение вплоть до раскола. С середины XV века и по вторую половину XVII века мы так или иначе живем под сенью идей русско-русского православия. Именно русско-русского, а не русско-греческого. В значительной степени это стало фундаментальным структурообразующим моментом нашей идентичности. На целых 200 лет ощущение особой миссии, вверенной нашему народу, из смутного психологи-

ческого подозрения превратилось в четкую убежденность, уверенность, в учение, в доктрину, в идеологию, в мировоззрение. В Московской Руси произошла формализация интуиции русского народа о своем месте в истории, своем предназначении, смысле русской жизни.

Мы говорили ранее о том, что такое русский логос, русское самосознание, русская идея, которая должна родиться из русского самоощущения, русского мифа. В период середины XV — середины XVII века мы имеем дело именно с этим. На протяжении 200 лет в качестве официальной рационально признанной и осмысленной теории преобладало русско-русское православие. Бессознательные интуиции особости русского народа из ощущения превратились в доктрину русской государственности (народность, государственность, церковность, мессианство).

Отныне государство стало по-настоящему священным. В эпоху Ивана Грозного оно получило название «тягловое государство»: все тянут лямку спасения, и задача сотериологии — спасение души — плавно перетекает в идею борьбы с антихристом, злом, и далее — в идею осуществления государственного долга. Это онтология империи, которая ранее была отличительной чертой Византии.

Когда мы пытаемся понять, почему нынешние русские с таким трепетом относятся к государству, необходимо проанализировать именно данный период, когда государство воспринималось по-настоящему священным, сакральным. Оно было сакрализовано его сотериологической функцией. В остальные периоды мы лишь по инерции проецировали это московское 200-летнее отношение к «тягловому государству» на другие, уже менее соответствующие романовские, советские или современные демократические формы. Мы сакрализировали наше государство, полноценно воцерковили его именно в период XV–XVII веков. Это чрезвычайно важно, поскольку дает исторически наглядный пример того, как можно на практике достать из мифологического бессознательного национальное самоощущение и проявить его на уровне национального логоса. «Москва — Третий Рим» — одно из исторических изданий нашего национального логоса, быть может, самое полное,

самое удачное, самое совершенное. Все политические, социальные, церковные, религиозные, экономические институты были выстроены в тот период, отталкиваясь от этой фундаментальной идеи.

Никон и Аввакум: трагический спор

В эпоху раскола происходит реванш русско-греческой партии. Сначала не все идет однозначно. Никон предлагает проект воссоздания всех земель православных народов под эгидой Русской Православной Церкви. Он считает себя русским «православным папой» и в принципе полагает, продолжая имперскую идею «Москва — Третий Рим», что военные и политические завоевания восстановят нашу власть над отторженными от нас польско-литовскими католиками землями и частями русского православного народа, над Белоруссией и Украиной. Он задумывается даже о походе на Константинополь, об отвоевывании его у турок. И в этом его поддерживают некоторые представители греческой церкви.

Но в определенный момент Никон нарушает пропорции. Он предлагает: чтобы всех завоевать и распространить нашу благодать, катехоническую защиту — препятствие приходу антихриста — на все остальные православные народы, которые утратили самостоятельность и страждут под бременем папежников или басурман, мы должны стандартизировать русский обряд. Стандартизировать его не потому, что он плох и неправилен, а затем, чтобы быстрее привлечь к себе те части православного мира, которые уже в значительной степени подверглись вестернизации или оказались под новогреческим влиянием. В частности, ввели трехперстное крещение («щепоть», как называют его староверы). Никон делает также определенные обрядовые послабления, начинает очень неудачную книжную справу, где образцом служат греческие тексты, напечатанные и прокомментированные в Венеции. И в этот момент русско-русская часть православной церкви, такая же имперская, такая же мессианская, как и сам Никон, возмущается. Она, в лице Аввакума и староверов, считает, что «если мы самые лучшие, богоизбранные и богоносные русские, если мы ве-

рим в это, если это — правда, а не самообольщение, то зачем же мы должны жертвовать принципиальными вещами нашей веры, двуперстием, Студийским уставом, хождением посолонь, постановлениями Стоглавого собора, проведенного как раз в пик нашего вхождения в самосознание Третьего Рима, даже ради самого положительного и полезного, патриотического православного империализма?». Староверы отказались приносить духовную вертикаль русскости в жертву имперской горизонтали. Они посчитали, что это подрыв основополагающих устоев Святой Руси. Так между двумя версиями русско-русского православного империализма начинаются серьезные расхождения и трения, которые наносят непоправимый вред святорусской гармонии, симфонии властей, балансу между осознанием национальной избранности и вселенской миссией. Никон подвергает старообрядцев страшным гонениям. Староверов жгут десятками тысяч, пытают, вешают на крюки, морят голодом, засаживают в холодные погреба, ссылают в нечеловеческие условия на дальние окраины царства. Многие сами бегут от официальной «никонианской» Руси, превратившейся в «Новый Вавилон». Многие чувствуют близость «тайны беззакония» и скорый приход антихриста.

После раскола

В 1666–1667 годах в этот процесс включается новая сила. Царь Алексей Михайлович, недовольный властолюбием Никона, принимает решение опереться в борьбе с ним на представителей греческого духовенства (константинопольского патриарха).

Никона низлагают, Аввакума отправляют на сожжение в Пустозерск, развенчивают Стоглавый собор XVI века. Анафематствована и идея «Москва — Третий Рим». Это очень важно. Россия начинает осмыслять себя как мощное православное европейское государство и, по сути, сдает в архив идею национального избранничества, национального мессианства, идею Святой Руси. Русь прекращает быть святой. 200 лет она была догматически святой, а теперь она становится формально светской, а святой остается на бессознательном уровне, на уровне мифа. Идея «Святой Руси» и

«Третьего Рима» уходит в старообрядчество, глубоко в народ. На уровне официальной государственной идеологии доминируют иные, на сей раз греко-русские формы, где самобытность, мессианство русского народа полностью отрицаются, перечеркиваются, подвергаются осмеянию.

Реформы Петра

Проходит каких-то тридцать лет, и начинаются реформы следующего Романова — Петра Первого, который приступает к дальнейшей секуляризации, по сути, к ликвидации православия как такового (он чуть было не запретил монастыри и монашество как институт). Начинается превращение Русской православной церкви в некую помесь между протестантизмом и католичеством. Упраздняется русское патриаршество, вводится Священный синод, во главе которого стоит светское лицо. Феофан Прокопович, Стефан Яворский и другие деятели того периода переносят на православную почву католико-протестантские теологические споры, не имеющие никакого отношения не только к русско-русскому православию, но уже и к русско-греческому. Но тем не менее, несмотря на то что сюда в XVIII веке приезжают тамплиеры, формально некое подобие русско-греческого православия сохраняется. Полного перехода к западничеству нет. Но все то, что составляло русско-русскую православную идентичность, из официальной сферы переходит в сферу народного, коллективного бессознательного.

XIX век: новое издание старой полемики

Из сферы бессознательного на уровень самосознания русская идентичность вновь начинает подниматься в XIX веке, через славянофилов, Пушкина, Достоевского, Гоголя, через проект народного просвещения, когда все больше и больше крестьян и разночинцев получают возможность участвовать в культурной жизни. С этого момента загнанная в подполье идея Москвы — Третьего Рима, идея русского мессианства, русского избранничества постепенно поднимается на поверхность, но пока еще не на социально-политическую, а лишь как философская интуиция.

На сей раз им противостоят западники — Чаадаев, Герцен, Огарев и др. Изначально в русской истории «западниками» были сторонники «греко-русского православия», партия грекофилов, которые хотели удержать Россию и русский народ от самосознания своей собственной уникальной миссии и включить их в орбиту общеправославного мира. Именно византизм был на ранних этапах исконной (хотя и умеренной) формой русского западничества. Позже западниками были сторонники абсолютизма, такие как Алексей Михайлович и Петр Первый. После Петра западничество приобретает характер прямого подражания европейским державам, но православная оболочка все равно сохраняется. Западники XIX века, таким образом, являются продолжателями той долгой традиции, которая участвовала в многовековом внутреннем диалоге русского православия относительно его природы — является ли оно мессианским, уникальным, «русско-русским», либо это (периферийная) часть православной эйкумены (как православие «русско-греческое»).

Русско-русское православие и большевизм

В конце XIX — начале XX века в русском, уже религиозном самосознании, в русской религиозной философии стали доминировать русско-русские тенденции. С этим связаны в значительной степени труды таких авторов, как отец Сергий Булгаков[5], философ Д. Мережковский[6], поэт Н. Клюев[7]. В то же время наблюдается мощный подъем старообрядчества (в том числе и единоверия). В авангардной культуре дают о себе знать древние русские архетипы (например, живопись Васнецова). Русский логос снова хотел подняться на поверхность, но до конца не смог этого осуществить — вместо православно-русской, русско-русской национальной революции-реставрации, к которой многие готовились и которую многие ожидали, произошла революция большевистская.

---

[5] См.: *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. М., 1994.

[6] См.: *Мережковский Д.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1990.

[7] См.: *Клюев Н.* Словесное древо. М., 2003.

Нас вновь отбросили еще на один этап от искомой цели. Третий Рим стал Третьим Интернационалом. Столица возвращена из Петербурга в Москву. Такое впечатление, что какие-то силы продолжали действовать по тому сценарию освобождения русского логоса, который наметил наш народ еще раньше. Но в чем-то этот процесс был сбит, сорван, подменен, пущен по другому направлению. Кое-что из планов русского бессознательного реализовалось (хотя и в искаженной, подчас карикатурной форме), а кое-что — решительно нет.

В результате постоянно растущая диспропорция между русским мифом и советским логосом привела к распаду Советского Союза, так как политический режим, абсолютизировав материалистическую атеистическую догматику, оторвался от живительных корней русского бессознательного.

Русское православие сегодня

Теперь нам понятно, чем может стать русское православие сегодня, как оно может аффектировать нашу идентичность. Мы знаем, что в 1971 году, еще при советской власти, официально были сняты проклятия со старообрядцев. Церковь признала, что старообрядцы являются полноценными православными людьми. Были сняты клятвы со Стоглавого собора, а Собор 1666–1667 годов был, наоборот, перечеркнут — его решения «вменены яко небывшие». Таким образом, в рамках нашей современной православной церкви создана прекрасная, в том числе и догматическая база для возрождения русско-русской православной идентичности. Конечно, сейчас эта тенденция пока еще не получила широкого распространения, но такие фигуры, как нынешний Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, епископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий или архимандрит Тихон Шевкунов, наместник Сретенского монастыря в Москве, и многие другие, являются знаковыми фигурами именно этого направления. Сейчас мы стоим перед тем, что православная составляющая нашей идентичности будет более значимой, чем раньше. Она будет нарастать.

Но какая православная идентичность будет возрастать и как будут складываться отношения греко-русской церковной партии и русско-русской церковной партии? Я попытаюсь описать, в чем состоит их фундаментальное, концептуальное различие.

Одни считают, что Русь до сих пор выполняет функцию катехона, поэтому русская государственность является потенциально мистической и сакральной, несмотря на то, кто стоит во главе нее, а русский народ остается богоносцем — независимо от его сегодняшнего довольно жалкого положения. Отсюда возникает идея обороны России и русской цивилизации от глобализации, Запада, постмодерна, современной культуры, финансовой экономики и т. д. Все это дополняется живым чувством угрозы со стороны «мира антихриста». Формулируется императив не только религиозного, но и государственного служения.

С другой стороны, наблюдается более мягкое, более «универсалистское» православие, ориентированное на греческие образцы, на эмигрантскую теологию (Мейендорф, Шмеман), которое в принципе не рассматривает катехоническую идею, не стремится сакрализировать государство.

Православие в данном случае предстает исключительно как религиозная, а не социально-политическая модель. Здесь нет каких-то иллюзий относительно значения исторического и религиозного избранничества русских. Мессианское значение российской государственности нивелируется, соответственно, лишается глубинного, метафизического измерения и служба государству как таковая.

Эти две тенденции соприсутствуют в нашем современном контексте и будут влиять на то, какая православная идентичность станет доминировать в нашем обществе на следующем этапе.

К русской социологии

И в завершение хочу сказать несколько слов относительно русской социологии. В русском обществе есть важная отличительная черта — для нас коллективное первичнее, нежели индивидуальное. Соответственно, та социология, которая изучает русское общество, должна отталкиваться

именно от этого принципа. Если мы будем дробить наш народ на индивидуумы, опрашивать его по одному, пытаться сложить общее мнение, мы никакого общего мнения не получим. В момент разделения на индивидуальность мы утратим самое главное. Если механический прибор можно разобрать, а потом собрать, то живое существо (как, например, кошку или собаку) разобрать и собрать не получится. Поэтому и к русскому народу с точки зрения социологии надо относиться как к «большому человеку».

Все русские, все наше общество в целом составляет единое существо, смысл, значение и реакции которого можно понять только в совокупности. В этом заключается фундаментальное отличие нашей коллективистской социологии и антропологии от западноевропейской. Не случайно многие соцопросы, исследования русского общества, в которых игнорируется данная особенность нашей антропологии, становятся неадекватными. Теория соборности, на которой основана наша церковная идентичность, как раз и является одним из изданий этой холистской антропологии.

Поэтому полноценная русская социология, которую только еще предстоит фундаментально разработать и отстоять, должна руководствоваться следующими принципами:

- рассматривать Россию как цивилизацию;
- учитывать баланс мифа и логоса в нашем обществе;
- учитывать структуру специфического русского логоса;
- уделять повышенное внимание русскому православию, его внутренним течениям в прошлом и настоящем;
- корректно оперировать с проясненной структурой русского мифа (учитывать мощнейший фактор коллективного бессознательного);
- выстроить передаточные матрицы между семантическими полями западной цивилизации и русской цивилизации.

И самое главное. Чтобы разработать полноценную русскую социологию, надо по-настоящему любить Россию.

Контрольные вопросы

1. На ваш взгляд, Россия — это страна или цивилизация? В чем разница?
2. Актуален ли сегодня спор славянофилов и западников?
3. В чем задача русского православия на современном этапе?

Литература

Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб., 2007.
Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2006.
Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004.
Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. СПб., 2009.
Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html
Савицкий П. Континент Евразия. М., 1999.
Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНСЕРВАТИЗМ И РОССИЯ

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОФЕССОРА АЛЕКСАНДРА ДУГИНА В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 18 ФЕВРАЛЯ 2009 ГОДА

У нас появилась уникальная возможность пообщаться с профессором Александром Дугиным. Приятно, что созданный Центр консервативных исследований собрал немало людей и с юга страны, которые болеют за Россию. Появилась договоренность, что Александр Гельевич будет как минимум три раза в год приезжать к нам в РППК. Естественно, все студенты и все аспиранты, которые хотели бы приобщиться к его интеллекту, к его идеям, отныне получат такую возможность. Александр Дугин также дал согласие частично руководить здесь дипломными и аспирантскими работами.

Александр Дугин: Отрадно, что после активной поддержки Центра консервативных исследований в Москве, Санкт-Петербурге его идеи и проекты находят позитивный отклик и в Ростове. Благодарю за теплый прием.

Главное для нас — осознать насущную проблематику, понять основные вызовы современности. Сегодня существует колоссальная проблема, которая по отношению к России исходит из самых разных источников. С одной стороны, это внешние источники. Мы можем говорить о глобальном экономическом кризисе. Данная проблема рано или поздно затронет нас всех. С другой стороны, крайне важен внутренний источник — это неопределенность на-

шей идентичности. Эту внутреннюю проблему в разговоре со мной недавно очень точно сформулировал один известный московский священник, настоятель Сретенского монастыря отец Тихон Шевкунов. Он заметил, что «Россия до сих пор не может определиться с национальной идеей, потому что идея ускользает от нас». Это абсолютно точная констатация.

Раньше деньги, которые выделялись на поиск национальной идеи, банально разворовывались. Начиная с ельцинских времен, был ряд проектов и ряд бюджетов, сформированных под них. Все деньги были израсходованы нецелевым образом. Затем данную тему и вовсе заморозили. Любой человек, который поднимал в Кремле тему национальной идеи, говорил, что нужен еще один бюджет, так как «все, что выделили ранее» уже куда-то исчезло. Сегодня тема «распила национальной идеи» завершилась. Однако дело не в том, что крайне важное для страны дело поручали не тем людям. Разработать национальную идею невозможно даже «не жуликам».

Национальная идея — нечто особенное, она рождается из самосознания народа, воплощается через работу интеллигенции, научных кадров, через культуру, через произведения искусства, через религиозные процессы, происходящие в обществе. С большим трудом национальная идея находит себе место на разных исторических этапах, в разных средах — в том числе и во власти. Подчеркиваю, что о власти я говорю в последнюю очередь. Очень редко, но бывает, когда власть сама приходит и приносит эту национальную идею. Это происходит в том случае, если данная власть «идеационная» (по Питириму Сорокину) или «идеократическая» (по евразийской терминологии). Наша власть явно не такова, она, скорее, прагматическая, техническая. Это не фанатики, эти люди пришли на свои посты довольно случайно и разбираются с тем, что им досталось. Поэтому никакой национальной идеи они нам предложить не могут, потому что у них ее попросту нет.

У нас есть народ, то есть субъект истории. Но это народ без самосознания. Однако всем нам свойственно национальное самоощущение. Самоощущение есть, а само-

сознания нет. Таким образом, на мой взгляд, одна из главных задач современной школы, современной педагогики, современной науки и уж потом современной общественности и современной власти — это *перевести национальное самоощущение в национальное самосознание*. Это значит понять, как нам перейти *от коллективного бессознательного к коллективному сознанию*. Как перейти от Юнга к Дюркгейму, от психоанализа, психологии, психоанализа глубин к социологии, к той сфере, где действует социальный логос. Социальный логос — это и есть национальная идея (если мы говорим о каком-то отдельном ограниченном обществе), это совокупность тех рациональных институтов, процессов, тезисов, ценностей, которые народ над собой воздвигает. Если это полноценный социальный логос, то он одобряет то, что выдвигает. Если неполноценный, то его просто навязывают. Но даже это не важно — главное, чтобы он был.

Мы снесли чуждый нам социальный логос либеральной идеологии, а не такой чуждый, но отживший свое логос коммунистический — рухнул, постепенно разложился на кусочки. Сейчас мы стоим перед проблемой пустоты. Национальной идеи извне мы уже не получим. Я объяснял на своих лекциях в Южном федеральном университете, что такое постмодерн и насколько постмодерн не пригоден для того, чтобы исполнить наши ожидания в идеалистическом или идейном плане, в форме непротиворечивой системы социально-политических концепций ценностной модели. Поэтому остается одно — заглянуть в наше бессознательное, исследовать его адекватными методами и вытащить оттуда праоснову, пусть не саму национальную идею, но такой ее набросок, ее приблизительный чертеж. Именно таким образом можно определить ту сферу исследований, на которой фокусирует свое внимание Центр консервативных исследований в Москве, Петербурге, Ростове, Екатеринбурге, Нальчике и чему будут посвящены дальнейшие мои курсы, и чему, собственно, посвящены все мои книги.

На самом деле, это не что-то новое, просто сейчас на новом уровне мы подходим к задаче вытащить, выловить из

русского коллективного бессознательного русское «коллективное сознательное». С этим есть проблемы, потому что у нас «сознательное» — обычно не русское или не совсем русское. Своим умом, что называется, мы жить не привыкли. У нас есть замечательная, прекрасная загадочная русская душа, но уже в XIX веке проблема стояла довольно остро. Вспомните слова: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать. В Россию надо только верить». Это звучит как похвала. Но, коллеги, это одновременно и диагноз. Если мы не можем чего-то понять умом, соответственно, мы просто не тот ум прикладываем. «Общим аршином» — имеется в виду аршином западноевропейским. Да, им точно не измерить. И западноевропейским умом точно не понять. Но разве вариации ума заканчиваются лишь на современной Западной Европе? Конечно нет. Мы просто ленимся подобрать к нашей душе, к русской тайне правильные логические формулы. Мы ленимся извлечь из себя наш собственный русский логос. Я имею в виду не этнический русский, а русский — в широком смысле. Русский определяется идентичностью, это понятие принадлежности к цивилизации, к культуре. Поэтому данный логос шире, чем только этнический великоросский. Так вот, поиск русского логоса является главной задачей Центра консервативных исследований и тех курсов, которые я здесь (и не здесь) читаю и буду читать в дальнейшем.

Теперь что касается кризиса. Экономический кризис тоже представляет собой очень интересное явление. Во-первых, в нем есть глубокая идеологическая подоснова. Она связана с эпохой постмодерна. При переходе к постиндустриальному обществу меняются базовые установки экономической модели, причем не меньше, чем при переходе от аграрного общества к промышленному. Постиндустриальное общество основано на доминировании финансового сектора, где объем финансовых средств, финансовых бумаг и так называемых деривативов (производных финансовых инструментов от тех или иных конкретных экономических активов) во много раз превосходит объемы реальной экономики. Также некогда экономический потенциал, связанный с промышленным сектором, во

много раз перекрывал сектор аграрный и объем средств, которые в нем вращались. Именно с фундаментальным кризисом новой виртуальной экономики, основанной на порядке деривативов, порядке финансов, отрывающихся от своего реального сектора, от промышленности, и связано то, что мы переживаем, то есть кризис. Иными словами, западное общество, европейское и американское, начиная с 1960-х годов, стало переходить к новой фазе. Ее пиком стал порядок финансовых пирамид — наподобие МММ. У нас был такой МММ, когда некто Леня Голубков предлагал принести всем деньги ему — «дашь рубль, получишь десять завтра». Примерно по такому же, но более усложненному, детализированному принципу построена система глобальной финансовой экономики. Ее рост считался бесконечным, а процессы безупречными. Происходит значительное стимулирование спроса, создание дутых потенциалов, показатели роста экономики растут, на них выпускают векселя и деривативы, которые опять становятся объектами рынка, на них выпускают еще фьючерсы, потом все это хеджируется, и таким образом финансовый порядок приобретает самостоятельное значение, полностью отрываясь от рыночного капиталистического фундаментала — то есть от баланса спроса и предложения. Это как раз то, что мы переживаем сегодня. Это не крах капитализма, это крах посткапиталистической экономики, которая уже в огромной степени оторвалась от своего реального потенциала.

Вменяемые, трезвые экономисты, которые не верили в гипноз МММ и обещаниям Лени Голубкова, уже давно предрекли экономический кризис. По их прогнозам, он должен был произойти еще в сентябре 2000 года, в момент падения так называемых .com (дот-комов). Подчас капитализация (вы знаете, что такое капитализация: это общий объем суммы акций, торгуемых на бирже) превышала реальную балансовую стоимость тех или иных предприятий до тысячи раз.

Вспомним, к примеру, компанию Yahoo, которая побила рекорд в конце 90-х годов прошлого столетия. Ее акции продавались в тысячу раз дороже, чем стоимость самой этой компании. Оказалось, что в Yahoo сидело всего

несколько человек, которые в основном все деньги брали у акционеров и тратили их на рекламу. В реальности это была простейшая схема поиска ресурсов в Интернете. Соответственно, если бы люди попросили объявить дефолт компании Yahoo, то каждый держатель акций получил бы одну тысячную часть ее стоимости. Потому что там, грубо говоря, торговали воздухом.

И вот когда кризис .com (дот-комов) в 2000 году подходил к своей необратимой черте и когда держатели акций были готовы уже предъявить их к оплате ввиду постепенного удешевления, мировая экономика оказалась на грани коллапса. В это время появился Бен Ладен, самолеты, которые сломали две американские башни. После этого произошло вторжение в Афганистан, в Ирак. Все это геополитические последствия. Но были последствия экономические.

В связи с национальным трауром биржи не работали около недели. Но в момент открытия индексы уже были совершенно иные: .com (дот-комы) и многие сопряженные активы подешевели в тысячу раз. То есть люди как бы обанкротились, но не заметили этого. Вначале они подумали, что сейчас все вернется на место, а потом начали предпринимать следующие вещи. Одну часть мыльного пузыря сбросили под Бен Ладена и под террористическую атаку. Вторая часть стала закачиваться в различные ресурсы, активы, которые еще можно было продать. С этого момента начался колоссальный рост цен на недвижимость во всем мире. Какое-нибудь бунгало в Африке, которое стоило 30 центов, продавалось уже за одну, две тысячи долларов. Квадратный метр в «хрущевке» отдаленного провинциального города в Ростовской области вдруг стал стоить три тысячи долларов. Почему? Совершенно не понятно.

То же самое произошло с нефтью и газом. Мыльные пузыри начали загонять в стоимость нефтегазовых активов. Нефть, конечно, стоила гораздо дешевле, но надо было к чему-то привязывать эти надутые пузыри финансовой экономики, которая чуть было не увлекла в финансовый кризис мировую экономику в 2000 году.

Наиболее серьезные экономисты, такие как Валлерстайн, Хомский, наши — Михаил Хазин и Андрей Кобяков

еще с конца 1990-х годов точно описывали и предсказывали крушение этой финансовой системы. Крах был ненадолго отложен. Самое неприятное, что мы, вместо того чтобы воспользоваться высокими ценами (например, на нефть и газ) и создать свою экономическую модель, реальную экономику, которая бы в случае наступления коллапса могла хоть как-то функционировать, просто стали проедать эти дармовые деньги, пускать их на развлечения, помогать отдельным экономическим, финансовым институтам, развивать собственные биржи. То есть, подражая глобальному финансовому постиндустриальному надувательству, мы стали создавать российский постиндустриализм на базе торговли природными ресурсами. Ужаснее и провальнее такой экономической политики сложно себе представить. Причем существовали прекрасные анализы крупнейших мировых экономистов, доказывающие, что рано или поздно этот праздник жизни завершится и все рухнет. Правда, в конце 1990-х годов пара американских экономических «гениев» Роберт Мертон и Майрон Шоулз даже получили Нобелевскую премию за доказательства того, что коллапса такой экономики не будет никогда, что она будет расти вечно. Вероятно, это и стало аргументом для Кудрина, Дворковича, Шувалова, Фадеева, Юргенса и для других наших либеральных экономистов. Но на деле произошел полный крах западной посткапиталистической системы. И из нее все будут выбираться по-своему, кто во что горазд. Причем не либеральными методами, потому что они уже не действуют.

И вот Россия, которая поверила и повелась на либеральный соблазн, которая поучаствовала в этом росте и растащила по карманам нефтедоллары, сейчас в инерциальном режиме экономики функционировать не может. Надо что-то предпринимать. Однако у нашего руководства за последние 8 лет не сформировалось по этому поводу никаких идей. Пройдет еще какое-то время, прежде чем наша политическая элита осознает, что произошло. Вероятно, пока ее представителям не хочется верить и понимать, что это конец, и насколько он глубокий и серьезный. Им хочется верить, что ничего страшного, «как-нибудь обойдется».

Соответственно, в определенный момент потребуются альтернативные экономические предложения из другой сферы, нежели либеральная «вульгата». Здесь как раз и потребуется задействовать потенциал наших ученых, наших интеллектуалов, наших трезвомыслящих представителей экспертного сообщества для того, чтобы предложить новую модель экономики России.

Итак, мы — страна, у которой русский логос пока еще не извлечен из национального бессознательного на свет божий, он лишь отдаленно брезжит и мерцает. С другой стороны, вокруг нас бушует экономический кризис, который давал хоть какую-то возможность купить «сникерсы», которые неизвестно кто и неизвестно где производил. Мы знаем, что у нас огромное количество продуктов производилось за пределами Российской Федерации, а наше сельское хозяйство никто не развивал, на него плюнули, потому что это было не интересно и гораздо проще было продать нефть, купить что-нибудь у голландцев и продать здесь — в Москве или Ростове. Вот сейчас этому всему придет объективный конец.

Но на основании слепого национального чувства мы тоже далеко не уедем, потому что в бессознательном многие вещи приобретают довольно тревожный характер. Русское самоощущение — как сновидение. Там все обманчиво, все обратимо, все расплывчато.

Кризис свидетельствует и о крахе экономического западного логоса. На сей раз Бен Ладена не оказалось. Они, видимо, пытались отложить кризис большой войной в Грузии — не удалось. Подталкивали Ющенко и Тимошенко, чтобы начать российско-украинский конфликт, — тоже не получилось. Соответственно, пришлось обваливать собственные банки, ипотеки, биржи, так как отвлечь внимание на сей раз не удалось.

Итак, я изложил наиболее важные факторы, которые необходимо осмыслить как в научном сообществе, так и в педагогической практике, поскольку мы должны готовить подрастающее поколение, чтобы оно было русским более осознанно, чтобы русская идентичность поднялась на следующий уровень. Это задача всех нас, работников высшей

школы. А с другой стороны, необходимо, конечно, выстроить, сконструировать модель адекватного экономического, социально-экономического, социально-политического мышления, которая подскажет некий сценарий того, как России вести себя в ситуации глобального кризиса, который уже, очевидно, не является просто техническим сбоем саморегуляции рыночной системы. За последние десятилетия мы перешли из индустриального рынка (где сохранялся фундаментал спроса и предложения) к постиндустриальному (к порядку деривативов, стимулированному спросу, доминации виртуальных финансов). Я бы обратил внимание молодых специалистов, студентов, аспирантов, ученых именно на эти проблемы. Мне кажется, это очень актуальная, интересная и важная, значимая тема. Необходимо писать на эту тему дипломы, защищать кандидатские и докторские диссертации. Этот спектр проблем, безусловно, будет крайне востребован.

Как Вы относитесь к русским? Любите Вы Россию? Как Вам видится ее будущее?

Александр Дугин: Я к русским отношусь с любовью, я сам этнически русский человек. Моя задача — стать сознательным русским. Однако я люблю и бессознательное русское. Как англичане говорят: «My country, right or wrong» («права или не права, это же моя страна»). Вот и у меня другого народа нет. Я люблю наш народ в любом его состоянии: и бодрым, расправившим плечи, и ползающим на карачках. Я люблю Россию абсолютно и считаю, что это высшая ценность. Что касается будущего, я вижу его в том, что мы начнем дополнять нашу природную, талантливую, бесконечную, гениальную душу сознанием и умом. Если мы не будем идти в этом направлении, если мы не будем двигаться к национальному самосознанию, то вновь попадем в зависимость от чуждых нам культурных, идеологических форм. То есть в данном случае я считаю, что будущее России — в национально-освободительном движении. Но не против кого-то, а против бессмыслицы, которая сковывает, изматывает нашу душу, лишает ее внутренних сил.

Является ли консерватизм единственной альтернативой постмодерну?

Александр Дугин: Я думаю, что постмодерн не имеет альтернативы. Точно так же как и модерн не имел альтернативы. Против постмодерна сейчас чаще всего выступают те люди, которые живут в модерне и которым не хочется делать следующий шаг в постмодерн. Это, на мой взгляд, абсолютно обреченная позиция, потому что постмодерн напрямую вытекает из модерна, является его завершающей логической, необходимой, неизбежной стадией. Поэтому совершенно бесполезно пенять на следствия и защищать причины, которые привели к этому следствию.

Под консерватизмом я понимаю в первую очередь не столько оппозицию постмодерну, сколько оппозицию времени вообще. Как сказал Артур Мюллер ван ден Брук, — «вечность на стороне консерваторов». Консерваторы защищают не прошлое, они защищают вечное. Это — как вечное в религии. Когда нам говорят в церкви, что Бог вечен — это не просто утверждение. Бог — не просто существо, которое было до создания мира. Бог существует, он одинаково молодой, он одинаков всегда. Точно так же и консервативные ценности, они одинаково свежие. Когда началась эпоха модерна, консерватизм встал к ней в жесткую оппозицию. В модерне основная ценность была положена во время, а консерватор отстаивал вечное: семью, доблесть, честь, мужество — идеалистические, романтические ценности, которые вдохновляли человечество на протяжении всей его истории. Не все им следовали, но все их признавали. Модерн предложил совсем другие ценности: динамику, развитие, эволюцию. Он закончился, как только цельные нарративы модерна трансформировались и расфасовались в маленькие капсулы постмодерна. За что боролись, на то и напоролись, чего хотели, то и получили. А вот ценности консерватизма в этой ситуации не изменились ни на йоту. Консерваторы были против и модерна, и постмодерна. Постмодерн — это объективное состояние гибнущего мира. И сейчас мы представляем собой консерваторов в условиях постмодерна, которые отстаивают свои неизменные, неколебимые, вечные, во многих смыслах религиоз-

ные, этнические, семейные, нравственные ценности, независимо от изменения внешней политической среды. Точно такие же ценности отстаивали и прежние поколения консерваторов — точно такие же ценности будут отстаивать и консерваторы будущего.

Существует такое понятие, как генетическая память. Как бы Вы рассмотрели дальнейшее развитие отношений между представителями различных этносов, населяющих Северный Кавказ, в рамках консерватизма, с учетом этнических и других конфликтов, а также войн, вспыхивающих на протяжении истории нашего государства?

Александр Дугин: У войн нет единого генезиса. Войны, к примеру, никогда не ведутся только за экономические интересы или только по религиозным, межэтническим причинам. Как правило, генезис войн и конфликтов имеет самый разнообразный характер, иногда доминирует экономика, иногда этнические, иногда конфессиональные моменты. То, что является отличительной чертой евразийской государственности начиная от первых империй скифов, сарматов, орды тюрок, монгольского царства Чингисхана или Российской империи, — это отсутствие межконфессиональных конфликтов. Межэтнических много, но межконфессиональных — нет. И даже когда сталкиваются народы, например, православные — Иван Грозный с войском — берут преимущественно исламскую Казань, это не идет под эгидой православия. Потому что очень много татарских полководцев шло вместе с войском Грозного, а потом и те, кто защищал Казань, интегрировались в Московское царство. А еще были касимовские татары, которые, как вы знаете, и ранее являлись частью Московского царства. Они были мусульманами, и в принципе это вообще не играло никакой роли. Совсем иначе сложилась история межконфессиональных конфликтов в Западной Европе, где межрелигиозные войны между католиками и мусульманами уносили десятки миллионов человеческих жизней. В российской евразийской истории конфессия, как правило, не была конфликтогенным параметром. И мы —

традиционалисты, консерваторы — должны продолжать в таком же духе. Не обостряя конфессиональные моменты, понимая, что это не в наших традициях, прекрасно сосуществовать друг с другом.

Сейчас мы говорим о том, как традиционный ислам существовал в Российской империи. На Кавказе, на Северном Кавказе были религиозные исламские центры. И в других местах России, например в Уфе, существовал центр для мусульман, Главное духовное управление мусульман. Мы забываем, что когда-то русское православное общество жило в условиях исламского государства, поскольку при хане Узбеке Золотая Орда была исламским государством. Русских митрополитов, которые приезжали в Сарай за ярлыком, никто не трогал, было достаточно терпимое отношение. Никакого стремления исламизировать русских, так же как и христианизировать татар, по большому счету, не было (кроме собственного волеизъявления). И русские в рамках Московского царства продолжали оставаться православными христианами. Более того, как считает Гумилев и евразийцы, именно благодаря Орде православие на Руси сохранилось. Мы видим, что произошло, например, в западных частях Польско-Литовской Руси, где католические ксендзы осуществляли религиозный геноцид православного населения, вовлекая его насильно в католичество либо делая людьми второго сорта, подавляя самобытность православной византийской культуры, которую русский народ впитал еще с первых веков принятия христианства.

Теперь остановимся на этносах. Это лишь для московских милиционеров существует одно «лицо кавказской национальности». На самом деле, между кавказскими этносами существует гигантское количество лиц кавказских национальностей, которые при ближайшем рассмотрении совершенно не похожи друг на друга, поскольку там есть и разные расы, и разные этнические группы, и разные культурные слои. Не стоит забывать, что нет однозначной полярности между, например, русскими и кавказцами. Кавказ — это многообразие этносов. У нас русские тоже бывают настолько разные, что

друг на друга не похожи. Поэтому, чем лучше мы будем знать этническую географию, этнологию, этносоциологию кавказских народов и чем больше кавказские этносы будут свободно и глубоко отстаивать свою культурную идентичность, а также одновременно изучать нравы и обычаи других народов, тем бесконфликтнее будет происходить консервативное развитие наших идентичностей. Как правило, авторами межэтнических столкновений являются не убежденные националисты, а глубоко невежественные люди с очень плохим образованием, которые совсем недавно причислили себя к представителям той или иной нации, только что осознали себя имеющими национальность, то есть неофиты. В частности, нападение на гастарбайтеров в Москве группы городских скинхедов... Скинхеды — это совершенно не русская вещь. На Руси не было скинхедов, на Руси носили бороды, а не брили головы. Это скорее английское явление, которое к русскому национальному духу не имеет никакого отношения. Как правило, скинхеды не имеют никакого представления о русской традиции, о русских символах, отличительных знаках, не знают, что такое православная культура. А если бы знали, то, конечно бы, в другое русло направляли свою энергию. Агрессивный неонацистский национализм, в том числе и русский шовинизм, как правило, свидетельствует о неукорененности в русской традиции. Сплошь и рядом скинхедами оказываются просто не русские. Вот самый страшный московский скинхед — Рыно. Сейчас он сидит за убийство 37 человек, а оказался этническим чукчей. Чукча, оторванный от своих прекрасных чукотских просторов, от оленей, плясок, снегов и обрядов, пожил в мегаполисе и принялся убивать таджиков. Таджики — это арийское племя, представители индоевропейского народа. А помощником Рыно был поляк. Поляк — славянин, но тоже к русским никакого отношения не имеет. И вот таким образом карикатурный национализм, который разжигает межэтническую рознь, сплошь и рядом бывает делом рук носителей какого-то другого этноса, нежели тот, от имени которого он творит свои грязные дела.

Какие программы телевидения еще можно смотреть?

Александр Дугин: Я не смотрю уже никакие, давно завершил эту историю. Иногда, когда кто-то включает, я просто в ужасе смотрю и слушаю, что там говорится. Единственное, у меня есть канал «Вести», который ловится через спутниковую связь. Когда в Южной Осетии был конфликт, я его смотрел. Мой телевизор с одной кнопкой — на ней написано «Вести».

Вы перечислили несколько моделей конструирования идентичности — консервативная, советско-марксистская, либеральная и другие. Какое место в этом занимает умеренный национализм? Может он каким-то образом сотрудничать или существовать в рамках консервативной модели?

Александр Дугин: Я являюсь руководителем Международного «Евразийского движения», у нас очень много филиалов в России, СНГ и за рубежом. Евразийство — это, пожалуй, самый точный ответ. Но здесь возникает вопрос: что такое национализм? Это все-таки понятие политическое. Оно взято из Французской революции, из французской истории, из концепции «государство-нация». «Государство-нация» всегда мыслилось как антитеза империи. Россия традиционно была империей и является империей по своим структурным параметрам даже сегодня. В чем разница между нацией (государством-нацией, национальным государством) и империей? В том, что национальная государственность, или государство-нация, предполагает полную однородность своих членов, без учета их этнической самобытности и без каких бы то ни было локальных отступлений от общей юридической программы. Оно, кстати, всегда с необходимостью является правовым государством, в основе которого находятся граждане, лишенные какой бы то ни было этнической, конфессиональной, культурной или религиозной специфики.

Иными словами, идея национализма, умеренного или радикального, требует гомогенизации социальной базы. То есть в основе всегда должен стоять гражданин. И совер-

шенно не важно, кем он является — чеченцем или аварцем, даргинцем или русским, украинцем или белорусом. Просто гражданин. Нация из всех делает нечто единое. С этим связана, например, французская национальная история, на счету которой, по сути, этноцид бретонцев, аквитанцев, провансальцев, окцев — множества этносов, которые жили на территории этой страны, а потом исчезли. Во Франции проживало очень много народностей. И вот из всего этого разнообразия французское государство, французский национализм усиленно формировал нацию, катком вгоняя народы в асфальт — в единую национальную модель. Подобная схема не применима для нашей страны, хотя некоторые деятели являются сторонниками «российской нации» — это либо недоумки, либо провокаторы. А вот идея империи, имперской организации как антитеза национализму мне представляется, наоборот, правильной и здоровой.

Империя предполагает наличие строгой стратегической вертикали управления из одного центра основными политическими, геополитическими, макроэкономическими, военными процессами в сочетании с большим спектром свободы, предоставленной народам, этносам, культурам, которые находятся в различных регионах. С моей точки зрения, имперская модель более соответствует российской истории и структуре нашего общества. Она будет более устойчивой. При соблюдении определенного набора общеобязательных требований ко всем гражданам империи у них остается широкая возможность достаточно свободно существовать в форме органичных и естественных этнокультурных анклавов, которые будут стратегически лояльными центру, но не станут при этом подвергаться гомогенизации.

Лишь в этом смысле термин «национализм» мне представляется не очень уместным. Когда я говорю «национальная идея», «национальное бессознательное», то имею в виду гораздо более широкие понятия — нашу евразийскую общность, в которой русские являются ядром, но которая объединяет вокруг себя и другие этносы, другие народы. У одного из основателей евразийства — князя Трубецкого — есть статья «Общеевразийский национализм». В ней

подчеркивается, что народы, этносы евразийского пространства, должны осознавать свое единство несмотря на сохранение своих различий.

А может ли быть имперское государство многонациональным?

Александр Дугин: Имперское государство не национальное, оно наднациональное. Национальность — это такой эвфемизм, который возник между нацией и этносом в эпоху Сталина, поскольку в марксистской доктрине многие концы с концами не сходились. Для того чтобы объяснить, каким образом социалистическое общество вбирает в себя этносы, которые еще не прошли все стадии развития (то есть не создали национальное государство, а потом уже включились в социалистическую модель, как предполагалось по ортодоксии марксизма), придумали термин «национальность». В других странах его нет. «Национальность» — это марксистский концепт, который объяснял, почему не надо выпускать народы из жесткой хватки большевиков, а быстро их интегрировать, включить в социалистическое государство.

Любая империя всегда является полиэтнической. Это касается и Российской Федерации. Но когда мы говорим «нация», мы имеем в виду нечто имеющее государственность. Не бывает нации без государства. Нация предполагает административный, политический, территориальный суверенитет. Нация это и есть государство-нация в классическом определении. Соответственно, в империи не может быть несколько наций. Я считаю, что более точно и корректно говорить о полиэтнической империи или о полиэтническом союзе. Причем я подчеркиваю, что империя — это не значит, что есть император. Император — совершенно не обязательный элемент империи. Империя может быть советской, может быть американской. Империя предполагает сочетание стратегической вертикали и культурно-этнического плюрализма. Поэтому я бы предпочел говорить о полиэтнической федерации или о полиэтнической федеральной империи с большим количеством свободы, основанной на принципе субсидиарности по фе-

деральному принципу. Такая федеральная империя, демократическая империя, полиэтническая империя оптимальна для России.

С Вашей точки зрения, национальная идея, я бы лучше сказал, национальная идеология, должна базироваться на коллективном бессознательном. Как бы Вы определили русское коллективное бессознательное?

Александр Дугин: Термин «коллективное бессознательное» я использую в определенном контексте. Понятие ввел Карл Густав Юнг, основатель психологии глубин. Тот курс, который я сейчас веду в МГУ, — курс «Структурной социологии» имеет подзаголовок — «социология глубин, или социология воображения». Он основан на сочетании модели юнгианского психоанализа с классической социологией Сорокина, Дюркгейма, Мосса, Вебера и т. д. «Социология глубин» использует термин «коллективное бессознательное» в социологическом ключе. В начале XX века доктор Фрейд вскрыл новую психоаналитическую топику, где показал, что помимо того, что человек есть разумное существо, он еще имеет теневую часть, которая влияет на его рациональную деятельность. По Фрейду, подсознание — это совокупность детских первичных ощущений наслаждения и боли, которые остались с младенчества и сформировали бессознательные индивидуальные системы ассоциаций. У каждого они разные. И поэтому, чтобы излечиться (а по Фрейду, все больны), необходимо вспомнить разные ситуации раннего детства и размотать клубок личных комплексов, которые сформировались в младенчестве. Юнг в своем знаменитом путешествии с доктором Фрейдом через Атлантику увидел сон, а в нем — новую психоаналитическую топику, когда под пластом индивидуального бессознательного он обнаружил некое пространство, которое назвал «коллективным бессознательным» (пространством великих сновидений). Оно населено архетипами, которые неизменны и не понятно, каким образом передаются. Сам Юнг не смог этого описать, он и не занимался этиологией коллективного бессознательного, он просто его феноменологически описал и структурно изучил. Результаты его иссле-

дований коллективного бессознательного поражают своей достоверностью. Он показал, каким образом в разных точках мира совершенно разные народы, явно не имеющие никакой связи между собой, видят одни и те же сновидения, имеют очень сходные мифологические сюжеты. Юнг их расшифровал, выделил целый ряд символических матeриков этого коллективного бессознательного. Юнг, конечно, говорил, что у разных народов они различны, хотя, может быть, на каком-то уровне это коллективное бессознательное имеет общечеловеческие связи, но каждое пропитано своими культурными архетипами. Я считаю, что русское коллективное бессознательное существует, поскольку существует определенная идентичность, называющая себя *русским народом*. А топика Юнга позволяет идентичность этого коллективного субъекта научно исследовать.

Дальше идет исследование русских сказок В. Проппа — это попытки объяснить *русское* научным способом в рамках марксистской историографии, но со множеством великолепно систематизированного материала.

Последователь Юнга, социолог Жильбер Дюран, выявил связи архетипов и мифологических сюжетов с доминантными рефлексами. Эта методология показывает, что русское бессознательное ориентировано на так называемый нутритивный, или дигестивный, рефлекс, оно матриархально, глишроидно, если использовать психоаналитический термин, и экзотимично. Это — ноктюрническое (ночное) бессознательное. В нем довольно мало светлых солярных небесных иерархических персонажей. Основные действующие лица и фигуры рождаются откуда-то из тьмы, появляются из животного мира. Очень специфична оценка королевского начала. Обычно короли в русских сказках выступают идиотами. Основным же героем является какой-то балбес, который появляется из сомнительных мест (иногда рождается из отрубленного пальца или каким-то совсем неприличным способом), но потом оказывается самым главным молодцом — например, мальчик-с-пальчик, мужичок-с-ноготок, покати-горошек и т. д. Или, например, Иван-дурак, или младший сын-лентяй, у которого ничего нет, который лежит на печи и в ус не дует. Потом он выхо-

дит победителем, совершая серию глупых, но приносящих удачу поступков. Это классические ноктюрнические сюжеты (важное свойство нашего бессознательного).

Описать топику коллективного бессознательного у русского — колоссально трудная задача. Самым показательным периодом в подъеме русского бессознательного, на мой взгляд, была эпоха Серебряного века и начало XX века. И пожалуй, ярче всего русское бессознательное, освободившееся от цензуры православно-монархического, всплыло в первые годы после революции. Катехизисом русского коллективного бессознательного можно назвать работы Андрея Платонова «Чевенгур», и особенно «Котлован», где герои рыли гигантскую яму. Они думали, что это фундамент под будущее здание коммунизма, рыли и рыли и в конце концов забыли, зачем роют, что роют, подо что роют, но продолжали рыть. Это никакая не пародия, не критика. Платонов пишет с огромной любовью к нашему народу. В рассказах другого писателя, на сей раз современного, Юрия Мамлеева есть замечательная фраза «Федор рыл ход к Фомичевым». Не совсем понятно, кто такие Фомичевы, кто такой Федор, зачем он рыл к ним ход. Но вот «Федор рыл ход к Фомичевым» — это очень по-русски. Ясно, кто-то копает, глубоко копает. Куда он копает? Он сам точно не знает. Мы в нашем бессознательном роем ход в глубину. Есть коллективное бессознательное, которое рвется вверх, в режиме диурна (дня). А мы — народ ноктюрна.

Славянофилы и западники также рассматривали эту проблематику. Одни (славянофилы) говорили, что русская, социокультурная типология является оригинальной и мы должны измерять русское явление русским аршином. А Чаадаев, ранний Герцен и другие западники возражали, что цивилизация — только одна: либо она есть, либо ее нет (имея в виду западную цивилизацию). Позже некоторые западники скорректировали свою точку зрения в сторону славянофилов — поздний Герцен, например, и особенно народники и эсеры. Честные русские люди понимают, что Россия, конечно, не Запад. Если мы — Запад, то это какой-то ужасный, карикатурный Запад. И вот из этого можно сделать два вывода, что, собственно говоря, и сде-

лали славянофилы и западники. Либо, если Россия — это Запад, то это кошмар, и Запад надо быстро привести в порядок. Хотя ни одна из линий русской культуры не соответствует западным ортогональным линиям. Славянофилы предложили просто изменить систему координат. Может быть, другая система координат русских является более адекватной для понимания нашей жизни?

Нас так часто упрекали и тыкали в лицо, мол, «смотрите, что вы делаете, все холмы набрасывают, а вы яму роете!». Мы уже привыкли защищаться. Поэтому я бы полемически сказал, что нам яма нравится больше, что глубина важнее, чем высота, вот и все. Но на самом деле, я считаю, что, конечно, каждый народ может сам думать, то ли насыпать теллурический холмик, то ли искапывать хтоническую яму. Это, если угодно, равноценно. Между ценностями разных народов и культур нельзя построить иерархию. Вот в чем я абсолютно убежден. Любя, защищая, ставя выше всего свою собственную культуру, никогда не надо делать это вопреки другой.

Смотрите, с каким рвением западные страны осуществляли колонизацию. Колонизаторы приходили, хватали рабов, перевозили черных отловленных мужчин и женщин для того, чтобы они и все их потомки на них пахали бесплатно. За века американцы грубо позахватывали многие земли. Но никто ведь им ежедневно это в вину не ставит, не напоминает. А мы просто копали, а нас постоянно в этом упрекают. Мы, правда, таким образом откопали самую большую империю в мире, но это уже наше дело.

Мне кажется, у каждого народа есть свои способы осваивать, строить империи, строить цивилизацию. Мы это делали спокойно. Мы никого не захватывали, никого не порабощали. Просто внезапно тот или иной народ оказывался среди русских, внутри нашей русскости, и либо радовался, либо печалился. Это разные способы создания культурных ансамблей, которые, мне кажется, вытекают из особенностей народа и из структуры его бессознательного.

Я считаю, что славянофилы были полностью правы. Славянофильская линия не утратила своей актуальности. Я думаю, что наиболее последовательными славянофила-

ми в XX веке были евразийцы. Это самая логичная линия развития славянофильского направления. Поэтому русский консерватизм глубокими корнями уходит именно в славянофильство и евразийство.

Я еще обратил бы внимание на старообрядчество. У нас есть направление в русской культуре, в русской церковной традиции, которое явно недооценено, — старообрядчество, — потому что старообрядцы представляют собой отнюдь не русских протестантов, не «сектантов». Это направление наиболее аутентичных аспектов русской религиозной, православной традиции, которую Никон попытался сделать надрусской, всеобщей, универсальной (в православном контексте, естественно). Старообрядчество вместе со славянофильством, на мой взгляд, представляют собой очень важный источник современного — постоянного, вечного — консерватизма.

Каков Ваш прогноз развития России в современном мире? И возможен ли союз славянских государств?

Алекса́ндр Дугин: Наша задача — осмыслить, перевести самих себя на уровень смысла. За созданием русского логоса последует наше возрождение — экономическое, геополитическое. Осознав себя в истории, мы начнем действовать логично, так как ясно увидим систему вызовов, систему непрекращающихся атак, которые идут и сейчас со всех сторон, которым мы должны будем дать ответ. Как только все очнутся, одной из первых задач будет реорганизация постсоветского пространства, то есть СНГ. Это пространство традиционно было интегрировано стратегически. Россия и русский народ последние столетия были его ядром вместе с нашими славянскими братьями, которые от нас вообще ничем не отличаются, — малороссами и белорусами. У нас разница между донскими и кубанскими казаками, по-моему, больше, чем между белорусами, русскими и так далее. Это один и тот же народ с разными этническими группами. Грузины, казахи, таджики и другие народы нам тоже далеко не чужды. Иными словами, нам нужно воссоздать то, что мы утратили: и в славянском направлении, и в западном, и в южном, и в кавказском, и в восточном, и в

центральноазиатском. Евразийские народы все имеют свою собственную самобытность, и мы не собираемся эту самобытность ни у кого отбирать. Самобытность — одно, а наличие фальшивой, несостоятельной государственности, которая будет искусственно поддерживаться и использоваться нашими врагами (например, американцами, которые вообще здесь ни при делах, тем не менее лезут активно в СНГ), это совершенно другое.

Я много раз говорил, что гарантом территориальной целостности каждого государства постсоветского пространства является Россия. Многие мне не верили. После августовской войны в Южной Осетии отношения к моему анализу были пересмотрены. Этот закон действует и сейчас. Самое поразительное, что он действует и для Грузии. Поскольку, если Грузия будет размещать американские военные базы даже на сокращенном пространстве, которое у нее осталось, последует следующий этап развала Грузии. И те, кто хотят сохранить свое государство, должны найти с нами общий язык. Это касается как наших сегодняшних противников, Грузии и Украины, так и наших друзей, Белоруссии и Казахстана. Это не шантаж, это геополитический закон. Поэтому я считаю, что первым шагом рационального геополитического развития России должна стать интеграция постсоветского пространства. Нам необходимо построить систему альянсов для создания многополярного мира и с другими странами. С Ираном, Китаем, Индией, Латинской Америкой, африканскими государствами, арабским миром, у которых есть проблемы с США, и даже с Европой.

Если Россия создаст такую многовекторную систему альянсов, в том числе и военно-политических, все вместе мы и будем представлять многополярный мир с несколькими слоями защиты вокруг нас. Но пока мы его не создадим, я боюсь, что расслабляться рано, потому что однополярный мир в лице Соединенных Штатов Америки наступает довольно последовательно. И свои проблемы кризиса он будет решать через экстраполяцию этого кризиса и в первую очередь на нас — с больной головы на менее больную.

Что касается союза со славянскими государствами, такими как Белоруссия и Украина, то это две разные темы.

С Белоруссией, я думаю, вообще нет никаких проблем. Тут уже наше российское руководство, на мой взгляд, сознательно саботирует процесс. Со стороны Лукашенко есть реальная воля, а мы пытаемся вести себя в братском диалоге, как будто бы торгуемся. Но брат с братом не торгуется. Я считаю, что мы не должны ставить сближение с Белоруссией в зависимость от цены на газ. А в Украине мы просто должны дождаться, пока будет свергнут марионеточный проамериканский, антиукраинский режим. Это горе не только для большинства украинцев, которые категорически отказываются вступать в НАТО. Это горе для Украины в целом. Если страна будет следовать курсом Ющенко, она расколется, прольется кровь, будет гражданская война. Плохой сценарий. Это наш близкий народ, это часть нас самих.

Чтобы грамотно задействовать эти геополитические темы, нужны только воля и ум. Но воля и ум — это свойства логоса. Можно иметь какую угодно прекрасную душу и сколь угодно копать замечательную бесконечную яму, но без ума и воли такого рода вещи организовать невозможно. Я, кстати, был поражен, как Россия в августе собралась духом и не отдала абхазов с осетинами на растерзание Саакашвили. А ведь могла. Я был в Республике Южная Осетия буквально за пару недель до грузинского вторжения, а молодые евразийцы были там и в момент трагических событий. Ситуация в Южной Осетии была накануне вторжения чрезвычайно опасной. В центре Южной Осетии был огромный грузинский анклав Тамарашени, оснащенный по последнему слову техники, напичканный американскими инструкторами. Конечно же, Медведеву и Путину «агенты влияния» Запада в Москве визжали: «ни в коем случае не вводите войска, мы испортим отношения с Западом». И тот факт, что у нашего руководства хватило мужества и воли в критический момент не послушать их, не дрогнуть, — выше всяких похвал. При нашем-то состоянии сознания, при демобилизованности российской политической элиты!

Недавно я встречался с видными грузинскими политиками. Один из них меня спрашивает: «Знаете, почему вас, русских, не любят? Вы нас, во-первых, сначала разбомби-

ли, а Саакашвили зачем-то оставили. Вы бы танки до Тбилиси довели, раз уж пошли, и все было бы в порядке». То есть, по большому счету, грузинская ситуация не такая уж однозначная, грузины по-разному относятся и к Саакашвили, и к России. Может, они нас не особенно любят. Может, даже не за что нас любить. Но, с другой стороны, если бы мы действовали последовательно, все народы, даже гордые чеченцы, которым совсем уж сложно что-то навязать, и то примиряются. Если мы последовательно идем к своей цели, танки двигаются по плану, по разнарядке, доходят до тех целей, которые ставятся, и там остаются, и назад никуда не уезжают, то любые народы, любят они нас или нет, постепенно к нам привыкают.

У нас есть общая культура, и даже когда мы оказываемся по разные стороны баррикад, у нас есть общее прошлое. Мне представляется, что это прошлое необходимо восстанавливать не войной, а миром, добром, дружбой. Но интегрировать в постсоветское пространство необходимо. Это чрезвычайно важно. И в этом отношении, конечно, военные будут делать свое дело, но люди науки, ученые должны тоже вносить свою лепту. Поэтому я очень рад, что на конференцию приехало много гостей из других областей России, с Северного Кавказа. Но стоит приглашать и с Южного Кавказа, там тоже есть замечательные ученые — в Армении, Азербайджане, Грузии, Абхазии, Южной Осетии. Нам надо создавать единое научное пространство. Наука, совместное участие в культурных проектах, даже в банкетах после защиты диссертации — это сближает. Экономика, рынок, торговля — все это расчет, часто обман доверия. Это как раз разделяет. Может быть, экономика и имеет важное значение, но с точки зрения культурных связей она скорее вредит. А наука и банкеты единят.

Говоря об идентичности русских, не следует ли говорить о русской национальной идее? Если это не так, то как Вы лично ее видите?

Александр Дугин: Нужно говорить о двух пониманиях русского. С одной стороны, под русским мы понимаем человека, который находится в пространстве русской куль-

туры. Даже не обязательно, имеет ли он российское гражданство или нет. Неужели русские в Казахстане, Украине или Прибалтике — не русские? Конечно, русские. А обрусевшие армяне, азербайджанцы, живущие в нашей культуре, — они не русские? Нет, они тоже русские. Таким образом, существует широкое представление о русских как о культурном типе.

Есть еще одно понимание русских — великороссы. Это этническое определение. Великоросс, кстати, тоже может быть гражданином России, а может и не быть. Но это этнически русский, с этническими корнями, рожденный русским папой и русской мамой, который осознает свою этническую принадлежность. Причем может быть русский чеченец и русский калмык. Точно так же может быть американский великоросс, который является гражданином Америки. Он, к примеру, этнический русский, но, предположим, работает на ЦРУ. Ясно, что русский чеченец — это наш. Американский великоросс — совершенно не наш. Вот такое разделение «наш — не наш», с точки зрения Карла Шмитта, определяет политическую самоидентификацию.

Теперь поговорим об этнических интересах великороссов. Конечно, у них сейчас огромная проблема. Великороссы перенапряглись. Строя столько великих империй, мы передали свою этническую энергию, этническую культуру другим народам, вложились в государство, а государство — всегда отчуждение. На своей индивидуальной живой душе великороссы как этнос построили гигантскую геополитическую махину и в значительной степени потеряли идентичность, надорвались. Поэтому у многих великороссов, которые четко и пронзительно ощущают свою великоросскость, сегодня есть желание сбросить все остальное: сбросить бремя империи, бремя государственности и уйти к себе. Я не разделяю данной позиции и не думаю, что это правильный путь. Но я ее понимаю. Я, например, часто выступаю в разных аудиториях, спрашиваю у детей в школах: «Ребята, у кого из вас есть национальный костюм?» Обычно поднимается всего несколько рук... Национальные костюмы есть у кавказцев, есть у представителей Центральной Азии, есть у татар. Иногда, очень редко,

у украинцев. Но у русских — никогда. Это показательно. Когда я объясню значение русского костюма, говорю, что «вы можете никогда не надевать его, а носить повседневно джинсы, обычные платья, но пусть в шкафу обязательно будет сарафан или рубаха с вышивкой, напоминающие о вашей этнической идентичности» — все удивляются: «А почему бы и нет, это так естественно!» Но что-то живое у великороссов внутри оборвалось...

Кстати, старообрядцы до сих пор обязаны ходить в церковь в старорусской одежде. Это негласное правило. Вот у меня русская одежда есть, в ней по воскресеньям и праздникам я хожу в церковь — в черном старорусском кафтане. А у нашего народа великоросского, как правило, нет. И это очень грустно, поскольку мы полностью воплотили себя в государство, в общество и в империю. Нам необходимо восстановить свою этническую идентичность, которую мы утратили через это перенапряжение. И в этом заключаются наши прямые этнические интересы.

Но, с другой стороны, если мы сбросим с себя бремя империи, государство-державо-строительство, мы просто исчезнем, нас раздавят. Мы превратимся в индейцев, в аборигенов, потому что тут же появится огромное количество других народов, этносов, которые не замедлят превратить нашу балалаечную радость в источник собственного обогащения. В этом отношении я не согласен с этническим русским движением, которое сейчас поднимается. Причины его обоснованы, но цели и методы, к которым оно призывает, я считаю губительными. В конечном итоге мы получим просто этническую великоросскую резервацию. Есть, к примеру, проект «Республика Русь», созданный, чтобы отогнать всех инородцев. Я считаю, что это провокация западных спецслужб или продукт больной фантазии недоумков. За такие вещи надо сечь.

Есть объективные трагические причины, в результате которых мы перенапряглись, перерастянули свою идентичность. Но за это мы получили империю, где все люди говорят по-русски. Вы знаете, сколько это стоит? Как много народов хотели бы, чтобы на их языках говорили миллионы граждан, в том числе и не из их этносов? Это надо ценить,

понимать. Я думаю, что нам надо и возвращаться к нашей этнической великороссской идентичности, с одной стороны, и ни в коем случае не подорвать ценность империи — с другой, потому что без этого мы просто исчезнем.

Насколько я понимаю, идея консерватизма заключается в защите вечных ценностей. Почему-то у Вас в основном все сводится к религиозным ценностям. Есть ли возможность и перспективы построить консерватизм на началах атеизма? К примеру, заслуга советского периода в том, что мы все говорим по-русски, мы получили одинаковое образование, и отсюда у нас примерно одинаковый интеллектуальный потенциал.

Александр Дугин: Вопрос хороший, понятный. Я думаю, что нет возможности построить консервативную модель на основах атеизма в силу того, что атеизм — это нигилистическое, современное, новое учение. Оно возникло в Европе, то есть оно экзогенно по отношению к нам. Постулаты атеизма никак нельзя назвать вечной ценностью. Это ценность, скорее, революционного безумия. Но вы правы в том, что советский период имел много позитивных черт, нельзя его ни в коем случае отбрасывать целиком, И та форма единства советского народа, которую он защищал, является ценностью. А сам атеизм, на мой взгляд, не принципиален.

Мне представляется, что нам надо очень мягко перейти от остатков советской модели, в том числе и в образовании, к модели новой — евразийской, но не через атеизм, а через межконфессиональный диалог. Иными словами, развитие православной культуры идет своим чередом. Но если это будет сознательно, а не спонтанно, если это будет систематизировано, научно, интеллектуально, то процессом можно будет определенным образом управлять. И не давать выходить самым темным сторонам, псевдоправославному мракобесию.

Мы знаем, что благодаря нынешнему нашему патриарху наиболее одиозные представители Русской православной церкви в лице бывшего епископа Диомида были отстранены от занятий этими провокациями. То есть церков-

ный корабль необходимо вести очень тонко, восстанавливая православную традицию. При этом между православной и исламской традицией, исламской и буддистской, а также отчасти иудаизмом существует гораздо больше общего, чем между всеми ними и светско-атеистической моделью. Например, для представителей всех традиционных конфессий важной ценностью является семья, нравственное здоровье, деторождение, почитание старших, забота о своей собственной душе. Так вот, на мой взгляд, переходить к религиозному обществу надо, не возвращаясь к атеизму, а через диалог конфессий, через внедрение религиозного начала в научную эпистему современного российского общества. Конфликт религий — это один сценарий, атеизм — другой. Но есть еще третий сценарий — диалог конфессий. Он самый правильный.

В чем нас хотят убедить американские политологи? В том, что либо будет единая глобальная цивилизация во главе с мировым правительством, либо будет столкновение цивилизаций. Но можно, на мой взгляд, сфокусироваться и на диалоге цивилизаций. Я не думаю, что возрождение религии автоматически породит конфликт. Его может спровоцировать и атеизм.

Как в Библии сказано, «чем мы больше будем говорить "мир и порядок", "мир и безопасность", тем больше будет конфликтов и войн». Поэтому необходимо найти какую-то здравую реалистическую позицию возрождения религии с последующим ее мягким внедрением. Причем там, где живут народы другой конфессии, детям в школе необходимо давать основы буддийской культуры, основы мусульманской культуры. Об этом же говорит патриарх Кирилл, это официальная позиция иерархов и главы нашей православной церкви. Никто никого не собирается насильно завлекать в православие. Атеизм в форме агностицизма (когда человек еще не нашел веры, не знает, во что верить, только ищет) вполне допустим. Ведь нет же никаких принуждений в вере. В исламе, например, это главный принцип — «нет принуждения в вере». Тем более в православии никто никому ничего не навязывает.

В ряде мусульманских республик сознательно выдавливают русское население. Религиозные войны не обязательно происходят с пушками и танками, они разные. Потихоньку жизненное пространство русских сужается. Можно понять истоки этого, если обратиться к Корану, призывающему противостоять, захватывать, осаждать неверных: «Откуда бы ты ни вышел, обращай свое лицо в сторону запретной мечети. Где бы вы ни были, обращайте ваши лица в ее сторону, чтобы не было у людей доводов против вас. Пусть верующие не берут себе близкими не верующих. А кто сделает это, у того с Аллахом нет ничего общего, если вы только не будете опасаться из страха». На мой взгляд, русских специально вытесняют, агрессивная сила нас перемалывает. Неужели Вы хотите создать евразийское пространство с этим исламским социумом?

Александр Дугин: Я хочу уточнить несколько религиоведческих моментов. В частности, кого ислам называет «неверными» и кого Коран предлагает истреблять. Это отнюдь не представители иной веры, иных конфессий. Все, что сказано в этих жестких высказываниях, к христианам не имеет никакого отношения. Мусульмане остаются представителями традиционного ислама, когда они в меньшинстве и живут в обществе с доминацией иных конфессий. Но иногда становятся нетерпимыми — вплоть до ваххабизма — когда они побеждают. Это действительно иногда имеет место.

Но не надо упускать власть из своих рук. Если мы слабые, всегда найдется тот, кто сильнее, и начнет диктовать нам свою волю. Если мы хотим сохранить свою идентичность, не надо позволять другим эту идентичность перехватывать. Если нас откуда-то вытесняют, нам надо туда возвращаться. Мало ли бывает в семьях кто-то кого-то вытесняет, это не значит, что надо срочно бежать в бракоразводную контору. Это, кстати, не православный подход.

Православная семья — это в каком-то смысле судьба. Вот вышла замуж или женился, ну и живи, так надо. Потом понял, что ошибся. Ничего, еще лет 50 помучаешься и, быть может, осознаешь, что ты не такой уж и дурацкий сделал выбор. Представление о том, что есть определенные обязательства перед тем, кто становится членом тво-

ей семьи, — главное, а не сиюминутное наслаждение. Точно так же мусульмане и православные. Мы живем в рамках нашего государства давно. Когда-то кто-то кого-то неоднократно теснил. Например, из России при Петре выселяли в Турцию кавказцев, исповедующих ислам (мухаджирство). Русская власть иногда осуществляла несправедливые действия. Но это никогда не носило характера религиозной войны — войны ислама против православия или православия против ислама. Что касается этнической проблемы — притеснения русских. Нас действительно теснят. Но не как православных. Некоторые исламские народы на Северном Кавказе тоже друг друга притесняют, потому что процессы демографии у разных этносов идут в разном темпе. Исламским народам повезло, они более традиционны, у них больше сохранились семейные ценности. Они чаще читают Коран, чем мы Библию, они более серьезно относятся к семье, к браку, поэтому у них больше детей, поэтому они более солидарны. Вместо того чтобы говорить, «смотрите, какой плохой мусульманин — у него пять детей», надо посмотреть, какой плохой я — у меня всего один или двое. А если у нас, русских, нет хотя бы трех детей, значит, мы являемся убийцами собственного народа. И при чем здесь мусульмане, которые нас теснят, если мы не можем сообразить, что русскому человеку меньше трех детей иметь просто в такой ситуации нельзя? Три ребенка — минимум.

Тут другая проблема. Речь идет о людях с разными желаниями и стремлениями. Причем экстремистскими стремлениями.

Александр Дугин: Не все же мусульмане — экстремисты.

Вы предлагаете некий вариант психотерапии социального логоса, через сознание, понимание глубинных бессознательных структур, которые есть в нашем народе. В частности, Вы здесь вспоминали Юнга. Деструкция находится в нас, и сейчас мы видим, как происходит деструкция экономическая. Сегодня говорили — все разрушено, предприятия не строятся, демографический кризис, рост криминала… По большому счету, мы не уважаем и не любим

друг друга. Помните, у Пикуля? — «Русским людям хлеба не надо, они друг друга покушают и сыты будут». Включаете ли Вы в свою конструкцию не просто осознание, а вариант какого-то изменения, внутренней трансформации русского народа? Может быть, примерно то, что делает Ерофеев на канале «Культура». Там отчасти пытаются к этому прикоснуться. Хотя всем понятно, что проблема на самом деле не в мусульманах, не в Европе, а в нас самих, деструкция сидит внутри. И нам нужно с этой деструкцией что-то сделать. Причем не просто осознать. Осознание, психотерапия, психоанализ — этого недостаточно.

Александр Дугин: Благодарю, это очень верное замечание. Ерофеев — все-таки западник. Я его знаю лично, выступал с ним в программах, оппонировал ему. Я не увидел в нем искренней заинтересованности в наших русских проблемах. Московские, либеральные интеллигенты все-таки с глубочайшим омерзением относятся к русскому народу. Это чаадаевская традиция, они считают, что мы просто недоумки, и не отождествляют себя с нашим народом. Этнически они могут быть русскими. Но они «малый народ» в социальном, социологическом смысле. Сейчас мы находимся в такой ситуации, когда можно разбирать, рассматривать, пытаться исправить, исследовать русское, но только с нежностью, потому что мы не в очень хорошей форме. Знаете, когда человек спокоен, здоров, трезв, можно над ним и пошутить, можно его по-дружески толкнуть, по плечу со всего размаху похлопать. Но над человеком, которому нехорошо, который бледен, который то ли стоит, то ли падает, над таким шутить — а тем более зло, брезгливо, унизительно — не стоит.

Я считаю, что в первую очередь надо решать наши проблемы, справляться с нашими бедами, с любовью. Этому необходимо учиться. Мы сами-то себя не очень любим, поэтому и смотрим этих гадов по телевидению. Они транслируют нам нигилизм, который есть в нас. «Малый народ» возвращает нам неверие в самих себя, неверие в собственные силы, нелюбовь к окружающим, к русскому в нас и к русскому вообще.

Я много думал над тем, что наш логос в истории не соответствует нашей внутренней душе. Мы имели проблемы не с душой, здесь как раз все в порядке, душа у нас здоровая. Все проблемы у нас от разума, потому что он был изначально не наш. Русские всегда жили не своим умом. Они проживали свою душевную жизнь, а разум был то от варягов, то от татар, то от голландцев, то от немцев, то от большевиков. В редкие периоды, когда мы имели исторический шанс помыслить русским умом, мы его быстро упускали. Например, накануне революции. Мы постоянно попадаемся в сеть неверных логических моделей.

Когда отъедешь от Москвы на 50 километров, начинаешь видеть настоящих, здоровых русских людей. В Москве их мало. Там очень часто смотришь на лицо, а видишь что-то непотребное. Необходимо что-то поменять в логосе, подстроить коллективное сознание, наш рассудок под внутреннюю русскую гармонию, которая живет и в нас самих, и в нашей культуре, и в лучших произведениях нашего искусства, особенно там, где нет слов. Настоящая русскость проявляется, на мой взгляд, в культуре, в музыке, в живописи. Наша душа орет через эти пластические образы. И лишь поэтическое слово — в поэзии Клюева, Есенина, Блока — русское начинает взывать откуда-то из глубин.

Но у нас практически нет русской полноценной философии, рационального русского аппарата. Если его создать, то, может быть, это и приведет к той терапии, о которой вы говорите. У нас образовались тромбы между коллективным бессознательным и рассудком.

Задача в первую очередь русских интеллектуалов эти тромбы разогнать. У нас еще сохранились народ, относительно независимое, суверенное государство, гигантский культурный пласт. Система образования, как выясняется, еще не до конца развалилась. И вот сейчас, пожалуй, наступает решающий момент. Если разрушительные процессы проследуют дальше, мы можем лишиться того, что нам кажется навсегда обеспеченным. Путеводной звездой, которая и будет главным ориентиром в излечении, должна стать любовь к России.

Спасибо за то, что после Вашего выступления у меня в глубине засияло национальное самоощущение. Хотелось бы услышать Ваши конкретные рекомендации, что делать думающему человеку дома?

Александр Дугин: Благодарю вас за теплые слова. Я думаю, что с дома, с семьи, быта все как раз все начинается. Да, мы говорим о научной аудитории. Это, конечно, главная задача. Но если мы посмотрим на наш образ жизни и спросим: «Что в нем есть русского?» А русское — в эмоциях, в переживаниях, в нашем особом характере. Это понятно. Но что конкретно? А вот конкретного ничего не окажется. Я думаю, что одной из форм возвращения к себе, возвращения к своей идентичности может стать религия. Потому что русское православие — неотъемлемая часть нашей идентичности. И как только мы придем на порог храма, нам ненавязчиво скажут, что хорошо делать то-то и то-то. Причем не будут заставлять. Хорошо иметь детей, хорошо вести нравственный образ жизни.

Вокруг пропагандируется прямо противоположное: «наслаждайся», «не парься», «смени партнера», «найди получше», «предохраняйся». Этика мира, в котором мы живем, антирусская, антиправославная. Это антиэтика. Нам внедряются антиценности. Если мы попытаемся отстроить наш русский дом, русскую стать, то, конечно, надо начинать именно с индивидуального поведения, с индивидуального образа, с определенного русского ритма жизни, который, кстати, также связан с религиозными праздниками.

Например, ритм поста. Пост — это не публичная или научная вещь. Но человек, соблюдающий его, входит в особую ритмику. Среда, пятница — круглый год православные не едят в эти дни ни молока, ни мяса. Когда я захожу в некоторые научные или продовольственные учреждения в Москве, замечаю, что многие, особенно девушки, женщины, живо обсуждают данную тему — что можно в пост, чего нельзя. Это очень приятно. Русскость постепенно входит в наш быт, в наши дома. Русские дети — самое лучшее, что можно себе представить. Нужно ходить с ними в храмы, посещать богослужения, хотя бы по празд-

никам. Путь движения к вере несет в себе возвращение к русской культуре.

Как только мы входим в русский православный храм, то становимся современниками тысячелетия русской православной истории. Это не музей, это не просто абстрактные вещи. Православие — это не «тогда», это «сейчас». Православие — это то, что было, есть и, дай бог, будет. Поэтому оцерковление, перенос православных ценностей, норм, обычаев в быт является самым простым, самым правильным, на мой взгляд, путем к русскости — хотя не самым, может быть, легким. Православие — самый надежный вектор в этом направлении. И может быть, не стоит озадачиваться сложными богословскими вопросами, которые действительно непростые, которые даже лучше бы изучать на факультетах, потому что богословие — это дисциплина, наука, она требует очень сложных онтологических, рациональных, гносеологических процедур, высокоразвитых навыков умственной работы. А вот бытовое православие, пусть даже скромное, пусть даже частичное для начала, — это, мне кажется, самый правильный путь.

К примеру, если сделать православные ценности общегосударственными, то демографическая проблема решится очень быстро. Люди будут понимать, что их дети рождены в рамках православного брака, и это самая естественная, необходимая, радостная вещь для любого православного человека. Сейчас же люди живут другими догмами. В обществе сбиты нормативы.

На смену культурной идентичности приходит идентичность виртуального мира, виртуальной среды, реальности. Традиционные религии порой принимают некие глобализированные формы. Каковы перспективы консервативных ценностей в свете тех перемен, которые принято сегодня называть глобализацией?

Александр Дугин: Я думаю, что эти вещи взаимно исключают друг друга, они несовместимы, противоположны. Гло-

бализм с точки зрения христианства — это царство антихриста. С точки зрения мусульман, глобализация — это «даджал», враг, лжец. С точки зрения буддизма, тоже зло, хотя не столь ярко воспринимаемое. В буддизме сложнее. Там нет столь четкой эсхатологии. Сейчас активно распространяется поверхностный поп-буддизм, это такие неоспиритуалистские подделки, которым через брошюры и Интернет обучают массы. Настоящий буддизм, насколько я понимаю, связан с глубинами народной культуры. Надо жить в традиции.

Я думаю, что ценность почвы, традиций и космополитическая интеграция в глобальное сообщество находятся в непримиримом противоречии. Поп-глобализация традиционных конфессий лишь подрывает их содержание и уничтожает их суть. Даже тот же ваххабизм, о котором мы говорили, — это на самом деле ересь в рамках ислама, которая игнорирует традиционные особенности исламской культуры, исламской цивилизации. Это поп-ислам, фиктивная злостная ересь, которая имеет еще и террористическое измерение. В отличие от буддизма, который даже в такой поп-версии является, скорее, более легким занятием для молодежи.

Я думаю, что процесс глобализации является абсолютно деструктивным со всех точек зрения. Другое дело, что, просто закрывшись, ему нельзя противостоять. Глобализация идет, и надо как-то с ней взаимодействовать. Убежать и скрыться от нее невозможно, на то она и глобализация. Поэтому для того, чтобы ее преодолеть, необходимо выдвинуть серьезный и внушительный контрпроект. Консерватизм как раз и является таким планом, вектором, направлением для разработки данного проекта. Нельзя сидеть на двух стульях. Либо мы консерваторы (и для нас истинными являются вечные, религиозные, духовные, этнические, народные, государственные, семейные ценности), либо мы глобалисты. Тогда мы космополиты, тогда мы меняем нашу гендерную идентичность, тогда мы ищем новые формы наслаждений и перемещаемся по миру в поисках, где получше заработать и комфортнее повеселиться.

БИБЛИОГРАФИЯ

Базовые учебники социологии

Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 1. Теория и методология. М., 2003.

Кравченко А.И. Социология: Хрестоматия. М., 1997.

Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. М., 1994.

Основные монографии автора

Дугин А.Г. Пути Абсолюта. М., 1991.

Дугин А.Г. Гиперборейская теория. М., 1993.

Дугин А.Г. Конспирология. М., 1993; 2-е изд., доп. М., 2005.

Дугин А.Г. Консервативная Революция. М., 1994.

Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М., 1996.

Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 1996; 2-е изд. 1997; 3-е изд., доп., 1998; 4-е изд., доп., 2000.

Дугин А.Г. Метафизика Благой Вести. М., 1996.

Дугин А.Г. Тамплиеры Пролетариата. М., 1997.

Дугин А.Г. (под ред.). Конец Света (альманах по истории религий). М., 1997.

Дугин А.Г. (под ред.). Наш Путь. М., 1998.

Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М., 1999.

Дугин А.Г. Русская Вещь: В 2 т. М., 2001.

Дугин А.Г. Евразийский Путь. М., 2002.

Дугин А.Г. (под ред.). Евразийский Взгляд. М., 2002.

Дугин А.Г. Философия традиционализма. М., 2002.

Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2002.

Дугин А.Г. (под ред.). Основы Евразийства. М., 2002.

Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004.

Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2004.

Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М., 2004.

Дугин А.Г. Философия войны. М., 2004.

Дугин А.Г. Поп-культура и знаки времени. СПб., 2005.

Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007.
Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб., 2007.
Дугин А.Г. Знаки великого Норда. М., 2008.
Дугин А.Г. Радикальный субъект и его дубль. М., 2009.
Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М., 2009.
Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. СПб., 2009.
Дугин А.Г. Социология воображения. М., 2010.
Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М., 2010.
Дугин А.Г. Конец экономики. СПб., 2010.

Библиография на русском языке

Августин. О граде Божьем. М., 2000.
Агурский М. Идеология национал-большевизма. М., 2003.
Ажаев В. Чечня. Суфийские братства и ваххабиты // Азия и Африка сегодня. 1998. № 6.
Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2000.
Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
Арон Р. Мнимый марксизм. М., 1993.
Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992.
Афанасьев А. Народные русские легенды. М., 1990.
Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
Батай Ж. Проклятая доля. М.: Гнозис; Логос, 2003.
Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура Ренессанса и Средневековья. М., 1965.
Башляр Г. Вода и грезы. М., 1998.
Башляр Г. Грезы о воздухе. М., 1999.
Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987.
Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
Бенуа А. де. Хайек: Закон джунглей // Элементы. 1994. № 5.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Бердяев Н.А. Новое средневековье. М., 1992.
Берк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993.
Бехтерев В.М. Объективная психология. М., 1991.
Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1997.
Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.
Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2004.
Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. М., 2006.
Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006.
Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. Минск, 1996.

Бодрийяр Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий // Элементы. 1998. № 9.

Бор Н. Квантовая механика и физическая реальность // Избр. науч. труды. М., 1971.

Бродель Ф. Структуры повседневности. М., 1986.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. М.: Весь мир, 2007.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

Бромлей Ю. Очерки истории этносов. М., 1983.

Бромлей Ю. Современные проблемы этнографии. М., 1981.

Бубер М. Хасидские предания. Первые наставники. М., 1997.

Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993.

Булгаков С.Н. Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993.

Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994.

Бурдье П. Социология политики. М., 1993.

Буркхардт Т. Сакральное искусство Востока и Запада. М., 1999.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004.

Валлерстайн И. После либерализма. М.: УРСС, 2003.

Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.

Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1.

Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927.

Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Берлин, 1934.

Вивенза Ж.М. От формальной доминации капитала к его реальной доминации // Элементы. 1995. № 7.

Вико Дж. Собрание сочинений. М., 1986.

Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. СПб., 1908.

Виноградов В. Стиль Пушкина. М., 1941.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2007.

Гаджиев К. Введение в геополитику. М., 2003.

Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 3 т. М., 1986.

Гезель С. Естественный экономический порядок. М., 2005.

Генон Р. Восток и Запад. М., 2005.

Генон Р. Духовное владычество и мирская власть // Волшебная гора. 1997–1998. № 6–7.

Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991.

Генон Р. Символы священной науки. М., 1997.

Генон Р. Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М., 2003.

Генон Р. Человек и его осуществление согласно Веданте. Восточная метафизика. М., 2004.

Гоббс Т. Избр. произв.: В 2 т. М., 1964.

Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М.: Самотека, 2007.

Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. М., 1991.

Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003.

Гройс Б. Да, апокалипсис, да, сейчас // Вопросы философии. 1993. № 3.

Гумилев Л. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.

Гумилев Л. О термине «этнос» // Доклады отделений комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. 1967.

Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

Гумилев Л. От Руси к России. М., 2003.

Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895.

Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени: Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1994.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука М.: Сагуна, 1994.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. СПб.: Владимир Даль, 2004.

Гуссерль Э. Идея феноменологии. М.: Гуманитарная академия, 2008.

Данилевский Н. Россия и Европа. М., 1991.

Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. М., 2009.

Дебор Ги. Общество Спектакля. М., 2000.

Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. Минск, 1996.

Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.

Делез Ж. Ницше и философия. М., 2003.

Джемаль Г.Д. Революция пророков. М., 2003.

Джемс У. Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992.

Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М., 1985.

Джентиле Дж. Введение в философию. СПб., 2000.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб.: Евразия, 2001.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2006.

Зеньковский С. Русское старообрядчество. М., 2006.

Зиммель Г. Избранное: В 2 т. М.: Юристъ, 1996.

Зомбарт В. Буржуа. М., 1994.

Зомбарт В. Соч.: В 3 т. СПб., 2008.

Иванов Вяч. В. Бинарные структуры в семиотических системах // Системные исследования. Ежегодник. 1972.

Иванов В.В. Категория времени в искусстве и культуре XX века. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.

Иванов В.В., Лекомцев Ю.К. Проблемы структурной типологии. Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965.

Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Карамзин Н. История государства Российского. Ростов н/Д, 1990.

Карпов П. Пламень. М., 2004.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Клюев Н. Словесное древо. М., 2003.

Кожев А. Атеизм. М., 2007.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие вслове. СПб., 2000.

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

Кон Н. В погоне за тысячелетием. Лондон, 1972.

Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

Конт О. Дух позитивной философии. Ростов н/Д: Феникс, 2003.

Корбен А. Драматический элемент в гностических космогониях // Волшебная гора. 2007. № 13.

Корбен А. Световой человек в иранском суфизме // Волшебная гора. 2002. № 8.

Корбен А. Свет Славы и Святой Грааль. Волшебная гора, 2006.

Корбен А. Социальные эманации // Ароматы и запахи в культуре. М.: НЛО, 2003.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.

Кузанский Н. Соч.: В 2 т. М., 1979–1980.

Кузнецов В.А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.

Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора: Нартский эпос. М., 1985.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Макет, 1995.

Лебон Г. Психология социализма. М.: Макет, 1995.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

Леви-Стросс К. Мифологики. Сырое и приготовленное. М.; СПб., 1999.

Леви-Стросс К. Мифологики. Происхождение застольных обычаев. М.: Флюид, 2007.

Леви-Стросс К. Мифологики. Человек голый. М.: Флюид, 2007.

Леви-Стросс К. Путь масок. М.: Республика, 2001.

Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: АСТ, 1999.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.

Леонтьев К. Византизм и славянство. М., 1996.

Лиотар Ж.-Ф. Ситуация постмодерна. СПб., 1998.

Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005.

Лоренц К. Агрессия. М., 1994.

Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М., 1998.

Лосский В.Н. Догматическое богословие. М., 1991.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф–имя–культура // ТЗС. Т. 6. 1973.

Луман Н. Общество общества. М., 2005.

Лысенко Н. Военно-политическая история аланов. СПб., 2007.

Макиавелли Н. Избр. произв. М., 1982.

Мамлеев Ю. Шатуны. М., 2007.

Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995.

Маффесоли М. Околдованность мира, или Божественное социальное // Социо-Логос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991.

Мелентьева Н.В. Общая теория восстания Герда Бергфлета // Элементы. 1993. № 4.

Мелентьева Н.В. Социалисты филадельфийского обряда // Элементы. 1997. № 8.

Мелентьева Н.В. Фашизм как стиль // Элементы. 1994. № 5.

Мелетинский Е.М. Клод Леви-Строс и структурная типология мифа // Вопросы философии. 1970. № 7.

Мелетинский Е.М. Клод Леви-Строс. Только этнология? // Восточная литература. 1971. № 4.

Мелетинский Е.М. Мифологические теории XX века на Западе // Вопросы философии. 1971. № 7.

Мережковский Д. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990.

Михельс Р. Социология политических партий в условиях современной демократии. СПб., 1911.

Морено Дж. Театр спонтанности. Красноярск, 1993.

Морено Дж. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2001.

Морено Дж. Психодрама. М., 2001.

Моска Г. Правящий класс / Пер. с англ. // Социологические исследования. 1994. № 12.

Мосс М. Общества, обмен, личность. М., 1996.

Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература; РАН, 1996.

Мосс М. Социальные функции священного. Избр. произв. СПб., 2000.

Мулуд Н. Современный структурализм. М., 1973.

Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002.

Мюллер ван ден Брук А. Миф о вечной империи и Третий рейх. М.: Вече, 2009.

Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1996.

Нухаев Х. Ведено или Вашингтон. М., 2001.

Основы евразийства / Под ред. А. Дугина. М., 2002.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html

Панарин А.С. Политология. М., 2003.

Панарин А.С. Философия политики. М., 1996.

Парето В. Компендиум об общей социологии. М., 2008.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.

Парфри А. (под ред.). Аллах не любит Америку. М., 2003.

Платон. Соч.: В 3 т. М., 1968–1973.

Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. М., 2008.

Поздняков Э.А. Нация, национализм, национальные интересы. М., 1994.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1–2. М., 1992.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1986.

Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Лабиринт, 1998.

Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999.

Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.

Радин П. Трикстер. СПб.: Евразия, 1999.

Ратцель Ф. Народоведение: В 2 т. СПб., 1900–1901.

Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.

Розенберг А. Миф XX века. М., 1998.

Рэнд А. Апология капитализма. М.: НЛО, 2003.

Рэнд А. Концепция эгоизма. М.: Макет, 1995.

Савицкий П. Континент Евразия. М., 1999.

Самнер У. Протекционизм, или Теория происхождения богатства от непроизводительного труда. М.: Социум, 2006.

Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2004.

Сетевые войны. Угроза нового поколения: Сборник докладов. М., 2009.

Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 2003.

Сказания о нартах. М., 1978.

Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М., 1935.

Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003.

Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1906.

Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. СПб., 1908.

Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.

Сорокин П.А. Социология вчера, сегодня и завтра // Социологические исследования. 1999. № 7.

Сорокин П.А. Социология революции. М.: АСТ, 2008.

Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.

Сорокин П.А. Преступление и кара. Подвиг и награда. М.: Астрель, 2006.

Сорокин П.А. Социальная мобильность. М., 2005.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: Комкнига, 2006.

Тан-Богораз В.Г. Распространение культуры на земле. Основы этнографии. М., 1928.

Тард Г. Происхождение семьи и собственности. М.: УРСС, 2007.

Тард Г. Социальная логика. М., 1996.

Татищев В.Н. История Российская: В 7 т. Т. 2. М.; Л., 1963.

Теннис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002.

Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003.

Тишков В. О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3.

Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.

Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.; СПб., 1985.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000.

Тютчев Ф.И. Стихотворения. М., 2007.

Успенский Ф.И. История Византийской империи: В 6 т. М., 2002.

Устрялов Н. Национал-большевизм. М., 2003.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

Филиппов Л.И. Структурализм (Философские аспекты) // Буржуазная философия XX века. М., 1974.

Филиппов Л.И. Структурализм и фрейдизм // Вопросы философии. 1976. № 3.

Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1990.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.

Фрейд З. Я и Оно. Л., 1924.

Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.

Фромм Э. Психоанализ и культура. М., 1995.

Фроянов И.Я. Драма Русской Истории. СПб., 2007.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980.

Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос. 1991. № 1.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2007.

Фукуяма Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2007.

Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI в. М., 2006.

Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.

Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

Хайдеггер М. О существе понятия φύσις в «Физике» Аристотеля. М., 1995.

Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991.

Хайдеггер М. Статьи и работы разных лет. М.: Гнозис, 1993.

Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1997.

Хайдеггер М. Что это такое — философия? Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992.

Хайдеггер М. Положение об основании. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ; Алтейя, 1999.

Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997.

Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.

Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб.: Академический Проект, 2003.

Хайдеггер М. Ницше. Т. 1–2. СПб.: Владимир Даль, 2006–2007.

Хайдеггер М. Ницше и пустота. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006.

Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.

Хайдеггер М. Парменид: [Лекции 1942–1943 гг.]. СПб.: Владимир Даль, 2009.

Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Академический Проект, 2007.

Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический Проект, 2007.

Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1999.

Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке. М., 2009.

Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переделка миропорядка // Pro et Contra. М., 1997.

Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингисхан и монголосфера. М., 1999.

Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.

Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.

Хейзинга Й. Homo Ludens: Опыт определения игрового элемента культуры. М., 1992.

Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.

Хомский Н. Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок. М., 2002.

Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа. М., 2006.

Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008.

Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

Шмитт К. Диктатура от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005.

Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. М., 2006.

Шмитт К. Новый номос земли // Элементы. 1993. № 3.

Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом // Элементы. 1997. № 8.

Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.

Шмитт К. Политический романтизм. М., 2006.

Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1.

Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1.

Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. Иерусалим, 1989.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М., 1993. Т. 1, 2.

Шпанн О. Философия истории. СПб., 2005.

Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002.

Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. М., 1927.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия. Л., 1936.

Штирнер М. Единственный и его собственность. СПб.: Азбука, 2001.

Штомпка П. Много социологий для одного мира // Социологические исследования. 1991. № 2.

Штраусс Л. Что такое политическая философия? // Зарубежная политическая мысль XX в. М., 1997.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.

Шуон Ф. Очевидность и тайна. М., 2007.

Эвола Ю. Люди и руины; Критика фашизма: Взгляд справа. М., 2007.

Эвола Ю. Метафизика пола. М., 1996.

Эвола Ю. Мистерия Грааля // Милый Ангел. 1990. № 1.

Эвола Ю. Оседлать тигра. СПб., 2005.

Эвола Ю. Пришествие «пятого сословия» // Элементы. 1994. № 5.

Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. СПб., 2005.

Эвола Ю. Фашизм: критика справа. М., 2005.

Эвола Ю. Языческий империализм. М., 1994.

Эйзенштадт М. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1998.

Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2005.

Элиаде М. Залмоксис, исчезнувший бог // Бронзовый век. 1998. № 22.

Элиаде М. История веры и религиозных идей. М., 2001.

Элиаде М. Йога: бессмертие и свобода. СПб., 2004.

Элиаде М. Король и коронация // Элементы. 1996. № 8.

Элиаде М. Космическое обновление // Дугин А. (ред.). Конец света. М.: Арктогея, 1998.

Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000.

Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 2000.

Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. Киев, 2002.

Элиаде М. Религии Австралии. СПб., 1998.

Элиаде М. Священное и мирское. М., 1995.

Элиаде М. Священные тексты народов мира. М., 1998.

Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований. М.; СПб., 1997.

Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М., 2002.

Элиаде М. Трактат по истории религий: В 2 т. СПб., 2000.

Элиаде М. Шаманизм. Киев, 1998.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 2009.

Энциклопедия постмодернизма / Сост. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Минск, 2001.

Эразм Роттердамский. Похвала глупости. М., 1991.

Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998.

Юдин Ю.И. Русская бытовая сказка. М.: Академия, 1998.

Юнг К.Г. AION. Исследование феноменологии самости. М., 1997.

Юнг К.Г. Mysterium coniunctions. М.; Киев, 1997.

Юнг К.Г. Алхимия снов. СПб., 1997.

Юнг К.Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М., 1997.

Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1987.

Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М., 1998.

Юнг К.Г. Божественный ребенок. М., 1997.

Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994.

Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев, 1996.

Юнг К.Г. Дух Меркурия. М., 1996.

Юнг К.Г. О современных мифах. М., 1994.

Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. СПб., 2002.

Юнг К.Г. Психологические типы. СПб., 1996.

Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994.

Юнг К.Г. Психология и алхимия. М., 1997.

Юнг К.Г. Синхронистичность. М., 1997.

Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996.

Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Киев, 1995.

Юнг К.Г. Человек и его символы. СПб., 1996.

Юнгер Э. Рабочий и гештальт. М.: Наука, 2002.

Юнгер Э. Националистическая революция. М.: Скименъ, 2008.

Якобсон Р.О. Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии / VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. 5. М., 1970.

Библиография на иностранных языках

Adam B. Time in Social Theory. Philadelphia: Temple University Press, 1990.

Apocalypse Culture edited by Adam Parfrey. Los Angeles, 1988.

Bachelard G. L'Air et les songes: essai sur l'imagination du mouvement. J. Corti, 1943.

Bachelard G. L'Eau et les rêves: essai sur l'imagination de la matière. J. Corti, 1942.

Bachelard G. Le nouvel esprit scientifique. P., 1934.

Bachelard G. La Psychanalyse du feu. Gallimard, 1949.

Bachelard G. La Terre et les rêveries de la volonté: essai sur l'imagination de la matière. J. Corti, 1947.

Bachelard G. La Terre et les rêveries du repos: essai sur les images de l'intimité. J. Corti, 1948.

Bachelard G. La Poétique de l'espace. PUF, 1957.

Bachelard G. La Poétique de la rêverie. PUF, 1960.

Bachofen J. J. DasMutterrecht: eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur. Stuttgart, 1861.

Bachofen J.J. Mutterrecht und Urreligion. Stuttgart, 1927.

Barkun M. A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America. Los Angeles, 2003.

Bastide R. Ethnohistoire du nègre brésilien. P.: Bastidiana, 1993.

Bastide R. Les Amériques noires. P.: Éditions L'Harmattan, 1996.

Bastide R. Les Religions africaines au Brésil. P.: Presses universitaires de France, 1995.

Bastide R. O Candombé da Bahia. Sao Paolo: Companhia das Letras, réédité en 2001.

Bastide R. Poètes et Dieux. Études afro-brésiliennes. P.: Éditions L'Harmattan, 2002.

Beggs D. Postliberal Theory // Ethical Theory and Moral Practice. V. 12. No. 3. Springer Netherlands. 2008.

Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y., 1965.

Bergmann W. The Problem of Time in Sociology // Time & Society. Vol. 1. No. 1. P. 81–134 (1992).

Bonaparte M. Chronos, Eros, Thanatos. P., 1952.

Boulainvilliers Henry de Histoire de l'anciein gouvernement de la France. T. 1–3. La Haye; Amst., 1727.

Braudel F. Le Temps du Monde, Armand. Colin. T. III. 1979.

Bultmann R. Kerygma und Mythos. Bd. 1–5. Hrsg. von H.-W. Bartsch. Hamburg, 1948–55.

Caillos R. Le mythe et l'homme. Gallimard, 1938.

Clark G. Space, Time and Man. A Prehistorian's View. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Cooper R. Corporate Treasury and Cash Management. Palgrave Macmillan, 2004.

Corbin H. Le paradoxe du monothéisme. P.: l'Herne, 1981.

Corbin H. Temps cyclique et gnose ismaélienne. P., 1982.

Corbin H. Face de Dieu, face de l'homme. P.: Flammarion, 1983.

Corbin H. L'Alchimie comme art hiératique. P.: L'Herne, 1986.

Corbin H. Philosophie iranienne et philosophie comparée. P.: Buchet/ Chastel, 1979.

Corbin H. Corps spirituel et Terre céleste: de L'Iran mazdéen à l'Iran shî'ite. 2e éd. entièrement révisée. P.: Buchet/Chastel, 1979.

Corbin H. Histoire de la philosophie islamique. P.: Gallimard, 1964.

Corbin H. En Islam iranien: aspects spirituels et philosophiques. 2e éd. P.: Gallimard, 1978. 4 vol.

Corbin H. L'Imagination créatrice dans le soufisme d'Ibn'Arabî. 2e éd. P.: Flammarion, 1977.

Corbin H. Temple et contemplation. P.: Flammarion, 1981.

Corbin H. L'homme de lumière dans le soufisme iranien. 2e éd. P.: Éditions «Présence», 1971.
Deraism M. Eve dans l'humanité, articles et conférences de Maria Deraismes, Préface d'Yvette Roudy. Angoulême, 2008.
Destutt de Tracy A. Elements d'ideologie: ideologie proprement dite. P., 1995.
Dumezil G. Heur et malheur du guerrier: aspects mythiques de la fonction guerrière chez les Indo-Européens. Flammarion, 1996.
Dumezil G. Les Dieux des Indo-europeens. P., 1952.
Dumezil G. Loki. P.: Flammarion, 1995.
Dumezil G. Mythe et épopée. I, II, III. P., 1995.
Dumezil G. Esquisses de mythologie: Apollon sonore — La Courtisane et les seigneurs colorés — L'Oubli de l'homme et l'honneur des dieux — Le Roman des jumeaux, Collection Quarto. Gallimard, 2003.
Durand G. Beaux-arts et archétypes. La religion de l'art. P.: PUF, 1989.
Durand G. Champs de l'imaginaire. Grenoble: ELLUG, 1996.
Durand G. Figures mythiques et visages de l'oeuvre: de la mythocritique à la mythanalyse. P.: Dunod, 1992.
Durand G. L'imaginaire. Essai sur les sciences et la philosophie de l'image. P.: Hatier (Optiques), 1994.
Durand G. L'imagination symbolique. P.: PUF, 1964.
Durand G. Introduction à la mythodologie. P.: Albin Michel, 1996.
Durand G. La Foi du cordonnier. P.: Denoël, 1984.
Durand G. L'Âme tigrée. P.: Denoël, 1980.
Durand G. Le Décor mythique de la Chartreuse de Parme. P.: José Corti, 1961.
Durand G. Les Mythes fondateurs de la franc-maçonnerie. P.: Dervy, 2002.
Durand G. Sciences de l'homme et tradition. Le nouvel esprit anthropologique. P.: Albin Michel, 1975.
Durand G. Les Structures anthropologiques de l'imaginaire. P., 1960.
Durand Y. Une technique d'étude de l'imaginaire. P.: L'Harmattan, 2005.
Durkheim E. Les formes e elementaries de la vie religieuse. P., 1960.
Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. N. Y.: Free Press, 1965.
Eliade M. L'Epreuve du Labyrinthe. P., 2006.
Everett D. Cultural Constraints on Grammar and Cognition in Pirahã // Current Anthropology. Vol. 46. Number 4. August–October. 2005.
Evola J. Cavalcare la tigre. Milano: Vanni Scheiwiller, 1961.
Evola J. La dottrina del risveglio. Milano, 1965.
Evola J. L'arco e la clava. Roma, 1995.
Evola J. La Rivolta contro il mondo moderno. Roma, 1998.

Evola J. La tradizione ermetica. Roma, 1971.
Evola J. L'imperialismo pagano. Bari, 1924.
Evola J. Maschera e volto dello spiritualismo contemporaneo. Roma, 1971.
Evola J. Metafisica del sesso. Roma, 1994.
Evola J. Mistero del Graal. Roma, 1994.
Evola J. Orientazione. Bari, 1956.
Evola J. Rivolta contro il mondo moderno. Milano: Hoepli, 1934.
Evola J. Scritti sulla massoneria. Roma, 1984.
Evola J. Teoria dell'Individuo assoluto. Roma, 1974.
Evola J. Yoga della potenza. Roma, 1995.
Franck G. How time passes. On conceiving time as a process // The Nature of Time: Geometry, Physics and Perception, ed. by R. Buccheri, M. Saniga and W.M. Stuckey. Dodrecht: Kluwer, 2003.
Friedman J. The Past in the Future: History and the Politics of History. American Anthropologist. 94(4). 1992.
Frobenius L. Die Geheimbünde Afrikas. Hamburg, 1894.
Frobenius L. Weltgeschichte des Krieges. Hannover, 1903.
Frobenius L. Unter den unsträflichen Athiopen. Berlin, 1913.
Frobenius L. Paideuma. Münich, 1921.
Frobenius L. Dokumente zur Kulturphysiognomik. Vom Kulturreich des Festlandes. Berlin, 1923.
Frobenius L. Erythräa. Länder und Zeiten des heiligen Königsmordes. Berlin, 1931.
Frobenius L. Kulturgeschichte Afrikas. Zürich, 1933.
Gell A. The Anthropology of Time.' Cultural Construction of Temporal Maps and Images. Oxford/ Providence: Berg, 1992.
Gentile G. Introduzione alia filosofia. Firenze: Sansoni, 1952.
Gentile G. La riforma della dialettica hegeliana. Firenze: Sansoni, 1975.
Gentile G. Che cosa c il fascismo: discorsi e pole-miche. Firenze: Vallecchi, 1925.
Gide A. Le Prométée mal enchainé. P., 1899.
Giddens A. Central Problems in Social Theory. L.: Macmillan, 1979.
Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
Goody J. Time: Social Organization [1968] // D.L.Sills (ed.). International Encyclopedia of Social Scences 16. N. Y.: Macmillan, 1991.
Gosden C. Social Being and Time. Oxford: Blackwell, 1994.
Guenon R. Apercus sur l'Initiation. P., 1985.
Guenon R. Autorite spirituelle et pouvoir temporel. P., 1976.
Guenon R. Lés Etudes Sur La Franc-Maçonnerie Et Le Compagnonnage. T. 1–2. P., 1999.
Guenon R. L'esoterisme de Dante. P., 1925.
Guenon R. Formes traditionnelles et cycles cosmiques. P., 1970.

Guenon R. Introduction generale a l'etude des doctrines hindoues. P., 1964.
Guenon R. La Franc-Maconnerie et le Compannonage. P., 1975.
Guenon R. La Grande Triade. P., 1995.
Guenon R. L'Homme et son devenir selon le Vedanta. P., 1974.
Guenon R. Le Regne de la Quantite et les Signes des Temps. P., 1970.
Guenon R. Le roi du monde. P., 1973.
Guenon R. Le Symbolisme de la Croix. P., 1996.
Guenon R. Les etats multiples de l'etre. P., 1984.
Guenon R. Les Principes du Calcul Infinitesimal. P., 1973.
Guenon R. Melanges. P., 1976.
Guenon R. Orient et Occident. P., 1976.
Guenon R. Symboles fondamentaux de la Science sacree. P., 1962.
Gumplowitz L. Der Rassenkampf: Sociologische Untersuchungen. Innsbruck, 1883.
Gurvitch G. The Spectrum of Social Time. Dordrecht: Reidel, 1964.
Gurvitch G. Traite de sociologie. P.: PUF, 1960.
Gurvitch G. Dialectique et sociologie. P., 1962.
Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century, 1985.
Hastrup K. Presenting the Past. Reflections on Myth and History. Folk 29. 1987.
Heidegger M. Sein und Zeit. Tubingen, 2006.
Hill J.D. Introduction: Myth and History // J.D. Hill (ed.). Rethinking history and myth: indigenous South American perspectives on the past. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1988.
Holtorf C.J. Towards a Chronology of Megaliths: Understanding Monumental Time and Cultural Memory // Journal of European Archaeology. 1996. № 4.
Howe L.E.A. The social determination of knowledge: Maurice Bloch and Balinese time. Man (N.S.) 16. 1981.
Hughes D.O., Trautmann T.R. (eds.). Time. Histories and Ethnologies. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.
Hugo V. La Fin de Satan. P., 1886.
Husserl E. Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins, ed. R. Bohm. The Hague: M. Nijhoff, 1905.
Jenkins G. Between Fact and Fantasy: Turkey's Ergenekon Investigation. SRP.: Washington, 2009.
Jonker G. The Topography of Remembrance. The Dead, Tradition and Collective Memory in Mesopotamia. Leiden etc.: Brill, 1995.
Jung E.J. Die Herrschaft der Minderwertigen. Berlin, 1930.
Karlsson H. (ed.). It's about Time. The Concept of Time in Archaeology. Göteborg: Bricoleur Press, 2000.
Klages L. Der Geist als Widersacher der Seele. Berlin, 1929.
Lagarde P.A. de. Ueber das Verhältniss des deutschen Staates zu Theologie. Kirche und Religion. Gott., 1873.

Leenhardt M. Do Kamo la personne et le mythe dans le monde melanesien. P., 1947.
Levine R. A geography of time. N. Y.: Basic Books, 1997.
Levine R., Wolff E. Social time: The heartbeat of culture // E. Angeloni (ed.). Annual editions in anthropology 88/89. Guilford, CT: Dushkin, 1988.
Levi-Strauss C. La pensee sauvage. P., 1962.
Levi-Strauss C. Les Structures élémentaires de la parenté. P., 1949.
Lévy B.-H. L'idéologie française. P., 1981.
Linton R. The study of man. N. Y.; L.: D. Appleton-Century Company, incorporated, 1936.
Mackinder J.H. The Geographical Pivot of History, Geographical Journal. L., 1904.
Mackinder J.H. The Round Planet and the winning of the Peace. 1943.
Martino E. de. Il mondo magico. Prolegomeni a una storia del magismo. Torino, 1997.
Maffesoli M. Apocalypse. P., 2009.
Maffesoli M. La Conquête du présent. Pour une sociologie de la vie quotidienne. P., 1979.
Maffesoli M. La Dynamique sociale. La société conflictuelle. Thèse d'Etat, Lille, Service des publications des theses, 1981.
Maffesoli M. (dir.). La Galaxie de l'imaginaire. Dérive autour de l'œuvre de Gilbert Durand. P.: Berg international, 1980.
Maffesoli M. Le Temps des tribus. P., 1988.
Maffesoli M. L'Ombre de Dionysos. P., 1982.
Maistre J. de. Les Soirées de Saint-Pétersbourg. P.: Guy Trédaniel — éditions de la Maisnie, 1991.
Mead G.H. The Individual and the Social Self: Unpublished Essays. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. N. Y., 1935.
Mills C. Wright. Sociological Imagination. N. Y.: Oxford University Press, 1959.
Mittag A. Zeitkonzepte in China // K.E. Müller and J. Rüsen (eds.). Historische Sinnbildung. Problemstellungen, Zeitkonzepte, Wahrnehmungshorizonte, Darstellungsstrategien. Reinbek: Rowohlt, 1997.
Moore W. E. Man, Time, and Society. N. Y.: Wiley, 1963.
Mosca G. Element did sienna political. Rome, 1895.
Müller K.E. Zeitkonzepte in traditionellen Kulturen // K.E. Müller and J. Rüsen (eds.). Historische Sinnbildung. Problemstellungen, Zeitkonzepte, Wahrnehmungshorizonte, Darstellungsstrategien. Reinbek: Rowohlt, 1997.
Munn N.D. The cultural anthropology of time: a critical essay. Annual Review of Anthropology 21. 1992.

Newmann D. Sociology: Exploring the Architecture of Everyday Life Thousand Oaks. CA: Pine Forge Press, 2006.
Nisbet R. Social Change and History. N. Y.: Oxford University Press, 1969.
Nisbet R. History of the Idea of Progress. N. Y.: Basic Books, 1980.
Parsons T. Toward a General Theory of Action. N. Y.: Harper & Row, 1951.
Parsons T. The Social System. Glencoe: Free Press, 1964.
Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966.
Parsons T. The System of Modern Societies. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1971.
Pauli Wolfgang und C.G. Jung — Ein Briefwechsel 1932–1958. Berlin: Springer Verlag, 1992.
Perincek M. Ataturk'un Sovyetler'le Gorusmeleri. Kainak. Istanbul, 2005.
Piganiol A. Essai sur les origines de Rome. P., 1917.
Radin P. Monotheism among Primitive Peoples. L., 1924.
Radin P. Social Anthropology. N. Y., 1932.
Radin P. The World of Primitive Man. The Life of Science Library, no. 26. N. Y., 1953.
Rahn O. Lucifer's court. Rochester, 2008.
Rand A.A. Los Angeles: Pamphleteers, Inc., 1946.
Rand A. For the New Intellectual: The Philosophy of Ayn Rand. N. Y.: New American Library, 1961.
Rand A. The Virtue of Selfishness: A New Concept of Egoism. N. Y.: New American Library, 1964.
Rand A. The Voice of Reason: Essays in Objectivist Thought. N. Y.: Meridian, 1990.
Rand A. We The Living. N. Y.: Macmillan, 1936.
Rappaport J. The Politics of Memory: Native historical interpretation in the Colombian Andes. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
Ratzel K. Anthropogeographie. Stuttg., 1882–1891. Bd. 1–2.
Ratzel K. Politische Geographic. Munch.; Lpz., 1897.
Ratzel K. Raum und Zeit in Geographie und Geologie: Naturphilosophische Betrachtungen/ Hrsg. v. P. Barth. Lpz., 1907.
RE/Search number 10: Incredibly Strange Films RE/Search Publications, 1986, RE/Search number 14: Incredibly Strange Music Vol. I. RE/Search Publications, 1993, и т. д.
Riese B. Zeitstrukturen in Mesoamerika // K.E. Müller and J. Rüsen (eds.). Historische Sinnbildung. Problemstellungen, Zeitkonzepte, Wahrnehmungshorizonte, Darstellungsstrategien. Reinbek: Rowohlt, 1997.
Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L., 1992.
Schmitt C. Legalitat und Legitimitat. Munich, 1932.

Scholem G. Alchemy and Kabbala. Connecticut: Spring Publications, 2006.
Scholem G. Jewish Gnosticism, Merkabah Mysticism, and Talmudic Tradition. N. Y.: JTS Press, 1965.
Scholem G. Kabbala. N. Y.: Dorset Press, 1974.
Scholem G. Major Trends in Jewish Mysticism. N. Y.: Schocken Books, 1941.
Scholem G. The Messianic Idea in Judaism and Other Essays. N. Y.: Schocken Books, 1971.
Scholem G. On the Kabbalah and its Symbolism. N. Y.: Schocken Books, 1969.
Scholem G. On the Possibility of Jewish Mysticism in Our Time. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1997.
Scholem G. The Origins of Kabbala. Princeton: Princeton University Press, 1992.
Scholem G. Sabbatei Sevi: The Mystical Messiah 1626–1676. Princeton: Princeton University Press, 1973.
Schutz A. The Phenomenology of the Social World. Evanston: Northwestern University Press, 1967.
Schutz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Wien, 1932.
Shakespeare W. King Henry IV. Part 2. Kindle Edition, 2007.
Shanks M., Tilley Ch. Social Theory and Archaeology. Cambridge: Polity, 1987.
Shils E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
Simmel G. Philosophie des Geldes. Berlin, 1900.
Skinner B. Was ist Behaviorismus? Reinbek bei Hamburg: Rohwolt, 1978.
Sohravardi Shihaboddin Yahya. L'Archange empourpre. P., 1976.
Sombart W. Deutscher Sozialismus. Charlottenburg, 1934.
Sorokin P.A., Merton R.K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology, 42. 1937.
Spykman N. Geography of peace. Harcourt Brace and Company, 1944.
Spykman N. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. N. Y.: Harcourt, Brace and Company, 1942.
Spykman N. The Social Theory of Georg Simmel. Chicago: University of Chicago Press, 1925.
Sztompka P. The Sociology of Social Change. Blackwell: Oxford and Cambridge, 1993.
Sztompka P. System and Function. N. Y.: Academic Press, 1974.
Time: A social construction? // Zeit und Geschichte/Time and History, Beiträge der österreichischen Ludwig Wittgenstein Gesellschaft / Contributions of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society, Bd. /vol. XIII, hg. von / ed. by Friedrich Stadler & Michael Stöltzner, Kirchberg am Wechsel: Österreichische Ludwig Wittgenstein Gesellschaft, 2005.

Tiryakian E.A. Collective effervescence, social change and charism: Durkheim, Weber and 1989 // International Sociology. Vol. 10. 1995. No. 3. P. 269–281.

Tiryakian E.A. A Model of Social Change and Its Lead Indicators // The Study of Total Societies edited by S. Klausner. Garden City. N.Y.: Anchor, 1967.

Thomas J. Time, Culture and Identity. An interpretive archaeology. L.: Routledge, 1996.

Toulmin S., Goodfield J. The Discovery of Time. L.: Hutchinson, 1965.

Turner T. Ethno-Ethnohistory: Myth and History in Native South American Representation of Contact with Western Society // J.D. Hill (ed.). Rethinking history and myth: indigenous South American perspectives on the past. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1988.

Volmat R. L'art psychopatologique. P., 1956.

Walras M.-E.-L. Elements of Pure Economics, or the theory of social wealth. L., 1954.

Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. Tübingen, 1976.

Wendorff R. Zeit und Kultur: Geschichte des Zeitbewußtseins in Europa. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985.

Whorf B. Language, thought and reality. Cambridge, MA: MIT Press, 1956.

Wirth H. Der Aufgang der Menschheit. Jena, 1928.

Wirth H. Die Heilige Urschrift der Menschheit. Leipzig, 1936.

Zerubavel E. Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

Zerubavel E. The seven day circle: The history and meaning of the week. N. Y.: Free Press, 1985.

Zerubavel E. The Seven Day Circle: The History and Meaning of the Week. N. Y.: Free Press, 1985.

Научное издание

Дугин Александр Гельевич

ЛОГОС И МИФОС
Социология глубин

Компьютерная верстка
А.М. Болдин

Корректор
Т.Ю. Коновалова

ООО «Академический Проект»
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
Санитарно-эпидемиологическое заключение
Федеральной службы по надзору в сфере защиты
прав потребителей и благополучия человека
№ 77.99.60.953.Д.005771.05.09 от 26.05.09.

ООО «Трикста»
111399, Москва, ул. Мартеновская, д. 3

По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Трикста»:
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
Тел.: (495) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088
E-mail: info@aprogect.ru
Интернет-магазин: www.aprogect.ru

Подписано в печать 26.04.10.
Формат 84x108/32. Гарнитура Антиква. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,11. Тираж 1500 экз.
Заказ № 2892.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru; e-mail: pto@gipp.kirov.ru

Издательство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
предлагает:

Дугин А.Г.

СОЦИОЛОГИЯ ВООБРАЖЕНИЯ. ВВЕДЕНИЕ В СТРУКТУРНУЮ СОЦИОЛОГИЮ

В пособии изложены основные принципы и методологии нового направления в социологии — «социологии глубин», основанной на структуралистском подходе к изучению общества и его проблем.

Издательство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
предлагает:

Свасьян К.А.

ПРОБЛЕМА СИМВОЛА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ (КРИТИКА И АНАЛИЗ)

В работе проводится сопоставление символа и смежных с ним категорий, а также анализ тождества и различия символа и образа.

Книга создана на основании спецкурса автора. Излагаются принципы «социологии глубин» (Ж. Дюран), основанные на изучении общества параллельно на двух «этажах» — на уровне рациональном («коллективное сознание» — Э. Дюркгейм) и на уровне иррациональном («коллективное бессознательное» — К.Г. Юнг). Описываются понятия «социального логоса» и «социального мифоса». Принципы «социологии глубин» применяются к изучению регионоведческих и социологических проблем Кавказа, а также для исследования российской идентичности и ее исторической трансформации в зависимости от перехода от одного типа общества к другому. Все разделы снабжены контрольными вопросами.

Исследования проведены с использованием методологии «социологии воображения», основанной на наложении друг на друга пластов «социального логоса» и «социальных мифов», что позволяет углубленно анализировать социальные процессы и закономерности современной России.

Автор: кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор социологического факультета МГУ, и.о. заведующего кафедрой Социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

